

БИТВА ЗА НОВОРОССИЮ

Михаил ФЁДОРОВ

ГЕРОИ СВО

**СИМВОЛЫ
РОССИЙСКОГО МУЖЕСТВА**

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 68.49(2Рос)23
Ф33

В книге использованы документы, представленные родственниками, однополчанами, учителями героев этой книги, фотографии и публикации в печати, Интернете, рассказы очевидцев.

Фёдоров, М.И.

Ф33 Герои СВО. Символы российского мужества / Михаил Фёдоров. — М. : Вече, 2023. — 432 с. — (Битва за Новороссию).

ISBN 978-5-4484-3915-5

Знак информационной продукции **12+**

Книга Михаила Фёдорова рассказывает о 13 российских военнослужащих, с честью сражавшихся и погибших в ходе Специальной военной операции на Украине. Это — Андрей Вакулин, Александр Крынин, Денис Михайлов, Владимир Фетисов, Сергей Вольнец, Алексей Калмыков, Павел Хмелев, Дмитрий Кузнецов, Дмитрий Митрофанов, Константин Вояжис, Алексей Ненахов, Георгий Евсенко, Канамат Боташев. Служившие в разных родах войск, в разных званиях, они защищали братский Донбасс и отдали свои жизни за нашу безопасность, за чистое небо над головой. Они герои — такие же, как их прадеды в годы Великой Отечественной войны.

УДК 355/359
ББК 68.49(2Рос)23

ISBN 978-5-4484-3915-5

© Фёдоров М.И., 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда игиловцев¹ наконец-то погнали из Сирии, у меня сердце немного успокоилось. Но это спокойствие длилось совсем недолго. Его перевернули события на Донбассе, где продолжались постоянные обстрелы живущих в городах и селах людей. Этих мирных жителей убивали отмороженные нацисты, привыкшие с портретами Бандеры скакать и орать: «Слава Украине!» Да какой Украине? Той, которую я знал, люблю, где тысячи раз бывал, откуда моя жена-киевлянка? Боже упаси! Этой ошельмованной, которой за счастье пойти брат на брата... Кровь и ужасы.. Стоны и крик детей... Нет уж...

И когда началась спецоперация, я пристально следил за разворачивающимися событиями. Что ж, не получилось сразу выгнать эту нацистскую нечисть с Донбасса, из украинских сел и городов, и теперь я постоянно и с нетерпением жду.. А боевые действия шли... Освободили Мелитополь, где я с семьей проводил на косе в Кирилловке лето... Херсонщину, где разворачивались бои другой Гражданской войны, когда белые дошли до Днепра, а потом их погнали конники Буденного, и им не удалось зацепиться в Крыму. Я об этом писал книгу «На полях Гражданской...» (вышла в издательстве «Вече»), и воспоминания о более чем столетней давности переплетались с нынешними боями: выходом наших к Днепру, освобождением Каховки и рывком в Николаевскую область. В Гражданскую белым глубоко за Днепр не удалось зайти... И теперь эти Орехов, Гуляйполе, тоже мешались в моем сознании. А Одесса — сколько раз я туда приплывал из Крыма в далекие 1970—1980-е, и об-

---

¹ ИГИЛ — террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

ратно, где жила одна из моих подружек из далекого гарнизонного детства (ее отец служил вместе с моим)... А сама Украина, которую столько раз пересекал вдоль и поперек... Она изнывала от засилья нацистов...

И каждый день шла борьба за Украину...

И радовался: освобождены Мариуполь... Херсон... Вся Луганщина... Святогорский монастырь...

И вместе с радостными поступали известия о гибели людей, благодаря которым эта радость свершалась.

Толчком к тому, что я стал собирать материал о ребятах, воевавших на Украине и героически сложивших там головы, послужило известие о гибели однокурсника моего сына, майора Андрея Вакулина. Я не мог себе позволить отсидеться дома, я был на его отпевании, похоронах, делил с родными и сослуживцами горечь утраты. Тогда я для себя решил: «Я напишу про этого мальчика...» (он мне и по возрасту как сын)... Маленькая деталь: поминки проходили в ресторане «Югославия», хозяином которого был серб, и когда он узнал, что поминают российского офицера, погибшего на Донбассе, он половину оплаты взял на себя, сказав: «Это мой вклад».

И серб поминал...

Время шло. Я встретил бывшего директора Михайловского кадетского корпуса Голомедова, и он мне рассказал о погибшем выпускнике корпуса, старшем лейтенанте Александре Крынине. И теперь собирался материал о кадете, ставшем офицером и сложившем голову под Харьковом.. Этого старшего лейтенанта слушались старшие офицеры, он выводил из окружения — и не вывел... И пока собирал материал и писал, переживал с родными: старшего лейтенанта Крынина представили к высшей награде, и что-то там застопорилось... И закончив писать книгу, узнаю: Крынину все-таки присвоили звание Героя России... Вместе с ним воевал прапорщик Денис Михайлов... И меня понесло на родину прапорщика, в Щигры, и там пополнилась будущая книга рассказами друзей, со-

служивцев. А его учительница сказала знаменательную фразу: «Ту победу, которую мы все ждем, он приблизил не на шаг, а на шажище!»

Я ездил... В Борисоглебске на мои просьбы откликнулись в бывшем летном училище, а ныне филиале Краснодарского летного, и я стал писать о летчиках Фетисове и Волынце, которые в свои молодые годы побеждали в конкурсах летчиков и без всяких сомнений полетели выполнять свой долг на Донбасс... Мне помогали в сборе материалов военкомы, учителя, сослуживцы, и я писал о танкисте Хмелеве, который бил нацистов в Изюмском районе; о заместителе командира танковой роты Кузнецове, уничтожившем вражеские ДРГ; о медбрате Митрофанове, который не мыслил себя без армии и вот, попав на Украину, погиб, вынося с поля боя раненого... О солдате с греческой фамилией Вояжис, тоже не пожелавшем отсидеться дома... О старшем лейтенанте Ненахове, сбившем вражеский самолет и погибшем через несколько дней...

Не смог пройти мимо судьбы генерала Боташева, который добровольцем поехал на Донбасс. Ему не повезло: после одной истории его отправили в отставку, но сердце его не могло спокойно наблюдать за происходящим в Донецке, Луганске, и он там сел за штурвал самолета. И погиб, как погиб Ряфат Хабибуллин, о котором я писал в книге «Герои Сирии. Символы российского мужества». Так получилось, игиловцы теснили сирийцев, и они запросили помощи. И облетывавший вертолет полковник Хабибуллин кинулся в бой: благодаря его атакам сирийцы остались целы, но он погиб. Вертолет сбили. Так же поступил и Боташев: он возвращался с боевого задания, наши запросили помощи, и он кинулся их выручать... Спас наших солдат, а сам погиб — самолет его сбили ракетой.

Окунаясь в судьбы этих ребят из разных уголков России, разных национальностей, разных званий, поехавших спасать своих соплеменников славян от нацистов, неволь-

но ловишь себя на мысли: а ведь они-то всегда и стояли на защите Руси...

И теперь стали...

И о них нельзя молчать, их нельзя забывать...

И я писал эту книгу со всем жаром своего сердца...

Конечно, что-то не дописано, ведь пишешь по ходу событий... Что-то еще узнаем, и об этом напишу я или кто-то другой...

Кого-то найдет награда, и мы порадуетесь...

Кому-то поможем получить заслуженное...

Тоже радость...

Книга не претендует на полноту описания судеб затронутых здесь людей. Эта книга — лишь малая толика той огромной книги Памяти, которая ждет своего часа, и ее напишут потомки, напишут о ребятах, которые после их дедов в Великую Отечественную повторно освобождали Украину от нацистов.

МАЙОР ВАКУЛИН

1

На Баках

Накануне, в понедельник, лило, лило, безбожно поло-
скало, гнуло порывами ветра деревья к земле, Воронеж со-
трясался от разрывов молний, и так — всю ночь напролет.
А утром во вторник город осветился пронзительным све-
том: солнце облило спрятавшиеся в аллеи помытые квар-
талы, предвещая какое-то событие.

У храма на Баках (так называлось кладбище на левом
берегу в Воронеже) собирались люди, среди которых было
много военных. Вот подошел строй курсантов, и лейтенант
что-то скомандовал, а потом поправлял на плечах у моло-
дых парней карабины. Тут же был и подполковник в зеле-
ной форме — местный райвоенком.

Вот к храму подъехал черный катафалк, и несколько
крепышей в белых рубашках вытащили отливавший лаком
гроб, пронесли в высоченные ворота церкви и установили на
тумбы в правом приделе.

Люди собрались вокруг. Рядом со мной присела сидя
женщина, мать покойного. Стояла в черном и вдова с маль-
чиком. По храму как рассыпались офицеры. У всех в руках
засверкали огоньки свечей.

Встали в ряд курсанты. В руках у одного из них алела
подушечка с двумя медалями.

А в гробу лежал майор в синем парадном кителе, с ши-
роким, умиротворенным лицом. У него на левой щеке к ви-
ску синела полоса, а лоб накрыла белая ленточка.

Вот повисшую тишину прервал голос священника, и по
храму полетело:

— Паки, паки, миром Господу помолимся...

— Господи, помилуй... — подхватывали голос батюшки женщины-певчие.

Батюшка:

— ...души новопреставленного воина Андрея... Смертию смерть поправ... Всякие согрешения, содеянные им словом или делом, или помышлением... Ныне и присно и во веки веков, аминь...

— ...Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя... — врывался хор.

— ...Помилуй, Боже... Милостью Твоей... Молимся об упокоении...

Закончили петь, и батюшка спросил:

— Где будете прощаться? Здесь или у могилы?

Ему ответили: и здесь и там.

Вытянулась вереница к усопшему.

Мать застыла над сыном, не в силах оторвать от него глаз.

Вдова держалась с сынишкой в стороне...

Подходили и останавливались родные...

Застывали сослуживцы...

Майор лежал, закрыв глаза, словно сам с собой беседовал. И никто не мог проникнуть в тайну его неслышного разговора. Можно было только догадываться о его мыслях. О женушке с сынком... Маме, отце... Донбассе, который спасал... Чечне, где воевал... Друзьях-товарищах... Скитаниях по гарнизонам... О дворе, где бегал мальчишкой... Или той девочке, которую впервые в жизни осмелился дернуть за косичку...

И какие мысли обуревали каждого, тоже оставалось загадкой. Сколько раз в эти минуты прозвучало имя майора: «Андрей... Андрей...»

Наступившую тишину прерывали разве что всхлипы и шипение свечей.

Вот мужчины в белых рубашках подхватили гроб, и он поплыл из храма на улицу, где его поглотил черный лимузин.

Кладбище разделила асфальтовая полоса. Катафалк тихо-тихо проехал до ее середины. Снова рядом вытянулся караул из курсантов. Протяжно зазвучала траурная музыка. И теперь — процессия: впереди курсант нес крест, а за ним брат майора — подушечку с медалями, а рядом майор, привезший Андрея, нес его портрет.

А за ними гроб несли курсанты. Военные никому не доверили последние метры пути пронести офицера.

Люди шли следом, проходя между оград, читая на памятниках знакомые, а большей частью незнакомые фамилии, и каждый думал о своем. И об Андрее...

Несли венки...

Замыкал процессию оркестр.

Майора ждал небольшой участок земли, где ему предстояло упокоиться навечно.

Вот процессия остановилась, гроб лег на подставки...

Траурная музыка оборвалась...

Мать и отец Андрея встали у гроба. Люди встали по дорожке и уголкам между оград. Снова тишину то и дело прерывали рыдания.

Отец опустил перед гробом на колени и положил голову на его кромку, что-то говорил. По обрывкам фраз становилось понятно, что он военный, и сын пошел по военной линии, и вот — отец-военный жив, а сын — погиб...

В каком-то замешательстве толпились люди, в замешательстве от обуреваемых каждого чувств, порывов что-то высказать. Может, даже спросить.

2

Прощай, Андрей!

Солнце припекало, и слабый ветерок колыхал ветви.

Вперед вышел подполковник-военком, снял фуражку:

— ...Мы собрались, чтобы почтить память настоящего Героя нашей Родины — майора Вакулина. Он был и отцом, и мужем, и сыном, — голос офицера усиливался, — и братом. Но, к сожалению, так рано ушел от нас. И так получается, что забирают от нас самых лучших, самых достойных...

Замолчал, вздохнул:

— Примите соболезнование. И пусть земля ему будет пухом... Царство ему небесное...

Во мне всколыхнулось: и это все?

Подполковник:

— Я хотел бы предоставить слово сослуживцу, с которым они служили вместе в одной части... Будем говорить, один из последних, кто видел его живым. Александр Владимирович...

Вышел вперед тоже майор, только в зеленой форме, который нёс портрет Андрея.

— Уважаемые друзья. — Голос его зазвучал глухо и как-то тревожно. — Дорогие родители, представлюсь: Александр Владимирович, сослуживец Андрея Вакулина, которого не только я, но и командование войсковой части, командование Центрального военного округа... — говорил с хрипотцой, потеряв голос в переговорах, когда забирал гроб с однополчанином, вез в Воронеж и улаживал дела с похоронами.

Майор:

— Все скорбят от этой невосполнимой потери. Выражаем вам огромное соболезнование. Мы всегда будем помнить Андрея. И мы вместе с вами скорбим. Еще раз соболезную...

Сухие, короткие фразы больше ставили вопросов, чем давали ответов.

И кружило внутри:

«А каким он парнем был...»

Слова, словно отлитые из металла, не позволяли вопросам прорваться.

Подполковник оглядывался по сторонам:

— Еще кто-то хочет сказать?

В душе у каждого копилось что-то неизъяснимое...

Готовое прорваться наружу...

Но...

Когда переполняет смешение слов и чувств...

Подполковник оглядывался:

— Еще кто-то? Кто с ним учился...

Повисшая тишина вот-вот должна была прорваться потоком слов, но не прорывалась. Какая-то плотина скорби сдерживала порывы.

«Как это никто не скажет? — мой взгляд бегал по собравшимся. — Неужели больше никто...»

Подполковник, ожидая:

— Он был действительно Героем. А это не первая его война... Он уже награжден очень высоким орденом, самым высоким у нас в стране. И как я разговаривал с командованием, представлен к еще одной награде. Теперь будем ждать, какой...

Я смотрел на две медали на подушечках: выходило, еще есть...

И: «Как никто не скажет? Такое просто невозможно!»

Тишина только нарастала.

Подполковник:

— Сейчас...

Видя, что объявит: «Траурный митинг окончен», я не выдержал:

— Можно я скажу?.. Я отец однокурсника этого мальчика. — У меня подкатило к горлу. — Он для меня мальчик. Мне начальник их курса в военном институте Иванов сказал: курс прошел и Чечню, и Осетию, и... все живы... Вот первая потеря... Но куда от нее деться? — вырвалось из меня. — Я хочу прочитать, родная моя, — коснулся плеча впереди стоящей седой женщины в черном. — Я знаю, вас

Валентина Ивановна зовут (мать Андрея), и, что-то не договорив, начал:

*— Вы думаете, павшие молчат?
Конечно, да — вы скажете, —*

голос дрожал:

*— Неверно!
Они кричат, пока еще стучат
Сердца живых и осязают нервы.*

Они кричат не где-нибудь, а в нас, —

вылетело протяжно. И дальше:

*— За нас кричат. Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.*

Голос окреп:

*— Они кричат и будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.*

И как отлетало:

*— Они хотят, чтоб памятником им
Была Земля с пятью материками.
Великая! —*

рвалось с голосом:

*— Она летит во мгле,
Ракетной скоростью до глобуса
уменьшена.
— Живая вся, —*

произнес я тихо:

*— И ходит по Земле
Босая Память — маленькая женщина...*

Майор Вакулин

— Мальчик, он же мне — как сын, — смотрел на лежащего майора. — Светлая ему память. Воронежская земля его будет помнить, в числе многих... Он сын ваш... И наш сын...

Мне казалось, еще многие-многие скажут...

Но оцепенение от горя сковывало...

Подполковник:

— Сейчас прощаемся... Близкие родственники пока в сторонку...

Снова послышалось всхлипывание, которое сбивалось словами. Летели обрывки фраз.

Кто-то:

— Да просто не знали... У него ордена есть...

Словно в укор двум медалям на подушечке.

Шли близкие, друзья. Медленно, молчаливо, тихо. Кто останавливался, еще не веря в случившееся, кто — что-то желая сказать, а кто — и поблагодарить майора за жизнь, прожитую не зря... Думалось, что сюда съехались бы сослуживцы из всех частей, которые с ним служили, но, понятное дело, в горячее для страны время со службы не отпустят. Больше было бы гражданских, если бы сообщили о прощании, хотя тогда ломали бы голову полицейские, обеспечивая безопасность похорон. А так, когда осведомлены немногие, здесь риска и проблем меньше.

Прощались родные...

Отец присел перед гробом, мать с другой стороны коснулась рукой лица сына.

— Ты все сделал... И для нас, — голос отца прерывался всхлипом. Потом: — А без тебя тяжело будет...

Брат прикоснулся к гробу. Вдова и сынишка одиноко стояли в оцепенении, еще только начиная осознавать, каким одиночеством обдала их жизнь... И обдала всех, здесь собравшихся... Кого — меньше, кого — больше... И как необратима эта утрата.

Вот крышка закрыла майора Вакулина.

Заиграл оркестр...

Гроб занесли над ямой...

Вытянулись по стойке «смирно» военные...

Да и все гражданские...

Залп!

И гроб с телом ушел в нишу на вечный покой...

Залп!

Оркестр заиграл гимн...

Залп...

Раздалось:

— Подходим и бросаем по горсти земли...

Полетели комья, застучали по крышке.

Могильщики с двух сторон заработали лопатами.

Валентина Ивановна подошла к курсантам:

— Ребята, берегите себя... Будьте осторожны... — болело сердце о молодых: — Сегодня не случилось. Завтра. А на десятый раз может случиться... Надо было остановиться, а... — посетовала на сына.

Знала, что подорвался на mine.

— Ведь никто не знает... — возразила ей родственница.

— Долгих вам лет жизни... — мать Андрея напутствовала молодых.

«А если они подлыми способами воюют? Мину подложить, в спину выстрелить. За женщин с детьми спрятаться. Даже своих убить, чтобы свою шкуру спасти...» — пронеслось во мне и во многих головах об укропах-нацистах.

Валентина Ивановна посмотрела на портрет Андрея в руках юноши и с каким-то усилием через боль произнесла:

— Это фото... Улыбается. С последней операции он...

Сослуживец-подполковник в летной форме вспоминал:

— Я лейтенантом пришел. А он — командир роты. Хороший человек. Уважаемый...

Друзья Андрея говорили с вдовой.

Брат с портретом Андрея стоял над могильщиками...

Я подошел и обнял чернявого сынишку погибшего: держись. Жизнь у него начиналась с ударов судьбы.

Могилу засыпали.

Потом вырос холмик...

В край воткнули деревянный крест...

Установили ограду...

Положили венки...

Теперь подходили и клали цветы...

Отец с матерью задержались около сына...

На черной табличке — золотом:

«ВАКУЛИН
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ

19.02.1974 г. 08.06.2022 г.»

Люди стали расходиться...
Кто спешил на работу, а кто собирался на поминки...
Два автобуса и легковые машины отъехали от Баков...
А где-то вдали ревели самолеты...
Они улетали на Донбасс долбить укропов.

3

В ресторане «Югославия»

Автобусы устремились по городу, и, когда проезжали по мосту над зеркалом водохранилища, у многих пассажиров заломило в груди: всего этого раздолья Андрею уже не увидеть.

Как не увидеть и своего города, который с прохладцей отнесся к его уходу, разве что подполковник произнес немногословную речь.

Ехали по шоссе...

Молчали-молчали, а кто-то и говорил про Украину... Кто куда уезжал... Про Мариуполь... Обстрелы нацистами детских садов... Школ... Больниц... Даже родильных домов...

Солнце с ходу загнало с улицы в просторный зальчик ресторана, в котором обдавало свежестью от кондиционеров.

Подтянутый официант быстро расставил на уже сервированном столе крепкие напитки. Я с ним разговорился: он был из Сербии, пограничник, воевал с мусульманами. И, узнав, что поминки погибшего майора, куда-то убежал.

В голове стола сели родители Андрея, по бокам — родня, а с другой стороны — майор-сослуживец и рядом — офицеры-сокурсники Вакулина и друзья.

Первыми говорили родные:

— ...Давайте помянем Андрея и скажем ему царствие небесное...

Ели кутью...

Заедали пирожками...

Официант разносил первые блюда...

Сидевшие рядом со мной офицеры порывались сказать... И вот подполковник в летной форме приподнялся и прошел к середине стола и, чуть склонившись, заговорил о том, как вместе учились, как вместе начали службу:

— Мы с ним знакомы с 1993 года, когда поступили в ВИРЭ¹. Дальше мы с Андреем продолжили службу в Новомосковске. Служили. Андрею выпала в 99 году вторая чеченская война... И сейчас все как бы повторяется, что с нами произошло в 99-м... Тогда началась вторая чеченская, сейчас началась спецоперация... Андрей один из первых пошел. Сейчас то же самое произошло. В первых рядах... Тяжело терять товарища, с которым служил, с которым жил... Пусть земля ему будет пухом... Сын подрастает. Не знаем, он по стопам отца пойдет или как. Выберет себе путь... Давайте за Андрея. Царствие ему небесное...

Его чуть сутуловатая фигура еще больше ссутулилась, и он поклонился отцу и матери Андрея.

И только потом опустошил рюмку.

Другие от него не отставали.

---

¹ Военный институт радиоэлектроники — бывшее высшее военное учебное заведение, основанное 24 сентября 1980 года, осуществлявшее подготовку офицерских кадров в области радиоэлектронной борьбы для Вооружённых сил СССР и Российской Федерации. 9 января 2006 года Постановлением Правительства Российской Федерации Военный институт радиоэлектроники в качестве структурного подразделения был присоединен к Воронежскому военному авиационному инженерному университету. С 2010 года — в составе Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина.

Официант собирал тарелки из-под первого блюда, разносил второе...

Говорила родственница:

— Я хочу сказать... Он всегда за правду... За честность... Валентине (матери Андрея) повезло с детьми, с невестками, с внуками... Я столько слышала хороших слов... Главное, чтобы все было хорошо... Думаю, вас не оставят родные... Дай Бог ему, земля пухом... Вечный покой...

И пролетало горечью, что прощание прошло при молчании местной власти... Ни слова не прозвучало от нее... Она промолчала... Отчего холодок бежал по спине...

Что ж...

А сослуживец, привезший Андрея, рассказывал сидевшим рядом с ним друзьям Вакулина, уважительно называя его «Владимировичем».

— Я сам Владимирович и он...

Оказалось, он — из Златоуста, одним словом, с Урала. Рассказывал, как ему удалось сразу забрать тело погибшего, не пришлось ждать несколько суток, выбивать, как доехали, помогал брат...

Говорили...

Вспоминали...

Оказалось, Андрей распределился в Новомосковск, но потом уволился, как и многие с курса моего сына. Тогда к армии отношение было плевое, и многие уходили на гражданку. Вот и Андрей, уйдя, работал в сервисе, но восстановился. Оказалось, до военного института служил в Ташкенте, пришел в ВИРЭ сержантом...

4

Рассказ майора-танкиста

Наконец я выбрал момент, и когда майор «Владимирович» вышел покурить, проследовал за ним.

И уже тут спрашивал и слушал майора.

— Он берег молодых офицеров... — говорил тот.

— Рвался вперед. То есть не так, чтобы послать молодого, а сам сначала...

Майор:

— Да, он всегда первый. И даже вот сейчас, когда ехал в колонне с машинами, сопровождал груз, перед этим лейтенанту сказал, что, малыш, твое время настанет. Я тебе обещаю, в следующий раз я обязательно тебя отправлю старшим этой колонны.

— Он первым поехал...

— Он самый первый. Он всегда рвался вперед...

— Как Хабибуллин¹, полковник. Вертолеты надо перегнать — сам летит. Не зама, пома пошлет, а сам... И кинулся выручать сирийцев...

— Вот именно! Вот новое направление было. Он всегда сам туда прорывался. Вот я вчера документы забирал, так оказывается, он: «Я сам поеду, сначала все прозондирую, там безопасно ли. Тогда я тебя направлю». Потому что были его слова: «У меня уже семья есть, сын есть, а ты еще молодой». Вот именно лейтенанту так он сказал.

— Как отец...

— Понимаете, он и сказал: «Давай сначала я проеду, посмотрю, потом уже по этому направлению двинешься...»

— А как долго вы с ним служили?

— Мы с ним — два года. Он всегда меня считал как бы... Я говорю: «Владимирович» — он всегда меня называл «Саша». Он говорил: «Саш, вот как человек, ты вообще позитивный. Но как ЗНШ по службе войск ты — такая тварь бездушная...»

---

¹ Ряфагать Махмутович Хабибуллин (28 марта 1965 г. — 8 июля 2016 г.) — российский военный летчик, командир 55-го отдельного вертолётного полка, участник военной операции в Сирии, Герой Российской Федерации (посмертно). На момент своей гибели имел налет более 3300 часов, из них на выполнение боевых задач — более 2800. Выполнил более 2000 боевых вылетов. Участник двух чеченских кампаний, Осетино-ингушского конфликта, войны в Южной Осетии.

Мы чуть не рассмеялись.

— А ЗНШ что значит? — спросил я.

— Заместитель начальника штаба по службе войск и безопасности военной службы...

— А расшифровать?

— Это наряды, это повседневная жизнедеятельность. Все контролировал я. Понимаете, наряды, пусть я намного моложе, чем Владимирович, но я... Маленький нюанс. Именно Владимировичем я его называл, потому что мы оба — Владимировичи. Что у него отец Владимир, что у меня. И я к нему — «Владимирович», и он ко мне — «Владимирович». И мы с ним этот момент всегда обсуждали. Я честно скажу: очень достойный офицер. Он никогда не гнался, никогда не рвался за карьерой. Он именно хотел служить в Вооруженных силах Российской Федерации. Я это с братом его обсудил, что даже когда он уволился и было такое стечение обстоятельств, он все равно рвался в Вооруженные силы... Все в бригаде прекрасно знали, что Владимирович будет среди первых. Честно скажу, и это не для красного словца, он не то что первым в Чечню поехал, он был в Чечне, будучи еще лейтенантом. Он не трухнул, чтобы поехать на Украину, в Украину... Просто ситуация в том, что Владимирович, в отличие от многих, которые говорили, — произнес витиевато, — «Бог даст, ну, я поеду», он всегда, он сам. Его беда — что он погиб, что он сам...

— И счастье России, что такие сыны у нее...

— Он ждал, он ожидал. И я считаю, он геройски... Во-первых, куда они ездили, там не стечение какого-нибудь вооруженного конфликта, что он где-то вступил в конфликт, там другое: они везли реально в Коровий Яр¹ именно гуманитарную помощь. Гуманитарную помощь везли. То есть он успел и в конфликтах поучаствовать, непосредственно на линии соприкосновения. Но случай именно произошел в том, что он оказался именно с гуманитарной помощью. Когда они ехали в колонне и он был старшим этой колонны,

---

¹ Коровий Яр — село в Лиманском районе ДНР.

оказался следующий момент. Что он, как бы, ну, я не знаю, это судьба, когда военнослужащих остановили и сказали: «Лучше по этой трассе не ехать, езжайте по этой лесной дороге, потому что происходят обстрелы». И они свернули и поехали по этому направлению. Да, вроде все безопасно, но эта местность была заминирована. И получилось так, что они попали: именно под переднее правое колесо...

— На «Урале» или КамАЗе?

— На «Урале».

— Вот если взрывается у КамАЗа, то кабина рядом, и ее всю разворотит.

— На «Урале», и получилось, это фугасный снаряд... Я считаю, что, когда почувствовали, что взрыв, и они открыли двери, и Владимирович повернулся направо, и один осколок попал в свод черепа, они оба взяли себя в руки и выпрыгнули из машины... Но случилось что? Когда водитель со второй машины пытался его эвакуировать, потому что загорелся у них запас боеприпасов 5,45. Это именно как раз у него было. И вот этот боезапас загорелся и начал взрываться. Они подумали, что их обстреливают. Они накрыли майора Вакулина бронежилетом. И пытались его эвакуировать. То есть, когда они оказали ему первую медицинскую помощь, ввели промедол, уже поняли, что бесполезно, потому что он уже не дышал.

— Рана при прыжке...

— Да, когда он выпрыгнул, ему осколок попал в голову. Помолчали.

Потом я спросил:

— Вы знакомы с ним были. Какой он в быту?

— В быту... Знаете, есть такая фраза: о покойниках либо хорошо, либо никак... Здесь Владимирович — это человек, который всегда сверхпозитивный. Это человек, который с любовью ко всем относился.

— Ценили...

— Потому что все скидывались, кто что может... Владимировичу.

— Я объясняю, Андрюха, который был меня старше, о нем самое позитивное, самое хорошее мнение. Потому что он не то что душа компании, он, знаете... Даже скажу, как пророк был. И он всегда помогал, невзирая ни на что. Он всегда помогал, в отличие от меня — ЗНШ, — говорил с сарказмом, — который всегда ко всем сурово относился.

И это было заметно по сосредоточенному лицу говорившего. Карие глаза пронизывали, ни один мускул не дрогнул. И это отчетливее высвечивало жизнелюба «Андрюху», «Владимировича».

Майор:

— Он всегда относился ко всем объективно. Он всегда старался какие-то точки соприкосновения найти. Даже в вопросах любой конфронтации.

Это тоже радовало: настоящий командир, командир-отец.

Майор:

— Я бы сказал, что он был миротворец.

— У него есть награда за спецоперацию...

— Считаю, у него за Украину будет орден Мужества, — произнес с такой уверенностью один из выступавших, что иное мнение было просто невозможно.

Майор:

— У него в 2000 году тоже был орден Мужества. Героя не дали — я не знаю почему. Но конкретно описали, что позже придет орден Мужества...

— Я на фотографии их курса нашел фото Андрея... Он улыбается...

Майор:

— Он всегда улыбается...

Жизнелюб.

— Как важно не унывать!

— Да, вот и юморист, — продолжал майор. — Рассказываю анекдот, который он мне рассказывал. Анекдот про нашу н-скую бригаду РЭБ. От него только услышал. Это еще про время, когда Обама был у руля. «Америка объяв-

ляет России войну. Проходит три месяца. Звонит Обама и говорит: “Вова, у меня еще две армии осталось”. И Владимир Владимирович говорит: “А у меня одна армия осталась”. Проходит еще три месяца. То есть шесть месяцев. Он звонит и говорит: “Вова, у меня еще два полка”. Владимир Владимирович: “А у меня один полк”. Проходит еще три месяца, — говорил майор на полном серьезе: — Итого девять месяцев. И он звонит: “Вова, у меня два батальона осталось. Я знаю, у тебя войск вообще нет”. И тут Владимир Владимирович, извиняюсь, утрирую, достает пистолет из сейфа, подводит к виску, палец к курку, и тут эровский телефон (это закрытая в вооруженных силах связь) звонит, и ему докладывают: “Товарищ Верховный главнокомандующий! Н-ская бригада РЭБ по тревоге построена...”»

Мы рассмеялись.

Мимо проходили сокурсники Андрея, прощались с майором.

А тот:

— Мы обречены на успех. И, понимаете, ситуация в чем, мне Владимирович это рассказал про нашу «запоздалую» бригаду...

— Которая на самом деле никогда не опаздывает...

Майор:

— Я снова скажу: Владимирович очень всегда передовой был! Пе-ре-до-вой... Передовой в любом направлении. Передовой — это в моем понимании челябинского танкиста.

Я слушал уральца.

Майор:

— В отличие от воронежских ребят, будущих лейтенантов и пришедших... Я, понимаете, пришел после Челябинского танкового училища¹, а тогда Челябинский танковый

¹ Челябинское высшее танковое командное училище имени 50-летия Великого Октября (ЧВТКУ) — бывшее высшее военное учебное заведение ВС СССР и ВС России, располагавшееся в Советском районе города Челябинска. Образовано 30 июня 1941 года. 1 ноября 1998 года в ходе реформы военных учебных заведений Челябинское высшее танковое

институт называли. У него был дух воина. Как мой покойный товарищ Коля Байсов говорил: «Саня, душка не хватает у людей». У Вакулина, честно скажу, хватало духа... И мы с Владимировичем в этом направлении сошлись с самого начала. И когда мы с Владимировичем обсуждали эти моменты, меня радовало, что, как бы ни было тяжело, он обратку не дал... Реально: он обратку не дал... Он ни разу обратку не дал. Понимаете, любая передовая... Может, кто-то скажет, грубо говоря, это безумие. Но он никогда обратку не давал. Сказали: «Надо». И всё... Понимаете, это огромный пример, который сейчас ставят многим солдатам в бригаде, что ребята, вот видите — майор Вакулин. Первый наш погибший. Но он погиб-то не из-за безумия своего. Просто он всегда берег людей. Не просто жалел личный состав, он его берег. Это ключевые слова... Он берег людей, а не жалел...

«Дух... Обратку не давал... Берег солдат...»

Майор:

— Когда даже лейтенант, который привез его ко мне, его вещи личные, удостоверение офицера, его паспорт... Так Вакулин его не пустил первым ехать по той дороге...

Майор:

— Он сказал: «Я сам... Я съезжу, проверю, а ты потом поедешь. Я обещаю».

Я спрашивал...

И, наконец:

— В бригаде «мужиков» много?

Спросил и, видя вопрос в глазах майора, расшифровал:

— Награжденных орденом Мужества?

Майор:

— Есть. Есть и награжденные орденом Суворова... Кутузова...

командное училище было переименовано в Челябинский танковый институт. 22 мая 2007 года приказом командующего войсками ПУрВО Челябинский танковый институт был расформирован.

— И вы уралец по корням... — как уточнил.

— Да...

— Для меня это очень важно...

Мы расставались, а в голове моей пульсировало: «Дух... Обратку не давал... Всегда впереди... Берег солдат... Миротворец...»

И безумно хотелось, чтобы судьба у этого майора сложилась удачно.

Когда уезжал на машине однокурсника Вакулина, узнал, что хозяин ресторана, серб, половину денег за поминки вернул родным Андрея Вакулина...

И серб был с нами...

На следующее утро город снова затянуло облаками и полило, полило, полило... Дороги покрылись лужами... Застучало по подоконникам... И со стуком дождя кто-то настойчиво стучался, стучался в дома...

Стук не прекращался весь день, а потоки воды речками устремлялись к набережной.

5

Накануне прощания

Я вспомнил, как 8 июня 2022 года прислал сообщение мой сын о том, что его однокурсник по военному институту радиоэлектроники Андрей Вакулин погиб на Украине. Он подорвался на mine.

Сообщения о наших ребятах, отдавших жизнь за освобождение Украины от нацизма, отведение беды от России, которой угрожали власти в Киеве, приходили... И уже как-то не удивляли: наши парни бились не на жизнь, а на смерть. Но то, что с курса моего сына погиб паренек, меня крепко задело. И я уже сам искал информацию о нем. Но Интернет на этот раз молчал. Молчали СМИ. Искал выходы на родных погибшего паренька, его сослуживцев. Связался со

старшиной курса сына, Александром Дмитриевичем Литвиновым, на что тот тоже сказал: «Я от вас узнаю...» И добавил: «У него мама в пожарном училище...»

Но через день мне прислал:

«Отец Вакулин Владимир Тихонович... 1950 г.р.

Мама Вакулина Валентина Ивановна... 1950 г.р.»

«Старше меня», — подумал я.

Дальше в письме:

«Брат Вакулин Игорь Владимирович... 1979 г.р.

Проживают...

Воронеж, бульвар Победы, дом... кв. ...

Иванов (начальник курса в училище. — *Примеч. авт.*) был с военкомом у родителей дома, передал от всех соболезнования и обещал всю посильную помощь от сокурсников.

Брат на юге. Завтра будет дома.

Номер брата Игоря — 8905.....

Андрюха находится в Белгороде, завтра повезут в Ростов, после всех мероприятий, оформления документов переправят бортом на Балтимор, дата похорон пока неизвестна...»

И текст:

«В 15.20 8 июня 2022 года при возвращении после выполнения задачи на дороге между н.п. Александровка и н.п. Новоселовка, двигаясь (старшим машины) на автомобиле “Урал”, подорвались на mine... Подрыв под правым передним колесом...»

Я спросил телефон начальника курса ребят Иванова.

Мне Литвинов прислал:

«Иванов Владимир Викторович 8977.....»

И уже лазил по карте. Новоселовка — об этой слышал часто по сообщениям по радио. И нашел: Новоселовка и Александровка... Рядом с Днепром — по-моему, Днепропетровском.

— Ребята вот куда пробились! — вырвалось из меня.

Они подходили к Днепропетровску.

— Молодец! — полетело в никуда, несмотря на горечь утраты.

Но потом нашел Новоселовку и Александровку рядом со Святогорском, где нацисты сожгли в лавре скит.

Это уже далеко от Днепра...

И вот связался с Ивановым.

— У меня было три выпуска — 1993, 1998 и 2003 год... — говорил начальник курса. — И он (Андрей. — *Прим. авт.*) — второго выпуска... Окончил училище, служил, уволился... Сами знаете, какое отношение было к армии... Но потом вернулся... Боевой офицер, и вот...

— У кого бы о нем узнать?

— О, это однокурсники его...

И:

— Послезавтра отпевание... Но я не смогу...

Позвонил брату погибшего, Игорю.

Он ехал в Воронеж и проезжал Ростов, сказал:

— Завтра с документами... И если все сложится, отпевание и похороны — на Левобережном кладбище...

Мой знакомый из военных сказал:

— У «Урала» колеса далеко от кабины, еще двигатель, и при подрыве люди в кабине остаются целыми. Это у КамАЗа сразу кабину выворачивает — колесо рядом с кабиной... А «Урал» — другое дело... Но тут, видимо, что-то серьезное... Противотанковая мина или фугас... А чтобы их заложить, времени надо крохи...

6

Рассказ матери

После поминок я собирался встретиться с мамой, отцом и вдовой Андрея, но его брат Игорь попросил подождать две недели.

И я отложил разговор...

Быстро пролетели две недели. В Воронеж вместе с жарой ворвались степные ветры. И вот 1 июля я позвонил Игорю. Тот не ответил. Послал эсэмэску — тоже не отве-

агировал. Мало ли что могло произойти. Позвонил бывшему начальнику курса Иванову, тот согласился, что надо осветить этого «мальчика», и сбросил мне номер телефона мамы... А получив эсэмэс от Игоря: «Сейчас в Екатеринбург. Помогаю вдове. Совсем неудобно...» Ответил ему эсэмэской: «Понятно». И решил звонить матери напрямую. И когда позвонил, услышал подавленный голос Валентины Ивановны... Им тяжело. Невыносимо... Потеря сына...

Звонок не располагал к разговору, но я спросил про Андрея, где тот учился.

И уже дрогнувший голос матери мне поведал... В первый класс Андрей пошел в Ашхабаде, кажется, в школу № 13. В этом городе дислоцировалась часть отца. Потом переехали в Ташкент, куда перевелась часть. Отец оказался в Афганистане... Андрей окончил школу и поехал в Воронеж поступать в ВИРЭ. Физику, математику сдал на «5», а вот по физе сплоховал: не пробежал дистанцию, не уложился во время. Вернулся, пошел служить, но на следующий год снова поехал в Воронеж и поступил... Учился... Она с мужем в 1994 году по его увольнению из армии приехала жить в Воронеж. Андрей окончил ВИРЭ и распределился в Новомосковск. Приехал туда, а как раз начиналась вторая чеченская война¹. Ей командир части рассказывал: «Состоялось собрание, объявили, что кто-то должен поехать. Сначала повисла тишина, а потом Андрей встал и: “Я не женат, у других — семья, дети. Можно я поеду?..”»

— Вот! — вырвалось из меня. — Так же поступил Роман Филиппов, который был уже в командировке в Сирии. Второй раз мог не ехать, впору туда лететь другим. А он вызвался... Так же — Олег Пешков, когда в часть пришел приказ: послать столько-то... Пешков первым вписал себя...

---

¹ Вторая чеченская война — боевые действия и контртеррористические мероприятия на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа. Началась 7 августа 1999 года с вторжения боевиков в Дагестан. Активная фаза боевых действий продолжалась по конец февраля 2000 года и завершилась со взятием федеральными силами под контроль Шатойского района Чечни.

Вот на таких Андрях, Романах, Олегах и держится наша армия...

А Валентина Ивановна продолжила: Андрей полгода пробыл в Чечне. Получил контузию, пошла из ушей кровь... Награжден орденом Мужества...

Заговорили об отце Андрее... Отучился в Каменец-Подольском¹... Сапер... Потом в Калининграде окончил какой-то факультет... За плечами — Афганистан. Таджикистан... Полковник... Орденосец...

— Сын — по стопам отца...

А Валентина Ивановна: дедушка Андрея по отцу артиллерист. Дед по ее линии с августа 1941-го — на фронте, закончил войну в Кёнигсберге. Награжден медалью, которая приравнена к ордену... Братья ее окончили КВИРТУ²...

Я знал про это когда-то прекрасное учебное заведение.

Валентина Ивановна сама — подполковник внутренней службы. В Воронеже заведовала учебным отделом в Воронежском пожарно-техническом училище... Про нее мой коллега из системы МВД говорил: «В семье Валентины Ивановны неаттестованная только кошка...» Про сына Андрея... В Новомосковске прослужил пять лет... Часть сформировали... Он оказался на гражданке, но все равно вернулся в армию... Майор...

— Вот на таких майорах и держится армия...

Валентина Ивановна:

— Купили дачу с домиком. Думали, скоро Андрей уволится и приедет с семьей... Сынишке 14 лет...

¹ Каменец-Подольское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск В.К. Харченко создано в 1967 году в городе Каменец-Подольском Хмельницкой области Украинской ССР. До 1975 г. — Каменец-Подольское высшее военно-инженерное командное училище (КПВВИКУ). Готовило офицеров инженерных войск Вооруженных сил СССР, а до 1977 года — и офицеров дорожных войск Вооруженных сил СССР.

² КВИРТУ — Киевское высшее военное учебное заведение профессионального образования, для подготовки офицерских кадров радиотехнических войск ВС СССР с 1953 года по 1992 год.

Я молчал. Помнил, как обнял подростка.

И осторожно спросил:

— На прощании военком говорил о ждущей Андрея высокой награде...

Валентина Ивановна:

— Пока ничего... Может... — Хотела что-то добавить, но... И я, понимая боль матери, рассказал про свою книгу «Ролан Алан»¹. Про юношу из Сухуми, который в 1992—1993-м воевал с грузинами. Яркий, отважный, но тыкал командирам в их ошибки... Почему и не попал в списки награжденных... Составляли ведь они! И когда вышла моя книга о ребятах-абхазах, многое встало на свои места. Ролан Алан, пусть и посмертно (он умер, сердце сдало), получил награду...

Мать Андрея вздохнула.

А потом — с каким-то отзвуком глубокого сожаления:

— Но самое главное — мы потеряли сына...

Внутри меня что-то противилось...

С таким же чувством я писал книгу о Ролане Алане, — чтобы восторжествовала справедливость. О Романе Филиппове, Олеге Пешкове и многих других, по крупицам собирая сведения о каждом из них, оставляя их нам живыми...

Хочется верить, что награда найдет своего героя...

Воронеж своего сына не должен забыть.

Верю!

А вдали ревели самолеты, они улетали бить нацистов.

P.S. 22 августа 2022 года я узнал, что Андрей Вакулин награжден вторым орденом Мужества (посмертно).

Первого ордена Мужества он был удостоен в 2000 году за штурм Грозного.

3 июля 2022 года

---

¹ Федоров М. Ролан Алан. Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография — Издательство им. Е. А. Болховитинова», 2014.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КРЫНИН

1

Известие директора кадетского корпуса

В Воронеже жарило. Жарило и на Донбассе. Объявили о полном освобождении Луганской области — теперь ЛНР — и о передышке в боях. А я мотался по делам по городу, при всяком удобном случае спешил искупаться в речке Усманке. И вот 2 июля 2022 года под вечер я возвращался домой и встретил бывшего директора Михайловского кадетского корпуса¹ Александра Ивановича Голомедова. Он разговаривал со своим выпускником. Это было в порядке вещей у Голомедова, которого кадеты считали за родного отца. Так они сжились, когда тот руководил корпусом.

— Александр Иванович, вы помолодели... — обратил внимание на его бодрый вид.

Тот улыбнулся. Помню его, усталого после долгой тяжбы в судах, где я его защищал, и невольно обрадовался.

За возникшим разговором сказал:

— Вот закончил очерк про майора, однокурсника моего сына по военному институту... Погиб на Донбассе...

На что Александр Иванович:

— Мы тоже недавно простились с кадетом, выпускником... Старшим лейтенантом Крыниным Александром...

И я услышал:

— 27 марта их танковый полк попал в передрагу. И его мотострелковый батальон начал воевать самостоятельно. Где-то к 24 марта он то ли получил назначение начальником штаба батальона и выдвинулся с однополчанами на

---

¹ Михайловский кадетский корпус образовался в 1845 году. При большевиках прекратил свое существование. Корпус восстановлен в 1993 году благодаря усилиям Голомедова, который возглавлял корпус до 2014 года.

место дислокации. Под Харьковом, вроде у села Малая Рогань¹, они попали в засаду к укропам, там были и польские наемники. Приняли бой. Отстреливались, отступили. Переплыли реку. Зашли в эту Малую Рогань, в дом — привести себя в порядок, посушиться маленько. И их настигли. Там снова был бой, он из АГС хорошо приложил этих нациков. Сам получил ранение в тазобедренную артерию. Тяжелораненым попал в плен. С ним попали еще несколько человек. Когда выдавали контрактников (обмен был), то офицеров увезли. Их не меняли. И потом, уже в мае, когда проходил обмен двухсотыми, его обменяли тоже.

Меня обожгло: двухсотыми. Понял: лечить, спасти нашего офицера нацисты не стали. А с такой раной он не жилец...

Голомедов:

— И дата смерти на табличке стоит 5 мая. А у него 1 мая — день рождения... 26 лет... Остался ребенок — сын, два года...

И потом:

— Как сказали его сослуживцы, он хорошо покروшил поляков. И лично сам...

— Михайловец, — вылетело из меня, и, помолчав, я спросил: — А как он в корпус попал?

— Дед с бабкой привели.

— Но попасть-то нелегко...

— Сдавал экзамены... Учился шесть или семь лет... С самого начала или нет, пришел...

— Отучился...

— И в армию... Давали профориентацию на службу. Тогда ребята стремились служить...

— Тем более кадеты...

---

¹ Малая Рогань (с 1657 по 1895 — Пасековка) — село Малороганского сельского совета Харьковского района Харьковской области. Находится на правом берегу реки Роганка, выше по течению примыкает село Коропы, ниже по течению на расстоянии 2 км расположен пгт Рогань, на противоположном берегу — село Бисквитное. К селу примыкают большие садовые массивы. От Харькова 23 км.

Мы говорили.

— Они, естественно, выделялись, — подмечал Голомедов. — Совершенно другое миропонимание. Одеты под кадетов... Мы же их затачивали под служение нашему Отечеству, в первую очередь — на военном поприще. Воспитывали на исторических традициях Российской армии. И он пошел в Московское общевойсковое высшее командное училище¹...

— Кажется, оно в Кремле базировалось. Кремлевские курсанты...

— Это в 20–30-е годы. А теперь в Люблине. Отучился пять лет. В 2018-м выпустился. Распределение — в Клинцы Брянской области, командиром взвода. Показал себя хорошо, его быстро забрали командиром роты в Ельню. Там танковый полк, а ему придана мотострелковая рота.

— Женат?

— Да. Ко мне приходили в Москве: еще женихались... У него друг, Иванников. Вместе кадетами, вместе в училище, вместе отбыли в Клинцы. Когда Крынин уехал в Ельню, тот остался в Клинцах.

— Пехота — царица полей, — вспомнил слова Сталина.

Потом:

— А похоронили...

Голомедов:

— Привезли в цинковом гробу. Внутри — деревянный. Отпевали в храме Архангела Михаила в Семидесятном. Символично: он же Михайловский кадетский корпус окончил. А это наш святой.

Вспомнился белоснежный храм в разлете полей.

¹ Московское общевойсковое командное училище было создано 15 декабря 1917 года как 1-я Московская революционная пулеметная школа. В 1918 году школа преобразована в пулеметные курсы РККА, в 1922 году — в военную школу РККА. В июне 1958 года училище преобразовано в Московское Краснознаменное высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. В 2004 году училище переименовано в Московское высшее военное командное училище. 22 марта 2017 года училище было реорганизовано в Московское высшее общевойсковое командное училище.

Голомедов:

— Отпели — и в Кочетовку¹, хоронить... Караул комендантский... На кладбище выступали и военкоматские, и сослуживцы...

— Кадеты были?

— Конечно. Они отличились. Хотя им и мешали, они положили на гроб под фуражку кадетские погоны... Так у нас складывается. Один кадет так и говорил: что со мной случится, хороните с погонами кадетскими...

— У кадетов свои заповеди...

— Много их... Один за всех и все за одного... Один в поле воин... Кадет кадету друг, товарищ и брат... Много о товариществе... Великий князь Константин Константинович разработал в 1912 году и разослал по кадетским корпусам...

— Вот ушел мальчик-кадет... А какая память осталась?

— В старые времена в храмах в кадетских корпусах были черные доски, на которых записывали фамилии всех погибших выпускников корпуса. И когда ВКонтакте в нашей группе сообщили о его гибели, начали писать: вот и нашими пополнились доски... Были доски георгиевских кавалеров, но они висели в корпусных музеях. А вот черные доски погибших висели в храмах корпусных.

Заговорили о близких.

Голомедов:

— Я с родными мало общался... Но ситуация такова, что мать практически не принимала участия в его жизни. Занимались воспитанием дедушка и бабушка...

Придя домой, я нашел в Интернете скупую справочку:

«Выпускник Михайловского кадетского корпуса Александр Крынин погиб при спецоперации на Украине 8 мая. Парню было 26 лет.

---

¹ Кочетовка — село в Хохольском районе Воронежской области России. Село находится в северо-западной части Воронежской области, в лесостепной зоне, в пределах Среднерусской возвышенности, к западу от реки Дон.

Александр с детства мечтал стать военным. И он стал настоящим офицером, посвятившим себя защите Отечества. Честно и храбро исполнял свой служебный долг.

Для земляков и жителей России Александр Крынин навсегда останется примером верности Родине и присяге.

Разделяю горечь невосполнимой утраты вместе с семьей Александра, которая потеряла сына, мужа, отца. Слова соболезнования передаю всем его родным, близким, друзьям и сослуживцам»¹.

«А мне Голомедов говорил, что последний бой в конце марта. На табличке 5 мая. А тут 8 мая», — подумал, но отнес это к неразберихе, которая случалась в жизни и тем более на войне.

С размещенного под справкой фото на меня смотрел лейтенант со славянским лицом и пронзительными карими глазами.

Как-то Голомедов прислал заметку о Михайловском кадетском корпусе:

«Идея об основании в Воронеже кадетского корпуса возникла в начале XIX века. По “Плану военного воспитания”, высочайше утвержденному 21 марта 1805 года, в городе Воронеже предложено было открыть кадетский корпус. Император Александр I рекомендовал губернатору предложить дворянству принять добровольное участие в расходах по устройству училища. Призыв императора был услышан, и воронежское дворянство собрало... свыше 200 тыс. рублей. В 1834 году дворянство вновь обратилось с ходатайством об открытии в Воронеже кадетского корпуса, предлагая употребить собранную сумму. Однако ходатайство было отклонено из-за недостаточности собранных средств. Но в 1836 году отставной генерал-майор, участник войн 1812—1814 годов, бывший командир Нижегородско-

¹ <https://smartik.ru/voronezh/post/163526004>

го драгунского полка Н.Д. Чертков пожертвовал на открытие корпуса все свое состояние в размере 2 млн рублей со специальной целью учреждения в Воронеже кадетского корпуса... В ходатайстве к государю Чертков просил, чтобы кадетский корпус... получил бы название Михайловского в честь великого князя Михаила Павловича, с тем что не желает, “дабы имя его стало наравне с великими именами императоров Петра, Павла и Александра”.

Закладка главного корпуса была произведена 14 сентября 1837 года. Здание строилось восемь лет. 15 октября 1848 года Воронежскому кадетскому корпусу было пожаловано знамя. 19 января 1905 года он стал именоваться Воронежским великого князя Михаила Павловича кадетским корпусом. Корпус... в апреле 1918 был закрыт.

За годы существования выпустил около трехсот генералов и несколько тысяч офицеров Русской армии. Среди выпускников корпуса генералы от инфантерии Черемисинов и Зарубаев, генералы от артиллерии Иванов и Никитин, герой Брусиловского прорыва генерал от кавалерии Каледин... кубанский атаман Бабич... изобретатель трехлинейной винтовки генерал-майор Мосин... изобретатель электрической лампочки Ладыгин... книгоиздатель Алексей Суворин...

Вот почему Воронежский Михайловский кадетский корпус не мог кануть в Лету и должен был быть возрожден... Возрождение корпуса началось в 1991 году. Он был воссоздан по типу старых кадетских корпусов и стал третьим сформированным в России кадетским корпусом, а в настоящее время их около ста пятидесяти...»

Я бы к списку выпускников добавил еще много славных имен. Теперь искал сообщения о подвиге выпускника корпуса Александра Крынина и удивился их скудости. И решил о нем написать, подобрав заслуживающие его слова.

2

**Марья Крынина:
«Первой его женой была армия, а второй — я»**

Голомедов сказал, что свяжет меня с женой погибшего лейтенанта Марьей, и потом мне позвонит сама вдова. На всякий случай прислал номер ее телефона.

Я думал, когда ей позвонить, как раздался ее звонок. Попросил связаться со мной под вечер и после шести часов позвонил:

— Маша, извините, как ваше отчество?

— Марья Сергеевна...

Она волновалась, сможет ли говорить, ведь рядом был ее ребенок. Но я к таким условиям привык и сказал:

— Ничего... Это не помешает...

Спросил:

— А вы к военным имели отношение?

— У моей мамы папа работал в милиции... А по папе — нет...

— А как с Сашей познакомились?

— У него друг из Михайловского кадетского корпуса, Максим Иванников. Максим познакомил меня с Сашей.

— А как это произошло?

— Он учился на втором курсе Московского высшего командного училища. В Люблине. Это ноябрь 2014 года.

— Как раз время парада на Красной площади, — я вспомнил, как сам дежурил на парадах в 1970-е...

— Нет, от училища они участвовали только в параде на 9 мая.

— А, да, ноябрьские уже отменили... — понял я. — И как потом?

— Познакомились, встречались по выходным. У них казарменное положение, в увольнение отпускали редко. Бывало, раз в месяц. Бывало, еще реже. А так по выходным я к нему приезжала — в воскресенье на КПП. Когда отпускали, ходили гулять. В парк Горького, ну, как по погоде...

— Откуда приезжали?

— Я же живу в Москве. Переехали из Черкасской области в 1995 году. И я со второго класса уже ходила в московскую школу.

Слышался голос малыша, но мы продолжали.

— Как у него шла служба?

— Он очень любил свое дело, он жил этим. Для него, можно сказать, первой женой была армия, а второй — я. Он очень любил...

— Есть фото: он стоит с саблей...

— Это в детстве... Бабушка его рассказывала, как еще до корпуса они летом в деревню ездили, и он просыпался, брал в руки автомат — у него деревянный был — и бегал по деревне. Можно сказать, у него это с рождения. В крови у него...

— Вот учиться в военном училище, скоро выпуск. Одни хотят в Москве остаться, другие — наоборот...

— Когда еще не было распределения, он хотел на Дальний Восток. Потом перед выпуском сказали: «В Клинцы Брянской области». Как раз с Максимом Иванниковым. Саша уехал в мае 2018 года один. Летом я к нему ездила, а в октябре переехала.

— Из Москвы — в Клинцы? — спросил, словно проверяя.

Марья:

— Ну, там же город. Там все есть. Даже кинотеатр. Кафе, магазины...

— Я в Интернете видел фотографию: городок, улицы, дома высокие...

— Город хороший. Там даже физкультурно-оздоровительный комплекс построили. Там делают автокраны «Клинцы». И наша мотострелковая часть...

— А он не сожалел, что попал в пехоту?

Лейтенант Крынин на Красной площади

— Пехота для него — самое комфортное. Он любил поездить по полям, на стрельбище. Практик... Не то что сидеть в кабинете... Любил военное дело — не теорию, а практику..

— Вот вы — в Клинцы, женушка...

— Мы не были женаты в тот момент...

— Но фактически семья офицера...

— Я устроилась в гимназию на работу социальным педагогом, ведь окончила Новый университет, педагогическое образование. На Бауманской...

— И вот живете... Возникают свои сложности...

— Возможно, мне было легче, потому что мы виделись раз в неделю. И когда приехала в Клинцы, все равно чаще встречались... Мы там год прожили. Квартиру снимали, практически в центре. Проблем не было...

— У Саши — взвод... Солдаты...

— Клинцы — город, а не военный городок. И у моего супруга правило: работа работой, а дом — домом. А в Ельню переехали, там военный городок и все общаются...

— А как получилось, что поехали в Ельню?

— В мае 2018 года он после училища назначен командиром взвода. И в феврале 2019 года ему предложили стать командиром роты. На повышение — в Ельню. Он спросил у меня, не против ли я? Я сказала: нет, как он решит... Мы 14 февраля подали заявление в ЗАГС, а расписались 1 марта. Это 2019 год. А он после подачи заявления сразу уехал в Ельню, а потом отпросился и приезжал на несколько дней на свадьбу, 1 марта. Потом сначала был не в Ельне, а в Нижнем Новгороде, и я — пока в Клинцах. Затем потихоньку стала собирать вещи и в мае переехала в Ельню. Там военный городок оставался — часть расформировали, дома продавали, они разрушались. Оставался один дом как служебный. И в домах квартиры снимали. Там все и жили. И город Ельня поменьше...

— На фото в Интернете видел... Вода, мост, длинные улицы. Улица вдоль берега...

— Там много природы, а городок находился на окраине. И мы там снимали. Служебных квартир мало...

— И как ему там?

— Им были довольны. Ему очень нравилось. Коллектив у нас был хороший. Командир полка хороший. Новый год встречали вместе. Были полковые вечера. Офицеры с женами. Очень интересно...

3

Офицер Крынин (продолжение рассказа жены)

Марья Сергеевна просила на минутку-другую прерваться и отходила к ребенку. А потом разговор продолжался.

— Как шла служба у мужа в Ельне? — спросил.

Марья:

— Были моменты, что-то и не получалось. Но в целом все складывалось хорошо. У всех ведь проблемы. И отношения с командирами взводов. С контрактниками. О нем все: «Порядочный, правильный». В знаменной группе ходил. Знамя нес...

— Есть фото. Он — на Красной площади...

— Да, это еще на выпуске из училища.

— У него доброе выражение лица...

— Он сам по себе очень добрый. И всегда был справедливым...

— Кадетская выучка...

— Всем помогал. Он никогда ничего плохого не делал. Есть люди негативного плана, любят насолить... Он не был таким. Он никогда плохого никому ничего не сделает и плохого не скажет. Он лучше промолчит. Он более спокойный, даже молчаливый. Лучше не скажет, где-то в себе оставит. Не скандальный...

— А его друг Иванников? Он тоже семейный?

— У него трое детей... Мы семьями дружили и дружим...

— Чувствовалось, что он кадет.

— По людям видно, кто прошел военный путь, кто — долгое время, кто — нет... По Максиму Иванникову и Саше видно — они долго в этой сфере. Другие офицеры. По выправке, по форме видно. Как будто большую часть жизни она с ними...

— Ваш муж — добротный офицер...

— Да...

— Но рота — это не отделение в десять человек...

— Рота — три взвода. Я много не знаю. Конечно, и поспорят, поругаются, без этого не получится. Но о нем контрактники отзывались: «Справедливый, самый настоящий офицер».

— На фото на груди у него медали...

— Медали — за участие в параде... Юбилей училища...

— Вот служит, и поля, и отлучки...

— Долгие командировки. В Новосибирск ездил за срочниками. Его месяц не было. К армии тянулся постоянно.

Ведь сам нашел информацию о кадетском корпусе. Его никто не отправлял. Он сам нашел. В первый год сказал: «Бабушка, я поеду сюда». Они боялись, что ли, как он там отдаленно будет жить. И ему сказали, что набор уже закрыли...

— Хотели увести...

— И он на следующий год все равно поступил. Год выждал и сказал: «Я хочу». Никто его не направлял, никто ему не рассказывал. Он сам нашел эту информацию. Сам нашел корпус...

— А в бытовом плане он какой?

— Непритязательный...

— И вот жизнь идет, должен появиться ребеночек...

— Он очень хотел. И как раз то ли командировка, то ли полевой выход у него, и я уехала к родителям. У нас рожать негде. Переживали, вдруг что. Он приехал на выписку: ребенок родился в Москве. Побыли здесь три недели — и в Ельню. Мы очень часто ездили к родителям в Москву...

— А ведь маленький ребенок — это бессонные ночи...

Малыш голосом давал о себе знать, но это не мешало разговору.

Марья:

— В большей степени я на себя взяла. А ночью он крепко спит, ребенок кричит, а он не слышит. И я на себя брала в плане ребенка...

— Вы сказали, с командиром полка отношения прекрасные. Он до сих пор в полку?

— Он ушел на повышение. И новый командир. Я его уже и не видела, и не знала. Декабрь, январь...

4

На Украину (продолжение рассказа жены)

— Когда вы узнали, что муж отбыл на Украину? — спросил.

— Весь полк пошел туда. Они уехали раньше, где-то в 10-х числах февраля. Я уехала к родителям, потому что сказали: учения...

— Никто еще не знал, что все-таки решат бить нацистов...

— Пока они были в полях, списывались. Созванивались. Были уже эти моменты про Донбасс...

— Жуткие обстрелы... — вздрагивал при мысли, как ежедневно долбили Донецк.

— Понималось, что там непросто. Но он мне никогда ничего не говорил. У него принцип: по службе — ничего. Когда я и спрашивала, он: «Все нормально». Не расстраивал, можно сказать.

— Молодец...

— Работа — работой, а дом — домом. И когда уже слухи пошли, что-то может быть, он мне позвонил, наверно, 23 февраля (специальная операция на Украине началась 24 февраля 2022 года. — *Авт.*), что он будет без связи, возможно, долгое время, возможно — месяц. Ну, не переживай, все нормально. А я уже слышала, ведь это началось так неожиданно...

— А что оставалось? Уничтожали Донбасс...

— Да. Он: «Все нормально. Не переживай». Как будет возможность, мне позвонит. И все...

— С тех пор не связывалась?

— Нет, он позвонил еще 8 марта. Это был какой-то не его телефон. Поздравил...

Бои боями, а дорогую помнит...

Марья:

— Об обстановке мы не разговаривали. Я спросила: «Как дела?» Он сказал: «Все нормально». Я: «А как долго будет?» Он: «Не знаю...» И все...

Вот отношения военного и его жены: многого не знаешь, а все терпишь и в сердце носишь.

— И вот идут события...

Марья:

— Мы примерно знали, кто с кем находится рядом. Мой супруг, еще кто-то. И периодически сам или из части кто-

то выйдет на связь. Нам говорили: «Все в порядке. Потерь нет». Или в целом сообщали информацию. Муж чей-то позвонит и скажет: «Со всеми все в порядке». И держали связь друг с другом и, можно сказать, друг друга и успокаивали. Кто-то позвонит — и все нормально, значит.

— И все шло-шло...

— Последний звонок, я не помню, кто звонил, 17 марта, наверно, какая-то информация была, что все в порядке. И вот с того дня никакой информации не было... Потом начали видео появляться, что вот нашему полку досталось. Все стали панику поднимать, что что-то не так. Искать информацию. Информации не было особо. Потом оказалось, что что-то там произошло. Бои какие-то... В этот момент мы обзванивали Министерство обороны, уполномоченного по правам человека. Все организации, какие только можно. Оставляли заявки. Министерство обороны говорит: «Все нормально. Не переживайте». Потом получается, в одном видео показали парня, а я знаю, он был рядом с моим супругом. А его взяли в плен. Этого парня. Я не знаю, были ли они рядом в тот момент, но вроде были где-то... И потом, когда обменяли этого парня из плена, он тогда и рассказал, что Саша тоже с ними был, но не в плену. Там несколько дней шел какой-то неравный бой. То есть их было меньшинство, а тех — больше. Они пытались выйти из окружения как бы, и, получается, Сашу... У него было осколочное ранение, несовместимое с жизнью. Бедренная артерия задета...

— Нацисты ведь нашим медпомощь оказывать не будут... Это наши их раненых лечат...

Марья:

— Он и погиб. 28 марта...

— А его рота вырвалась?

— Там не было его роты. Он на тот момент, с декабря, уже не командир роты был, а на должности заместителя начальника штаба танкового батальона. В нашем танковом полку в ноябре или декабре сформировали танковый

батальон. У нас мотострелковой только рота была. И туда другого парня поставили.

— И вы узнали...

— Что погиб? Я узнала об этом... Они его видели живым (когда в плен попали), их разделили всех, и они больше друг друга не видели. Мы думали, он тоже в плену. Такие были мысли. Но там были другие офицеры, и они звонили своим женам из плена. Что все в порядке, они в плену. А мне мой муж не звонил... И мы думали: «Мало ли...»

— Надеялись...

— Может, кому-то не дают звонить. Может, что-то еще... И 10 мая нам сообщили, деду позвонили из военкомата, и сказали, что он... погиб.

— Деду...

— Владимиру Алексеевичу...

— И как, что?

— Они просто сказали: «Погиб от ранения, несовместимого с жизнью». Но об обстоятельствах — нет.

Снова возникали перерывы в разговоре (ребенок требовал внимания), а потом опять говорили.

5

Прощание (окончание рассказа жены)

Марья:

— Мы поехали с мамой его в Ростов на опознание. Там офицер поехал, а нам как бы необязательно, но мы решили: «Тоже поедем». Потому что мы думали: «Вдруг что-то...»

— Ошибка...

— Да, либо ошибка, но все равно. И это был он... И на опознании поняли. 28 марта он погиб. И его обменяли в мае. Погиб именно от осколочного ранения...

— А из звонивших кто-нибудь выбрался?

— Те, кто с ним был, это три офицера. Их обменяли из плена.

— То есть могли рассказать...

— И они рассказали, видимо, до того, как их разделили...

— В плену...

— Да. И потом они не знали друг о друге...

— И вы поняли, Александра нет...

Помолчали.

— Его в Воронеж повезли? — спросил.

— Когда нам сообщили, с бабушкой...

Я понял: которая воспитывала Сашу.

Марья:

— Начали решать... Я-то сказала: «Пока не увижу, не хочу об этом даже думать...» Но у нас не было вариантов в плане города, потому что это был однозначно Воронеж. Потому что Саша очень любил Воронеж. Мы с ним спорили, где жить после службы, и он: «Нет, будем жить в Воронеже». Он очень любил Воронеж. И Воронеж, и Кочетовку. Потому что там вся родня... Оттуда дедушка с бабушкой... В Кочетовке дом. Они летом приезжают туда... Там огород...

— А в Воронеже — на Аллее Славы?.. — спросил про место, где похоронены военные.

— Я не думала. Сейчас время такое: одни хорошо к спецоперации относятся, другие — негативно. И как бы с могилой... Могут и осквернять... Всякие моменты. И человека похоронили, это не для всех. А для родственников, друзей. Тех, кому нужно... Не для того, чтобы все ходили... Нам хотелось...

Я переживал: Крынин заслужил лежать на Аллее Славы.

Но что ж...

Марья:

— Нам хотелось, чтобы было просто...

— По-родственному...

— Нам предлагали и Аллею Славы, но мы решили...

Лучше и для него, и в целом: те, кому нужно, они придут... А чтобы все... Кто — за, кто — негативно...

— А в части вдовы есть?

— Есть... Получается, вместе с Сашей, когда этот бой шел, был еще... Можно сказать, три человека — активные участники. Я бы их назвала Героями. Саша. Денисов Николай, капитан. Он в плену был. Вернулся из плена. Жив. И погиб прапорщик Михайлов Денис.

— Вместе отбивались...

— Да...

— А Денис был женат?

— Да, женат. Они сами из Курской области. Из Щигров. Жили в Ельне, а сейчас она уехала к родителям... Денис там и похоронен, в Щиграх... Он погиб 28 марта. От ранений. А обменяли его только в июне.

Я рассказал про историю абхазца Ролана Алана, которого как бы забыли, а потом, благодаря книге о нем, его имя восстановили и признали заслуги Ролана.

— Меня тема ребят, которые воевали, не отпускает... — произнес я и спросил: — А стоял ли вопрос о награждении?

— Сашу подали на Героя России. Но сказали, это не быстрый процесс — рассмотрение, — произнесла, помолчала Марья: — Он не то что опытный. Но он умел пользоваться всей техникой, которая была в армии. Все говорили: «Стреляет в десятку!» У него не было опыта в военных действиях, но он в пехоте *жил*. Эти постоянные стрельбы, в полях, ему дало что-то. Он умел пользоваться любым оружием, которое было. И делал все профессионально. Он не терялся, ну, как мне рассказывали. В эти моменты держал себя... Действительно заслужил...

«Хоть бы скорее решился вопрос с награждением...»

Спросил:

— На прощании сослуживцы были?

Марья:

— Да, приезжали. Кто смог. И получается, Денисов, Михайлов и Саша — они втроем вели этот неравный бой... Они

для меня Герои. Пусть и не до конца смогли с этим справиться...

— Не осилили...

— Да, что не бросили, что они там... Может, были моменты, кто-то бы и сбежал, бросил. Я хорошо их знаю. Они между собой дружили хорошо. Я даже знаю Сашу: у него и мысли не могло возникнуть — бросить и куда-то сбежать, уйти. Он не смог бы потом жить с этим. Они настолько военные до мозга костей, что... Они вот честно выполняли свой долг...

Я:

— Скажите, а в воинской части отразилось как-то?..

Марья:

— В самой части — нет, но есть рота управления. Там командир Антон Воликов — друг наш. И они сделали у себя стенд. У них тоже есть погибшие. И сделали стенд с фотографиями, с описанием: почему так произошло, краткая биография. Кто сложил голову. И там мой супруг, потому что, как они говорили, он больше времени пропадал у них...

На обратной стороне фотографии я прочитал:

«Старший лейтенант Крынин Александр Эдуардович... С 25 по 27 марта вел неравный бой с превосходящими силами ВСУ в н.п. Малая Рогань Харьковской области. 28 марта при выходе из окружения в составе группы военнослужащих старший лейтенант Крынин получил осколочное ранение, несовместимое с жизнью...»

Спросил:

— Это в танковом полку в Ельне?

Марья:

— Да, 59-й танковый полк¹...

---

¹ 59-й гвардейский танковый Люблинский дважды Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова полк. Полк находится в составе 144-й гвардейской мотострелковой дивизии с пунктом постоянной дислокации в г. Ельня.

— Ельня ведь — место тяжелых боев в Великую Отечественную... И Кочетовка: там все устлано гильзами, немцы там сильно сопротивлялись в 1942 году...

Слышался голос малыша, а мое сердце обливалось кровью.

После мне Марья прислала фотографии супруга, а под одной из них был ее текст:

«...после того как узнали, что он погиб, мне писали даже ребята, которые раньше были у него в подчинении, что он был офицером номер один из всех, кого они знали, что это очень большая потеря для всех.

Он действительно очень отдавался армии, для него это была не просто работа, это была часть его души.

Он был очень подкован в теории, командир когда-то говорил, что он один из немногих в полку, кто может достойно поддержать диалог по любой теме, его невозможно было ввести в ступор каким-либо вопросом по военной тематике...»

Марья прислала заметку: «Такой юный, а уже с медалью», опубликованную еще в 2011 году:

«В отличие от тех ребят, которые, бывает, до самого выпускного класса мучаются с выбором будущей профессии, воспитанник Воронежского великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса Александр Крынин еще в раннем детстве для себя решил, что обязательно станет военным. В детском садике играл с пластмассовыми солдатиками, а в школе увлекся военной историей.

Оканчивая четвертый класс общеобразовательной школы, Саша Крынин узнал, что в Воронеже работает кадетский корпус, и пришел к родным с серьезными намерениями: «Хочу быть кадетом!» Такое стремление Саши только поддержали. В Воронежский кадетский корпус новоиспеченный курсант был зачислен без проблем — все вступительные испытания он сдал на отлично. А уже через год

службы он получил первое звание “Отличный кадет” за успехи в учебе.

— Сложно сказать, чем меня привлекает военная служба, — пожимает плечами Саша. — Может, просто душа лежит к военной форме, к той дисциплине, которая существует в этой сфере. В детстве я мог долго наблюдать за марширующей колонной солдат, а самым большим праздником для меня всегда был не день рождения или Новый год, а именно День Победы.

Саша Крынин старался не пропускать ни одного военного парада, который проходил в его родном Воронеже. А уже будучи кадетом, он впервые оказался не среди зрителей шествия, как это было из года в год, а в числе тех, кто гордо чеканил шаг на главной площади города. За участие в юбилейном параде, посвященном 65-летию Великой Победы, парня, как и других юных его участников, наградили юбилейной медалью. Далеко не каждый кадет может похвастаться таким достижением. И остается только верить, что эта первая награда в копилке будущего защитника Отечества будет далеко не последняя.

— Я ношу форму уже шестой год и ни разу не пожалел о своем выборе, не разочаровался в военном деле, а награды только подогревают мой интерес к службе, — продолжает Саша. — Тем более что родные очень гордятся тем, что и в нашей семье появился первый человек в погонах.

Условия в кадетском училище максимально приближены к армейским: четкий распорядок дня, проживание в казарме, ранние подъемы, наряды, занятия, большие физические нагрузки. И, конечно, по школьной программе тоже нельзя отставать. Тяжело ли по сути еще подростку привыкнуть к таким строгим порядкам?

— Не скрою, первое время было очень тяжело, — признается кадет. — По утрам не хотелось вставать, идти на зарядку, не хватало времени на подготовку домашнего задания, да и по дому скучал — к родным отпускают только по выходным. Трудно было также постоянно поспевать за

всеми: если все бегут, то и ты должен собрать волю в кулак и прийти к финишу вместе с остальными.

Остановишься передохнуть — будешь чувствовать себя самым слабым звеном коллектива, а это не очень приятное ощущение. Однако потом привыкаешь и даже получаешь удовольствие от такого ритма жизни. На то она и военная служба, чтобы мужественно переносить все трудности.

Справедливости ради стоит сказать, что не все кадеты проходят этот сложный путь от начала до конца. Некоторые, не выдержав таких нагрузок, забирают документы из училища. По мнению Александра Крынина, настоящим кадетом может быть лишь обладатель таких качеств, как благородство, вежливость, выносливость, мужество и патриотизм. Кадет должен знать свое дело и хорошо выполнять то, что от него требуется.

— Дальнейшую свою жизнь я также хочу посвятить служению Родине, — делится планами молодой человек. — Осталось только выбрать — или в авиацию, или в пехоту, но склоняюсь больше к первому варианту. В одном я точно уверен: военную форму ни на что не променяю».

Выиграла ли пехота, что в нее влился Александр Крынин? Видимо, «да». Проиграла ли авиация? Думаю, тоже «да».

Прислала Марья Крынина и телеграмму со словами соболезнования от губернатора области.

Воронеж помнил своего сына.

6

Кадетское товарищество (рассказ воспитателя кадетского корпуса)

Меня захватила судьба Саши Крынина, и я искал еще людей, которые могли бы о нем рассказать.

Утром 8 июля я связался с воспитателем Крынина по Михайловскому кадетскому корпусу Александром Николаевичем Грековым.

Зная от Голомедова, что тот — подполковник, сказал:

— Говорят, вы «целый» подполковник...

Греков засмеялся:

— «Целый»...

— А как вы стали подполковником?

Греков:

— Я окончил Новочеркасское училище связи в 1982 году. В это время шла война в Афганистане. Но в Афганистан не попал, а попал в ТуркВО, в корпус ПВО. Служил. Там заболел, операция. Одним словом, перевели меня в военкомат...

— Где же вы набирали ребят?

— Ух, где я их только не набирал!.. Но у меня офицеры запаса в основном. Сначала — Туркмения, потом — Узбекистан. А когда Союз развалился, перевелся в Борисоглебск. В 1992 году. Правда, с понижением, но... Майором был уже. Но в Борисоглебске стал замвоенкома. И через четыре года, — снова засмеялся, — перевели аж в Уссурийск... Восемь лет там и в 2005 году уволился...

— Одним словом, помотало.

— Да. А в 2006 году — что дома сидеть? — пошел в кадетский корпус. В 2006 году набрал ребят, но Саша Крынин пришел в 2007-м. Уже на втором году обучения. Как попал Саша в корпус? Они же приходят и уходят. Они же маленькие. Чего им, десять лет. Всякое же случается. Короче, у меня был вакант. Видимо, и попали так. Но учитывали, что воспитывали дедушка и бабушка, а тогда мы в основном набирали детей, у кого неполная семья. Да оно и сейчас так же. Ну, и пришло это чудо маленькое.

Я рассмеялся: конечно, дети еще!

— Ну и как у этого «чуда маленького»?

— Вы понимаете, как раз Сашка особо не выделялся, дисциплину не нарушал, будем так говорить.

— В связях с нарушителями не замечен...

— Ну да. В середнячках он и ходил. Единственно, командиром отделения был.

Это уже признание.

Греков:

— Основное-то — под выпуск. Они фактически уже поделились: куда, кто и кем будет. Вот они вдвоем с Максимом Иванниковым и попали в Москву. Они выпускались в 2013 году, а у нас как раз длительное время с армией бардак был.

Время министра Сердюкова¹.

— Пришлось выправлять ситуацию...

Греков:

— Поэтому училища набирали многие. У меня из двадцати пяти кадетов выпуска девятнадцать попали в военную структуру. В силовые органы. И так эти двое. Как учились? Учились. Я же с ними связь держу со всеми. Уже почти десять лет. В отпуск приезжали, объявлялись. В 2015 году я ушел из корпуса и пять лет еще начальником сборного пункта был в Воронеже...

— Армия не отпускала...

— Как раз после выпуска в училище Саша с Максимом ко мне приезжали...

— Вот видите, вы из армии попали в кадетскую среду. Наверно, многое удивило...

— Вы представляете, то все взрослые, а тут набрал: маленькие, сопливые, плачущие. Вокруг крутятся. Да это ужас был какой-то! — говорил, смеясь. — Но зато интересно. И весь смысл интереса потом, когда выпустил и видишь, что из этих соплячков получились люди.

— Есть информация, что Саша с детства был фанатиком армии...

— Но, не будучи фанатиком, вы бы десять лет прошли бы: сапоги, форма, постоянные наряды... Тем более жили

---

¹ Анатолий Сердюков — российский политик и бизнесмен, министр обороны России с 15 февраля 2007 года по 6 ноября 2012 года.

в казарме. Только увольнительная, и то — если заработаешь.

— Вы сказали, что Саша дружил с Иванниковым...

— Вообще-то класс был довольно дружный. И Саша с Максом — вместе в училище, вместе служить. Когда Макс узнал, что с Сашей случилось, он же сейчас на Украине, он все грозит: «Я им отомщу... Я им...» Я ему: «Ты мсти, но сам о себе думай».

— Да, там — не на учениях...

Греков:

— «Не влети куда-нибудь...»

— И все-таки. Вот кадеты. Дети, да. Кто старше, кто младше... В сапогах. Честь отдай. Обратись по уставу...

Греков:

— Вот этим они и отличаются от школьников. И жизнь показала, что после выпуска они не очень приспособлены к гражданской жизни. Пятеро пошли на гражданку. Один не удержался в гражданском вузе. Вылетел. Тут же особенность: утром поднял. Короче, постоянный контроль. Водишь их. А студент? Можешь идти на лекцию, можешь не идти. А какой же пойдет, когда можно не идти? За полгода хвостов нахватили, а сдать не успели. Я потом их еще и в армию провожал. Но ничего...

— К «столбу» прибились...

— Ну да. А те, кто пошел по-военному, тоже получили...

— Они к этому стремились.

— Сашу дедушка и бабушка воспитывали...

— А пацаны — трудная публика?

Греков:

— Понимаете, если он шесть дней со мной, крутимся, вертимся... Дедушка-бабушка — они для него самые родные. Тем более он прибежал, они же его обцеловывали во все места...

— А как же! Я сам дважды дед...

Греков продолжал:

— Все те сутки, на которые он к ним попадал...
Мы говорили.

И я:

— А по обстоятельствам гибели...

— По обстоятельствам лучше, чем Марья, никто вам не расскажет... Я представителей на похоронах видел, мы так вкратце перекинулись.

— Простились в Кочетовке?

— Да, я собрал десять пацанов, которые у меня здесь были, кто мог приехать. Но в основном, кто здесь на гражданке. Десять кадетов, бывших выпускников. Сначала мы приехали к дедушке и бабушке домой. Я собрал и родителей. И отсюда колонной поехали на отпевание, потом в деревню, и там похороны.

— Там что-то с погонами...

— У кадетов такое правило: класть погоны... Хотели под фуражку положить. Но им военком не дал. Но все равно погоны бросили туда, когда землю бросали... А официально положить не дали.

Вот и деталька с погонами, значимая для одних и мало-значимая для других.

— Что известно, наградили Сашу?

— Часть подала представление на Героя. И мы все сидели, ждали, ждали. Я с Машей говорил. Документы в округе затеряли. Сейчас часть оформляет заново.

Во мне вспыхнуло: «Тех бы, кто затерял...»

Греков:

— Такого не должно быть. Если будет тишина, будем писать Президенту...

— Я сам в кадрах МВД работал и знаю, что случается...

— Вот мы, я уже и с Иванычем (Голомедовым) говорил, а бывшие кадеты уже и в разных структурах, будем действовать...

— Действуйте, обязательно...

— Насколько мне известно, у кадетов свои понятия о товарищах...

— Да, заповеди...

Голомедов мне прислал заповеди товарищества у кадетов:

«I. Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании».

Доверие и самопожертвование.

«II. Военное товарищество доверяет душу, жертвует жизнью.

III. На службе дружба желательна, товарищество обязательно».

Обязательно!

«IV. Долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества.

V. Долг товарищества преклоняется перед долгом службы».

Долг перед долгом.

«VI. Честь непреклонна, бесчестное во имя товарищества остается бесчестным».

Честь непреклонна!

«VII. Подчиненность не исключает взаимного товарищества».

Воинское братство.

«VIII. Подвод товарища под ответственность за свои поступки — измена товариществу».

Еще бы!

«IX. Товарищество прав собственности не уменьшает».

Равенство...

«X. Отношение товарищей должно выражать их взаимное уважение.

XI. Честь товарищей нераздельна.

XII. Оскорбление своего товарища — оскорбление товарищества».

Один за всех — все за одного...

Я прочитал заповеди на одном дыхании...

Вот какую школу прошел старший лейтенант Александр Крынин, сложивший голову под Харьковом.

А наш разговор с Грековым закончился на фразе:

— Вот они, кадеты... Кадетского бы побольше... Будут какие новости, мне сообщите...

Надеялся, что мы еще встретимся и поговорим как о Саше Крынине, так и о других воспитанниках Михайловского кадетского корпуса.

7

О воспитании, учебе и службе (рассказ бабушки и дедушки)

Вечером 8 июля я связался с бабушкой Крынина, и она на следующий день назначила мне встречу. И вот утром 9 июля я ехал из одного края Воронежа в другой и невольно представлял, как таким же путем ездил Саша из кадетского корпуса домой к дедушке и бабушке и обратно. И его так же летом обдавал теплый воздух...

А ведь в его жизни была зима, когда морозило, и наступила пора, когда его не стало. Проезжая Коминтерновское кладбище, где на Аллее Славы мог лежать старший лейтенант, не мог оторвать взгляда от церковки и арки ворот на погост.

Почему?

Может, потому, что старший лейтенант, чудилось, лежал здесь, хотя упокоился в селе родни, в Кочетовке.

У супермаркета «Линия» меня встретила невысокая, подтянутая женщина, оказавшаяся моей ровесницей, разве что ее сплошь седая голова отличалась от моей, с проседями.

— Любовь Васильевна, — представилась она.

И пригласила:

— Пойдемте к нам домой. Там и поговорим.

Она жила в соседнем доме с девятиэтажкой, в которой жил мой коллега по УВД Владимир Гончаров.

— Кооперативный, — я говорил по пути. — Ему повезло. Квартиры ведь в милиции рядовым сотрудникам не давали. И подвернулась возможность попасть в кооператив. И он вступил, сам не зная, как за него расплатится... А тут рубль обесценился, и он получил квартиру почти за так...

Любовь Васильевна:

— Нам тоже повезло. Жили в общежитии. Решали: ждать государственную или идти в кооперативную. А у нас сосед по общежитию: «Лучше мы на эти деньги мебель купим...» И купили на эти деньги диван...

Заговорили о Саше:

— Мне сказали, его воспитывали вы...

— Два года Саше было, они (родители) разошлись. И мы, конечно, сами воспитывали. И потом в кадетский корпус его дед водил-приводил... — летели отрывочные фразы. — Дружил с ребятами в округе... А с отцом близок стал, когда училище закончил... Нас-то он не волновал... Все говорил: «Дедушка, ты что, никакой войны не будет...» Просто я не знаю, как пережить нам это, — голос ее дрожал, она утирала слезы.

Мы вошли во двор.

Бабушка:

— Просто он был таким мальчиком — таких детей, наверно, и нету... Даже иногда что-нибудь приготовлю, он не любит это, но надо бы поесть. Он сядет, поест: «Бабушка. Спасибо. Все было очень вкусно». Никогда не скажет: «Я это не буду. Я это не хочу». «Бабушка, спасибо». Никогда...

Мы зашли в лифт, поднимались.

— Чтобы артачился... Никогда. Никогда у нас с ним не было острых отношений. Не слушается он или что-то. «Бабушка, можно я туда схожу?» — «Да иди, Саша». Вот

идем у витрины. «Бабушка, я отойду, можно?» — «Можно, я буду видеть тебя. Иди».

Зашли в квартиру, где нас встретил крупный мужчина:

— Дедушка Саши Владимир Алексеевич... — назвалса он и показал на большую комнату: — Туда проходите...

Я устроился на краю дивана, на другом краю сел бабушка и на стуле напротив — бабушка.

Любовь Васильевна, оглядывая комнату:

— Молодежь поженилась — жили здесь. Его мать и отец. Саша здесь родился, здесь и воспитывался. А его мать — наша дочь.

— И сынишка с двух лет с вами...

Дедушка:

— А они заняты собою, — сказал про родителей Саши.

— Как с Сашей-то, вы ведь...

Любовь Васильевна:

— Работали. Я — на заводе бухгалтером, дед работал. А Сашу мы сразу в садик определили. Вот в мае они его бросили. Как раз 1 мая ему два года. А в июне мы его оформили в садик. Потом он увидит в садике кого чужого — молчит. Целый день молчит. Мария Никаноровна, воспитатель, говорит: «Саша, скажи “мама”». И он молчит. А вечером к ней подходит и говорит: «Мария Никаноровна, а можно мне вот эту игрушку взять?» Она: «Я чуть не упала, я его “мама” заставляла говорить, а он: “Можно мне эту игрушку взять?»» Вот, когда чужие люди, он всегда помолчит, а потом освоится...

— Еще бы, у всех — папа и мама, а у него — бабушка и дедушка... Я в комсомоле работал, приезжаем в подшефный детский дом, а малыш подойдет, обнимет ноги: «Можно я вас папой назову?» До слез... И вот вы — с работы домой...

— Да, я — пулей домой. А дед забирал... Но самое главное, Господь нам, наверно, помогал: он ни разу не болел... Тогда спад рождаемости был и в садике в группе десять человек. Всего десять. И он никогда не болел.

— А мои внуки — через неделю...

— И он не болел... Больничный мы с ним не брали, не сидели...

— Вам очень повезло...

— И в садике выпускался. Его спрашивают: «Кем будешь?» Он: «Милиционером».

— Но стал военным...

— А как с «читать», «писать»?..

Бабушка:

— С маленьким я занималась.

Дедушка:

— У нас с ним проблем вообще не было.

Бабушка:

— В школу мы отдали его в шесть лет. В 95-ю. В нашем дворе. Почему отдали? Потому что Зинаида Федоровна Щур набирала первый класс. Она очень хорошая учительница. И мы знали, что на следующий год таких хороших учителей не будет. Мы отдали его в шесть лет. Потом Зинаида Федоровна говорит: «Но он — самый маленький. Может, заберете?..» Класс большой был. Я говорю: «Зинаида Федоровна, ну, пожалуйста, не выписывайте его. Пусть он ходит».

— И тут повезло...

— Потому что моя дочь пошла в школу и попала к такому учителю... Вот, молодая она. И ничего не получилось из нее. Потому что после нее детей заставляли переучивать. И я ей: «У меня вот такой случай. Пожалуйста...» И она послушалась. И всегда нам помогала. Она спланировала класс. Уже в третьем классе начали кучки образовываться. Она хотела, чтобы класс монолитный был. И вот на собрании ко мне мальчик подбегает и говорит: «А Саша Крынин у нас со всеми общается». Я запомнила это. То есть находил общий язык со всеми. Он не ругался. Вот у него такой характер. Не ругался ни с кем. Он находил общение.

Дедушка:

— Его Ляпой звали. Кот Леопольд. «Ребята, давайте жить дружно». Всегда все урегулировал.

— Сколько классов его учила Зинаида Федоровна?

Любовь Васильевна:

— Четыре класса с ней окончил.

— Эта начальная школа.

Любовь Васильевна:

— Она очень много дала за эти четыре года.

— А успеваемость какая у внука?

— Хорошая. В четвертом классе сидим, сижу с ним. Он уроки делает. И думаю: он привыкнет, чтобы я сидела с ним. «Бабушка, ты сиди со мной. Вот я буду сам делать, но ты, пожалуйста, сиди со мной». А я звоню, у нас родственница — учительница: «Приучила его сидеть со мной...» Она: «Нет, он маленький. Он на год раньше пошел в школу. Раз он просит тебя, сиди». И вот я сидела... Задали сочинение где-то в четвертом классе. Он: «Вот, бабушка, всем родители пишут сочинения, помогают писать». И я: «Саш, вот ты и напишешь. Я не хочу, чтобы я писала тебе сочинение. Ну, что. Я напишу. Не ты же напишешь». Может, и неохота было ему написать. Ну, короче, он написал сочинение, я даже проверять не стала. Вообще не стала проверять ни ошибки, ни содержание. И потом Зинаида Федоровна всему классу читала, как он написал это сочинение. Он гуманитарий. По русскому на «4», «5» учился.

— А помимо школы?

— Он ходил на танцы. То на баяне начинал, то на трубе.

Кружки при школе. А танцы платные...

— А он спрашивал: «Папка, мамка где?»

Бабушка:

— Не спрашивал...

Дедушка:

— А он со мной был. На машине. Постоянно. На рыбалку. Я ему 100 рублей давал: он в 5 утра вставал и ехал со мной развозить йогурты. Где мы только с ним не были...

Бабушка:

— Он даже не спрашивал о них... В деревню ко мне приезжали, там мой брат учителем работал. Приходил к нему.

И он уже тогда вопросы: «Дядя Сережа, а почему, когда костер заливаешь водой...» Он начинает ему рассказывать. Он химиком был. А потом Саша у моей мамы, своей прабабушки спрашивает: «Бабушка, а почему дядя Сережа все знает, что я у него не спрошу?» Четыре года ему было. А она говорит: «Но он же школу хорошо закончил. Учился хорошо дядя Сережа. Потом институт закончил. Поэтому он все знает. И ты учись. И ты будешь много знать».

— И вот от Зинаиды Федоровны он уходит...

Любовь Васильевна:

— Да, потом пошел он в пятый класс. 95-я школа. Там после Зинаиды Федоровны все-таки классная...

— Отличалась...

— Резко. Ну, и он начал нас доставать. Как раз кадетские...

Дедушка Владимир Алексеевич:

— Да, я и не знал про этот кадетский корпус. Он сам.

Бабушка:

— «Вот я хочу в кадетский корпус» — и все. Говорим: «Саша, — маленький ведь, — туда больше не принимают». Ну, сказали неправду ему. А он на следующий год возобновляет просьбы. И мы его оформили. А как? Как раз депутат приезжал к нам, он участник афганской войны. Я к нему подходила: «Вот такая у нас проблема». Он: «Приходите ко мне». Я пришла. Он дал мне направление в департамент образования. Я в департамент ходила, и они оттуда меня направили в кадетский корпус. И из корпуса звонили: «Приводите Сашу». Ну, у него оценки хорошие. Мы привели и попали к Александру Николаевичу (воспитатель Греков).

— Это какой получается класс?

— Шестой. Они же там с пятого класса, год без него отучились. Но все равно он сразу влился в коллектив...

— А как ему в корпусе? Дома ведь — расслабуха...

Снова подключился к разговору дедушка.

— Э, не. У нас не расслабуха. Я его забирал каждую субботу, в воскресенье вечером отвозил или в понедельник утром. Когда двоек не было. Когда двойки, в увольнение не отпускали. Приезжаю туда, они выходят, ревут: «Заберите меня». У него, когда ни спрашивал: «Какие, Саша, дела?», он: «Нормально, дедушка». Все хорошо.

Бабушка:

— Никогда не пожаловался.

— А какие-то изменения в нем замечали?

— Когда он еще маленький был. — Бабушка достала альбом и раскрыла. — Вот, Россия.

На листе был нарисован российский флаг.

— Надо же!

— Еще в школу не ходил, а у него — Россия. Гимном интересовался, — перевернула и показала следующий рисунок: — Вот зверюшка...

— Как Николай Дроздов: люблю Россию и люблю природу... Но ведь это дети, приходилось и «рихтовать»...

Бабушка:

— Вы знаете, не потому, что наш внук. Господь нам послал, что мы его воспитывали. И у нас проблем никаких не было.

— Шестой класс, самый... Чего только не творят!..

Бабушка:

— Да. Греков, может, и расскажет.

— Греков сказал: «Соплячки»...

Я понял, что бабушке сказать о внуке что-то нехорошее просто нечего.

— И вот он учится... Ать-два...

Бабушка:

— У троюродного брата сын родился. У него деревянный автомат был. Саша взял автомат этот, утром встает — а у нас в деревне овраги — и побежал часа на два, пока все овраги не оббегает. И только потом прибежит, завтракает... Пули, каску найдет. Все это собирал.

— В Кочетовке ведь бои были страшные. Все усыпано гильзами...

— Да, страшные...

Дед:

— Он родился со склонностью к военному... Сейчас анализируешь: он не давал нам никаких шансов. Он шел сам. Как наметил. Никто ничего ему не говорил. Я ему: «Надо поступать в ВАТУ» (Воронежское авиационно-техническое училище). А он бабушке жаловался: «Что на меня дед наезжает?» Я-то видел. Сам служил в Нижегородской области и регулировщиками стояли. Видел это училище Верховного Совета (куда потом поступил внук) и видел, как они из Москвы — своим ходом, по болотам. Через Черноголовку шли к нам, одни зубы видны. И окопы копали курсанты. Ну, я ему об этом говорить начал, он бабушке жаловался: «На меня дедушка наезжает». А я ему просто говорил. На него вообще никогда не наезжал.

Бабушка:

— Да не за что было на него наезжать.

Дедушка:

— Поедем на рыбалку... Вот Генка, он в Афганистане служил, сейчас в монастыре заказал год поминать его... Ну, и с нами ездил на рыбалку. Его не надо было ничего заставлять. Он сам видел. Берет и чистит картошку. Посуду помоеет...

— Свой парень... — вырвалось из меня.

Дед:

— Вот он такой...

Бабушка:

— Летом — в Кочетовку... Там учила его плавать. Потом — на коньках. В четыре года пошла с ним в лес на лыжах. Замерзла... Потом подрост, и мы стали в «Олимпик» ездить, на лыжах катались. Потом — вдвоем с другом... Он собирал марки. Начинал на гитаре играть. Купил сборник песен Высоцкого. С математикой еще кое-как, а с физикой не очень дружил... Про родню интересовался...

Дедушка:

— Мой отец служил в «СМЕРШе», а потом водителем работал. И я в кабине машины вырос. Так же и Саша

у меня... На выходные дни — со мной, а как каникулы, так сплошь... Все в движении, и он со мною... В деревне с пацанами с утра до вечера на пруду... Там себе мосток прыгать в пруд сделали...

— В Кочетовке много с войны оружия... Можно подорваться...

Дедушка:

— У меня много ровесников подорвалось...

Бабушка:

— Года три назад начали ворота строить одни. Копнули, а под ними — склад оружия... Дом стоит, ворота строят, а тут...

— Еще рванет!

Дедушка:

— Мне мама говорила: «Знаю, где окоп и где закопаны. Но если скажу, начнут копать и, не дай Бог, взорвется. Люди жилья лишатся... Так что не скажу...»

Любовь Васильевна:

— Мама мне рассказывала. Ей пятнадцать-шестнадцать лет было. Наши наступали. И где-то в Ивановке, что ли, напились. И наши шли с севера на Кочетовку. И они цепями лежали. Их немцы положили всех.

Дед:

— В Кочетовке у немцев стоял «Ванюша». Немецкий шестиствольный миномет. Церковь была. На церкви — пулеметчик. А церковь видна была с Гремячьего. Такая большая. Это еще я помню. При мне взрывали ее. На ней пулемет был. И моя прабабушка рассказывала: «Они шли, белые тулупы. Нараспашку. И шли напролом... Пулеметчика скинули с колокольни. “Ванюху” немцы бросили, убежали». Положили там много...

— А как в его жизни появилась Москва? — спросил я. — Ведь кто-то, видимо, посоветовал в училище Верховного Совета...

Бабушка:

— Пошли компьютеры. И, мне кажется, по компьютеру. И его, наверно, воодушевил подвиг кремлевских курсантов.

— В 1941 году курсанты под Волоколамском остановили немцев...

Бабушка взяла другой альбомчик:

— Они 95 километров, как те в войну, прошли...

Я листал альбом и видел снимки экипированных курсантов, которые двигались по шоссе, потом — по проселку, по лесу, попадали под дождь, но шли...

— А вот его значок «Марш кремлевских курсантов»... — подала бабушка коробочку со значком и удостоверением.

— Сильные ребята... — вернул коробочку.

Дед:

— К ним и обращались: «Товарищи кремлевцы!» Один подполковник-артиллерист, пообщавшись с Сашей, сказал: «Я о пехоте стал другого мнения... Я не думал, что офицер-пехотинец может столько знать...» Так и в Ельне, в полку проверяли. И: «А Крынина что спрашивать, он все равно все знает...» Они после развала (СССР в 1991 году) первые маршем шли.

— Возродили традицию...

— Да и первый набор их был. Мы приехали, училище было сто двадцать человек...

— Это последствия «службы» мебельщика-министра...

— Табуреткина, — сказала бабушка.

Дед:

— Они саперными лопатами вырубали заросли на полигоне...

Мебельщик ведь разгонял части, училища...

Дед:

— Я к Саше часто ездил. Он, когда поступал в училище, я накатал сорок пять тысяч километров... То привези это, это... Бумажки какой-то не хватает, и говорят: «Но если хотите, чтобы он год пропустил, тогда можно привезти

Александр Крынин

и попозже». И вот мчишь домой, найдешь эту бумаженцию — и потом обратно... Ездил, отвозил, а потом ездил — забирал... Такое время было...

— А на груди Саша значка «Марш кремлевских курсантов» не увидел.

Дед:

— А он его не носил... А вот когда лейтенантом стал, у него висят... С Иванниковым вдвоем. Он уходил в пограничное училище, побыл там неделю и приехал в Ногинск к Саше. Они там — два месяца. Курс молодого бойца.

— А Марья...

Бабушка:

— Они где-то в Москве познакомились. Она ему и торты пекла. Всегда что-то мясное. Она же тоже училась. Работа-

ла и еще в воскресенье к нему ездила. У нее вообще отдыха не было... Училась в каком-то университете...

И в конце:

— У Маши проблемы с ипотекой. Ей же положено выплачивать. Она приехала в часть, а рассчитать никто не может. Мол, у нас некому рассчитывать. А там — сроки. И вот как?

— Это в части... Но есть над частью. Пусть рассчитывают, это же не Машина обязанность...

— Он год отслужил. Ему идет сколько-то. Он не стал покупать квартиру, а накапливал. Когда уйдет в запас, ему отдадут, и он купит. То есть четыре года отслужил, и сколько-то денег... И их должны отдать Маше...

Я предлагал свою помощь — писать их начальникам, чтобы расшевелить чинуш в погонах.

8

Награды родных.

Еще о службе, жизни и подвиге внука (продолжение рассказа бабушки и дедушки)

Бабушка:

— А прапрадед Аверьян Тимофеевич Комаров — участник Сталинградской битвы.

На сайте «Память народа» я нашел наградной лист с информацией о награждении его медалью «За отвагу».

Читал в листе¹:

«...Комаров Аверьян Тимофеевич, красноармеец, должность: установщик трубки (бат. 227 Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона РГК) представляется к медали “За отвагу”. Год рождения 1905. Национальность русский. Партийность б/п... В Великой Отечественной войне с ок-

---

¹ https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero48249201/?static_hash=97bc2f7cad58618d640a9f746c62c358v3

тября 1941 г... Ранен... В Красной армии с 1941 г... ранее не награждался.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Комаров А.Т., работая установщиком трубки в расчете орудия сержанта Лотникова, при штурмовке батареи 2-я МЕ-109, выполняя команды командира орудия, быстро подготовил снаряды и установил скомандованный взрыватель. Работая четко и сноровисто, тов. Комаров дал возможность после трех выстрелов сбить один из “мессершмиттов”.

Достоин правительственной награды — медали “За отвагу”.

Командир 227...

Капитан Подпись (Фофанов)

12 сентября 1943 г.».

Там же, на сайте «Память народа», нашел сведения о награждении Аверьяна Комарова в 1985 году орденом Отечественной войны II степени.

Любовь Васильевна:

— А мой папа, Киселев Василий Никитович, родился в 1919 году в Кочетовке, он воевал на Перекопском перешейке.

На сайте «Память народа» прочитал, что Василий Киселев в 1985 году награжден орденом Отечественной войны II степени.

Я спрашивал:

— А как с распределением у Саши?

Бабушка:

— Мы говорим: «Саша, может кого-то куда-то... Попросить...» Он: «Нет, я сам. Никого. Я сам». Никакой помощи ни от кого не принимал.

— А вы думали, куда бы его...

Дед:

— Он выбирал... Он хотел на Сахалин... и выбрал Клинцы...

Продолжал интересоваться:

— И как в Клинцах? Это же солдаты.

Владимир Алексеевич:

— Служба как служба. Солдаты. Выезжал на учения. А в армии — кадровый голод. Их ведь выпустили на три месяца раньше. Их в марте выпустили, а должны были в августе. Учили пять лет, а сейчас — четыре года. Он недолго там пробыл. Его вызвал командир дивизии и сказал: «Собирайся, поедешь в Ельню. Там стоит полк». Он: «Товарищ генерал, а у меня свадьба». Он: «Ничего, приедешь на свадьбу». И уехал туда ротным. Досталась ему рота, убитая. БМП — все убитые. И он звонил мне: «Дедушка, так и так». Я же в технике чуть-чуть соображаю. Я ему, что знал, подсказывал. И вот он там полгода.

— Приводил технику в божеский вид.

— Ну, и здесь до самого-самого с этими БМП. А потом был в отпуске, приезжает из отпуска и говорит: «Дедушка, меня перевели помощником начальника штаба танкового батальона».

— Это в декабре?

— В ноябре (2021 года). Он сдал роту и перешел. Новый батальон у них формировался. Ну а после Нового года — на Украину... Ребята говорят, начальником штаба батальона там был... А потом командира полка убили, и он — чуть ли не за командира полка... Подполковника убили. И их оставалось трое... Это все слухи, а как там было... Знаем, уезжал туда помощником начальника штаба батальона. Здесь начальник оставался, потому что у него все срочники были. И там батальон формировался. Это у военных спрашивать надо...

— И как там?

Бабушка:

— 6 февраля Машу проводил в Москву с Ленечкой (жену с сыном). Из Ельни. «А 8-го, — говорит, — мы уезжаем на полигон...»

Тогда еще никто не знал, что начнется 24 февраля.

Бабушка:

— У него обостренное чувство справедливости было. Ему трудно, наверно, было. Потому что он справедливый. Начнет рассказывать: «Бабушка, у нас служить призвали. Один такой...» Сейчас же их не калибруют. А всех посылают служить. Кто какой получается. И я говорю: «Саша, ты — ко всем одинаково. Ну, человек с таким характером...» Он: «Бабушка, я так. Но все равно, такой смешной...» Я ему: «Никогда не смейся...» Он держался так. Как с ребятами здесь, в классе: «А Саша Крынин со всеми общается». И там, наверно, так общался.

— Звонил оттуда?

Бабушка:

— 8 марта (2022 года) позвонил — и всё. «Бабушка, поздравляю с Женским днем...» Я: «Саша, как у тебя?» — «Бабушка, все хорошо». — «С дедом на поговори». Хоть бы я ему сказала... Когда из отпуска уезжал, я: «Сашенька, береги себя». А на этот раз не сказала, — заплакала бабушка, — а: «Поговори с дедом...»

Вот оно, бабушкино благословение.

Любовь Васильевна:

— Не сказала. И почему-то я была спокойна. Начальник штаба — ну, не должно ничего случиться. И все. После этого все и случилось. Я посмотрела этот номер, с которого он звонил. Этот телефон последний раз выходил на связь 28 марта. Не мне звонил, а кому-то...

— Может, владельца телефона тоже нет...

Любовь Васильевна посмотрела, покопалась в телефоне:

— Телефон 8-996-045... 28 марта, не то в 9:30...

Дедушка:

— Они же утром выходить начали и нарвались на этих. И они втроем прикрывать остались...

Помолчав:

— И потом вы узнали, что...

Владимир Алексеевич:

— Похоронку прислали...

Любовь Васильевна:

— Мы были в деревне. Из военкомата пришли к нам и соседу, а сосед знал наш телефон, позвонил нам и сказал: «Саша погиб». — «Нам что, туда приехать?» И мы приехали. Через час военком с девушкой привезли нам эту похоронку. «Погиб... от ранения, несовместимого с жизнью...» А дальше — в Ростов. Военком сказал: «Желательно самим ехать, а то затянется эта волынка неизвестно на сколько...» Маша, мать Саши, племянница выехали в Ростов на опознание...

— Опознали...

Любовь Васильевна:

— Да, и через день его бортом привезли в Воронеж. А Дениса (говорила о прапорщике, тоже погибшем) на месяц позже привезли. Они не ездили туда.

— И потом...

— Здесь с соседями попрощались — и в церковь в Семидесятном. В селе рядом с Кочетовкой. И на кладбище, там у нас его прабабушка похоронена. И он рядом. И для себя место оставили.

— А другие варианты похоронить?..

— Понимаете, в деревне у него и друзья. На каникулах-то он там. И сейчас к нему приходят... А здесь... Вон писали, надругались над могилой. Черт-те что...

— На прощании сослуживцы были?

Любовь Васильевна:

— Конечно...

Владимир Алексеевич:

— Семьдесят машин было... Из Питера, Москвы, с фронта. Из Ельни. Кадеты... Из его корпуса, друзья...

— И что говорят ребята с фронта?

— Они сильно не разговаривают, воюют. Вот приезжал Сашин подчиненный к нам в деревню...

Дед:

— Он командир взвода разведки. Он рассказывает: у них один танк заблудился, связи-то не было. Они поехали искать его с зампотехом. Поехали этот танк искать. Они пять дней бродили, искали и нашли его в России: он стоит, сломался. И они не попали...

Любовь Васильевна:

— В эту мясорубку...

Дед:

— Если б попали, то и он бы мог...

Бабушка:

— И второй друг его, кум Антон, говорит: что-то в одной машине раз — и все полетело. И он, как командир роты, в Россию выехал чинить... И он тоже не попал. Ленечкин (сын Александра Крынина) крестный.

Владимир Алексеевич:

— В общем, командир полка не вовремя дал приказ на отступление. И сам погиб, и они... Спрашиваю, кем был Саша, когда погиб? Кто — начальник штаба. Кто — чуть ли не за командира полка оставался. Кто что говорит...

Ситуация чуточку прояснялась, но все больше ставила вопросов.

Дедушка:

— Вот офицера нашего из дома один из Богучара подвозил...

— Там танковая дивизия.

— Контуженный, он после госпиталя. Но говорит: «Не могу дома сидеть». И таксует. Деньги зарабатывает. Разговорились. «Да вот у нас погиб», — описал его мой друг. А тот: «Да я его хорошо знаю». И говорит: «К ним пришел эшелон от нас, из Богучара. БМП. Он их разгружал. Они

не заводятся. Глохнут. Он их там и танками таскал, и чего только ни делал». И мой друг его спрашивает: «А что так? Где же командир?» Он, кхе: «А командир в отпуске...»

— В одной роте висит планшет о Крышине Александре, и там написано: представлен к званию Героя России.

Дед:

— Говорят, они остались трое прикрывать... Он много их там положил... А так я не знаю.

— Я в Интернете нашел: 59-й гвардейский танковый полк. Попал в переплет под Харьковом. И украинский журналист ходит и снимает технику. Она разворочена в лесопосадке.

Дед:

— Там ни связи, ничего не было...

— Как это так?

Бабушка:

— Там 20-я армия была, а его перебросили в 6-ю армию. И кто в 20-й, все живы. А Саша погиб.

— Мне Голомедов рассказывал: идет наша колонна, подходит к Харькову. В него вот войдет. А нужно только топливо. Звонят, а им: во тебе... Развернулась колонна и ушла...

Как Херсон, могли с ходу взять Харьков.

Владимир Алексеевич:

— Видимо, поэтому кто-то и умалчивает...

— Скорее всего замыливают эту ситуацию...

— Я вот писал про полковника Хабибуллина. Его на Героя подали, а ничего, тишина. И когда погиб, тут уж присвоили... Но вы не волнуйтесь, Голомедов сказал: «Кадеты подключатся...» И все мы..

Любовь Васильевна:

— Конечно, надо вмешаться...

Дед:

— Нам сказали. Ребята ездили в кадры 20-й армии. Им сказали, документы отправили на Героя в Министерство

обороны. И вы не сильно там. Орден Мужества сколько ждут. А тут — три, четыре, а то и пять месяцев...

— А в 6-ю армию почему? — я хотел понять.

— Их полк — в 20-й армии, а к 6-й как прикомандированный. Сборный полк. А документы из Ельни. А в Ельне полк 20-й армии... И на табличке-то дата смерти — 5 мая. А он погиб 28 марта. Как это? Похоронку принесли 8 мая.

— Выходит, свидетельство о смерти — от 8 мая? — спросил я.

— Как в похоронке, она и есть свидетельство о смерти.

— А он погиб 28 марта...

Любовь Васильевна тоже сетовала:

— Когда доставили в Ростов, это 8 мая. А на табличке — 5 мая... А он погиб 28 марта...

Вот и разбирайся.

Еще много путаницы и неясного предстояло устранить в истории старшего лейтенанта Александра Крынина.

— Память о Саше?

Бабушка:

— В роте висит доска.

— А школа 95-я?

Любовь Васильевна:

— Она вообще не отреагировала никак.

Я вспомнил:

— Губернатор-то телеграмму-соболезнование прислал.

— Я Зинаиде Федоровне собиралась звонить и не знаю, как...

— Она еще работает?

— Да...

Любовь Васильевна подала альбомы, и я в них рассматривал фотографии Саши с детства. Видел его то с котенком, то с бабушками, то в классе, то с девушками на балу...

Показала его иконку Александра Невского и сказала:

— А он и крестился в храме Невского...

Открыла на своем телефоне видео, и я увидел, как флаг на параде части несет Крынин Александр Эдуардович. А про несших звучало: «...данные военнослужащие являются примером воинской дисциплины, надежной опорой для своих командиров и примером для сослуживцев».

И мне казалось: Крынин снова здесь, передо мной и бабушкой и дедушкой...

Вот так вот он не мог опустить знамя перед украинцами...

Не мог...

Ни при каких обстоятельствах...

Он — михайловский кадет...

Я покидал дом, где рос, откуда ушел в кадеты, а потом в военное училище, куда постоянно возвращался Саша Крынин и откуда ушел на Украину.

И каким-то магнитом меня удерживало здесь.

Вот простился с Владимиром Алексеевичем. Любовь Васильевна вызвалась меня провожать. Несмотря на мои возражения, она спустилась со мной на лифте. Мы вышли из подъезда.

9

«Папа, ты знаешь, куда я еду. Я готов» (продолжение рассказа бабушки)

На улице было душно.

Бабушка не могла успокоиться:

— Он у нас один-единственный. Он так хотел жить. Планы такие, — снова плакала. — И вот все. Эти подлюги американцы и западники. Хоть бы кто-нибудь уничтожил их до конца!..

— Для меня тема погибших ребят святая...

Любовь Васильевна:

— Насчет награды...

— Будем добиваться...

— Я вот смотрю, за такие поступки Героем России награждают... У них 1 марта свадьба была, а утром рано 2 марта он уехал на полигон. И приехал аж в октябре... Я благодарна Маше, думала, после института карьеру будет делать, а она... Вот и Ленечка родился (правнук)... Обрадовались. И сейчас все больше на Сашу становится похожим... Очень шустрый мальчик. А Саша спокойный. Он как-то в себе. Не нахамит никогда, не унизит... И к пожилым... К маме моей. Она у нас — забирали ее к себе. И он из школы придет. Она ему любимое блюдо — пельмени. Она встречала, покормит. Вот старость не любят. Он никогда пренебрежительно не обращался. А ляжем — он: «Бабушка, расскажи, как раньше жили...»

Я слушал, может, что-то и повторялось, но слушал...

Любовь Васильевна:

— Бабушка рассказывала, как ходила окопы копать. Когда забрали, ей 16 лет было, и окопы под Смоленском. Приехали копать, а немцы — бомбить. Командиры сразу исчезли. А они ничего не знают. В деревне ведь росла. Ну, они и пошли пешком оттуда. Шли, и, говорит, какие солдаты ехали на машине в сторону Воронежа, подвозили бесплатно. Консервы давали. А у них-то одежда, деньги на одном берегу остались, а рыли ведь на другом... И вот мальчишки. Но мальчишкам консервы не давали, они с ними делились и шли... Было нечего есть, пешком шли... В какое-то здание зашли, ночевали, а утром бомбить начали. Они — под столы в этом здании. Но ничего не случилось... У подруги деньги были — купили гребешков и не стали есть... Всегда рассказывала... Я не знаю, как мы будем жить без него, — снова голос надрывался. — И вот похоронили. И каждый день или через два дня цветы ему возим. Здесь невозможно находиться... Дедушки сестры внучка плачет... Там свекровь его похоронена... И мы себе место там оставили... Отцовы родители (Эдика)... А Эдику позвонил и сказал: «Папа, ты знаешь, куда я еду. Я готов». И все.

Мимо проходили люди, а бабушка говорила и говорила, боясь прервать речь. Как когда-то ее не отпускал Саша, говоря: «Бабушка, ну, посиди со мной», так и теперь она не отпускала меня.

Любовь Васильевна:

— Вот так он отцу ответил. А нам? Да что вы, разве он допустил, чтобы волновать? Да никогда, чтобы волновать... Тем более — плохой поступок совершать... Никогда он нас не волновал... Берег нас. Каждый день звонил. Вот дети не звонят, а внук звонит. Каждый день. Учился в училище, еды не хватало. «Саша, ну, скажи, куда деньги выслать?» — «Нет, не надо». А потом мы приспособились. Как деду позвонит, значит, деньги есть. Как мне позвонит, денег нет. «Саша, сколько денег надо?» — «Бабушка, ну, рублей...» Ладно... Вышлю больше. Ну и, конечно, отцовых бабушек, он очень их любил... И вот за ним едут. А мы из одной деревни. И он там... Мы дисциплинированные. Наверно, и Саше трудно было, как и мне. Вот мы вышли из школьной жизни, из этой оболочки, и окунулись в жизнь, с несправедливостью столкнулись. Тяжело было. Мой старший брат окончил пединститут, и его в Могочу послали. Директором школы-интерната поставили. Пришел, а дети пьют из чашек. Ни ложек, ни вилок — ничего нет. Он: «Подпишу на ложки — купили. А они опять без ложек. Все разбирали ментально». Потом приходят из милиции, обкома-парткома: «Мясо давай». Ну, он там врезал одному и уехал оттуда. Он говорит: «Я не мог...» И дети плакали, когда он уезжал. Девочек приведет в магазин: «Так, выбирайте...» Они такие довольные. Им: «Почему не ходите купаться?» — «У нас купальников нету». Взрослые девочки. Пошел, купил им купальники... Потом — пряники. Борщ съесть, второе. Неужели они пряники съедят? Они идут все без пряников. Потом оказалось, им вообще не дают эти пряники. Опять забирали...

Мне становилось тяжело, но я слушал.

Бабушка Саши:

— Ну, он, конечно, не смог. У нас вот это чувство справедливости. Нелегко так жить. Выживать в этом мире. У меня, что и у среднего брата, он заслуженный ветврач России был, тоже вот эта проблема была, чувство справедливости... И как хапали...

— Маша говорит: Саша справедливый...

Любовь Васильевна:

— У нас у всех обостренное чувство справедливости... И у моего отца. Он на Перекопе воевал, он вообще бесстрашный был. И вот тоже как судьба распорядилась. Из нашей деревни попал с ним воевать. Намного его моложе был. А бомбили, когда Крым брали. А воды ни капли не было. А там родник. Все боятся ползти за водой. Ну, отец один раз прополз, принес. Они куда там, в каску набрали, выпили. Он — второй раз, третий раз. Он уполз, а в этот момент мина попала в окоп, и этому парню руки оторвало... Видите как. Парень боялся, а в окопе его настигло... И мама никогда ни с кем не поругалась. Вот свеклу ездили полоть. Женщины на машине ругались, а вот мама — никогда ни с кем. Обойдет. Ей больно сделают, а она обойдет. Сноха мне кричит: «Люба, наша мама — самая лучшая в мире». Вот эта связь с прабабушкой, она все равно есть. Что он мог контактировать с людьми. Не обозвал никого. Не гневил. И я ему тоже говорила: «Саша, люди разные. И ты никогда не насмехайся...» Мы, конечно, всю любовь ему отдали...

И он отдал себя людям...

— А еще нельзя было на него повышать голос... Вот, математика. Раз объяснила, два объяснила. Он никак не въедет. Я уж начинаю... А он: «Я ничего не знаю, ничего не умею, я хуже всех...» Я себе: стоп, Любовь Васильевна. Взяла себя в руки и говорю: «Саша, помнишь, как вам Зинаида Федоровна в классе рассказывала?» Он успокоился. «Ты помнишь, как урок был?» — «Бабушка, так и так». И сам решил. И я с тех пор никогда голос не повышала... Размеренно... Он всегда отпрашивался: идет гу-

лять. «Я здесь гуляю. Можно мне уйти туда?» — «А с кем будешь?» — «С тем». — «Иди...» Нам Господь его послал, что работали и воспитывали сами... И маленького, — снова плакала. — Нам Господь послал... Помогала свекровь... В деревню всегда брала... Я вообще не знаю, как нам... Как жить, я не знаю... Ложусь, а внутри все... Я не знаю, как это успокоится. Но мне жить невозможно стало... И таблетки... А проснусь: как ему трудно было! Как погиб. Начинаешь все анализировать... Не послушался, в ВАТУ не пошел. Может, живой бы остался...

Я не знал, что говорить. Не знал. Сам, цепenea от происходящего и вместе с тем твердя себе: «Ты должен».

Что? Должен оставить этого мальчика живым...

И это гнало меня садиться за стол и писать... Писать ради таких кадетов-михайловцев-кремлевцев...

А слова бабушки подгоняли:

— А еще этот таксист, он бегал с этими бэтэрами: одно, другое... Ну, вот так... Ну вы помогите нам, пожалуйста, как увековечить такого парня...

Да, увековечить.

10

Родом с Белгородчины (рассказ первой учительницы)

Мне рассказывали о первой учительнице Героя России Александра Крынина Зинаиде Федоровне Щур, и вот 1 сентября мне удалось связаться с ней. Поздравив ее с новым учебным годом, я обратился с просьбой:

— Зинаида Федоровна, я хочу поговорить о вашем ученике... Но сначала хотел бы узнать: вы сами откуда?

— Я вообще-то не воронежская. У меня муж — бывший военнослужащий, офицер. Поэтому мы сюда приехали, он преподавал в военном училище. А я вот сюда пришла в школу.

— Вы гарнизонная... — обрадовался я, сам выросший в гарнизонах.

— Да, я именно по гарнизонам ездила вместе с мужем и вот в Воронеже...

— А родом?

— Из соседней Белгородской области. Вейделевский район.

— А как получилось, что в учителя пошли?

— О! Это моя любимая профессия еще с детства, — воскликнула Зинаида Федоровна. — Я пошла в школу в первый класс и сразу для себя определила: о! Я тоже буду учительницей.

— И где вы учились?

— В Валуйках оканчивала педучилище, потом в Белгородский пединститут поступила, потом ездила по стране... Жили на Украине... Уехали в Польшу... Потом в Черняховске...

— Пединститут вы окончили по какой специальности?

— Учитель начальных классов.

— Самый трогательный возраст...

— Да. — Зинаида Федоровна засмеялась.

— А в Воронеже в какой школе?

— В 95-й и до сих пор в ней...

— С какого года?

— С 1993-го...

— А почему вы выбрали начальные классы?

— Понимаете, это мне нравится. И возраст детей. То, что мне по душе. Детки такие приходят, и начинаешь их с самого-самого маленького учить и шнурки завязать, и куртку застегнуть, и шапочку завязать. И так далее возишься с ними. И они настолько доверчивые, настолько привыкающие друг к другу, что мы становимся родными людьми. И потом они на протяжении всей жизни не забывают тебя никогда. И ты о них помнишь. О каждом волнуешься, переживаешь.

11

**Самый маленький ученик
(продолжение рассказа первой учительницы)**

— В каком году в ваш класс попал Саша Крынин?

— Ой, вы знаете, ведь стаж большой. Я не хочу говорить о своем возрасте. Саша пришел ко мне, я уже...

Не дождавшись ответа, я продолжил:

— Воспитывавшие Сашу бабушка и дедушка зацепились именно за учителя... И на год раньше отправили внука в школу...

— Я знаю. Хочу вам сказать, что Саша меньше всех остальных детей был. Был совершенно маленький, если можно сказать. Им захотелось именно в этот год отдать своего ребенка в школу. И он пришел — маленький, такой изумительный ребенок. С огромными глазками, всегда улыбчивый. Всегда такой светленький. Ну, настолько добрый ребенок. Его все в классе любили. С ним все дружили. Он со всеми дружил. Это такой любознательный был ребенок! Я вам не передам...

Видимо, мальчик был обделен вниманием отца и матери и при первой же возможности тянулся к взрослым.

Зинаида Щур:

— Вот кто же знал, что так случится? А какие он сочинения писал, вам не передать. Насколько трогательно, насколько глубоко он мыслил тогда, в те годы. Хотя ведь он учился, на год был меньше всех остальных. Он ростом был небольшой. Ну, чудо-ребенок! Правда, я его безумно любила и до сих пор люблю, и для меня он живой.

— А вот скажите, как этим маленьким коллективчиком руководить? Трудно?

Учительница:

— С первого же дня начинаем привыкать друг к другу. И потом очень легко и просто. Только посмотришь, а если

еще рукой взмахнул, тут же они тебя понимают. Они же дети, мгновенно понимают, чего от них требует учитель. Если я закрыла глаза, они поняли, что кто-то что-то сделал не так...

— И как вы добивались такого понимания-послушания?..

— Терпение, терпение и еще раз терпение...

— Что терпеть?

— Это значит, объясняешь ребенку, объясняешь, объясняешь. Примеры показываешь и так далее и так далее. Личным примером. Вот, допустим, сидят спокойно дети. Например, хотят попить водички, открывают, лезут в портфель, достают бутылочки. «Ребятки, неужели вы видели, чтобы я вот так достала бутылку и пила из бутылки?..» В следующий раз они уже этого не сделают. Они уже понимают, что действительно нельзя попить водички. Это я — как пример, самое простое.

— Ну, а если не выучил урок?

— Разные же бывают причины. Одни не выучили по болезни. Ничего, выздоровеешь — выучишь. Не выучил, куда-то уехали. Ну, ничего, вернешься — выучишь. А есть же лодыри, которые каждый день не учат уроки. С этими по-другому разговариваешь.

— Как по-другому?

Учительница засмеялась:

— Как по-другому? По-всякому. Объясняешь, доказываешь. Если не получается, вызываем родителей. С родителями беседуем: так и так, все-таки надо. Это нужно для ребенка. Иначе пойдет в среднее звено. Знаний не будет, будет учиться тяжело. Родители берутся за детей, контролируют, заставляют — и все получается.

— А есть такое понятие: детская шалость...

— Ах! Я говорю родителям: ну, а пошалит... Я никогда не жалуюсь родителям. Во всяком случае мне никогда не приходилось жаловаться, что они плохо себя ведут. Я никогда... Вот сейчас у меня первый класс, четвертый выпустила. Родители: «Вы ж никогда нам не говорили, что они там шалят».

Я говорю: «Они и не шалили». — «Не шалили? Если какая-то шалость...» У нас никогда не было, чтобы родителям надо было докладывать, что их ребенок сегодня шалил. То есть мы всегда находили общий язык, приходили к общему знаменателю. У нас вопросы всегда решаются очень хорошо.

— У вас с детьми — свое вече. Обсуждаете с малышней...

— Конечно, всегда с детьми. Потому что они несут ответственность за свои поступки. Начиная с первого класса говорю: «Прежде чем совершить какой-то поступок, подумайте о последствиях». Ребята вот подумали и начинают плакать. «Ты почему плачешь?» — «Да-да...» — «Что тебе Зинаида Федоровна говорила: “Сначала думай о последствиях, и тогда ты вспомнишь, что после этого бывает”». Точно так же и дома родители наказывают. «Если ты захотел что-то совершить, вспомни, как родители отреагируют на твой поступок. Последствия какие будут? И тебя это остановит...» И так останавливали детей...

— То есть эта семи-десятилетняя малышня такая соображающая...

— Ой, конечно! Если с ними работать, если с ними заниматься, они будут... Очень умные дети, очень умные. Иногда у них такие бывают мысли, что мы, взрослые, не можем и подумать, что ребенок вот так может сказать или вывод такой сделать...

— Вот как с молока пенку снимаете, так теперь — с детства... Дети в этом возрасте — шедевр!

— Да-да.

12

И они ведут детей ко мне, потому что знают эту учительницу (продолжение рассказа первой учительницы)

— Вы в школе с 1993 года...

— О, я всю жизнь работаю с детьми.

— Только тут — тридцать лет... Есть понятие «благодарность»... Вы чувствовали благодарность детей?

— Ой, конечно. Вот сегодня первый день. Вы знаете, у нас дверь не закрывается. Пришли поздравлять, конечно, первоклассники. Поздравляют. Потом пришли пятиклассники, которых выпустила. Пришли, поздравляют. Потом пришли девятиклассники, поздравляют. Все идут, двери не закрываются. Некоторые дети после четвертого класса ушли в другую школу. Вот они из другой школы поприходили, поздравляют меня. Дальше пришли все дети, которые когда-то закончили и сейчас в институтах учатся — пришли и поздравляют.

— К учительнице начальных классов, не выпускного! — восхищался я.

— Да-да. И я вам скажу, год назад у меня выпускался мой 11-й класс. Ну, я 11-й не имею в виду, я начальную школу.

— До 4-го довели, и они потом...

— Я выхожу из школы, и несется мальчик, подсакивает и мне говорит: «Зинаида Федоровна! Хорошо, что я вас застал. Я специально бежал сказать вам: “Я поступил в политех”».

Политехнический институт.

— Вот молодец какой...

— Понимаете, разве это не благодарность? Он никуда не пошел, он бежал, чтобы сказать своей учительнице, что он поступил в политех. Это же... А больше учителю ничего не надо. Или другой момент, вот выросли уже те дети, завели своих детей и ведут их сюда ко мне. Потому что они знают эту учительницу. «Только к вам». И спросите у администрации, у завуча. Она: «Ну, что сделаешь, они — только к Зинаиде Федоровне». Знают и идут. Вот это и есть благодарность. А какая еще нам нужна благодарность? Два добрых слова в адрес учителя — это уже большое-большое счастье.

— А вот бабушка и дедушка Саши Крынина...

— Вы знаете, я все с бабушкой, с дедушкой — не так. А мы с бабушкой постоянно общались. У нас такие дове-

рительные отношения были, настолько доверительные, что я все-все-все знала о жизни Саши, о его семье и так далее, так далее. И бабушка мне доверяла. Она знала, что я нигде, никогда, никому... Я все знала буквально, и когда он ушел в кадетский корпус, и когда он поступил в училище, и когда он получал диплом. Все-все, буквально. И я за каждым движением его следила и знала.

Я слушал, а в ушах — обычно слышимое теперь и от горе-учителей: «Да зачем мне это надо?..»

А Зинаиде Федоровне было надо!

Вот и рос будущий Герой России!

Зинаида Федоровна:

— И как вот бабушка звонила: «Зинаида Федоровна, Саша там будет на параде идти. Вы пойдете?» — «Ну, конечно, обязательно»...

У меня вырвалось:

— И вы у сквера около турникета стоите и ищете глазами в шеренгах Сашу...

Учительница:

— Вот он прошел, не видел меня, но зато я его видела... Знаете, вот так, мы с ней всегда были накоротке...

Конечно, мальчик без отца и без матери.

Учительница:

— Это потом, когда... Их же много, каждые четыре года меняются. Дети, родители. И как бы забывается. Но тем не менее Любовь Васильевна и на сегодняшний день помнит про меня, и я помню про нее. И мы общаемся и понимаем друг друга.

13

Кому же, как не Саше, быть офицером? (окончание рассказа первой учительницы)

— А почему из Саши вырос солдатик?..

— Так захотела. Так, может, бабушка захотела. А он послушный мальчик.

Видимо, Зинаида Федоровна не знала или уже запомнила, как Саша рвался в кадетский корпус.

Зинаида Щур:

— И у меня мысли всякие складывались. И думаю: кому же, как не Саше, быть офицером? Понимаете, вот именно таким и надо там быть. Чтобы мир был.

— Вы сама — жена офицера и считаете, что Саша — офицер.

— Он настоящий офицер!

— Причем скромняга...

— Вот. Он скромный, в душе он честный, справедливый, добрый, доброжелательный, любознательный. Вот мало, чтобы в одном ребенке вот столько было намешано хорошего.

— А любознательность к чему?

— Ему все было интересно, буквально все. Я вам скажу: если даешь ему сочинение, то он найдет такие слова, он найдет такие предложения, он найдет такие описания, что читаешь, и дух захватывает. Думаешь: «Боже мой, это ребенок, которому не исполнилось и девяти лет. И он такое пишет. Это же как глубоко!»

Я невольно пожалел, что Крынин не пошел по научной линии. Там бы многое двинул.

Учительница:

— Как глубоко? Как емко? Вы знаете, все ведь не сохранишь. Я очень долго хранила и многим читала, и детям своим, чтобы понимали, как можно вот так мыслить, чувствовать, излагать это все на бумаге. Но жаль, что эти сочинения не сохранила. Много не сохранишь. Каждые четыре года меняются дети. Столько бумаги. Не сохранишь...

— Саша выбрал путь военного. Командир взвода, роты. Замначальника штаба... Откуда у него это?..

— Задатки... Те, которые перечислила. И если вышестоящее начальство, более-менее понимающее, оно видит: нам нужны офицеры именно такие. Поэтому и возложили на

него такую огромную ответственность. Он хрупкий-хрупкий. Ему еще и 26 лет не исполнилось... Он ответственный мальчик. Он не по возрасту такой.

В памяти учительницы все стоял школьник Крынин.

Она повторила:

— Не по возрасту он серьезный и ответственный. Не по возрасту... Он много вынес с детства. Много с чем столкнулся. Я многого не могу говорить.

Понятно, воспитывали бабушка и дедушка.

Учительница:

— То, о чем мы с бабушкой откровенничали, то, что бабушка мне рассказывала, я не могу рассказывать. Вы же понимаете... По жизни Саше много доставалось, поэтому не по возрасту серьезный, — повторяла учительница.

— А дед-то шофер, говорит: он вырос у меня за рулем...

— Молодец!

— Я ведь в Коминтерновском райкоме комсомола Воронежца работал (на территории района находится школа № 95), и мы ездили в подшефный детский дом. Ребенок подойдет, ноги обнимет: «Можно я тебя папой называть буду?» Все внутри перевернется... А в отношении Саши бабушка и дедушка решили этот вопрос, и слава Богу.

— Да, и дай Бог им здоровья. И пусть они живут, потому что там есть еще Ленечка.

— Сын Саши Крынина и Марьи.

— Да. Ведь Маша молодая и может найти себе по жизни другого спутника, а вот папу для Ленечки уже не найти. И кто его знает, как сложится у ребенка жизнь... Уже страшно становится. И как сложится судьба у Маши...

— Вы знаете, я писал книгу «Герои Сирии. Символы российского мужества». Там вдовы. И удивительно: я не помню, чтобы хоть одна из них не то что нашла себе спутника, это порой не так и трудно, а что пошла на это... Они с именами погибших мужей и идут по жизни... И дети растут с мыслями о маме и о папе, хоть и погибшем...

— Вы знаете, я с вами согласна... Вот Светлана Бодрова — жена Сергея Бодрова¹...

— Погибшего актера-режиссера...

— Да. Вот она дала себе слово, что она — никогда ни с кем, ей больше никто и не нужен...

— Вот именно...

— Ведь она же вырастила детей сама и ни с кем не связывала свою жизнь. Это похвально. Здорово. С другой стороны, никто бы и не осудил, ведь муж погиб. Видимо, была любовь, настоящая любовь. Без которой жить нельзя!

— Вот и вдовы героев Сирии...

Меня уже мало удивляли многие пересечения в моей жизни с жизнями других. Как и теперь: я поступал во ВГИК на курс отца Сергея-Бодрова-младшего, но тогда он наш курс оставил, и его стал вести сценарист Анатолий Усов.

Мы говорили.

— Для вас история Саши — ученика. А для меня — как бы моя, — сказал и спросил: — Когда последний раз виделись с Сашей?

— Последний раз виделась, когда он еще кадетом был...

Жизнь тогда уносила Сашу Крынина дальше, не зная, где и кто ее оборвет.

14

Вместе кадеты и вместе курсанты (рассказ товарища)

Мне говорили об Иванникове, который учился с Сашей Крыниным в кадетском корпусе, потом — в училище. Но

---

¹ Сергей Сергеевич Бодров (27 декабря 1971, Москва — 20 сентября 2002, Кармадонское ущелье, Северная Осетия) — советский и российский киноактер, кинорежиссер, сценарист и телеведущий, кандидат искусствоведения; лауреат Государственной премии Российской Федерации. Сын Сергея Владимировича Бодрова (род. 28 июня 1948), кинорежиссера.

пообщаться с ним мешали обстоятельства, он был связан по рукам и ногам службой. Но вот 9 сентября все-таки состоялся этот краткий разговор.

— Когда вы познакомились с Крыниным?

— В 2007 году.

— Как это было?

— Он пришел к нам во взвод в кадетском корпусе, и там познакомились.

— А вы там учились?

— Да.

— А вы сами откуда?

— Из Воронежа.

— А как получилось, что вы в кадетском корпусе оказались?

— Ну, отдали. Я тогда был маленький, и мне было все равно.

— Вот так, все равно...

— Меня особо никто не спрашивал.

— А у Саши Крынина по-другому: он рвался в корпус и уговаривал бабушку и дедушку. Они воспитывали Сашу. А у вас вот так...

— А я — с мамой...

Я понял: воспитывала мальчика мама.

— Вот пришел Саша во взвод, — заговорил дальше.

— Он пришел в шестой класс.

— Вы пошли в кадеты. А корпус вам понравился?

— Да.

— А что вам понравилось в кадетском корпусе?

— Все.

— А подробнее можно рассказать?

— В корпусе все хорошо. Корпус — это семья.

— А из учителей кто вам запомнился в корпусе? Кого можете отметить?

— Всех. А как иначе? Одного назовешь — другие будут обижаться.

— Вот вы учитесь. И куда после корпуса?

— Мы с Сашей решили пойти в пограничный институт. Я по здоровью прошел, а он — нет. Потом он подал документы в Московское командное училище. А я приехал поступать в пограничное, но туда не получилось. Я позвонил Саше: так и так. Он говорит: «Приезжай, тут всех берут». — «Хорошо». Я приехал, меня взяли.

Я не стал ставить под сомнение рассказ Иванникова о том, что у Крынина не получилось с пограничным училищем, о чем совсем другое мне говорили родственники Саши. Видимо, Иванников лучше владел ситуацией, куда и как Саша Крынин поступал.

Иванников:

— Мы с ним учились в одной роте все пять лет. Какое-то время — в одном взводе, потом — в одной роте. Нас просто раскидали...

— А куда после училища?

— Выпуск — и нас начали потихоньку распределять. Мы думали, куда пойти. «Давай попробуем в Клинцы». — «Давай». Мы пришли, сказали: «Мы хотим в Клинцы». И нас отправили в Клинцы. Здесь мы с ним вместе в одной роте послужили, не помню, год или меньше. Его перевели в 59-й танковый полк командиром роты. Незадолго до всех этих событий (спецоперации. — *Авт.*) его назначили заместителем начальника штаба танкового батальона. Ну, и все.

15

Двадцать четыре на семь (продолжение рассказа товарища)

— А если вернуться немного назад. Вы говорите, вам нравилось учиться в кадетском корпусе. А в училище?

— Как и везде в училищах. Жалоб не имеем, — ответил по-военному Иванников.

Я рассмеялся:

— Вы четко...

— А как иначе?

— В кадетском корпусе у вас воспитатель Греков. Вы как вспоминаете его?

— Только добрым словом. Он относился к нам как к детям. Наш папа очередной. Там много пап. Директор кадетского корпуса Голомедов — папа. Греков — папа. Учителя — папы. Все папы. Все чему-то учили. Там чуть-чуть, там чуть-чуть. Немного воспитывали. Там чуть-чуть. Там чуть-чуть. И вот получилось...

— Офицеры...

— А в военном училище кого бы могли бы...

— Начальники и товарищи... Что еще... А в училище мы с Сашей — тоже вместе. Вместе и в увольнения ходили. Отдыхали. Общались постоянно.

— Мне Греков рассказал, что вы за мальчишки... А из училища можете отметить кого-нибудь? Мне бы с ними поговорить...

— А у меня номеров ничьих нету, — ответил Иванников.

Чувствовалось, что он не расположен пускать в личные области свои и друга. Но я настаивать не мог, хотя и сожалел, что многое известное ему останется только в его памяти.

Иванников немного оправдался:

— Я в училище ни с кем не общаюсь. Я выпустился и...

— Ладно...

— В основном училище просто дало какие-то знания. Воспитание — в корпусе. А в училище — военные знания.

Я все-таки пытался разговорить Иванникова.

— Саша чем увлекался?

— Рыбалкой он увлекался... Книги военные читали. На самом деле, когда на службе находишься, времени свободного у тебя мало... В училище тоже времени мало. Потому что двадцать четыре на семь все заняты были...

Я понял: двадцать четыре часа в сутки и все семь дней недели.

— И вот Крынин назначен командиром взвода...

— Мы же, когда пришли, молодые еще. Где-то друг друга прикрывали. Помогали. Я ему — в одном, он мне — в другом. Вместе постоянно...

— Ведь у вас солдаты в подчинении...

— Этому в училище пять лет учили...

— А припоминаются какие-нибудь трудности?.. Тоже с подчинением...

— Такого не было. Как себя поставишь, и все...

Конечно, у Александра Крынина служба не могла проходить без трудностей, о которых Иванников предпочел умолчать. Но упрекнуть офицера я не мог: он служил теперь и за себя, и за Крынина.

— Пришли мы и начали работать. Все адекватны. И слушались.

— А у Саши возникали сожаления о том, что пошел в военные? — спросил я. Знал ответ, но хотел услышать ответ его сослуживца.

— Нет, — произнес Иванников и повторил: — Нет. Не было сомнений...

— Есть фото: вы в части со знаменем идете.

Иванников:

— Это у нас принято. Ходить со знаменем некому. Потому что мы только пришли, и только у нас была парадка нового образца, поэтому и ходили постоянно. То Саша, то кто-то еще, все по очереди.

Но, думаю, не только поэтому Крынин ходил в знаменной группе.

— У вас опыт большой. И в парадах на Красной площади участвовали...

— Ну да. И в Воронеже ходили на параде...

Говорили, и вот спросил:

— Исходя из вашего опыта, что можете молодым кадетам пожелать?

— Терпение и труд все перетрут...

— Вы знаете, что произошло. Что это такое для вас — поступок Крынина?

— Тут две стороны. Да, мы помогаем народу. Людям жилось там очень плохо, и надо было помочь... Ну, а с другой стороны, кто сейчас будет помогать его ребенку?.. Он-то помог, а ему кто поможет? Его бабушке кто поможет? Его дедушке кто поможет?.. Они вкладывали свои силы, растили, воспитали вот таким, каким он стал. Чего он достиг. И все. И конец...

Чувствовалась боль офицера за друга, что его мучала и не давала ему покоя.

Я что-то говорил о помощи в таких случаях, о памяти, но не мог опровергнуть главное: Александра Крынина не вернуть...

И сказал:

— Это не тот вопрос, который остановил бы Сашу...

— Молодец, что я могу сказать. Он пожертвовал своей жизнью ради других. Много таких, кто так поступает. Он поступил так...

— Скажите, а в Клинцах как-то отмечено, что там служил Крынин?..

Иванников:

— Тут как бы такого нет. Это касается его последнего места службы. Там есть...

— Да, и стенд...

— А если так все отмечать, так двенадцать частей собрать, к примеру я говорю, и везде...

— Но отмечают. Вот Роман Филиппов, где бы ни служил... Хотя я вас понимаю: не все отмечены... Да и как... Ведь о подвигах многих мы и не знаем... Это про Романа Филиппова узнали: игиловцы видео боя сняли и выложили в Интернет...

— Вот в нашем полку за это время, за три года (службы Иванникова), люди меняются, только три командира полка поменялись, не говоря уже о начальниках штабов. Заместителей начальников. Вот так вот...

Иванников говорил о другой волнующей его теме: о памяти в частях, которой мешало непостоянство.

— А в вашем сознании Александр Крынин останется...

— Конечно...

Может, я и не вовремя позвонил Иванникову, может, он оказался не расположенным к диалогу, служба сказывалась, но не поговорить с тем, кого Саша считал другом, я не мог.

16

Командир роты (рассказ однополчанина)

Когда я уже заканчивал сбор материалов, позвонила Марья Крынина и сказала: «Можете еще с Антоном Воликовым поговорить». — «Кто это?» — «А с ним Саша служил...» Мне что-то говорили об Антоне, и я согласился. Хотелось после разговора с Максимом Иванниковым услышать более обстоятельный рассказ.

Наш разговор состоялся 17 августа 2022 года, и я о нем не пожалел.

Но начну по порядку.

— Антон Сергеевич, — обратился я к старшему лейтенанту, — как вас свела судьба с Александром Крыниным?

Воликов:

— В конце 2018 года формировался полк в Ельне. В это время я стал офицером. А Александр выпустился в мае этого года из училища и прибыл в Клинцы командиром взвода. А по прошествии полугода ему как грамотному офицеру предложили стать командиром мотострелковой роты. Там мы и познакомились. Я — связист в роте управления, а он — командир мотострелковой роты. И мы оказались на боевом слаживании в поселке Мулино. Мы помогали ему настраивать машины в плане связи, радиостанции, потому что машинки были у него слабые, пришли с базы хра-

нения. А он занимался технической частью. Мы сначала в деловом плане познакомились, работали в одном направлении, а потом сдружились и стали лучшими друзьями.

— Воинская дружба...

— Да.

— А вы корнями из каких краев?

— Мы с Саней — из соседних областей: он — из Воронежской, я — из Курской. Хомутовский район.

Глубинка России.

— А как вас привело в армию?

— Я в 2011 году пошел на срочную службу служить, мне понравилось, и я остался. Так до сих пор и служу...

— Крынин — из среды училищной, а вы — из самой что ни на есть низовой, солдатской. Прошли все ступени...

— Но Саша вообще еще ребенком пошел в кадетский корпус... У него путь дольше, чем у меня...

— Получается, вы оба в армии неспроста...

Разговор налачился.

— Как служба шла?

— Мы служили в Ельне, развлечений там никаких нет, кафе, кинотеатров нет, поэтому мы потихонечку стали приобщать себя к рыбалке. К выездам на природу, на речку, в волейбол поиграть. Такая простая, можно сказать, деревенская жизнь. По возможности выезжали в Смоленск. Смоленская земля богатая, там много старинных мест. Усадьбы... Мы часто катались по области... А трудности были какие? Мы формировали новый полк, и, грубо говоря, с чистого поля все это начиналось. И тут сложновато, потому что задачи ставились большие, объемные. Например, в постройке парков боевых машин, в казарменный жилищный фонд нужно было вникать, а учитывая то, что мы никогда такими вещами не занимались, как формирование нового полка, нового структурного подразделения, это, конечно, было сложно. Потому что все нужно делать правильно, а никто с этим до этого не сталкивался. Все привыкли жить в частях, где ты пришел, а тут казарма го-

това, парк стоит и штаб и так далее. У нас с Сашей общая казарма. Он — командир роты на первом этаже, а я — командир роты на втором. И постоянно занимались и благоустройством казарм, и территории вокруг. И трудно было что-то приобрести, потому что в Ельне магазины слабые, а нам, молодым, хотелось, чтобы все было лучшее. Одним словом, старались. В этом направлении было тяжеловато...

— Крынин был уже женат, а вы...

— Я тоже.

— Жены офицерские. Есть, наверно, понятие «офицерская семья»...

— Ну конечно... Когда я и Саша приехали из Мулина и начали разбираться с жильем. Как с жильем решили, наши вторые половины, не задавая вопросов, прилетели к нам и до конца были с нами...

— Офицерская жена — что-то высокое.

— Конечно, им сложнее в десять раз. Мы-то работаем и знаем, почему, а им приходится искать смысл своего нахождения с нами. И плюс быт семейный обеспечить тоже сложно, потому что в очень провинциальном городе трудно что-то попытаться изобразить... Но ничего...

— У Саши жена вообще москвичка...

Антон Сергеевич:

— Мы даже не подумали сначала, что она москвичка. А когда первый раз ее встретили, она, достаточно сильный человек, смирилась и поняла. Нормально к переезду отнеслась... Мы-то сначала посчитали, что она из какой-нибудь нашей части, где, скажем так, поспокойнее, попроще...

— Из глубинки...

— Она молодец...

Я спрашивал:

— Крынин — молодой командир роты. Три взвода, и у него в подчинении не все же такие молодые... Там и усатые-бородатые, и старшина...

— Когда он пришел, мы были еще в Мулине, в его роте было три старых командира взвода. Таких возрастных, которым уже ничего не интересно.

— Для него день прошел — и ладно.

— Да. Командир полка у нас был достаточно порядочный и грамотный, дай Бог ему здоровья. Он понимал, что Саше трудно будет с этими ужиться и ему они не нужны, потому что эти люди уже не заинтересованы. И чтобы молодой офицер сразу не скис, он их быстренько перевел по разным воинским частям. А на смену им пришли из Сашиного училища три молодые командира взвода. Молодые пацаны и не глупые, сразу у них наладился порядок. Взаимоотношения были хорошие. Он сразу объяснил, несмотря на то что все были ровесники, все лейтенанты, все равно они к нему обращались: «Александр Эдуардович». Субординацию поддерживали, и это я наблюдал. Что касается старшины, с ним было сложновато. Один период старшины вообще не было, и его обязанности выполнял старший сержант. Саше приходилось самому вникать в хозяйственную часть подразделения. Потом у него появился старшина, мужик неплохой, но, как бывает у прапорщиков, они, как говорят, «на дно стакана падают», и их сложно потом привести в порядок...

— В любой среде такое случается... То есть Саша смог как-то все наладить...

— Он сам по себе человек — к себе располагал. Он в принципе не конфликтный. И с ним было легко общаться любому человеку, подчиненному и старшему начальнику. У него нормально получалось находить все эти компромиссы, соблюдать дистанцию, и у него не было проблем с этим.

— И в военном отношении грамотный...

— Очень грамотный. Сколько я повидал этих ребят, которые заканчивают общевоинские командные училища. В основном приходят люди, которые, грубо говоря, там четыре года отсидели, отбыли и пришли в войска опыт получать, сами не имея никакого базиса. Саша именно учился, и ему тематика эта была интересна. На совещаниях, если какой-то вопрос задавался, касающийся пехотных подразделений, командир полка выслушает кого-то,

а потом его поднимет: «Крынин, а теперь расскажи, как должно быть». И Саша начинает рассказывать, хотя там поднимали капитанов, которые по семь-восемь лет были командирами рот. По элементарным вопросам, по организации стрельб не знали, сколько учебных точек развернуть. А Саша — по каждому месту, по каждой точке, сколько времени, вплоть до расхода боеприпасов и числа привлекаемой техники. В плане того, что он был офицером на своем месте, — это однозначно. Который знал, понимал, я таких не встречал еще... В таком молодом возрасте — и уже хорошо ориентировался. Он даже когда планировал какие-нибудь занятия, план был не нужен. У него все это в голове было.

— Армейское, как говорят, с молоком матери...

— Он в принципе жил армией. Ему по душе была воинская служба. Несмотря на то что у нас по службе бывало всякое. Нам и трудно было, и начальники нас ругали, период становления был. Служба его не тяготила никогда. Бывало даже такое, что я могу заехать к нему домой, а он в форме ходит. «Чего в форме?» — «Мне нравится форма».

— Вы сказали, что мотались, ездили. Ельня. Смоленск. Видимо, с такой кочевой жизнью военного и приходит понимание Родины... Что все это твое, близкое...

— Конечно. Как бы трудно это ни было... И вот когда мы в Ельню заехали, то там старые дома, на которых написано, например: «В этом доме штаб стрелковой дивизии». Дома вековые. В Ельне есть музей, и нам показывали старые фотографии: где сейчас стоит краеведческий музей, вся улица разбита, один музей стоит... А он до сих пор стоит. То есть эти здания видели войну. И бои, и пожары... А мы теперь там служим...

Место учит.

Воликов:

— И осознаешь, что на этой земле находишься, с которой прогнали негодяев.

— Дышишь историей этого уголка...

— Мы же с Сашей рыбаки и частенько ездили, искали реки. И за Ельней находили населенные пункты, которые уже и не существуют, и там волонтеры ставят кресты, и все с касками. Будоражит разум. И понимаешь, что каждое поле было пройдено сапогом солдатским. Ни один метр земли не был просто взят. И люди шли до конца.

— Земля полита кровью...

— Так и есть...

— И как он справлялся с ротой?..

— Неплохая рота. Учитывая то, что у нас роты отдельные. У него сама по себе рота чуть сложнее тем, что она пехотная, скажем так. А в пехоту, как мы знаем, всегда отправляют мальчишек с интересной судьбой...

— Не лучших... Это в погранцы отбор...

— Туда приходят, скажем так, решительные люди, перед которыми нужно ставить задачи пожестче. Даже где-то воспитывать.

— Раньше в строительные части так...

— Да, в стройбаты. Помимо того что они сложные, плюс разные народы — и тувинцы, и дагестанцы, и казахи, и татары — и с ними тоже надо... Ничего, Саша справлялся, занимался ими, и все нормально... Понятно, всякое бывало, но тем не менее дела шли, и я думаю, нормально все. Не сказать, что там все очень плохо, но, когда приехали, этим четверем лейтенантам было сложновато, потому что им доверили большую роту, казарму, и тяжеловато им было. Командир полка их поругивал, но с напутствием.

— По-отечески.

— Постоянно приходил к ним. Присматривал. Но все равно ребята все шли дальше, дальше. Поругали — ничего, идем дальше. И я видел: в роте нормально. Саша своим умом обходился на все триста процентов, может, где-то и не успевал. Рота ведь большая. Офицеров мало. И нужно бегать и туда, и туда. Просто физически можно было куда-то не успеть. Но что ж...

— А Саша ведь и на парадах курсантом шагал... Но пройти — одно, а подготовиться...

— Да, часто увозили на тренировки. И много стояли. Он говорил: «Нам прививали эту стойкость, чтобы не тяготились стоянием. Поначалу было так тяжело, что жарко. Уже весна начинается. Или еще зимой начинали ездить. В шинелях, холодно. А со временем привыкали. И уже ничего, уже нормально». Он был горд, что участвовал на параде. Он говорил: «Когда мы прошли, поучаствовали, вся эта усталость уходила». Добились своего, и было хорошо.

17

Заместитель начальника штаба батальона (продолжение рассказа однополчанина)

— И долго он командиром роты?

— В конце 2021 года он пошел на повышение. Его передвинули с командира роты на заместителя начальника штаба батальона. В декабре у нас сформировали второй танковый батальон. И кадровый состав офицеров еще не был утвержден, потому что у нас выпуск все в основном проходят летом, и начали ребят собирать, чтобы его как-то сформировать. И Александра отправили туда на заместителя начальника штаба батальона. Должность еще капитанская, но выше, чем командир роты.

— Его попросили...

— Не то что попросили. Но без него им бы было сложно. Потому что начальником штаба туда был назначен офицер, которому нужно было получить майора. Потому что уже «старый». И ему нужно было помочь. А почему Сашу? У него же голова светлая. В плане штабной культуры. Организации огневой подготовки. И он был горазд и легко все это мог сделать.

— Что-нибудь изменилось в жизни Крынина?

— Он перешел в соседнюю казарму. И я очень часто к ним заходил, потому что командир батальона — мой то-

варищ. Их собрали и сориентировали на отдельное подразделение — танковый батальон. У них началось делопроизводство, они документы начали составлять. Мы проходили в свое время, я вам рассказывал, с Сашей. У Сани не было трудностей с этим. Он понимал, что нужно. Я ходил, смотрел. У него все книжки уже разложены. Вся документация разложена. Что-то там сшивается, что-то клеится, заполняется. Пошла полноценная штабная работа. Уже солдатиков всех переписали, все личные дела позаполнили. Учетно-должностные книги. Все это шло быстро, потому что опыт уже был. И он подхватил быстро и пошел, пошел.

— Он перешел при командире полка, который его на роту поставил.

— Да, при нем. Но только потом командир ушел в дивизию на замкомандира дивизии.

— Саша в штабе служит.

— По итогу, когда только начиналось, декабрь даже возьмем, пришел новый командир полка. Саша уже в то время на совещания к нему не ходил. Потому что был не командиром подразделения, а заместителем начальника штаба батальона. Ходил комбат. А я ходил как командир роты и слышал, что происходит. Командир полка был человек новый, и предыдущий командир полка подсказал ему, что есть такой офицер Крынин. Грамотный. С ним можно работать. И в преддверии этого грандиозного события, которое потом случилось, командиру батальона было озвучено, что нужно офицера привлечь на совещание, задачи будет ставить ему командир полка лично. С ним говорить, разбираться по вопросам, касающимся командира...

Старшему лейтенанту — какое доверие!

Воликов:

— И Саша начал снова ходить на совещания. Когда командир полка вызывал его через комбата, он прибывал и присутствовал на совещании при решении каких-то определенных вопросов. Потому что у Саши был опыт, когда будучи командиром роты, здесь же у нас, он параллельно

исполнял обязанности заместителя начальника штаба. И у него получалось. И тогда еще первый командир полка его и приметил, что у него светлая голова...

Офицер.

Воликов:

— И так Саню в декабре начали привлекать. Он не должен был никуда ехать, потому что второй батальон не привлекался к выполнению специальных задач. И, учитывая, что он грамотный и у нас не было штатного начальника штаба в полку, а были только исполняющие обязанности, он как бы сначала был распределен в свою роту обратно, по временному штату. Но потом все это дело переигралось, и его командир полка забрал в штаб полка. Он был по штатной должности заместителем начальника штаба батальона, но он выполнял обязанности начальника штаба, писал боевой журнал, заполнял донесения, организовывал охранение. То есть всеми вопросами, касающимися начальника штаба, которые должен решать подполковник по штатной должности, занимался старший лейтенант. И у нас подполковник был начальником артиллерии и сам звал его: «Сань, приходи. Ты говоришь уставом, садись, расписывай. Ты все понимаешь. Я не могу. Мне нужно устав читать. Я немножко уже старь, не понимаю. А у тебя все это в голове». Саша все это легко подхватывал. Он никогда не отказывался. Никогда не возмущался. Брался и делал. В этом плане он молодец. И, еще будучи в России, командир озвучил, что он убывает с нами.

18

«Ты военный до мозга костей» (продолжение рассказа однополчанина)

— И вот спецоперация...

Старший лейтенант Воликов:

— Пришел приказ, и поехали... Саша спокойно собрался, прыгнул с нами и поехал, не задавая никаких лишних во-

просов: «По ходу дела разберемся». Он быстро схватывал все, понимал. Ну, просто у человека работает голова правильно, по-военному. Он все мог посчитать в голове, он все понимал. Я думаю, поэтому ему было немножко полегче, все мог просчитать. Это мы — как слепые котята: «А почему так?» Он: «Ну, если вот так поступит противник, мы вот сюда. А если сюда нажмут, мы так». То есть по-пехотному просчитывал. У него в этом плане все было хорошо развито. Но, думаю, скучал по роте, когда стал замначштаба, хотя голова у него работала как у штабного работника. Его стихия была — планировать, организовывать. Но он, может, видел себя командиром роты, батальона. Но в это время его умственная деятельность была очень развита, и все его видели в должности начальника штаба, организатора всех этих процессов учебных и служебных.

— Фактически начальник штаба.

— Да, грамотный...

— Вы хорошо сказали: «Прыгнул с нами и поехал».

— Да, он поехал на одном из моих бэтээров. Они с Денисом Михайловым, командиром комендантского взвода, были на двух бэтээрах. Саша сел на место наводчика бэтээра в одной машине, а Михайлов Денис был в другой машине. У нас шла танковая колонна впереди, потом шли боевые машины наши, Саша первый шел, за ним шел Денис. Затем шли уже мои остальные связные машины, бэтээры по связи которые. Они по пути следования осуществляли наше охранение, то есть у них постоянно пушки крутились, вертелись. У бэтээра Саши пушка влево. У бэтээра Дениса — пушка вправо. Постоянно мониторят, крутят, вертят. В ночное время включали тепловизоры — приборы ночного видения. Саша спокойно на этом бэтээре ездил. Когда мы приезжали на место и технику расставляли, он занимался опять штабной работой. С командиром полка. А когда ехали, он спокойно выполнял солдатские обязанности. То есть садился и как командир машины наблюдал, экипажу ставил задачи. Полноценно машина шла и прикрывала

нас. И у них был случай, когда мы первый раз зашли, а потом им дали команду выезжать. Мы выехали. А я утром стал проверять: нет двух машин, ни с Сашей, ни с Денисом. На радиостанцию не отвечают. Думаю: «Елки-палки. Куда пропали?» Вот по радиостанции выходил, выходил — тишина. И вот выхожу на Саню: «Вишня, я Рязань». Он отвечает: «Вишня на приеме». Я: «Елки-палки, куда вы пропали?» Он говорит: «Сейчас приедем, все расскажем». Все, они приезжают и за собой приводят еще вереницу техники, которая ночью по дороге шла: там засыпали, потерялись, еще чего-то, вытаскивали там. И, грубо говоря, полночи собирали ребят, которые потерялись. Дорогу показывали. И они говорят: «С ума можно сойти». Ехали, то там остановимся, то там поможем, то там вытащим. И они за собой притащили большое количество техники. Не испугались. Два боевых бэтэра по чужой территории, ночью. Не потерялись и спокойно приехали. «Все нормально. Сейчас поспим, придем в себя и поедем дальше». Я-то испереживался: «Вы че? Вы куда делись? Как же так?» Они: «Все нормально, ничего. Немножко помогли тем, тем... заблудился... забуксовал». Я говорю: «Красавчики, хорошо, что целы...»

— Настоящие воины...

— Да. Спокойно все рассказали, немножко отдохнули и потом продолжили с нами движение без всякого напряжения. Ну, как это принималось: это наша работа. И потихоньку начало приходить понимание основы своей: для чего мы служим и что мы должны делать. Как-то так у нас было.

— И как дальше у него было?

Антон Воликов:

— Мы вышли сюда, и нам поставили задачу — зайти с другого направления. Переподчинили наш полк с 20-й армии в 6-ю общевойсковую армию, и колонна нашего полка выдвинулась на другое направление. Туда ехали долго,

приехали ночью. Нас местное руководство ввело в курс дела, определили задачи, населенные пункты. И мы поехали туда. Прибыли — все хорошо, все на месте. Саня на бэтээре прибыл, так же продолжает за начальника штаба. Сел заполнять документы. Журнал боевых действий, потому что нужно было все прописать, откуда и куда. Чего, пока ехали, что видели, кого потеряли... Все это хозяйство. Денис Михайлов, командир комендантского взвода, выставил охранение. Бэтээры расставил. Наблюдательные точки выставил. Саня спокойно сидел в бэтээре и заполнял журнал. Когда документы закончил оформлять, командир собирал на ориентирование. Ставил задачи по оборудованию окопов или огневых позиций. Саня ходил, когда первая ночь и мы не знали местность, ее нужно было осмотреть. Посмотреть на наиболее опасные участки. Саша из своего подразделения, там было два отделения из его роты, и он этих ребят взял и где нужно расставил. Где усилить, укрепить. Поставил задачу — каждому оборудовать себе окоп или укрытие, чтобы быть незаметным, и наблюдать за противником. И он по ночам мало спал, ходил, проверял. Бодрил. Ведь от этого зависела жизнь людей. И исходя из того, что мы постоянно перемещаемся, что надо сказать, в нем паники не было вообще. Не было тревоги. Даже если обстрелы, минометы. Первые обстрелы: раненые, есть погибшие. Он к этому относился без эмоций, не выключалась у него голова.

— Хладнокровно...

— Да, жалко, что теряем товарищей, и все это нам в диковину. До этого войну мы видели только в фильмах и читали про нее в учебниках. Даже некоторые старшие офицеры, когда начинался обстрел, в окоп к Сашке прыгали и говорили: «Саня, я с тобой. С тобой спокойнее». Он: «Товарищ подполковник. Будем вместе ждать, пока обстрел закончится...» Его хладнокровие успокаивало даже окружающих.

— Молодой мальчишка, а как себя ведет.

— За ним наблюдал... До этих событий он мне говорил: «Мотострелковый офицер без опыта войны пустой. Я хочу побывать в бою. Почувствовать, как это...» Он хотел понять и свою, и сторону противника. И когда теряешь товарища. «Мы же для этого и служим, чтобы защищать», — говорит. Он хотел поучаствовать.

Вот и вкусил.

Антон Воликов:

— Я ему говорил: «Ты — военный до мозга костей». Это была его жизнь, и иной жизни он не видел... Военный — и всегда разговоры только об этом.

19

«Не сломлюсь ни при каких обстоятельствах». Герой России (рассказ однополчанина продолжается)

Воликов:

— Обстрел прошел, и он спокойно, хладнокровно шел к командиру полка, брал журналы, брал документы, звонил, докладывал. Он выполнял свою работу, как будто ничего не происходило.

Но на душе у него могло кипеть.

Воликов:

— Обычная работа...

— Надо ра-бо-тать, невзирая ни на что.

— Он не останавливался. Отгремело, отбомбило — он встал, вышел. «Там раненый». — «А, раненый. Давайте эвакуировать». Подключать личный состав. Ни минуты я не видел в его глазах какой-то растерянности, тревоги.

— Не привносил невроза... Можно же всех завести...

— Да. Он был взрослее в мыслях, в делах; я думаю, половина старших офицеров и не знали, что ему двадцать пять лет. Все думали, ему лет тридцать. Спокойный, рассудительный человек. Достаточно уверенный в себе. Даже в тех

условиях. Он о себе говорил: «Я офицер чести. Я никогда не упаду, не сломаюсь ни при каких обстоятельствах». Не может вести себя как-то не так. Его воспитали еще в корпусе. «Мы должны идти вперед. Я не сломлюсь ни при каких обстоятельствах». И он отвечал за свои слова. И никогда я не видел в нем, что где-то не так себя повел...

— Угрызения...

— Всегда вел себя достойно. И на мероприятиях. И мне нравилось, что он мог красиво сказать. Мог красиво поздравить. Красивый тост выдать. Чувствовалась начитанность. Именно военная начитанность.

Чем дольше я слушал рассказ старшего лейтенанта Воликова, тем горше становилось на душе от потери такого командира.

Воликов:

— И даже там, когда он расписывал какой-нибудь бой или событие, он описывал с какой-то военной романтикой. События сращивал, связывал, интересно было читать. Я ведь частенько к ним в штаб заходил, по связи свои вопросы проверял. И наблюдал, как он опрашивал командиров подразделений, что-то вспоминал, писал. Делал свою работу. И он сдержан: обстрелы, разрывы. Он: «Ну, обстрелы, разрывы, что теперь?..» Надо же свою работу делать...

— Невзирая ни на что...

— Вот это, может, по-своему некоторых и успокаивало. Что человек, несмотря на происходящие события, делает свою работу. И остальные, глядя на него, начинали потихонечку приходить в себя. «Смотри, этот сидит, делает. И мы пойдем...» Этот пример, я думаю, имел место. И хотя свой пример он не обозначал, не показывал, но люди видели и поступали соответственно. Как видели, что поступают другие, глядя на него.

Мы говорили.

Я спросил:

— Как дальше?

Антон Сергеевич:

— Тут, видите, мы переезжали много раз, ну, и немножко подустали. И был такой период, что с едой было сложно-вато, с водой. И наблюдаешь и замечаешь, что некоторые люди начинают, мягко говоря, грустить. Он совершенно спокоен... Последний раз они переезжали, дежурили и спали в одном бэтээре с Михайловым. Потому что Сашин бэтээр к этому времени был уничтожен. А у Дениса был цел. И они там вместе и дежурили, и отдыхали. Утром вышли: «Что там сегодня, опять снег топим?» Шуткой. Я: «Ну да». Снег есть. Натопили, чаю попили. То есть, несмотря на все, что происходило, все человеческое не убрать. Жизнь продолжается. И поэтому мы так и жили.

— А Саша — штабист...

— Ну как. Боевое охранение он организовывал. Ночью. Командир полка его привлекал. Садился и планировал какое-то мероприятие. А Крынина он привлекал, скажем, все шероховатости, которые допустил командир, исправлять. Скажем, если решение было принято быстро, Саша смотрел на карту, проверял. И говорил командиру: «Можно вот танк сюда поставить... А здесь можно и секрет выставить. Будет лучше». В организации боя он принимал решение... Потом был мощный обстрел по нам. Артиллерийский. И после него у нас была трудная ночь, когда мы всех раненых и людей, которые пострадали, начали перемещать в другие безопасные места. И вот случай. Может, он и спас этому человеку жизнь.

Ребята воевали.

Воликов:

— У меня в роте служат два родных брата Машенко. Два одинаковых по воинской должности начальника радиостанции. Соответственно, они были там со мной. И при одном мощном обстреле один из братьев сломал ногу. Взрывная волна откинула, он упал в яму. Они копали себе перекрытые щели. И он бежал к ней. Сзади взорвалось, его откинуло в эту яму, и сломал ногу. Так случилось с чело-

веком — слава Богу, он жив. А второго брата контузило. И вот контузило уже второй раз. И контузия была достаточно тяжелая, потому что человек потерялся, то есть он не понимал, где находится, что происходит с ним. Когда первый раз контузило, я все понял и его не оставлял. То есть к нему приставлял какого-нибудь военнослужащего, который, грубо говоря, за собой, видимо, перемещал, чтобы не бросать. Человек ведь может сам себе случайно навредить. Ну, и тут прибежал Саша, и мы с ним на крики пошли. Был еще Коля Денисов. Денис Михайлов. И получается, одного из этих братьев, которого контузило, опять контузило. А я Саше говорю: «Отведи его... в безопасное место. А я пока отнесу второго брата, у которого нога сломана. Возьму ребят, и отнесем, наложим шину». Саша говорит: «Все хорошо». И то ли я ему не сказал: «Доведи до точки, где его можно положить или посадить». Саша подхватил его, и они пошли. Побежали, грубо говоря, ускоренным шагом. И мы разошлись в соседние места. Недалеко друг от друга. И вот всех раненых перенесли, кому оказываем помощь. Эта суматоха ночная. И приходит медик, потому что замотали парню ногу. Денис Михайлов накладывал ему шину. Он нашел клюшку хоккейную, расщепил ее, приложил, замотал. Денис в плане медицины молодец. Он не боялся. Спокойно к этому относился. Прибегает медик и говорит: «Там Мащенко, у него нога сломана». Я говорю: «Вот Мащенко у меня. У него нога сломана». — «Нет, там тоже нога сломана». — «Не может быть, его Крынин отвел». Саша довел его до подвала и оставил. Он думал, что дальше он сам. А этот парень, у него голова кружилась, он не понимал, что происходит. Шагнул в этот подвал, упал и сломал ногу. Я говорю медику: «Не может быть, у меня этот брат, у которого сломана нога». Мне: «Там такой же брат, и тоже сломана нога...» Обалдеть! Я пришел к Сане: «Как так?» Он: «Да я замотался — смотрю, нырнул... А он, оказывается, сломал ногу». И это было в преддверии тех событий, которые потом случились там. Мы на следующий день отправили этих

ребят домой. В госпиталь. В Россию... И я говорю: «Может, судьба...» Потом с ним разговаривал, которого контузило. Он говорит: «Наверно, Александр Эдуардович меня спас. Своей суматохой. Тем, что меня не довел. Я остался жив, потому что сломал ногу. А повернись иначе, еще неизвестно...» Вот такое...

— Бог есть, но имя ему случай, — вспомнил я выражение Довженко.

Антон Воликов:

— Вроде глупый, а по-военному смешной. А в плане того, что ребята остались целы...

Воликов подводил к чему-то важному.

— Я был удивлен. А когда все произошло, понял: ребята-то спаслись волей случая вот этого... А потом, если дальше идти, этот обстрел закончился, кто-то был ранен, кто-то убит. Потом они уехали, а мы перешли в другое место. Прятали машины, чтобы максимально обезопасить их от минометов, от попаданий снарядов. И получается, там пробыли мы около трех дней. И тут командир полка убывает на совещание и приезжает и говорит: «Нужно переехать на окраину определенного села, и там танкисты должны взять под контроль участки кольцевой автодороги». Командир полка забирает сразу с собой танкистов с их командиром батальона. Забирает начальника связи Денисова Николая Сергеевича. И они уезжают на рекогносцировку осматривать, искать места, где лучше встать, где сделать пункт управления. Разведать обстановку. Они убывают, остаемся я, мой личный состав, остается подразделение обеспечения. Все боевые подразделения большей своей частью убыли туда. Остались Крынин, я, еще один офицер из штаба. И мы ждем их. Вечером приезжает начальник связи. Это ближе к вечеру, в 15–16 часов. И Денисов: «Мне командир полка сказал: “Мне нужен для организации там работ Крынин. Мне нужен начальник связи, — то есть он. — Артиллерия. И нужен мой комендант. Командир комендантского взвода прапорщик Михайлов, который будет меня охранять”». Ну,

соответственно они спокойно собираются и начинают выдвигаться. А получилось так, что была распутица. А военная техника дорогу быстро портит. Все везде, где проехала. Когда мы выходили из помещения, мы быстро-быстро перемещались к технике, не шагом. Не вразвалочку, а бегом-бегом, чтобы быстро запрыгнуть и на скорости преодолеть тот участок дороги, по которому необходимо совершить марш. Саша выбежал и выронил пистолет. Садится в бэтээр и что-то заметался. Я: «Сань, что случилось?» — «Пистолет потерял». — «Елки-палки...»

— Как без него?

Антон Воликов:

— И давай мы его пистолет искать по этим лужам. А опасность огневого поражения, потому что артиллерия работает. «Нет, давай искать». — «Ну, давай, давай». Нашли его пистолет. И в тот момент мы тогда еще не знали... Они-то переезжали, с ним Михайлов, и я думал, что тоже с ними перееду. Перевозили по две, по три машины. И мы обнялись. Я обнялся с Денисом Михайловым: «Ну, все, берегите себя». Они уехали километра на полтора западнее. А мы остались на этом месте ждать, когда команда будет. Ребята уехали туда. И там, в общем, они стали. Они дня три там занимались, я еще был на месте. Потом приехал начальник связи и говорит: «Тебе нужно брать личный состав, который остался без техники, и в составе колонны прорываться, скажем, в тыльную часть нашего направления, чтобы вывести людей, которые остались без техники, чтобы они восполнились. Там тебе указание дадут, что делать дальше, и будешь знать, какая у тебя задача следующая». Получилось так, что еще два дня, пока они уехали, я искал возможность, как выдвинуться оттуда, потому что у нас тыл не был защищен. Мы прошли до того места, где находились, грубо говоря, нахрапом, просто продавили и пролезли. А тылы у нас были не закрыты. Ну, и сложность выхода обратно была в том, что бэтээр связи менее защищен, чем боевой, и менее эффективен, потому что на нем никакого стрелко-

вого вооружения не стоит. И пока я находился там, я находился на высоте, и мне было видно, что происходило у ребят. А происходило то, что все эти два дня их утюжила арта (артиллерия). Без конца и края утюжила, работал миномет, работал АГС. Я уже стал переживать: что там у них происходит? Выхожу на них по радиостанции, смотрю — у них по связи все хорошо. Я говорю: «Что там у вас?» — «Все нормально, мы нормально укрыты. Пусть делают расход боеприпасов...» И в принципе они в безопасности. И когда у них поггло много техники, получается, числа 18 марта, я уехал в четыре утра. Забирал с собой пятнадцать человек на бэтээре этом, а они остались. И вот тут, получается, когда я приехал в Россию, день-два, я позвонил, все хорошо у них было...

Хорошо, а их утюжили...

Воликов:

— Они были на связи... А потом начались эти события. И конкретно там что случилось, мне рассказывали. Танкист танкового батальона рассказывал, что Крынин очень большое количество уничтожил. Он говорит, стрелял по танку. Он бил из всех... Он такой человек, что, когда мы ходили на стрельбы, он хорошо знал материальную часть любого оружия, которое есть в войсках, и умел им правильно пользоваться. А если брал автомат Калашникова, то настолько метко из него стрелял, что укладывал все мишени, которые были. Брал пулемет — из пулемета укладывал все мишени, попадал в экран. Он был настоящий мотострелок. Вот он был пехотинец, который оружие любил, знал и, как сказал командир танкового батальона: «Саня вообще не боялся. Выходил в окно, когда по нам по зданию стреляли из РПГ. Он выходил с таким же РПГ и стрелял в танк, который также мог по ним стрельнуть. Не боялся ничего. И кидал гранаты. Все, чему его учили, он показал. Мы на него смотрим, и нам самим страшно, что он вот так выходит, наносит поражение пускай из ручных средств, но тем не менее...» То есть не боялся, не зажался. Так должно быть. То есть он ви-

дел танк, бил из РПГ. «Дай стрелкнуть». Взял, бахнул. Попал — не попал. Кого-то уничтожил, кого-то ранил. В этом плане он... У него не было какого-то ступора. Эту ситуацию критическую он принял как штатную. Я не думаю, что у него была какая-то паника или что-то еще. Он был как запрограммирован на военную тематику. Психология его была такая. Все его страхи, все переживания, видимо, были где-то глубоко внутри. И никак ему не мешали выполнять свои обязанности. Непосредственно бой вел с Денисовым.

— Которого обменяли...

— Да. Они держали оборону в доме: он, Михайлов и Крынин. То есть они бегали в разные стороны дома. Как рассказывал Денисов: «Стоим мы на одном этаже, слышим, граната летит, перебегаем в другое помещение. Шпок — граната залетает. Мы опять перебегаем. Суматоха. Потом по ним стрелнули из РПГ». Как сказал Денисов: «Хлопок, вспышка, открываю глаза — мы валяемся на полу. Такое ощущение, как будто палками ударили по ногам. Я смотрю на себя, на Сашу, а у нас ранены ноги. Осколками разбиты. И мы уже не могли вести бой». У Денисова была повреждена нога. Как он сказал: «Пока у нас было большое количество боеприпасов, к нам подойти было трудно. Мы им нормально давали бой. Оказывали сопротивление всяческое и наносили огневое поражение. А вот когда уже почти закончилось, тут мы... Очнулись, посмотрели друг на друга: все, мы уже не можем вести бой». Тут уже невозможно было что-то в руки взять, невозможно повлиять на ситуацию, и видите, как она обернулась.

Саша и Михайлов домой не вернулись.

Воликов:

— Но, как сказал Денисов, даже в тот момент у Саши не было какой-то паники, непонятных телодвижений. Он достаточно спокойно, без эмоций, это переносил. В его действиях не было непонятной дрожи или какой-то суеты. Как я говорил, как он вел себя до войны, так и продолжил. И я

был уверен, что именно так он себя поведет. Он мой близкий друг, и я его знал хорошо. И другие люди, которые с ним столкнулись, они подтверждают мои слова. Он достойно себя вел. И учитывая, что он был старший лейтенант, а там были и подполковники, которые нормально могли себя проявить, и майоры, а Саня бегал и стрелял. И получилось, что бой дали несколько танкистов, связисты и один пехотинец. Вот и все. А остальные — непонятно что-то, не мне судить. Но то, что сделали наши ребята, известный факт. И танкисты, которые там были, они уже получили награды за это, потому что это действительно было, и я надеюсь, что и Саше придет награда, — мы хотим, чтобы пришла.

— Саша был ранен, и ему вэсэушники помощи не оказали...

— Как говорит Денисов, ему казалось, что они с ним были ранены одинаково. Ноги текли. Но это говорит человек, который сам был ранен. И в то время он не мог качественно оценить ситуацию, потому что не было ни возможности для этого, ни времени. Может, Саша был ранен потяжелее. Потому что, если брать по примеру, у меня также ранены были в ноги два контрактника, только одного ранило просто в ногу, а второму попал осколок в артерию. И человек потерял ногу. Да, его увезли, но он потерял ногу и до сих пор находится в госпитале на тяжелом излечении. Может, там такое же было. Не могу утверждать, но предположить можно. Как говорит Молчанов, который там тоже попал в плен, он говорит, что укры дали Саше, то есть Саша замерзал, видимо, потеря крови шла, и укры дали ему блестяшку. Знаете, какую дают в «скорой помощи», дают людям для согревания. Молчанов говорит: «Я хотел дать свою куртку Сане. Укрыть, чтобы ему потеплее было. А они: “Не надо, мы сейчас дадим ему блестящую эту штуку”. И они дали ему, под ноги завернули, чтобы ему было теплее». И должны были их вывезти. Денисов говорит: «Нас вывозили разными партиями. Саша в первую с нами не сел».

Видимо, не мог сесть.

Воликов:

— Почему, непонятно, может, места не хватило, может, в другое место хотели везти. Не могу утверждать. Это все — со слов ребят. И они, говорит, уехали. И Денисов, когда уже на связь вышел, я ему сказал, что Саши нет. Он вообще не мог поверить, потому что говорит: «Не может такого быть. Ему должны были оказать помощь». Потому что у них была установка, чтобы всем офицерам оказывать помощь и отправлять. А видите, получилось, как получилось. А что там, какие там были события!..

О чем думал, истекая кровью и замерзая, старший лейтенант Александр Эдуардович Крынин?.. О том, как пошел в кадеты... Как начал служить в Клинцах... О бабушке с дедушкой... О женушке... О сынишке...

Разговор продолжился.

— Вы 18 марта выехали. А он погиб 28-го. Они что, десять дней держались?

— 24 марта на них начали наступать. А до этого был артиллерийский и минометный обстрел, то есть прямого контакта не было. Соприкосновение с противником началось 24 марта, когда, как я понял, наш последний танк был уничтожен. Выдвинулась украинская пехота. Как говорил командир танкового батальона, и польские наемники были. Частной военной компании. Их было много. И могу только предполагать, почему с Сашей так поступили. Потому что он, как сказал командир батальона, поразил много личного состава. Он с начальником связи говорил, так тот: «Только Саша уничтожил один больше пятнадцати человек...»

«Один в поле воин», — вспомнил я заповедь кадетов.

— И танк, может, один...

— Да, стрелял в танк и бросал гранаты...

— Сколько там атак, если держались четверо суток...

— Я думаю, если это всплыло, когда они его взяли, ему и отомстили...

Почему-то в ушах словно звучала протяжная песня:

*В селе Малая Рогань...
На речке Роганке...
Сложил свою буйну
головушку...*

Потом я еще спросил:

— Вопрос памяти...

Воликов:

— У меня в роте висит его фотография в рамке... И я повесил там портреты всех ребят, которых потерял... И Саша ведь ко мне приходил... Это его же и расположение... Его же рота — на первом этаже... Моя — на втором... Уголок памяти есть...

— Мне показали фото Крынина... Добродушное лицо... На Героя России представлен... — и спросил:

— А Денис Михайлов?

А.Э. Крынин с автоматом

— Это предельно порядочный человек... Он был у меня командиром взвода... Мы с ним в свое время служили в Курске. И я помог ему с переводом. Он прапорщиком стал. Они с Крыниным очень похожи. Саша нам мог рассказать про бой, Денис — про то, что можно применять. По-своему правильный... Тоже без паники... Невысокого роста, мужичок... Скромняга... Они-то и выполняют свою роль до конца... Они с Сашей пытливые... Точные по-военному...

— На таких ребятах и держится Российская армия.

Мы снова начинали говорить о ребятах. И этим разговорам не видно было конца. Как и истории жизни выпускника кадетского корпуса, крошившего вэсэушников и не дотянувшего до Дня победы над врагом.

18 августа в 20 часов 40 минут мне позвонила бабушка Саши Крынина.

— Да, слушаю Вас, Любовь Васильевна...

Она плача:

— Только позвонила Маша. Ей позвонили с части... Саше присвоили Героя...

— Ура!!! — я подскочил от радости...

Я что-то говорил, то ли поздравлял, то ли жалел...

На глаза навораживались слезы...

В висках стучало...

В груди бешено колотилось сердце...

20

Вроде «слабачок», а в бою раскрылся (рассказ командира связи полка)

19 августа я еще поговорил по телефону с Денисовым Николаем, который попал в передрагу вместе с Александром Крыниным. Он находился в это время в Миассе, и это меня, корнями уральца, еще больше располагало к разговору.

— Николай Сергеевич, трагично или печально, но хочу поздравить вас, что государство оценило поступок вашего однополчанина.

— Он заслужил...

— А когда вы познакомились с Сашей?

— Я с ним познакомился, еще когда в Ельне служил. Где-то в 2019 году. Но мы в 2018 году с ним виделись в Клинцах. Но просто виделись... — отвечал Денисов, кашляя.

— И вот он переводится к вам в полк командиром роты.

— Вы знаете, у нас часть такая. Особо мы на учения не ездили, раз выезжали. Служба шла. Я был командиром роты управления.

— А Антон Воликов? — вспомнил того, с кем уже говорил.

— Он был командиром взвода, а потом стал командиром роты. Когда я ушел на начальника связи полка.

— Как вам в воинской части?

— Нормально. Это мое восьмое место службы...

— Понятно. Вы сами городской?

— Да, я из Ульяновска.

— Но к гарнизонной жизни, как я понял, привыкли...

— Еще бы!..

— Какой был Александр Крынин?

— Санька хороший, добрый. Всегда к нему можно было обратиться за помощью, всегда поможет... — говорил бывалый офицер и кашлял. — Но мы с Антохой (Воликовым) поругивали его. Он немножко, как вам сказать. Ну, чего вы хотите, только из училища...

— Не ваши семь гарнизонов за спиной...

— Мы ему рассказывали. Вот когда я командиром роты был, много подсказывал по ротному хозяйству. Потому что это солдаты. У нас с Антохой рота сто человек, тоже тяжелая. Но и у него. В пехоте, я вам скажу, рота — как бы немного несамостоятельное подразделение. Вот в составе батальона, да. Оно как бы самостоятельное. В батальоне

могут помочь. А в полку помочь нечем. Но все равно мы потихоньку помогали ему. Там пятое, десятое.

— Ваша рота — на втором этаже, у него — на первом. Как контактировали?

— Мы по службе контактировали вместе с ними и так, вне службы. Дружили семьями...

— А Крынину трудно было? Молодой парень. Сразу — роту...

— Ему тяжело. Командиры взводов молодые.

В отличие от Воликова, Денисов в молодых командирах взводов видел минус для комроты Крынина. Хотя из двух мнений Воликова и Денисова вытекали «минусы» — что молодые, неопытные и плюсы — что как раз молодые, не уставшие, берущиеся за все...

Рота-то жила. Работала.

Денисов:

— Молодые командиры взводов — учить надо. Да и Саньку самого учить надо. Саня — порядочный человек. Командиры мало помогали. Зеленые. Он старался сам все сделать. Его слишком рано на отдельную роту поставили. Надо было его чуть поучить. Я вот, перед тем как командиром роты стать, пять лет командиром отдельного взвода пробыл. В пехоте прослужил, в артиллерии. Боевой путь. Хлебнул сполна. А вот Саня не успел.

Вместе с критическими словами Денисова чувствовалось что-то отеческое. Но всех под одну гребенку Николаю Сергеевичу стричь не хотелось. Видимо, командиру полка, назначившему его в ротные, было виднее. И побудило к этому желание оздоровить полк, в его кровеносные сосуды влить новую кровь, чтобы организм работал лучше.

И хорошо, что Денисов Крынину помогал. А вот насчет того, чего хлебнул Крынин, быть может, не по возрасту рано, мы кое-что узнали и еще узнаем.

Денисов сам поправился:

— Я не осуждаю его. Не подумайте. Как с этим организмом тяжело ему было справляться...

— Я вас понимаю еще как. Я руководил ротой милиции, это из бывших солдат. И знаю, что такое командовать ротой солдат... — сказал и даже возразил: — Но ему доверяли знамя части сопровождать. Просто так не поручат.

— Теоретически Саня грамотный. Опыта бы...

— Вы — в восьмом месте службы, а он — во втором...

— Он грамотный, — повторил Денисов. — Он умный. У него большой потенциал был.

— Вот вы служите... И как все началось?

— Когда нам сказали, он уже не был командиром роты. Он был заместителем начальника штаба батальона. И мы поехали. Мы с Саней и колонну гнали. Он как бы при штабе, и я при штабе. Саня говорил: «Вот открываешь Ютуб “Хроники первой чеченской”. Вот как раз».

— Такие же виды.

— Мы на тот момент не особо понимали, куда мы и что мы... Но я-то понимал...

— Все ждали более быстрого развития событий. Как в Крыму. А тут...

— Так вот поехали. Сначала в одном месте были, потом — в другом. Нам не повезло с командиром полка, он всю жизнь в учебке прослужил, а здесь-то боевую воинскую часть дают и в бой отправляют.

«Вот где опыт нужен!» — рвалось из меня.

Денисов:

— И задачу мы не выполнили...

— Все произошло в марте.

— Да. — У Николая Сергеевича кашель усилился. — Тогда часть колонны отправили, а часть колонны пошла на передок. В глухую оборону вставать. Как раз наступление было, фронт уже прошел перед нами. Фронт прошел и откатился. И нас начали окружать со всех сторон. Нас же было немного. Комбат танкистов огонь на себя вызывал, чтобы наступление на дом (где оборонялись) остановить. И мы тогда в подвале спрятались, дом загорелся. И потом начали к своим пробираться. Ну, и когда пробирались, сна-

чала в одну огневую засаду попали. И потом через два дня как начали пробираться, во вторую огневую засаду попали. Ну, а так, в первом бою Саня Крынин отличился. Гранатометчика снял из гранатомета. Из РПГ по нему стрелял, — говорил Денисов с одышкой, кашляя.

Ему тяжело было снова вспоминать тяжелые дни.

Но продолжал:

— Вот. Он такой. Уверенно действовал. И второй раз он не растерялся. Грубо говоря, Саня руководил нами. Мы ему больше доверяли, Саша ведь общевойсковой командир. А мы оставались с ним, связисты в основном. Причем мы целиком и полностью ему доверились.

Капитаном с восемью местами службы за спиной командовал безусый старший лейтенант!

Денисов:

— Но и решения вместе принимали, как дальше действовать.

— Вот гранатометчика поразил. А еще что было?

Денисов:

— Из гранатомета стрелял по «Казаку». Вот этот БТР «Казак»¹. Из РПГ-30 стрелял. Потом экипажи двух 82 БТРов. Его заслуга была. То есть мы, связисты, не понимаем.

— Поразил...

— Нет, не поразил. Он стрелял из РПГ по БТРах.

— Отбивал их.

— Да, от них отбивался. Он не попал, но эффект дало, — Денисов часто дышал, кашлял.

Но мне его кашель не мешал. Понимал, что, пройдя такое, заработать кашель немудрено.

— Сколько все длилось?.. 24 марта, как мне сказал Антон, начали на вас наступать... А Саша погиб 28 марта. То есть, получается, столько дней...

— 24-го, да. Мы же сначала спрятались там. Хотели выйти к своим, а 28-го мы уже попались. Тоже на зачистку на-

---

¹ «Казак» — семейство украинских боевых бронированных машин.

рвались. И еще... Ну, мы там тоже бой дали. Трех завалили. Саня — двоих. Я — одного. Там еще с гранатой одного ранили. Мы там отстреливались.

Я дотошно выяснял:

— Так вы вырывались оттуда? Пытались выйти...

— Мы, короче, один день выходили и нарвались на засаду. Спрятались в сарае. Пережидали. И потом на второй день, когда мы посидели, подумали: «Надо выходить». И выходили с Саней, тоже на позиции соседей, — кашель у Денисова усиливался, но мы говорили. — Ну, короче, зашли, а их там уже не было.

— Наши ушли...

— Там зачистка уже была. Ну, нарвались на группу зачистки и начали отстреливаться. Ну и в результате с Саней получили ранения.

— А кто с вами был?

— Денис Михайлов. Там два окна было (в какие отстреливались из дома), Денис гранату Ф-1 кинул, ранил.

— Там речка? Ее переходили?

— Мы ее вброд переходили.

— Говорят, там мужик был, может, и сдал вас...

— Когда мы переходили речку и спрятались в доме, там мужик был напротив. Скорее всего, он нас и сдал. Потому что там такое население. Мы приходим, они говорят: «Мы вас ждали». Потом, когда эту территорию укропы отбили, они им: «Ой, мы вас ждали». То есть там такое население. Кто сильнее, перед теми и стелются...

Я понимал, что Николаю Сергеевичу трудно говорить, но спрашивал:

— Вот вы несколько дней бились. А командир полка?

— Он погиб. Можно сказать, он бросил нас. Он был в это время вообще в другом месте.

— Как? Я понял, он вас, Крынина, Михайлова вызвал к себе, и вы поехали...

— Да, мы поехали к нему на передок. Там несколько дней жили.

— И там вас долбить начали...

— Да...

— А командир погиб до того, как стали уходить?

— До того.

— Получается, и руководства нет. Кому командовать остатками?

— Командиру танков.

— Он жив?

— Да.

— Мне говорили, что командир танков хорошо отзывался о вас... Он вышел как-то...

— Он — да. Когда мы нарвались на огневую засаду, танкисты прорвались. Одного танкиста при мне очередью срезало... Саня как нас учил: «Не вижу цель — не работаю». Он же пехотинец. А мы — связисты. Просто тупо не видели, куда стрелять. Мы же не знали, что их там трое или двое. Мы бы могли в бой вступить. Но все: темнота, ничего не видно. У нас нет приборов ночного видения. Темень.

— А танкисты вырвались.

— Да, там два или три танкиста прорвались, и все. Пешком...

— Укры когда полезли на полк?

— Когда техника закончилась. Когда сожгли у нас последний танк.

Я понял: тогда и началось наступление укров на полк.

Мы говорили.

— А как получилось, что попали в плен?.. Укропы к вам ворвались?

— Да они не ворвались. Мы сами вышли. Потому что мы с Саней раненые были. Денис Михайлов тоже был ранен. А с нами еще были пацаны восемнадцатилетние, девятнадцатилетние пацаны. Двое. Они испугались. И как бы посмотрели на гранату: «Давайте взорвемся». У нас не хватило как бы смелости...

— А толку-то, гранатой...

— Они кричали нам: «Выходите! Сдавайтесь!» Мы сдались, а они троих расстреляли. А нас с Саней тогда же ранило. Меня — в ноги. Саню — в ноги. У Сани артерию перебило, а у меня — просто. Сане медицинскую помощь не оказали. Его можно было спасти. Ему просто не оказывали медицинскую помощь. Ему хотя бы жгут наложить, чтобы кровь остановить. Но они не стали этого делать. У него же внутреннее кровотечение. Не наружу, а внутреннее. У меня же осколок через все бедро прошел. Мне, когда помощь оказывали медицинскую, посмотрели и сказали: «У тебя все бедро синее было...»

— Когда Сашу вы последний раз видели?

— Когда нас развозили... Потом, когда мне в плену с женой давали общаться, она спрашивает у меня: «Как там Саня?» Я: «Саня живой». И за две недели перед тем, как меня обменять, я с укроповским следователем общался: не против ли я, чтобы меня обменяли. Я тогда в списках увидел Саню. Я типа: есть там кто еще? И дали список. Там Саня. Обрадовался, что он живой. Потом, когда 19 обменяли, я с женой пообщался и первым делом спросил: «Саша как там?» Она сказала: «Его нет. Его вчера похоронили». Она с Машей (женой Саши Крынина) общалась.

— А тех расстреляли.

— Видео же гуляет в Интернете, где ноги простреливают... Привозят пленных и, чтобы они не бегали, в ноги стреляют...

— Это видео показывали по всем каналам, — вспомнил садистские кадры...

— Это нашего полка...

— Сволочи!

— Это пацанов, которых взяли 24-го...

— А вы до 28 марта вырывались...

— Когда наступление было. И из всей той толпы они всех расстреляли, только два офицера живые... Их обменяли...

Я не мог найти слов для укропов, кроме как фа-шис-ты...

— Вы четыре дня продержались. 24, 25, 26, 27 и 28 марта... Тут час удержаться...

Денисов — сквозь кашель:

— Тут в кошки-мышки играли с ними...

Страшная игра.

— Все-таки надеялись, выйдете к своим...

— У нас как бы не было отходить в мыслях. Мы как бы к своим прошли, к соседям. Потом только узнали, что соседей-то нет, они уже сами отошли.

Мы говорили. Я вернулся к вчерашнему известию:

— Все-таки, знаете, событие, которое озвучили, что Саша — Герой... Для меня очень ценна могила неизвестного солдата. Потому что мы многого не знаем. Вот у вас так случилось. У Романа Филиппова. Игиловцы записали на видео,

как он с криком «За пацанов!» подорвал этих уродов. Он же не знал, что запишут, выложат в Интернет. Сколько ребят, которые достойно уходят из жизни, а про них... Поэтому ценна могила неизвестного солдата... Вот Саша, ему присвоили...

— Это награда — то, что он за-слу-жил... Вы же видите, война раскрывает людей. Вот про Саньку мы же думали... А на войне как себя показал!

Да...

Денисов:

— У нас же тоже Герман Тимофеев. Вроде пацан, а как показал. Всегда с нами...

*Старший лейтенант
Крышин*

— А кто это?

— Начальник топографической службы у нас... Все думали, после первого боя убежит, а он не убежал. И никто от него не ожидал даже...

— Ребята раскрылись... Сашка, безусый пацан, стрелял, бил в точку... Как он сказал Антону: «Я не сломаюсь ни за что...» И вы, бывалые офицеры, слушали его...

— Вот после первого боя мы с ним обсуждали, что и как. И он сказал, как действуют. И я во многом к нему прислушивался. Я же по специальности связист, а не общевойсковик...

Первые боевые университеты старшего лейтенанта Александра Крынина оказались и последними...

Я хотел разложить все в голове по полочкам и уточнял:

— 24 марта укропы начали долбить. А с какого числа вы стали вырываться?..

Денисов:

— С 24-го и пытались...

— Пять дней... И речку переходили...

— Да-да. Пулемет по нам работал еще. Мы ползли по полю в пашню. Сто метров ползли вверх...

Кашель душил Денисова.

— Ваш полк попал...

— Да, кто успел выйти к соседям, кто не успел. Там же, когда линия фронта откатывается, неразбериха...

— Николай, а в плену тяжело?

— Мне больше повезло. Меня особо не допрашивали и не пытали. Тяжко было другим, которых пытали...

Видимо, посчитали, что связист не особо воевал.

— А ребят — в расход. Михайлова...

— Как мне сказали, ему пулю в ухо пустили... А другого — в затылок...

— Не возились: не нужны им пленные...

— Как видите, началось все... Думаю, теперь научились воевать... А разгребать-то все равно солдату...

Я понял: освобождать от нацистов.

— Поедете снова туда?

— Но меня согласно Женевской конвенции не имеют права второй раз посылать, кроме как по желанию...

— Слава Богу... А мы пишем о ребятах... Хотим отдать им память... Вот Саше Героя дали... Другим не дали... Но они — тоже наши парни...

Так почтим всех погибших.

21

Школа имени...

После телефонного разговора с первой учительницей Саши Крынина Зинаидой Федоровной Щур я собирался посетить 95-ю школу. И вот 9 сентября 2022 года поехал в Северный район Воронежа, где находилась школа. На небе собирались дождевые облака, но я ехал и не обращал внимания на непогоду. Ночная температура все выше рвалась от нулевой отметки, и вместе с ней от предчувствия скорой встречи с учительницей все больше теплело у меня на душе.

Звонил учительнице по телефону, она не отвечала. Но в случае чего надеялся, что меня и так пропустят в школу, и я похожу по коридорам, лестницам, загляну в класс, где учился Саша.

Снова шел к высотке, где он жил с бабушкой и дедушкой, а пройдя под аркой, пересекал двор, ища взглядом школу.

По наитию вышел к заборчику, за которым виднелось футбольное поле и дальше — школа с боковыми крыльями пристроек. Огромные окна двух этажей словно выглядывали что-то в округе.

Что?

Вот это «что» теперь и озаботило меня. Я хотел увидеть Сашу пусть и не наяву, но на тех же его портретах при входе, отметкой его имени на каком-нибудь стенде...

Но не увидел...

Понимал, что придет время и все изменится, и память о Саше будут хранить в этой школе.

На всякий случай снова позвонил по мобильному телефону учительнице, и та ответила. Оказалось, она в школе, и вышла мне навстречу.

Я смотрел на подтянутую, несколько даже щуплую учительницу:

— Зинаида Федоровна?

Зинаида Щур, извиняясь в чем-то, повела меня по коридору.

А я замечал:

— Как в школе Романа Филиппова.

Вспомнил 85-ю школу Воронежа имени Героя России Филиппова.

— Они все однотипные, — сказала учительница.

Когда подошли к первой двери коридора первого этажа, она произнесла:

— В этом классе учился Саша...

Учительница задержалась, словно что-то желая сказать, а мне невольно представилось, как гурьбой здесь пробежала малышня и среди них — самый маленький, которого заносило от ранца с учебниками.

Дверь открылась, и, как наяву, я увидел головки младшеклашек, склоненные над партами. Они что-то старательно выводили в своих тетрадках.

Зинаида Федоровна подошла к первой парте в среднем ряду, за которой сидел рыжеволосый мальчик:

— А здесь сидел Саша...

«Самый маленький», — вспомнил я ее слова и невольно спросил у мальчика:

— А как тебя зовут?

— Ярослав... — ответил он.

— Так вот, Ярослав, знай, за этой партой сидел очень хороший человек...

Мальчик смотрел на меня большими глазами, словно ожидая продолжения моих слов, но мне пришлось общение прервать, чтобы не мешать ходу урока.

Мы с учительницей вышли в коридор.

И я поразился тому, что ученики Зинаиды Федоровны в абсолютной тишине продолжали делать задание.

Подал учительнице свою книгу «Роман Филиппов»:

— Вот такую мы делаем...

Учительница присела и листала книгу, а я комментировал фотографии:

— Вот Воронеж простился с ним... Тысячи людей... А это его учительница... Какая она и каков ее ученик... Вот жеманушка Оленька... Поехала в гарнизон...

— А как же не ездить, — вздохнула Зинаида Федоровна. — Если уж вышла замуж за военного...

— А кто-то и пасовал...

— Были такие, которые не едут...

— Вот, Батяня... Однополчанин... — рассказывал, а она перелистывала страницы. — Вот перед вылетом...

Я не заметил, как она остановилась.

Зинаида Федоровна плакала. И не могла произнести ни слова.

Вот взяла себя в руки и оправдывалась:

— У меня комок к горлу подступил, не могу говорить...

Прозвенел звонок.

Коридор наполнился шумом и гамом.

Учительница долистала книгу.

Промокнула платком глаза и с какой-то надеждой посмотрела на меня. Глаза ее говорили: вы должны постараться... Саша был таким мальчиком...

А вокруг носилась малышня...

Я оглядывался. Выходило, тут бегал, нырял в класс учившийся здесь с первого по четвертый класс мальчишка, который с малолетства грезил военной службой. И, несмотря на то что самый маленький, вопреки всему шел к намеченной цели.

Вышел из школы и удалялся, оборачиваясь и останавливаясь, все так же поглядывая на широко раскрытые окна-глаза.

Они тоже ждали чего-то.

Может, от меня, может, от других.

Шел между домов, по извилистым улочкам и твердил:

— Саша, Саша...

Мне повезло: дождем и не пахло. Облака разошлись.

Заглянул во двор 85-й школы и постоял у памятника Роману Филиппову.

— А Саше Крынину памятник? — задался вопросом.

При входе в 85-ю школу висела вывеска:

«...школа имени... Филиппова...»

Вскоре в областной газете «Коммуна» вышла моя статья о Крынине, в которой писал:

«Думаю, теперь о своем ученике-Герое... вспомнят в школе № 95, в Михайловском кадетском корпусе... Возможно появится улица имени Саши Крынина»¹.

Вспомнили.

9 сентября 2022 года в местных новостях сообщили, что мэр города Воронежа Вадим Кстенин заверил воронежцев, что школе № 95 будет присвоено имя Александра Крынина, а также подыскивается улица, которая получит его имя.

Что ж, остается только немного подождать.

10 сентября 2022 года

---

¹ Федоров М. Герой России [О старшем лейтенанте Александре Крынине] // Коммуна. Воронеж, 2022. 7 сентября (№ 36). С. 2.

ПРАПОРЩИК МИХАЙЛОВ

«Ту победу, которую мы все ждем,
он приблизил не на шаг, а на шажище!»

Учительница Дениса

1

В Щигры

Когда я собирал материал о выпускнике Михайловского кадетского корпуса, старшем лейтенанте Александре Эдуардовиче Крынине, мне его супруга Марья Сергеевна сказала, что последний бой он принял вместе со своим товарищем, прапорщиком Денисом Михайловым. И я узнал от нее номер телефона жены Михайлова, Виктории Валерьевны. Связавшись с ней, получил согласие на встречу, и вот собрался на малую родину прапорщика, в Щигры.

Выяснил, что в воскресенье из Воронежа отходит электричка на Курск, а Щигры перед Курском, и я мог добраться, а вечером на этой же электричке вернуться в Воронеж. И рано утром 10 июля на перекладных добрался до вокзала.

Получив при посадке в электричку инъекцию от контролера: «Под вагоном в Брянской области взорвалась мина. Машинист не пострадал...» (это строили козни укропы), предусмотрительно сел в вагон в середине.

Электричка помчала в желобе лесополос по полям, которые зеленели всходами.

Невольно приходили мысли о том, как по этой дороге под ударами конницы Буденного отступали из Воронежа на Касторную белые в 1919 году. Они намеревались под Касторной дать отпор буденновцам, но ничего из этого не вышло, и уже оттуда покатались на юг. Мысли мешались с моими адвокатскими делами.

После Касторной пошли станции Кшень, Мармыжи, Черемисиново.

Сердце часто забилося, когда на горизонте появились Щигры.

На полупустом перроне увидел двух чем-то похожих друг на друга дамочек и подумал: они ждут меня. Я оказался прав: меня встретили вдова прапорщика Виктория Валерьевна и его сестра Анастасия Александровна. С вокзала поехали общаться, к Денису домой. По дороге узнал, что готовы подвезти друзья, можно встретиться с мамой прапорщика, с его учительницей.

Дом, где рос и жил до службы Денис Михайлов, оказался на другом берегу на части раскroившего городок пруда.

За разговором Виктория Валерьевна сообщила:

— Позвонили из полка мужа и сказали: награжден орденом Мужества.

И добавила:

— Должны выслать орден...

— Хорошо... Только обязательно попросите удостоверение к ордену... — попросил я и вспомнил: — Вот об Александре Крынине висит в части памятная доска, и там...

Вдова:

— И про Дениса там же...

Вот по узкой улочке добрались до светлого домика и вскоре оказались в просторной комнате, на стеллажах которой разместились фотографии прапорщика.

Мы с вдовой сели по краям диванчика, на котором уже были разложены альбомчики, грамоты, награды. Напротив села его сестра.

2

Он не мог без армии (рассказ Виктории Валерьевны)

И потек наш разговор.

— Виктория Валерьевна, а можно немножко в историю? Когда вы познакомились с Денисом... Вы как на сердце легло, так и говорите...

Видя, что у нее на глаза навернулись слезы, как мог, успокаивал:

— Мы вчера у дедушки и бабушки Александра Крынина и поплакали, и... Но поговорить нам надо, это наш долг памяти...

Виктория, перебарывая наплыв слез, стала рассказывать:

— Мы узнали друг друга в 2014 году... Стали общаться, потом переставали, снова общались... В 2016 году мы были на свадьбе у моего брата, и тут уже начались наши отношения... Два года с ним повстречались и в 2019 году сыграли свадьбу...

— Он какого года рождения?

— 1994-го. Ему 25 лет. Он служил по контракту в поселке Маршала Жукова.

— С какого времени там служил?

— С 2014 года. Начинал с рядового. Мы там жили в обычном районе. А оттуда в часть ездил. Понятное дело, ни выходных, ни проходных. Привыкаешь к такому режиму. Потом предложили в Ельню на должность повыше.

— Стал вопрос: ехать — не ехать?

— Был спорный вопрос. — Виктория немного пришла в себя и четко ответила: — И переехали...

— Служил.

— Командир комендантского взвода.

— Мне бабушка Крынина показывала видео прохождения караула со знаменем. И объявляли: «Знамя... несет... лейтенант Крынин...» Говорили, как о лучших военнослужащих. А в Ельне — танковый полк.

— Да, — кивала Виктория.

— Вроде, танки. А в подчинении Дениса — солдаты...

— Да... И вот переехали, с Крыниными познакомились. Хотя Денис и Александр служили в разных подразделениях, но пересекались. Полк-то один. Ему нравилось там. И приходил в шесть вечера домой, а в ночь он уходил один раз в неделю. Не так часто, как в поселке Жуково.

- Видимо, планы у него были...
- Денис болен военной темой. Он поступил в вуз, чтобы впоследствии стать офицером.
- А в какой?
- В сельскохозяйственную академию в Курске.
- А по армейской линии не удалось?
- Он хотел, но не сложилось. В школе окончил кадетский класс. После школы хотел в училище, но... Еще после 9-го класса ездил поступать в колледж МЧС в Курске, не поступил. А после школы сдал экзамены в Юго-Западный институт в Курске. Проучился один год на химика, ему не нравилось, и он бросил. Ходил в военкомат, просил, чтобы его забрали в армию. Призыв начался, и его забрали. Отслужил срочную в Йошкар-Оле год, в 2013 году вернулся. Год просидел дома, пытался устроиться в пожарную часть, но тоже не получилось. И ушел в часть в Жуково по контракту.

Меня интересовало:

— А какие черточки в характере Дениса... Понятно, любимый...

Виктория:

- Сами сказали, для меня он замечательный человек и...
- Какие-нибудь характерные случаи...
- Да разве все вспомнишь... В Ельне пожар случился. Пока все стояли, он кинулся тушить. В огонь... А другие, как всегда...
- А что горело?
- Подвал какой-то... — сказала и добавила: — Таких людей очень мало...
- Зато на таких жизнь и держится...

Я продолжал:

- Служит. И вот началась эта история с Украиной.
- Сказал: уезжает в командировку на учения. 8 февраля они уехали. Попрощались, как обычно. Не было никакого

Прапорщик Михайлов

предчувствия, — у вдовы снова перехватило дыхание, — что больше его не увижу...

Потом:

— Выходил на связь более или менее. Сам звонил. В марте редко звонил. 8 марта позвонил.... Потом, как нам рассказывали со слов капитана, который с ним был, что 28 марта их окружили, взяли в плен, — сказала, помолчала и продолжила: — Даже не взяли, окружили и... не спасли...

— Это наши спасают раненых украинских пленных, а они...

Виктория:

— Они три дня бились. Саша Крынин, Денис и еще капитан, Николай Сергеевич. Они отстреливались до последне-

го. Их было семь человек. И вот втроем Саша, Денис и капитан отстреливались до последнего. Естественно, у них все закончилось, патронов нет. И не было другого выхода...

— Крынин был ранен...

— Денис тоже ранен...

— Когда вы узнали о случившемся?..

— В конце мая. 30 мая мы уже знали точно, что его нет...

Ездил его забирать прапорщик из части. И потом сюда прилетели. 10 июня его отпели и похоронили.

— Кто-нибудь на прощание приезжал?

— И из Ельни, и из Курска...

— А что рассказывали про Дениса?

— Что он всем помогал. С собой брал аптечку, ножницы, щипцы, и вот он помогал. Перебинтовывал... Был там, короче, медиком... Ходил, караулил больных... Всех спасал, а себя не спас...

— А как бы увидеть памятную доску Денису в части?

— Да вот. — Виктория Валерьевна на телефоне открыла фото.

Я прочитал:

«... В октябре 2020 года сержант Михайлов прибыл на воинскую службу в в/ч 94018 на должность заместителя командира комендантского взвода роты управления... 30.08.2021 года назначен на должность командира комендантского взвода с присвоением звания прапорщик. 8 февраля убыл на спецоперацию, где 28 марта в Харьковской области в населенном пункте Малая Рогань в ходе завязавшегося боя получил ранения, несовместимые с жизнью.

За мужество, отвагу и самоотверженность при исполнении воинского долга награжден орденом Мужества (посмертно)».

Скупость фраз не удивляла...

Хотя хотелось подробностей...

Разговор продолжился.

— Мне говорили, они несколько дней отбивались.

Виктория Михайлова:

— Да, три дня. Пока они отбивались, другие под шумок уходили...

— Три дня! Это не час и не два...

— Там еще танкисты недалеко были. И они думали, что танкисты придут и помогут...

Подумалось: кадетское воспитание не прошло мимо Крынина и Михайлова.

— Выходит, танкисты о них знали...

— Да... — кивнула Виктория.

— Говорят, они отбились. Через речку перешли — и в дом сошиться, и их настигли.

— Да, они через речку переходили. Еще говорили, что дед из местных приходил и спрашивал: «Как вы, ребята?» И думают, дед навел... И спаслись бы, если бы...

Мы говорили.

— Мне Марья Крынина сказала: «Если бы муж смалодушничал, он бы жить с таким не смог...» И они — Александр, Денис и этот капитан — дрались до конца...

Михайлова:

— Они жили этой работой. И они бы не отступили. Если бы даже остался жив, он не пошел бы домой, он бы там воевал... — произнесла и сокрушенно добавила: — Я его отговаривала, чтобы не продлевал контракт, но он не послушал...

Мне вдовы офицеров говорили, что отговаривали мужей, но те не слушали, оставались служить.

Виктория:

— Он все время хотел именно в пехоту... Мечта сбылась, но... Даже маленький, и тот в фуражке, — показала фото в альбоме. — Его наш зять звал «наш генерал».

— Настоящие генералы и выходят из таких...

— Не дослужил...

— А на фото на груди у него три медали...

— Да. «30 лет бригаде»...

— Когда служил в поселке Жуково?

— Да. А эти — «100 лет войскам связи ракетных войск» и «5 лет на военной службе»...

Виктория показывала грамоты и медали, которые муж получил как спортсмен по гиревому спорту и по карате.

— А это наше последнее совместное фото... — раскрыла альбом.

— Взгляд: все впереди... — невольно слетело с губ.

— А это — со спецоперации...

Экипированный по-военному Денис Михайлов с белой повязкой на руке стоял около памятника Гоголю и держал в руках автомат. Он словно охранял этого колючего, чуточку хмурого писателя. И слышались слова Тараса Бульбы:

«Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...»

3

Брат — Герой (рассказ сестры Насти)

Обратился и к сестре Дениса Насте:

— Вам он...

— Старший брат... Я — с 2001-го, а он на 8 лет старше... — рассказывала сестра. — Детства я, конечно, не помню. Но знаю, он был рад, когда я родилась. Даже нарисовал мой портрет. В детстве мы жили у бабушки, потом переехали сюда. Когда родители покупали здесь дом, я-то была совсем маленькая, и я при нем. Чтобы в школу идти, надо обходить пруд, а мы зимой — прямо через пруд, — засмеялась.

— Острые ощущения...

Настя:

— А потом ходили в обход. Опасно ведь...

— Рисковали...

— Когда я в школе и он еще учился, я ему помогала.

Я стихи быстрее выучивала, чем он, и я с ним учила... Помню, пироги с ним пекли, они подгорели... И ссорились и потом помирились... Он меня готовить научил... Когда выросла, он жил в Курске... Добрый, отзывчивый. Всегда, если нужно, помогал. И просишь, и не просишь — помогал.

— А что о стремлении в армию?

— Он всегда хотел быть героем. Еще в 9-м классе, когда учился. Всегда хотел пойти в какие-то кадетские корпуса, в армию. В 5-м классе еще не думал, а потом все — по военной дороге. Когда из армии пришел, хотел в пожарную часть устроиться у нас, но не получилось, получилось в Жуково пойти по контракту. В 2014 году, когда началась ситуация на Украине, он хотел туда поехать. Но не сложилось. Потом собирался в Сирию — тоже не сложилось. Втайне от Вики (Виктории — жены) собирал документы. Они уже в Ельне были, а она — против.

Виктория поддакнула.

Настя:

— Два раза пытался. Один раз из части никого не взяли, другой раз что-то по документам не успели подготовить... Он очень хотел быть участником боевых действий. И вот именно, он хотел быть героем!

— Как это, быть героем?

— Ну, хочу служить. Двигаться по службе. Хочу туда поехать, туда, чтобы совершить подвиг... И вот. Они отбивались несколько дней с 25-го числа по 28-е. Выжил капитан Николай Сергеевич Денисов.

— С ним пересекались?

— Да, он говорил то же самое. Говорил, что отстреливались втроем — Саша, Денис и он. Саша и Денис были сильно ранены, им помощь не оказали. А капитан жив...

— А как узнали, что Денис погиб...

— Жили надеждой. А точно узнали, когда тело Дениса привезли в Ростов. Это было 4 июня. Неделя была очень тяжелая. И в моральном плане. Мы не знали, когда прощание состоится. Подготовка проходила, а когда точно привезут...

— Кто-нибудь из вас ездил на опознание? — спросил сестру.

Настя:

— Из нас — нет, — посмотрела на Викторию. — По отпечаткам пальцев опознавали. Татуировке и шрамам. У него на татуировке — горы, лес, птица. Природа...

— Живой мир...

— Но его привезли в закрытом гробу...

— На прощании были?

— Конечно.

— С ребятами, которые его привезли, общалась?

— С прапорщиком, который его привез, — нет. Там было не до этого.

— А с кем-нибудь?

— Антон приезжал, его друг, с которым были в Ельне. Рассказывал: они с Сашей и Денисом были всегда вместе, и таких людей нужно поискать. Молодец. Помогал... Они были всегда в одном бэтээре. Они вместе.

— Мне говорили про Антона, который увез танк на ремонт и не был тогда с ними, — вспомнил я разговор с родными Крынина.

— Да... Он говорил о помощи Дениса. Ну, он всегда в школе учился оказывать первую медицинскую помощь. Всегда считал, что ему это в жизни пригодится. И, как рассказывали, он находил, из чего шину сделать. Раненых перевязывал, перебинтовывал. Оказывал всем помощь... А отстреливался, как герой.

— Как Денис учился в школе?

— Между четверками и тройками... Но маме и папе проблем не было...

— А какие у него любимые предметы?

— Физкультура. ОБЖ. История... Но историей увлекся, когда пошел служить по контракту.

Оказалось, он любил коллекционировать. Собирал монеты. Слоников. Как мне сказали: считал, что слоники приносят счастье...

Продвинутый паренек!

— А насчет памяти о нем? — спросил и сам ответил: — Вот бы на этом доме повесить табличку: «Здесь жил...»

4

Денистик (рассказы друзей)

Вскоре приехали два крепких парня. Представились:

— Виталий Сергеевич Глазков...

— Игорь Александрович Куркин...

С ними продолжил погружаться в жизнь их земляка.

Глазков:

— Я сам деревенский и 9 классов окончил там, а в 10-й класс перешел в 4-ю школу в Щигры. В городскую. И тут начал заниматься карате. Первая наша встреча с Денисом произошла на секции карате. Вместе занимались. Это 2008 год. Потом отношения переросли в дружеские встречи. Потом вместе поехали учиться в Курск. Вместе учились в политехе. Часто пересекались.

— А кем он себя видел?

— Военным он и видел. Первоначально ведь в военку хотел поступать, но не получилось. Отучился в политехе год и все равно ушел в армию.

— Как это получилось?

— Да, может, и спонтанно. Не думал... Не сдал начертательную геометрию. И в армию. Типа: приду — потом доучусь.

— И что за парень Денис?

— Мы вот вспоминали: не было такого, чтобы из-за него возникли проблемы. Человек всегда... Если возникали вопросы, то всегда мирно разрешались. Ездили на соревнования с ним... Не было такого, чтобы отказал. У меня сгорел дом, ребята все приехали наутро, ломали, растаскивали. Денис приезжал делать ремонт: крышу уже накрыли... Чисто дружеские отношения... Еще была у него тяга к строительству. Поэтому помочь — у него всегда... Он легкий на подъем. Некоторые просчитывают, продумывают, а у него легко...

— А к армии?

— Нравилась ему армия.

— Как «ать, два»?

— Ничего, не цемент кидать, не пол заливать. Армия для него — как второй дом. Я многих знаю, отслужат контракт и уходят. Никогда не вернуться. А он думал наперед. Год отслужу — жилье дадут. Отпуск большой... Помню, меня забирали в армию. В военкомате. Я лежу на шконке двухэтажной — заходит: «Рядовой Глазков, на выход!» Я: «Кто это?..» Смотрю: Денис. Его никогда не звали Денисом, всегда звали Денисиком.

— Любовно...

— Я: «Ты что?» Он: «Я в наряд заступил специально, чтобы тебя...»

— Как Василий Теркин, приколоться...

— Ну да...

— А почему все-таки Денисик?

— Он небольшого росточка, хрупенький. Когда мы с ним познакомились, мне — 16, ему — 14 лет. Со временем возмужал. Его всегда называли Денисик. Не Денис, ни Дэн, а Денисик. В телефоне у меня даже записано: «Денисик...»

— Служил в Жуково. В Ельне.

— Рассказывал, как служба, какие командиры, кто как относится. Все равно служба в Жукове, с офицерами панибратство. Потому что родственники, друзья. И часть

контрактная, все на тебе. Срочников можно было бы напечь, они бы что-то сделали. А это сами... Но он не то что сторонился работы, нет... Помню, его всегда подкалывали. У кого-то день рождения, надо бы пойти, а его как назло отправляли в наряд. И он с командиром ругался. За неделю, за две предупредит: «Не ставьте в наряд». А его ставят... Но когда перевелся в Смоленск, ему служба нравилась больше. Офицеры другие, отношения другие. Служба легче. Человеческий фактор. Офицеры намного добрее. И как бы многое зависит от командования.

— Мне рассказывали родственники Крынина, что у них командир полка был, как отец родной...

Тут вмешалась Виктория:

— Да, но он ушел за два месяца до начала спецоперации, — вставила реплику. — Если бы он был, возможно, этого бы не случилось, и ребят не потеряли...

Глазков:

— Многое зависит от командира полка, ведь понимает, что это семья. Вот такая спецоперация началась. Кто-то должен прикрывать тебе спину. А прикрывает кто? Тот человек, который с тобой же находился в полку. Который доверительное отношение к тебе имел. Если у вас были настоящие отношения, он и будет прикрывать. А если у вас терки, он сам может тебе...

— Ножку подставить...

Глазков:

— Люди, которые прирожденные командиры, они все это и понимают. Если ты человек, то везде будешь человеком. И на гражданке, и в бою...

— Когда последний раз видел Дениса?

— На мой день рождения.

— Приехал, значит...

— Да. Совершенно спонтанно приехали. Это 17 августа 2021 года. Денис и Вика. Я не хотел отмечать, мне 29 лет, дата не круглая. Но жена настояла. Заказали беседку. Друзья, семейно. Он машину купил: радовался.

- Плюс для семьи.
- То есть жить и жить.

— И когда узнал о гибели?

— Созванивались мы, правда, не часто. У всех семьи. Работа. 25 января созвонились: у него день рождения. Поздравили, ничего. Никаких намеков. Потом списывались в Ватсапе. Я был в Крыму, он прислал мне эсмэску: «Вот мой новый номер телефона. Я уезжаю на учения под Белгород». Ничего там. Я еще написал: «Какие-то учения масштабные». Ехали в Крым, а вся дорога заполнена военными. Эшелоны... эшелоны... И последняя переписка перед его отъездом... Потом узнаешь... Мы общались, а Денис не выходит на связь. Мы переписывались: «Как Денис? Звонил?» — «Звонил». И время стало проходить и Виктория: «Денис не звонит». На 8 марта, и больше не было звонков. Неделя прошла. Вторая. Не то что тревожно, но время военное. Может, там, на той стороне, нет связи. А то много друзей там и от них: полк не выходит на связь, полк не выходит на связь. Максимум, что я предполагал, что он в плену. Это максимум... Но вот.

- Были на похоронах?
- Конечно...
- С кем-нибудь пообщался?

— Из Смоленска Антон был, старший лейтенант. Хотелось узнать все. Он сказал для всех, что несколько дней был бой, держались. Потом их вывели — нет продовольствия, боеприпасов. И такая вот участь... Все прекрасно понимают: спецоперация — это война. Я к чему: все это, когда тебя не касается, это выглядит совсем по-другому, а когда — с твоим другом... Почему судьба такая, все вроде есть: часть, нравится, едут одними из первых — и жизнь обрывается.

- Не соглашается что-то внутри...

— А насчет памяти о Денисике? — спросил я.

— Мы хотим не на этом доме (где сидели), а на доме, где он воспитывался и в детстве сначала жил, это пятиэтажка. Там торцевая стена, как раз просматривается с дороги, и на ней баннер повесить. Большой, 10 на 5 метров... Во всю стену... Мы когда его несли (похороны), мы останавливались около этого дома...

— Надо решать с властями...

— Они нас поддерживают... Только с собственниками квартир надо уладить, а так все согласны...

— Молодцы...

Разговор продолжился общением со вторым другом Дениса.

— Игорь Александрович, — обратился ко второму парню. — А вы когда...

— Познакомился в 2006—2007 году. Мой одноклассник жил по соседству с Денисовым двоюродным братом, и получалось: куда бы мы ни шли, брали и Дениса... Он — в классе 7-м, а я — в 9-м. Нас сдружила общая компания...

— А что это за паренек?

Игорь Куркин:

— Он что-то постоянно придумывал, собирал. Если какая-то тема, мы поговорили и забыли, а он пришел домой — порылся, прочитал. И на следующий день он уже больше информации выдавал... В качалку ходил (спортзал. — Авт.) В соревнованиях... Даже если взять одно из последних фото. Он на спецоперации.... Экипирован до ниточки... Он любил свое дело. И покупал все сам. Вот каска военная...

Глазков поддержал:

— Он, если у него машина, то зеркала с поворотниками. Я ему: «Зачем? Она от этого лучше ездить не станет». Он: «Нет».

Куркин:

— Что-то сделать... Всегда собран... Общался с ним последний раз 25 января. Он в Ватсапе написал: «Уезжаю...»

— Круг общения у Дениса большой, — вырвалось у меня.
Куркин:

— Город-то маленький, его полгорода знают... У него трудности были. Срочка-то: всегда здоров. А попытался в пожарку: проблемы. Он: «В армию забирают, здоров. А тут...»

— Но бил в одну точку.

— Служил...

— А случаи какие запомнились?

— Из речки лестницу вытаскивал. Были на дне рождения, и с пирса оторвалась лестница. И он нырял-нырял, доставал ее. Мы ему: «Зачем тебе это надо?» А он: «А если кто нырнет и...» Вроде по контракту служил, товарищ у него попросил машину, тот: «Без вопросов». И дал. А этот товарищ машину ему разбил. И не расплатился за ущерб. А он — ничего, простил...

— На прощании кто-нибудь рассказывал?

— Вкратце... Сказали, что взяли эту деревню, оставили часть людей, сами пошли дальше. Вроде обстреляли их из артиллерии, тем удалось отскочить. А эти — их человек 20—25, бежать некуда, и они забежали в дом. Несколько суток там. Думаю, запрашивали помощь...

Тут снова вмешалась Вика:

— Запрашивали, конечно...

Глазков:

— Благодаря Антону ведь Денис уехал в Ельню. Это он его позвал. А он же сам курский. Денис всегда говорил: «У меня есть друг в Смоленске. Он зовет меня к себе служить». Здесь сержант, а повышения никакого. Антон туда перевелся и сразу стал старшим лейтенантом, звал Дениса. А тот — прапорщиком.

Куркин:

— Он же и пошел в «вышку». Одну сессию сдал... Хотя и оставил политех, но отучился в техникуме...

Глазков:

— Антон видел службу здесь, видел в Ельне. И потянул в Ельню. Слабаков бы не позвал. Звал адекватных, сооб-

разительных... Денису многие: «Чего поедешь? Там новое место. Далеко». Были против. А он: «Поеду».

Я:

— И с командиром в Ельне повезло. Командир полка был классный... Он служит сейчас? — спросил у Виктории.

— Да. На повышение ушел.

— И вам дали другого?

Вика:

— Он погиб в этот же день.

— Он танкист?

Вика:

— Он не вояка. Его 24 февраля не убило, а убило 28 марта.

— А 24 февраля?

— Он их повел не так, как надо, И их начали обстреливать. И все растерялись и выходили по одному. Но вышли все без потерь.

— Не командир...

— Он из учебки...

Заговорили о памяти... Мне ребята показали страничку главы местной власти с соболезнованием.

Потом — института, где учился...

— А что это на футболке написано? — заметил нашивку на груди на фото под некрологом.

— Этикетка «Вежливые люди...». В 2014 году он ждал мобилизации и, как ее объявят, собирался туда ехать...

Я вспомнил, как «вежливые люди» сберегли от нацистов Крым.

— Хотел быть участником боевых действий...

Вот разговор закончился. Ребята уехали.

Выходя из комнаты, я заметил уголок Дениса в прихожей: на тумбочке рядом с фотопортретом лежали фуражка и погоны...

Здесь его чтили...

Кадет-спасатель (рассказ мамы)

С Викторией и Настей мы поехали на работу к маме Дениса. Из улочки выбрались на широкий асфальт и завияли между огромных деревьев. Обогнули пруд, который зимой, направляясь в школу, Денис с сестренкой пересекали по льду, повернули под железнодорожный мост и въехали в кварталы двух- и пятиэтажек.

Остановились на площади напротив собора.

Виктория:

— В нем отпевали Дениса...

В торговом зальчике меня ждала хрупкая седая женщина, которая оказалась почти моей ровесницей. И мы с ней уединились в маленькой комнатенке.

Мне трудно было начинать разговор с мамой погибшего, но я сначала рассказал, что узнал от дедушки и бабушки Крынина о гибели ребят, и только потом спросил:

— Оксана Юрьевна, мальчик, он старшенький у вас... — имел в виду сына, — каким он...

Мама, протирая глаза:

— Он хороший... — произнесла тихо-тихо.

Я понимал всю сложность своего положения и сам тихо говорил, а мама:

— Он был послушный... Конечно, подростковый период. У него хорошие друзья. Знаете ведь, то курят...

— Бывает, и пьют...

— Всего этого у нас не было. Спортом занимался.

— А откуда у него это?

— У нас в семье не курят, не пьют... Читать он учился. Мы с ним читали сказки. Ляжем, у меня глаза закрываются, а он: «Нет, читай». А сам читать начал, как в школу пошел. Это сейчас уже умеют читать и считать. Что-то давалось легко, что-то — нет. Вот слово «около» очень долго запоминал. Долго с этим словом бились... С 1-го по 4-й класс хорошо учился. Получается, он пошел в школу в 6 лет и 8 ме-

сяцев. Учительница попалась строгая. Любил фантастику. А больше — детективы...

— Чтобы голова хорошо работала...

— После школы поступил в университет, год проучился — химия тяжело давалась...

— Не только ему одному, — я вспомнил свои тройки по химии.

Оксана Михайлова:

— Хотя его крестная мама — химик... Но что ж. Ну, упустили этот момент. И еще не уходя из политеха, он ходил и просил: «Дайте мне академический, чтобы я сходил в армию». Но ему не дали.

— В армии куда попал?

— В Йошкар-Олу. В РВСН. И уже в январе там участвовал в соревнованиях. Он же подростком — и карате, и гиревой спорт... Говорил, ему повезло с командирами. Видимо, были хорошие люди.

— А что же не остался в армии?

— Далеко от дома. Когда приехал, всю неделю тяжело давалось. Он добрый, отзывчивый, всегда поможет... Год искал работу. В пожарку собрался — не взяли.

— Руки не сложил?

— Нет-нет. Его не то что не взяли, а: «Жди, как появится место». Пошел на шабашки. Крыши крыл. А потом его одноклассник-друг пошел по контракту, и Денис, недолго думая, тоже по контракту в Жуково... Вот дома — крыши они с отцом делали.

— А сестренка?

— Они дружили. Может, и ссорились, но она его любила, и он ее любил.

— Вот в Жукове...

— Когда на КМБ (курс молодого бойца), там какие-то препятствия, он там даже колено разбил: полез, куда и не надо... Ему повезло: навстречу шел начальник физподготовки и сразу его зацепил и на соревнования... Вот приехал:

«Мы с Викой переезжаем в Смоленск...» Я его всегда поддерживала. Мы вместе ремонтировали его машину. Вместе за все переживали...

Мама.

— А в Ельне?

Оксана Юрьевна:

— Он рос. Закончил в прошлом году Калининский сельхозтехникум, потом в институт... Ему хотелось дальше... Быть лейтенантом...

— Целеустремленный... — констатировал я и спросил: — А вы рады, что сын пошел по военной линии?

— Конечно...

— У него в роду военные были?

— Не было военных... Разве что прадедушка... Есть наградной лист... Его прадед воевал. По отцу, Михайлов Филипп Дмитриевич. Стрелок Горловской стрелковой дивизии...

Мне показали наградной лист, в котором написано:

«Михайлов... представляется к ордену “Славы”... в Отечественной войне с 9 мая 1944 года 1 Украинский фронт... В Красной Армии с 8 сентября 1941 года... В наступательном бою под селением Сливки Станиславской области 28 июля 1944 года он действовал смело и решительно, первым повел в атаку свое отделение. Под сильным огнем противника он со своим отделением первым ворвался в село, разогнал группу вражеских солдат, забрал при этом четыре неприятельских пушки. В этом бою он сам лично в рукопашной схватке убил двух мадьяр....

Достоин награждения орденом “Славы III степени”...

12.8.1944

*Командир 865 стрелкового полка
Подполковник (Умиров)».*

Станиславской областью с 1939 по 1961 год называлась Ивано-Франковская область. А 271-я стрелковая дивизи-

зия на фронте — с 20 августа 1941 года по 11 мая 1945 года, а по окончании войны громила УПА — Украинскую повстанческую армию.

Выходит, прадед воевал на Украине, в Прикарпатье, где сложил голову его правнук. Прадед Дениса, как и он сам, бил бандеровцев!

Видимо, этот наградной лист читал Денис...

Оксана Юрьевна:

— У меня дедушка служил, но он засекреченный... Сын общался с прабабушкой, она жила здесь в войну...

— Немцы же в Щиграх были...

Михайлова:

— У нас с Денисом не было конфликтов. Иногда ругалась по учебе. И переходный возраст начался рано. Это восьмой класс, седьмой. И классная руководительница грозилась оставить его на второй год. Мы приходим к ней. Она говорит: «Успокойтесь. Кто его будет оставлять. Просто немножко его припугнули...»

— Многое сыграл спорт...

— Ему это нравилось...

— И вот служит в Ельне...

— Звонил часто. «Как дела?» — «Все хорошо...» Помню, в пять лет провалился в погреб, и ему фляга на голову упала... Сверху, пустая фляга... Но обошлось... Но за всех заступался. Пошел в парк, видит, там мальчика бьют. Пришел весь в крови. «Что так?» — «Я заступался...» Это ему лет пятнадцать было... Ехал с кем-то, увидели аварию — стал девочку спасать...

— Другой бы проехал мимо...

— Последний раз когда с ним разговаривали?

— 8 марта... Звонил другим... Про войну говорил единственно что: топили снег, варили суп на воде из растопленного снега...

— А в феврале — марте было холодно...

— А что вам известно о случившемся?

— Конкретно детали мы не знаем. Друг, который приехал на похороны, говорил: Денис нашел ключку и кому-то ногу спас... Набрал туда бинтов. Он же был кадет-спасатель... Это 10–11-й класс. Он из одного класса перешел в другой класс. И он набрал бинтов, перекиси. Всего-всего...

— Другой бы и не подумал...

Михайлова кивнула:

— Три дня отбивались...

— Кто-то говорил, что они даже огонь на себя вызывали...

— Во!

— Три дня отбиваться. Пока не закончилось все, чем отбиваться. Они были голодные, холодные...

— Тем более раненые...

— В справке медицинской написано: «Ранение головы, не совместимое с жизнью...»

— Когда вы узнали о гибели?

— Официально — 4 июня.

— А до этого времени?

— Мы надеялись, что, может быть...

— Мать-то не верит до конца...

— А 1 июня мы сдали анализы на ДНК. Пришла разрядка: у всех родственников без вести пропавших взять ДНК. А 4 июня уже сообщили. 10 июня похоронили...

— А почему в Щиграх решили хоронить? Где-нибудь на Аллее Славы в Курске...

Михайлова:

— Нам не предлагали Аллею Славы, но мы хотели, чтобы он был дома... Можем сюда каждый день... Девчонки — не так далеко. Если будут жить в Курске, это 60 километров.

— Символично: откуда вошел в жизнь, туда и вернулся...

— На прощание пришли, съехались много людей... — говорила: — Макет памятника определили...

Заботились.

— Ребята баннер, — вспомнил я, — хотят сделать...

— Они дружили.

— А в школе?

— Что-то тоже собираются сделать. Но пока она в ремонте.

— А кто-нибудь из властей отозвался на гибель Дениса?

— В Курске на сайте администрации писали... В нашей районной газете...

Показала газету Щигровского района «Районный вестник» за 10 июня 2022 года.

Михайлова:

— Он и в Крым в 2014 году собирался... Защищать. И в Сирию — дважды, собирал документы. Когда в Курске служил, в Ельне. Не сложилось с Сирией, сложилось с Украиной...

— У него же мотив не просто послужить — значит, им что-то большее руководило...

Оксана Юрьевна:

— У нас на Украине родственники. Родственники именно в Горловке, которой больше всего досталось. У мужа родственники живы, у меня уже все ушли. А там ведь... Единственно, я почему-то всегда боялась его потерять. Боялась, его украдут. Так что...

Когда я покинул павильон, Оксана Юрьевна вышла меня проводить и говорила-говорила про сына.

Простился с ней, и мы с Настей и Викторией поехали к учительнице Дениса.

6

Воин Дионисий

Машина плутала по улочкам, неслась по асфальту, по грунтовке спускалась вниз и взбиралась вверх и вот в ту-

пичке остановилась около ухоженного домика с палисадником за низким заборчиком. Открытость дома контрастировала с городскими постройками: в Воронеже люди сплошь закрывались высокими сплошными заборами. Здесь жители не закрывались друг от друга.

Нас встретила стройная, высокая женщина, представилась:

— Русистка Ольга Владимировна Фунтикова... Учила Дениса...

Мы устроились в небольшой, похожей на уголок школьника, комнатке учителя.

На столе у окна стоял компьютер, на полке теснились книги.

Я присел на диванчик, учительница — напротив.

— Тему Донбасса я не трогал, тема больная, пока там не погиб однокурник моего сына по военному институту... И теперь собираю материал о ребятах, сложивших там голову. Написал очерк об однокурснике сына. Встретил бывшего директора кадетского корпуса, и он мне сказал, как погиб бывший кадет Саша Крынин. А оказывается, он был вместе с Денисом Михайловым... Они три дня отбивались от нацистов... — закончил «вступление» и спросил:

— Я сначала хотел спросить про вас. Вы учитель литературы?

— Да...

— А вы из каких краев?

— Наполовину русская, наполовину украинка. У меня папа хохол. Родственников на Украине великое множество. И по папиной линии, некоторые — и по маминной. Дружили, неразлейвода были всю жизнь. Родители мои ушли из жизни больше двадцати лет. Связь поддерживали с Украиной, ездили туда, они приезжали. Но когда в 2014 году началась эта заварушка, обвинили меня во всех тяжких, оборвали все связи...

Украинцам связываться с русскими было опасно: могли прийти из СБУ.

Ольга Владимировна:

— Но мониторят через социальные сети. Просматривают выложенные истории. То есть они следят за нашей жизнью. Но общения никакого нет. Более того, сейчас общение возродилось, когда началась спецоперация. Но в каком ключе? Снова — только обвинения. То есть они считают виноватыми всех нас.

— Это знакомо. У меня тоже мою жену обвиняют. Она киевлянка.

— И успокаивает то, что это сплошь и рядом: брат на брата, сестра на сестру, успокоение небольшое, но вот до такой степени им мозги промыли А вообще я живу здесь все время. Обрусевшая. У меня и папа обрусел.

— А с Украины из каких регионов?

— Киевская область, Житомирская, сам Киев, Бердичев... Но не Западная Украина, не западенцы.

Да, много родни на Украине.

— Вы здесь родились? — спросил.

— Мои родители поехали туда в гости, у меня свидетельство о рождении на украинском языке, и мама надумала подарить мне жизнь там. В паспорте я была какое-то время украинка, а потом перестали это отмечать. Но я и не скрывала никогда, не чуралась этого.

— И вот вы в Щиграх...

— Да, вернулись с родителями. Закончила 2-ю щигровскую школу. А в 4-й я работаю.

— Кто же вас — по учительской стезе...

— Я единственная. Хохлы мои меня зовут «учителка».

— И когда решили — в учителя?

— Я в 1988 году окончила школу и первый год не поступила в КГПИ, Курский педагогический институт. Не хватило мне баллов. Я пошла работать в Кривцовку (деревня Щигровского района. — *Авт.*) вожатой. На следующий год поступила по направлению, но с лихвой набрав баллов.

— На какой факультет?

— Он так и называется: литфак. Он подарил прекрасные студенческие годы, прекрасных подружек, с которыми общаемся до сих пор. Ну и любимую работу. С нее не уйду!

— А как после института?..

— Да, я еще после института год проработала в сельской школе в Крутом (Крутое — деревня в Щигровском районе. — *Авт.*). Уже русоведом. Учителем русского языка и литературы. А потом я попала в 4-ю школу.

— И как вам сельская школа... Помните рассказ Толстого «Филипок»:

«Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи свое имя.

Филипок сказал:

— Хве-и — хви, ле-и — ли, пе-ок — пок...»

Ольга Владимировна:

— Сельская школа и городская — они разнятся. Сельская школа — небольшое количество детей, небольшое количество учителей. Семья. И до сих пор встречаю детей: узнаю я их, они — меня, хотя прошло уже больше 25 лет.

— Здороваются, в отличие от городских...

— Здороваются. Даже некоторых не помню, а они напоминают, кто.

— Вот есть такое понятие «светлые глаза сельских мальчиков». Мне кажется, в сельской среде связь с Отечеством прививается естественно... Малая родина...

— Наши Щигры городом не назовешь. Большая деревня. Видимо, чем ближе к земле, тем легче...

— Сама земля, окружение прививают... Вот теперь — про Дениса... Ведь шел в армию вопреки всем препятствиям. И другим себя не мыслил...

Ольга Владимировна:

— Танк подбил, кто-то рассказывал. Радовался... Кто-то из мальчишек или на работе... Был очень рад, что подбил... Мы, конечно, следили за его судьбой. Мы прислушивались.

Но, естественно, не навязывались, не звонили. Городок-то небольшой.

— Вот ваша 4-я школа. Вы у Дениса с какого класса?

— С 5-го по 9-й класс учила. Классом мне не довелось руководить. Но русский и литературу вела. Я вот сказала, что не довелось классным руководителем, но со словесниками, особенно в средних классах, дети встречаются чаще, чем с классным руководителем. По два, по три урока в неделю. То есть очень часто виделись. Что я хочу сказать об этом классе. В целом дети неплохие. Денис. Ложь, подлость, предательство — это не про него. Он честный. Он очень спокойный был. Да, он с ребятами, бывало, дурковал.

— Мальчишки ведь...

— Но ни одно это даже не происшествие, а дурачество, не привело в кабинет директора Дениса, на ковер директора не попадали тем более родители Дениса, ни разу я не звонила его маме, что, так и так, Дениса надо поругать... Нет. Он не был отличником по учебе, но, как показала практика, он стал отличником по жизни. Он получил пятерку с плюсом! Когда мама написала мне: «Здравствуйте, Ольга Владимировна, Дениса больше нет...» — трудно было поверить в эту фразу. Долго я плакала. Привыкала. Но когда мы попали на прощание, на церемонию прощания, знаете, что я поняла: все-таки он есть и он будет всегда. Разве забудут мальчишки, — голос у нее дрогнул, сама промокнула повлажневшие глаза, — которые вот так футболкой вытирали... Подушечку с медалями держали дрожащими руками. Это невозможно забыть. Ему быть, и он будет с нами всегда!

Я молчал, как будто сам оказался на прощании.

Ольга Владимировна:

— Тот Денис, который поднимал стулья... «Ребятки, нужно поднять стульчики...» Всегда. Тот Денис, который их переставит. У нас общая лаборантская. Почему я 10-й и 11-й видела, когда они перешли к другому учителю, мы все равно жили вместе. Мой кабинет и их кабинет — общая лаборантская. Все равно одна семья. А потом получилось

так, что я их семейным учителем стала. Ко мне пришла его сестра Настя в 5-м классе и до 11-го класса. Денис у меня 5 лет был, Настя — 7 лет. Мы с их мамой учились в одной школе. Не сказать, что я ее хорошо знала, она постарше. Но общение не прекращалось.

Я слушал, боялся перебить.

Ольга Владимировна:

— Когда у Насти выпускной был, Денис поступил учиться, женился, я в курсе была. Фотографии мне показывали. Поэтому не уйдет он никуда. Вот понимаете, про таких мальчишек, как Денис, таких деревенских, как вы говорите, мы читаем на уроках литературы. Мне на ум пришел рассказ Юрия Яковлева, с детьми мы читаем на внеклассных уроках «Рыцарь Вася». Такой тихий, невзрачный, спокойный мальчишка, не бедокурит, его называют «тюфячок», но, когда нужно оказать помощь тонущему мальчику, он, не раздумывая, бросился в ледяную воду.

В рассказе читаем:

«Внимание тюфяка привлекли крики, которые долетали с реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег.

Там он увидел Димку Ковалева, который размахивал руками и кричал:

— Тонет! Тонет!

— Кто тонет? — не спеша спросил тюфяк.

— Не видишь, что ли? — огрызнулся Димка. — Пацан тонет. Под лед провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалева: “Что же ты не поможешь ему?” Но он был тюфяком и не догадался этого сделать.

Он посмотрел на замерзшую реку и заметил маленького первоклашку, который был по пояс в воде и только руками цеплялся за край льда.

Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лед. Лед слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче.

Димка Ковалев оживился. Он снова стал махать руками и кричать:

— Заходи справа!.. Осторожно!.. Не топай ножищами, а то сам...

Он кричал для того, чтобы заглушить свой страх.

А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, который не мог выговорить и слова.

Около полыньи на льду образовалась лужа. Он дошел до края и, не раздумывая, выставил одну ногу вперед. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лед может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном.

Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу и очутился по щиколотку в воде.

Теперь Ковалев уже не кричал и не размахивал руками, а напряженно выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как стал обламываться лед.

Наконец первоклассник очутился на льду. Он шел, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы его стучали, а по лицу текли слезы».

Ольга Владимировна:

— «Тихое утро» Юрия Казакова вспомнила. Герой рассказа — деревенский мальчишка Яшка, спокойный, уверенный в себе. В жизни Денис тоже был уверенный в себе. Когда этот Яшка, не раздумывая, бросился в воду спасать городского мальчика Володьку, ни к чему не приспособленного, всего боящегося.

В рассказе читаем:

«Но в этот момент земля под ногами у Володи зашевелилась, подалась, он потерял равновесие, выпустил удочку, нелепо, будто ловя мяч, всплеснул руками, звонко крикнул: “Ааа...” — и упал в воду.

— Дурак! — закричал Яшка, злобно и страдальчески искривив лицо. — Недотепа чертова!..

Он вскочил, схватил ком земли с травой, готовясь швырнуть в лицо Володе, как только он вынырнет. Но, взглянув на воду, он замер, и у него появилось то томительное чувство, которое испытываешь во сне: Володя в трех метрах от берега бил, шлепал по воде руками, запрокидывал к небу белое лицо с выпученными глазами, захлебывался и, окунаясь в воду, все силился что-то крикнуть, но в горле у него клокотало и получалось: “Уаа... Уа...”

“Тонет! — с ужасом подумал Яшка. — Утягивает!” Бросил комок земли и, вытирая липкую руку о штаны, чувствуя слабость в ногах, попятился вверх, прочь от воды...

Наконец, подгоняемый страшными звуками, которые издавал Володя, Яшка выскочил на луг и кинулся к деревне, но, не пробежав и десяти шагов, остановился, будто споткнувшись, чувствуя, что убежать никак нельзя. Поблизости не было никого, и некому было крикнуть о помощи... Яшка судорожно шарил в карманах и в сумке в поисках хоть какой-нибудь бечевки и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу. Подойдя к обрыву, он заглянул вниз, ожидая увидеть страшное и в то же время надеясь, что все как-то обошлось, и опять увидел Володю. Володя теперь уже не бился, он почти весь скрылся под водой, только макушка с торчащими волосами была еще видна. Она скрывалась и опять показывалась, скрывалась и показывалась...

Высвободившись из штанов, он, как был, в рубашке, с сумкой через плечо, прыгнул в воду, в два взмаха подплыл к Володе, схватил его за руку...»

Ольга Владимировна:

— Денис всегда останется с нами. В разговорах, в воспоминаниях. Вот свечу будем зажигать, я каждое утро его поминаю. Мой список большой. И когда Оксана (мать Дениса) написала: «Дениса больше нет», я не согласилась.

Как? Для меня он Дениска, для них он — Денис. Дениска. Дениска. И когда я увидела на церемонии прощания, как его любят, как его помнят и чтят, я поняла: Дениска, а правильно батюшка сказал: «Воин Дионисий». Защитник. Вот за его щитом жена, сестра, родители, все мы — за его щитом. Ту победу, которую мы все ждем, он приблизил не на шаг, а на шажище!

У меня дух захватило от монолога учительницы.

Она:

— Я о нем вот так думаю...

— А все-таки прощание... Я же там не был...

— У нас море людей. Те, кто остался жить в Щиграх из «деток», те, кто уехал. Они приехали. Это и детки, «ашки» мы их называем. И «бэшки». И его одноклассники. И те, которые старше, и те, кто моложе. И родители. И учителя. Действительно, море народа. Там машин стояло от поворота на дачи до аэродрома. И вдоль трассы, машины стояли чуть ли не до СОМа.

Я понял: много.

И:

— А что такое СОМ?

— Это был маслозавод... Реально, море людей. И плакали тихо-тихо. И я стояла в стороне, и этот солдатик отошел в сторону и слезы, и пот, он футболку цвета хаки вытащил и краем вытирает себе глаза...

— Сначала отпевали...

— В храме яблоку негде было упасть, — говорила Ольга Владимировна. — За пределами храма — не все поместились. Все Щигры... Более того, как сейчас, ставят сразу в катафалк и повезли. Дениса понесли от храма через город. Несли на руках... Несли. Даже те, которые к храму не подходили, не поехали, не пошли на кладбище, они вдоль дороги стояли. Провожали... Весь город простился. Он реально наш Герой!

— Вы хорошо сказали: это сельская школа. Здесь воспитание другое. Здесь люди ближе. А в больших городах соседи не знают друг друга. Здесь эти гаджеты; когда Денис учился, не было этого, все равно живое общение у детей. Эти бегают, эти прыгают, этих домой не загонишь. Это обычные дети, не испорченные...

— В городе ведь столько грязи, наркотики...

— Да. Здесь другое воспитание. Вот учился Денис и его дружок водил своих сестренек за руку. Шнуровали ботиночки. Вешали портфельчики. Тащили домой.

— Маленький батянька.

— Денис — мужичок в мешочке. Что греха таить, мы детей вечно ругаем. На кого надеяться? Кто из него будет? Вот кто будет, оказывается. Не будет, а уже защищает Отечество, от которого не ждешь, в общем-то. Не потому, что там трусливый, не потому, что не такие, а вот не приходилось. А вот когда пришлось, вот оно как...

— От него лжи нет...

— Чтобы подлость подстроить, чтобы пройти мимо и чтобы он тебя не узнал, это не про него... И я вспомнила, на прощании, кажется, военком сказал: «Денис погиб потому, что не умел прятаться за спины товарищей...»

После учительницы я проведаль бабушку Дениса и дом, где в детстве он жил. И смотрел на стену, на которой собирались повесить баннер:

— Скорее бы...

Мы поехали на кладбище. Я ходил по полю, где с краю погоста окружили могилу венки от друзей, родных, сослуживцев...

Мне было тяжело от потери и вместе с тем легко, что такие парни у нас есть.

Я простился с родными Дениса и, имея еще в запасе пару часов, жарился на солнце, ходил на привокзальной площади около пушек и ЗУШек. Вспомнил про пруд, кото-

Денис Михайлов

рый оказался в полукилометре. Искупавшись, сел в электричку и поехал назад.

В голове роились мысли о прапорщике из Щигров. И почему-то тянуло назад, словно я что-то там не доделал, кого-то не дорасспросил, а может, оттого, что уже сроднился с этим уголком земли.

Солнце словно косило траву, пытаясь заглянуть в густые посадки, а меня болтало в вагоне, укачивало. Но уснуть не получалось.

В историю моей страны с ее боями белых с красными, переполненную другими событиями, вписывалась история ее сына, которого любовно называли Денисиком...

Воин Дионисий...

24 июля 2022 года вечером мне вдова Дениса прислала сообщение:

«Здравствуйте! Получила семья Михайловых орден Мужества».

И когда я позвонил, она сказала:

— Нам — мне, маме Дениса, папе, сестре — вручили в среду в администрации города Щигры...

Орден нашел своего Героя...

20 июля...

Нашел...

24 июля 2022 года

31 августа 2022 года мне прислали фотографию дома в Щиграх, на котором висит баннер с портретом прапорщика Дениса Михайлова.

Друзья Дениса выполнили свое обещание.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ФЕТИСОВ

1

В музее авиационного факультета

Когда во второй декаде июля я приехал по делам в Борисоглебск, то в краеведческом музее мне рассказали о выпускниках Борисоглебского летного училища¹, погибших на Украине, Фетисове и Волынце. На следующий день, переделав свои дела, невзирая на сгустившиеся тучи, я направился в летное училище, ныне факультет Краснодарского летного, где когда-то выступал перед старшекурсниками и знал командиров. И было к кому обратиться за помощью.

Главный корпус факультета с памятником Чкалову² заметил издалека.

Меня по звонку знакомого командира пропустили на территорию и сказали: «Вас ждет завмузеем бывшего учи-

---

¹ Борисоглебская учебная авиационная база Военного учебного научного центра Военно-воздушных сил (ВУНЦ ВВС) «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» — учебный авиационный центр подготовки летного состава Военно-воздушных сил Российской Федерации, расположенный в Борисоглебске. Центр является преемником 2-й военной школы летчиков Красного Воздушного флота, основанной в 1922 году. С 1969 года — Борисоглебское высшее военное авиационное училище летчиков им. В.П. Чкалова, с 1992 по 1999 год — филиал Воронежского военного инженерного авиационного института. С 2010 года — Учебный авиационный центр подготовки летного состава фронтовой бомбардировочной и штурмовой авиации им. В.П. Чкалова. С 2012 года — Борисоглебская учебная авиационная база ВУНЦ ВВС «ВВА».

² Валерий Павлович Чкалов (20 января (2 февраля) 1904, Василево, Балахнинский уезд, Нижегородская губерния — 15 декабря 1938, Москва) — советский летчик-испытатель, комбриг (1938), Герой Советского Союза (1936). Командир экипажа самолета, совершившего в 1937 году первый беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Америку. Чкалов погиб 15 декабря 1938 года при проведении 1-го испытательного полёта на новом истребителе ИИ-180.

лица, ныне — факультета». И вот я поспешил по аллее, заглядываясь на памятники по сторонам. И увидел бюст Романа Филиппова¹, который возвышался за елями. Выпускниками Борисоглебского училища, потом филиала другого училища, теперь факультета славилась история нашей армии.

Справа заметил курсантов, раскладывающих перед камнем с мемориальной доской алые гвоздики. Такие же охапки гвоздик остались в моей памяти после похорон Романа Филиппова. А здесь гвоздики лежали у памятного камня.

На мемориальной доске прочитал:

«Фетисов

Владимир Николаевич

8 июля 1995 г. — 18 мая 2022 г.

Окончил Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков в 2019 году.

Погиб при исполнении воинского долга, выполняя боевое задание в ходе специальной военной операции».

С фото на доске на меня смотрел молодой, широколицый старший лейтенант со светлыми глазами. По краям выделялся рисунок улетающего самолета и надпись:

«Пилоты не улетают, они не возвращаются...»

«Да, не возвращаются...» — отозвалось во мне.

А в теленовостях в этот день прозвучало:

«В Борисоглебске на территории... открыли... Ему прочли блестящую военную карьеру. Старший лейтенант Владимир Фетисов в свои 26 лет уже был командиром

---

¹ Роман Николаевич Филиппов (13 августа 1984, Воронеж — 3 февраля 2018, близ Серакиба, Идлиб, Сирия) — российский военный летчик, заместитель командира эскадрильи 187-го гвардейского штурмового авиационного полка, гвардии майор. Герой Российской Федерации (2018, посмертно). Погиб 3 февраля 2018 года при выполнении боевого задания в Сирийской Арабской Республике.

авиационного звена. Но вышло так, что 64-й боевой вылет стал для него последним.

Памятник летчику теперь на Аллее Славы выпускников Борисоглебского филиала Краснодарского летного училища. На черной гранитной плите — фото старшего лейтенанта Фетисова. А рядом — его любимый самолет Су-34, на котором он многократно преодолевал украинские системы ПВО и с честью выполнял боевые задачи. Мастерство, профессионализм и мужество Владимира — пример для тех, кто еще только мечтает о небе».

Выходило, я опоздал на открытие памятника на день-другой.

Но не огорчился...

Теперь словно нагонял упущенное.

Невзирая на накрапывающий дождь, стоял около памятного камня, а потом вдоль главного корпуса поспешил в огромный холл, в глубине увидел стройную заведующую музеем училища:

— Ирина Алексеевна Попова, — представилась она.

Войдя за ней через низкие двери в огромный зал, я обмер. Мои глаза разбегались от стендов и экспонатов, фотографий и планшетов, шлемов, чьих-то вещей. Вот чья-то форма под стеклом... Две ракеты в углу...

Стоял, не зная, на чем задержаться. Ловил надписи: «Начало пути...»; «Наш Чкалов»; «Годы послевоенные»; «Выполняя интернациональный долг...»; «...участники боевых действий».

Масштабный музейный комплекс, где все было посвящено авиации.

Переводил дух: неужели это все борисоглебские летчики?..

И твердил: «Да, они... Здесь ведь и Троепольский хотел учиться, не прошел по зрению. Но прошел муж его сестры, стал генералом... И самому училищу досталось... Его то и дело “форматировали”...»

А взгляд ловил сабли на стенах, пулеметы на полу... Кубки за стеклом... Знамена... Стяги...

И я не знал, куда идти...

— Вы мне — про Фетисова, — попросил.

Мы прошли в зальчик.

Попова показала на витрину.

— Здесь его вещи...

Две витрины, одна — в честь Романа Филиппова, а другая — в честь Владимира Фетисова, стояли рядом.

«И здесь они рядом...» — вспомнил памятники Филиппову и камень в честь Фетисова.

Они тоже стояли рядом.

Увидев на витрине свою книгу «Герои Сирии. Символы российского мужества», я обрадовался:

— Там про Романа Филиппова, Марата Ахметшина... Они в Сирии. А сейчас хотим сделать о героях нынешних... Кто освобождал Украину... Так у вас Фетисов, Волынец...

Ирина Попова:

— Про Волынца не знаю, а есть и Мальковский Никита, он выпустился в 2018 году... О нем бы надо... — и сказала: — А о Фетисове — что дозволено. Информация краткая. Военный летчик Владимир Фетисов погиб на Украине 18 мая 2022 года при исполнении воинского долга, выполняя боевое задание в ходе специальной военной операции, — произнесла, как написано на мемориальной доске на камне. — Является выпускником Краснодарского... 2018 года... Здесь представлены личные вещи. Форма... Планшет. Тетрадь подготовки к полету...

Смотрел на форму летчика, которую он словно сложил, собираясь потом надеть. Фуражку, которую снял на время... Карту, которую вот-вот возьмет...

— А это он с кубком, как победитель «Авиадартса» 2021 года... Он занял 3-е место... — Попова показала на фотографию офицера с кубком.

— Какие ребята...

Я стоял. Потом спросил:

— Он откуда?

— Проходил обучение, а откуда родом, не знаю...

— Установили памятный камень... А кто, как?

— Обратились родственники к командованию, офицерский состав полка, где он служил, подключился... И вот камень и на нем мемориальная доска...

— А Волынец?

— Волынец — из династии летчиков... Его отец у нас в учебном центре служил, но умер...

Я ходил по музею... Ирина Алексеевна комментировала... Чкалов... Вот Сирия...

— Это Медведков. В Сирии самолет не мог оторваться от земли... Серегин...

Богатство экспонатов, информации поражало.

— Это командование...

Я смотрел на портреты командиров. Все они были летающими летчиками, им было чему учить молодых.

2

«На каждого из вас государство тратит по пять килограммов чистого золота!»

Меня интересовали сведения о Фетисове, и мы поднялись на верхний этаж. В конце коридора зашли в комнату, где нас ждал молодежавый, приветливый преподаватель.

— Аржаных Александр Иванович... — представился он. — Я в стенах этой школы с шестнадцати лет...

И рассказал, как он, сельский мальчишка, приехал сюда из Калача, поступил, учился, а после окончания училища его мотало по гарнизонам. Как осваивал новые типы самолетов, как переводился, увольнялся, приехал в Борисоглебск, здесь позвали его преподавать на кафедре тактики...

— Итак, вы, пройдя огни и воды, — перешел я к цели разговора, — вы летун или пилот, и тут за мальчишек взялись...

Аржаных поправил меня:

— Как правило, не летун и не пилот, а вообще-то военный летчик...

— Да. И вот один из них мальчик...

— Он не мальчик, муж уже, — произнес с горчинкой Аржаных: — Но наследников нет...

— Один из ваших учеников...

— Он обычный, высокий. Хотя в бомбардировочную авиацию выше 1 метра 60 не берут, но в современную кабину позволяют. На Су-34, на которые он переучился... Но по военным приказам больше 1 метра 60...

— Симпатичный парень... — вспомнил я фото на мемориале.

— Да. Он обычный, простой, русский парень. Скромный. С желанием изучал новые предметы. Потому что в Краснодаре они получают как бы общее военное авиационное образование, а с 3-го курса их направляют в те учебные заведения, где непосредственно по видам войск. В Армавире — истребительная авиация. В Балашове — военно-транспортная авиация. Штурмовая и бомбардировочная... И тут уже конкретно...

— И как он?

— Современные парни, я бы не сказал, что каждый — сам по себе. Они — на самоподготовке, на занятиях — за свой коллектив, за свою группу горой. Отстаивают свою точку зрения. Тем более они продвинутые благодаря современным технологиям...

— И вот Фетисов Володя, вменяемый...

— А как же иначе?... Вменяемые тут все. Продвинутый. Целеустремленный. Те задания, те работы, которые ему давали, он выполнял добросовестно, с хорошим, высоким качеством. Ничем себя не выделял...

— Юрий Гагарин тоже не выпячивался, а летал.

Аржаных:

— И улыбкой покори́л весь мир. Этот тоже симпатичный парень. Но подошло время: с хорошим, даже отличным качеством, как говорят у нас инструкторы, он освоил типы самолетов. В частности, здесь — Л-39 и Як-130. И дальше переучился на Су-34.

— Стремился...

— Да. И спустя восемь месяцев, после того как перучился и пришел в полк, командир полка даже не разрешил, а настаивал, чтобы он со своим штурманом участвовал во Всероссийском конкурсе «Авиадартс». И он занял призовое место.

— Роман Филиппов участвовал в самом первом «Авиадартсе», — вспомнил я. — А это, наверно, уже более высокие требования.

— Да, и типы самолетов другие. И чтобы вот так за 8 месяцев переучиться и победить... Обычный лейтенант, он еще старшего не получил. И чтобы вот так. Скорее всего, правильно говорят: рожденный для авиации...

Лейтенант Фетисов

Я потом в Интернете прочитал:

«Во время проведения финального этапа всеармейского конкурса “Авиадартс-2021” летным экипажам предстоит выполнить полеты с боевым применением авиационных средств поражения по наземным целям.

Конкурсанты истребительной, бомбардировочной, штурмовой, армейской авиации будут выполнять пуски неуправляемых авиационных ракет, бомбометание, стрельбу из авиационных пушек».

Выходило, лейтенант Фетисов не только успешно справился с заданием, но и попал в число призеров.

Я спрашивал Аржаных:

— После окончания училища Фетисов приезжал?

— Нет. Но мы с ними связь держим. У них очень насыщенная работа. Если бы он местный был, то мы бы с ним встретились. А он не местный, я не знаю, откуда родом.

— Вы сказали: целеустремленный. А может летчик быть нецелеустремленным?

— Есть такие летчики, которые случайно попадают. Кстати, вот мы стали набирать помимо курсантов мужского пола еще девчонок. Каждый год набираем по пятнадцать девчонок. Вот первый выпуск — они осваивают самолеты, и выпуск нашего Краснодарского училища...

— И они полетят...

— А вы можете в Интернете увидеть нашу выпускницу, я у нее вел занятия, Щербакова Анна Александровна...

— Как девчонки хотят в небо! — вспомнил космонавтов Терешкову, Савицкую.

— Она (Щербакова. — *Авт.*) вылетела на Як-130 самостоятельно. Уже пятый курс. Будет защищать диплом и получать лейтенантские погоны.

Мы говорили.

— Вы сказали, Фетисов не выпячивался...

— Есть курсанты, которые сюда поступают, и за ними, мягко сказать, стоит определенная сила.

— Дядя — генерал...

— Да. К тем на кривой кобыле не подъедешь. Он считает себя пупом земли, пока мы его... Нам, пенсионерам, терять нечего, если такого сразу не осадить, пока в чувство не приведешь, он в кошки-дебошки. А потом, конечно, все. Ну, один-два не перевоспитываются. А остальные, на 99 процентов парни, все начинают понимать правильно. Поэтому они все, что мы от них требуем, выполняют. Родину Россию не выбирают. Если вы подписались на военного летчика, то будьте готовы... Сейчас вот захожу к курсантам, они же в теме: «Если вы после всех этих событий (началась военная спецоперация) не сможете, то лучше сейчас писать рапорт и уходить. Потому что если вы откажетесь тогда, куда вас пошлют, это и позор, и уголовное дело...» Особенно если объявят военное положение. Сейчас-то пока специальная военная... Есть определенная группа военнослужащих, которая плохо относится... И пишут рапорт и уходят... Но пока военного положения нет. А если будет. Но за такими шлейф остается...

— Здесь играет свою роль братство... Товарищество... Как его законы нарушить... Вам Фетисов симпатичен был?..

Аржаных:

— Да. И в плане физическом. Как говорится, в человеке все должно быть прекрасно.

— А он был женат?

— Скорее всего, женился после выпуска.

— Вы что могли бы сказать молодым ребятам?

— Сказать могу одно: если вы не будете защищать свою Родину, вас заставят защищать другую «Родину». Но уже на других условиях.

За окном по подоконнику застучал дождь, а мы говорили.

— А можно сказать: есть счастье летчика?..

— Нет, счастье... Все зависит от самого себя. Бывает такое количество моментов авиационных, что диву даешься, как это ты остался еще жив. Есть везение. Может, где-то

в небесной канцелярии тебя отслеживают и говорят: «Нет, ты еще должен послужить. И еще своим детям и внукам передать свой боевой опыт». На самом деле у меня такие моменты были в жизни, я с вами сейчас не разговаривал бы... Были такие, что, сидя в кабине самолета, ты сейчас не знаешь, погибнешь или нет. И что-то извне подсказывает: «Обрати внимание на то-то». Обращаешь. Остается всего лишь несколько секунд до смерти — принимаешь хладнокровно решение... Конечно, если паника, то все... Вчера передача: не только пехота, а танкисты, репортаж Сладкова.

Все знали этого военкора.

Аржаных:

— Он показал репортаж: шел бой. Вэсэушники атаковали не кадровых офицеров, солдат, а с ДНР и ЛНР резервистов, по сути гражданских. А те смогли грамотно построить оборону и при атаке четырех танков и пятидесяти нацистов три танка подбили, а танкист, бурят по национальности, окончивший Омское танковое училище, смог с поля боя увести танк вэсэушный целым вместе с командиром танка.

— Отчаянный!

— Да, подцепили машину эвакуационную и подтянули...

На видео смотрел, как бурят через Сладкова передавал привет украинским танкистам:

— Мы можем не только подбивать, но и угонять...

Сладков:

— Под обстрелом прикрылись дымом и выдернули его... Вот они, наши резервисты... Бились, не отошли. Сами зашли во фланг. Вызвали огонь на себя. Командир еще уточнял: «Эти координаты?» — «Да». Вызвали. В щепки разметали всех. Там два танка подбитых. Третий подбит. А наши подошли и этот танк уволокли. И плюс ко всему взяли в плен командира экипажа.

Оставалось только восхищаться нашими парнями.

Спросил:

— Фетисов награжден?

— Орденом Мужества.

— Как-то влияет, что вы — чкаловцы?

— Конечно, мы и хотим лучше обустроить и учебный процесс. И быт...

Я удивился деревянным с шелушащейся краской полам в главном корпусе. И хотелось, чтобы отремонтировали, привели в чувство эту кузницу наших летчиков...

Аржаных:

— Но те слова, которые Валерий Павлович сказал в свое время: «Берегите школу, друзья!» — оправдываем. Это так.

— Каждый летчик представляет особую ценность для государства...

Аржаных:

— Еще бы! Я курсантам говорю: «На каждого из вас государство тратит по пять килограммов чистого золота!» Чтобы его выучить...

Я понял: за пять лет.

Под конец разговора мне дали номера телефонов родни Фетисова и Волынца.

Я уходил...

Только вышел, как с новой силой налетел дождь.

А я шел, словно его не чувствуя...

Как не чувствует летчик, в дождь и в снег направляясь к своему самолету...

В материале ТВЦ «На территории учебного центра, где он проходил подготовку, установили мемориал» написали¹:

«В Воронежской области увековечили память летчика старшего лейтенанта Владимира Фетисова. В Борисоглебске на территории учебного центра, где он проходил подготовку, установили мемориал.

Незадолго до гибели летчик совершил подвиг. Скрытно войдя в район противника на предельно малой высоте, вы-

---

¹ <https://www.tvc.ru/news/show/id/245313>

полнил обманный маневр и с первого раза поразил цель. Уничтожил 50 боевиков, а также артиллерийскую и автомобильную технику врага. Позже во время очередного боевого вылета, приняв огонь неприятеля на себя, самолет Фетисова загорелся и упал. Старший лейтенант посмертно награжден орденом Мужества»¹.

Прочитал на сайте²:

«18 мая после выполнения боевого задания “тридцать-четверка” под управлением Фетисова возвращалась на аэродром базирования. Самолет попал в зону поражения ПВО и был сбит. Владимир разбился вместе с пылающей машиной.

“Последнюю встречу да, помню. Она у нас была в расположении. Незадолго до вылета. Это был обычный день. Готовились к полетам. Для каждого моего боевого товарища и для меня лично это очень большая потеря. В наших сердцах он останется навсегда”, — рассказал сослуживец Фетисова по имени Александр.

“Он себя проявил как прекрасный друг. Я это знаю точно. Пока мы ждали похороны, вспоминая Вову, мы все время смеялись. Потому что это был большой шутник. Веселые добрые шутки. Он был всегда плечом для всех”, — рассказала теща летчика Виктория Уланова.

Имя Владимира Фетисова — бесстрашного летчика 11-й армии Восточного военного округа — теперь часть истории. Не только его семьи, училища и родного авиаполка, но и всей России».

Прочитал, что в открытии памятного камня в Борисоглебске принял участие командующий объединением ВВС и ПВО Восточного военного округа генерал-лейте-

¹ Как мне объяснили тесть старшего лейтенанта Фетисова летчик Уланов и вдова погибшего, первым орденом Мужества Фетисов был награжден через две недели после начала спецоперации.

² <https://tvzvezda.ru/news/20227202229-k0EFJ.html>

Старший лейтенант Фетисов

нант Владимир Кравченко. Нашел видео с открытия, на котором генерал-лейтенант Кравченко сказал:

«18 мая 2022 года в ходе выполнения боевого вылета пал смертью храбрых старший лейтенант Фетисов Владимир Николаевич, попав под огневое поражение зенитно-ракетной системы противника...»

3

Прирожденный летчик. Награды

Я связался с тестем Владимира Фетисова. Именно он, Владимир Леонидович Уланов, возлагал цветы к памятни-

ку Фетисову в училище. Наш разговор вроде начался, но потом вдруг оборвался, и я получил сообщение:

«Пожалуйста, накидайте предварительных вопросов, чтобы мы с женой поработали, подготовились... Вова третий у меня зять, и как отец, понятно, отношение было к нему было настроженное... Но его целеустремленность победила все мои предостережения... и дочь, сказав “я не декабристка”, взяла и уехала на край света. А как летчик с летчиком, мы только “летали и летали”, в перерывах между “рюмками чая”...»

Когда я послал свои вопросы, Уланов ответил:

«Я понимаю, книга складывается как раз из нюансов, сам хотел про нашу курсантскую жизнь мемуары написать. Но пока я за Вована летаю!»

Сейчас в Вязьме, завтра в Новосибирск летим, 12-го в Самаре, 20-го в Тамбове, 28-го в Ярославле. Очень готов вас принять у себя! И с глазу на глаз поработать над материалом!»

Я понял: он летчик.

А вот как с ним «с глазу на глаз» поговорить, когда он в беспрерывных полетах?

И теперь ждал, чтобы они с женой «поработали».

Подготовились...

Хотя сколько раз я собирал материалы, именно у тех, что меньше готовились, выходило лучше...

Истекал август, и я сам позвонил Уланову, и тот, даже не вспоминая про «подготовку», с ходу рассказал о Володе:

— Откуда он родом? Володя из Сибири. Где-то из Иркутска. Воспитывала его мама, Фетисова Татьяна Владимировна. Она закончила службу подполковником полиции. В паспортном столе. Мастер спорта по легкой атлетике. Биологического папу мы вообще не знаем, и Володя его не вспоминал.

— И не надо...

Уланов:

— Его воспитывал отчим вместе с мамой. По службе мама переехала в город Железногорск Красноярского края, и они жили там. Володя сильно мотивированный. Посмотрев на маму, а мама госслужащая, но в погонах, он поступил в Железногорский кадетский корпус. Окончил его. Ему предлагали поступить в Московское общевойсковое командное, но он поехал поступать в Рязанское воздушно-десантное училище. Туда не поступил, потому что мечта у него была летать. Два раза он поступал в Краснодарское летное училище и только со второго раза поступил.

— Вот мальчишка! — восхитился я.

Уланов:

— Выбрал сразу специализацию ФБША — фронтовая, бомбардировочная, штурмовая авиация. Это Борисоглебский филиал. Благополучно окончил его. Вот как мы познакомились с ним... Я беседовал с ним. Он не считал себя отличником и говорил: «Не надо показывать, не надо выпячиваться. Самое главное — освоить летную работу на отлично». Высокие летные способности у пацана были. Я вам как летчик-инструктор говорю. А то, что теория, это вторично. Окончив училище, он был назначен на должность старшего летчика в Хурбу. Это гарнизон рядом с Комсомольском-на-Амуре. Один из первых и с отличным качеством прошел переучивание в Липецком центре на самолет Су-34. По прибытии в полк был самым молодым летчиком, который освоил самолет Су-34. И освоил с таким качеством, что командир полка слетал с ним, и буквально после первых полетов он принял решение, что Володя будет принимать участие в конкурсе «Авиадартс». Командир дивизии с ним тоже слетал и тоже сказал: «Этому пацану — большую дорогу». Буквально после того как он первоначальные элементы освоил — круг, зона, маршрут, сложные метеоусловия, он уже принимал участие в учениях в Японском море. Один-единственный экипаж выделили, они отлично отра-

ботали. Принял участие в «Авиадартсе» в прошлом году. Занял призовое второе место...

— Вот летчик!..

Уланов:

— Принял участие в международном «Авиадартсе». Прошел российский, занял призовые места. А на международном конкурсе «Авиадартс» он занял второе место, обогнав и липчан, и Су-30 — истребители. Он на своем бомбардировщике пилотаж открутил лучше всех зачетное второе место.

У меня захватывало дух:

— Чкалов...

Уланов:

— Один из первых в первой кампании был направлен и прибыл для ведения этой специальной военной операции. Он единственный за то, что два раза участвовал в конкурсе «Авиадартс», получил все допуски на боевое применение по воздушным и наземным целям. И ждал, пока другие съездят и получают эти допуски. И он один из первых среди них, начиная от командира полка и ниже, начал выполнять полеты...

У меня грудь распирало от радости.

Потом я спросил:

— А память о Фетисове...

— В его кадетской школе в Железногорске открыли специальный стенд, посвященный Володе...

— В Борисоглебске в музее.

— Был там...

— А награды?

— Орден Мужества он получил через две недели после начала спецоперации. Он мне отзвонился и сказал: «Батя, вот мне орден Мужества...» Следующая награда у него была медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» с мечами I степени. После ордена Мужества.

— Это — во время спецоперации...

В.Н. Фетисов в кабине самолета

Да... Дальше он получает медаль «За отвагу»... После второго ордена...

— Вот воевал!

— И в апреле он получает еще медаль Нестерова...

— До трагического события получил два ордена и две медали... А после?

— Пока ничего...

Меня это задело:

— Ведь писали: «Награжден орденом Мужества посмертно».

Уланов:

— Да, все СМИ говорят, что ему вручен орден Мужества. Но это — при жизни. Свой орден Мужества он получил еще 3–4 марта...

— После 18 мая — никаких наград...

— Да, нет...

Меня огорчало, и я порывался как-нибудь помочь. Но моя помощь вряд ли могла оказаться действенной.

Мы еще говорили.

Оказалось, Уланов учил летать и Романа Филипова.

— Роман — тоже мой курсант. Через мои руки прошел. Я с ним не сидел постоянно в кабине. Не летал. А пару раз летал. Абсолютно все ударники, которые на Су-25, Су-24... с 2018 по 2022 год прошли через меня. Через мои руки...

Я разговаривал с человеком, который готовил ребят.

И какой-то гордостью наполнялась душа.

Учил...

Теперь они применяли свои умения в небе над Донецком, Харьковом, Одессой...

И мною овладела уверенность: его ученики доведут начатое Володей Фетисовым дело до конца.

4

Девочка в форме (рассказ жены)

4 сентября 2022 года мне с Дальнего Востока позвонила супруга Владимира Фетисова, Людмила, и я ее, как мог, расспрашивал. Меня интересовало все о летчике.

— Вы спрашиваете, когда я познакомилась с Володей? Я начну с некоторой предыстории. Еще в 2017 году я пришла служить в войсковую часть, где мой супруг проходил летную практику. Это в городе Мичуринске. И все мальчишки, весь его поток, весь его курс были у меня на виду. Я лично ни с кем не была знакома, я же дочка замкомандира была (Уланова. — *Авт.*). Потом, позже, после нашего знакомства, мне мой супруг признался, что у него на тот момент была девушка, с которой у него не было каких-то ярких взаимоотношений. Он говорил: первый день, как я пришла в часть, он, просто стоя в строю, увидел, что идет маленькая, худенькая, длинноволосая девочка в форме. Все: «А кто она? А чья она?» Кто-то там говорил, что, ой, можно было бы познакомиться. Кто-то: «Я бы пообщался». А он для себя принял решение жениться на мне.

— Здорово!

— И меня как-то поставили в такой забавный наряд, как дежурный по контролю за организацией питания. Мальчишки стояли на довольствии в столовой. Я сижу, всех боюсь. Все думают, что я высокомерная, а на самом деле я — скромный человек, потому что отец у меня подполковник, и мне все же в казарме с ними не жить. И он был самым первым курсантом, который ко мне подошел и принес яблоко. Принес яблоко и сказал: «Девушка, мы с вами раньше не встречались?» А я, если честно, даже слова выдать из себя не смогла. Я просто отвела взгляд в сторону, потому что я дико растерялась. Думаю, какой-то... Он же невероятно высокий был, под два метра рост. Красоты... Ко мне подходит и говорит: «Мы с вами раньше не встречались?» А я только поперхнулась. И он принял это как личное оскорбление. Что я высокомерная такая дама, которая не может с ним поговорить.

— Вы потеряли дар речи...

Людмила:

— Да...

— А вы кем служили в Мичуринске?

— Я была военнослужащей по контракту... И теперь начну с официальной части, когда мы все-таки с ним познакомились. Каждый из нас жил своей жизнью. Я пришла военнослужащей по контракту. При наличии трех высших образований я пришла туда служить.

— А что за три высших?

— Первое у меня образование: я специалист радиосвязи. Инженер-проектировщик. Второе у меня — техносферная безопасность. Третье у меня — авиационный метеоролог.

— Вы вся — летательная...

— И получилось так, что прошло буквально два года, и я даже понятия не имела, что есть у меня тайный поклонник по имени Володя Фетисов. А я стояла в наряде и записывала злостных нарушителей. Ему, видимо, неприятно было на меня смотреть, я катала на него рапорты. Его там наказали, что он не посещает, прогуливает обеды, стоит на

довольствию и не приходит. Но это, в общем, забавный момент был.

Мы рассмеялись.

5

Песня последней встречи (продолжение рассказа жены)

Люда Фетисова:

— А потом прошло два года, и меня направляют в командировку в Борисоглебск. А я там должна была сдать на классность. То есть у меня повышение квалификации. А изначально я служила радисткой военной. То есть это моя официальная специальность. Я пришла в летный центр в Борисоглебске. В общем, у меня была командировка. И там я встретила с этими же ребятами. Они закончили всю свою летную практику. Сдали госэкзамены, уехали из Мичуринска уже, приехали в Борисоглебск и там должны были защищать диплом. То есть ребята только от нас уехали, а я с ними ни с кем не была знакома. И тут я буквально со своими девчонками, коллегами, с кем направили нас в командировку, встречаемся с одним из курсантов. Конец рабочей недели, и все говорят: «Давайте сходим на танцы». Я говорю: «Нет, я не пойду». А потом я вспоминаю, что у меня отец все равно не последний человек в этом Краснодарском училище, и думаю, курсанты знают, чья я дочка, и меня точно обижать не будут. И им, наоборот, будет за честь сопроводить меня, чтобы меня никто не обидел. То, что мой отец дал дорогу в небо этим мальчишкам, это меня будет оберегать. То есть я первый раз в жизни заговорила с курсантами. И получилось как. Это был Володя, однокурсник его, с которым они даже не очень дружили и общались. И он говорит: «Девчонки, давайте вечером пойдем в ресторан. Давайте мы вас сопроводим». Я говорю: «А давайте». Он берет у меня номер телефона, я уже ушла, и бук-

вально через минуту на этом же плацу он сталкивается с Володей. Сталкивается он с ним и говорит: «Представляешь, приехали мичуринские девчонки военные, а мы собираемся идти вместе с ними». Как только он услышал мою фамилию и что я буду, у него уже созрел план, как со мной все-таки познакомиться. Несмотря ни на какие обстоятельства, личную жизнь, он такое говорит: «Этот шанс — один на миллион». Потому что он мне так и говорил, как я искренне этого желал, а тут просто карты в руки. И вечером, получается, девочки меня бросают, и я: «Ну ладно. Ребята, извините, я никуда не пойду». И сама проникла на танцы со своими подружками, я же в свое время школу в Борисоглебске закончила, То есть я приехала в Борисоглебск — для меня это родной город. То есть у меня полным-полно друзей, знакомых. И я сижу на танцах и думаю: самое главное мне — не встретить курсантов. И буквально проходит минут пятнадцать, а они приехали меня искать. И у меня подружка говорит: «Ничего себе, а кто это идет?» А они все высокие, красивые, статные ребята, которые по сравнению с гражданскими ребятами так отличаются. И каждый там подходит, там Дима, Леша там, все дела. И он подходит и: «Меня зовут Владимир». Я: «А меня — Людмила».

Рассказ Людмилы завораживал.

Она продолжала:

— Весь вечер он хотел со мной поговорить, а я все отлынивала, пыталась убежать, а он меня на выходе ждал. И я говорю: «Ну, извини. Все, до свидания». И получилось так, что в конце всего мероприятия так оказалось, что мы живем за два дома друг от друга. То есть он поехал меня провожать и говорит: «А давай ты мне номер телефона оставишь, и мы с тобой, может, встретимся, погуляем». Я говорю: «Ну, я не знаю. Ну что, это хорошая идея». Думаю, ну что тут: он молодой, красивый. Я молодая, красивая. На тот момент я не была замужем, он не был женат. Просто у каждого были там кавалеры и дамы. Я, как бы некрасиво, неправильно все это, и мы с ним вечером, по темноте, у нас даже своя лавочка есть

в Борисоглебске, где мы просто прятались возле памятника. Да, мы прятались, сидели на лавочке и разговаривали.

— У какого памятника?

— А это где старая гостиница и там кафе «Старый город», по-моему...

— На улице Советской, рядом с судом...

— И там памятник есть... Я даже не помню...

— Летчику Прохорову¹... Дважды Герою...

— И в этом скверике с краю, где не видно, на второй лавочке мы и сидели...

— Там их три...

Я хорошо знал этот маленький скверик, где часто дожидался заседаний суда.

— На второй лавочке мы сидели и разговаривали каждый вечер. Причем у нас было такое, что... Я на него не смотрела как на парня. А тут получилось так, мы просто с ним разговаривали, как будто мы миллион лет друг друга знаем. Вы знаете, когда вы смотрите на человека и понимаете, что свет в глазах, такое абсолютное ощущение, как дежавю, когда ты виделся, но не можешь вспомнить, когда именно. Но просто родственная душа. И мы с ним разговаривали, разговаривали, а у меня командировка подходит к концу. А у него есть исключительно только мой номер телефона. Он говорит: «А ты поедешь со мной на выпуск?» Я ему: «Ты что мне говорил, что ты с девушкой общаешься. Жениться на ней хочешь». А он, нет, в первый день знакомства на лавочке он мне сказал, что он хочет жениться раз и на всю жизнь. И говорит, предложение буду делать только один раз. Только позже он мне признался, что на самом деле в первый день знакомства, в первый день встречи он понял, что он женится только на мне и ни на ком больше. И признался, но только позже. Я, в общем, уезжаю и гово-

¹ Дважды Герой Советского Союза, летчик, гвардии полковник Алексей Николаевич Прохоров родился в 1923 году в селе Рождественском Борисоглебского района. С 1930 года жил в Борисоглебске. В 1940 году окончил среднюю школу № 6. Участвовал в Великой Отечественной войне с марта 1943 года и совершил 238 боевых вылетов.

рю, что, наверно, это «Песня последней встречи», как в стихотворении Ахматовой...

У меня пролетело в голове:

*Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.*

*Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний...*

6

Недекабристка стала декабристкой (продолжение рассказа жены)

Людмила:

— Я говорю: «Все. Мы наверно, не будем общаться... У тебя выпуск. У тебя — своя жизнь, у меня будет своя жизнь. Давай двигаться дальше. У нас такое приятное знакомство, которое ни к чему не приведет...» И он говорит: «Я собираюсь ехать служить в Хурбу на Дальний Восток». А я говорю: «А это где?» Я посмотрела, где это по карте, и сказала: «Извини меня, я так воспитана, что я не декабристка». Он говорит: «Ну, я понял тебя, хорошо». И все. То есть у нас не было даже никаких намеков на взаимоотношения. Я уезжаю из командировки, и потом на протяжении полугода он успел съездить на выпуск со своей девушкой. Иногда с разных телефонов мне приходили разные эсэмэс-сообщения. Он мне писал стихи. Потом он узнал мой адрес, он мне писал письма. То есть мы с ним вернулись в такую традицию, как в XIX веке. Мы писали письма друг другу, он мне отправлял посылки с сибирскими сладостями. Вообще был из Сибири, самый настоящий человек, абсолютно дру-

гой, не то что менталитет, а вообще абсолютно другой. Он сам — как будто из прошлого века. И он мне собирал посылки с вареньем из шишек, из кедровых орешков, он мне присылал вот эти сладости. И он мне в каждой посылке — отрезал от хвойного дерева какую-нибудь веточку, то есть у меня все эти конфеты с иголками приезжали ко мне.

Слушая ее, я невольно вспоминал своего отца, служившего в Уссурийске, и свою маму, которая, как и многие-многие ставшие впоследствии женами военных, получали такие же посылочки, и на душе становилось тепло от понимания, как рождались семьи русских офицеров.

Людмила:

— И он мне писал письма такие, что говорил, что мне так много нужно рассказать, но это только тогда, когда он меня увидит. А я то понимала, что мне не грозит с ним встретиться. И я просто получала эти приятные, прекрасные посылки. Но я ему вообще ясно сказала: «Ты понимаешь, до той поры, пока ты не свободный человек, я тебе не то что на письма отвечать, вообще на сообщения отвечать не буду. Ну, я так воспитана. Я старой закалки в этом плане». Я говорю: «Это неправильно и некрасиво». Говорю: «Я так не хочу». Потом он мне звонит внезапно и говорит: «Нет у меня больше девушки». «Нет у меня девушки», — с намеком, что ответь мне взаимностью. Я говорю: «А ты где сейчас находишься?» Он: «Я — на Дальнем Востоке». «Ой, нет, я не декабристка. Так что все, забудь. Не пиши. Не звони, все». Тогда проходит пара месяцев, пара писем, и все. И что же вы думаете, их направляют на переучивание в Липецк. А Липецк недалеко от Мичуринска. И так что вы думаете, он выбивает за два дня до отправления всех ребят на переучивание себе дни и на два дня раньше уезжает оттуда, для того чтобы успеть приехать ко мне. Я не знаю, каким образом, но он просто меня нашел. Я встречалась со своей одноклассницей, с которой не виделась энное количество времени. Тут у меня не получалось, не получалось с ней состыковаться. И я сижу в ресторане со своей одноклассни-

цей, с подружкой детства. Сижу, разговариваю. Ну, вечер подходит к концу, я уже собираюсь уходить, и тут заходит человек. Мужчина. Красивый. В снегу. А прошел почти год с того момента, как мы с ним почти никак не общались. Он только оказывал знаки внимания: там посылки, письма и все прочее. Вот. А я не встала никак его встретить. И он заходит в это кафе, представляете? Он заходит в это кафе, и это считается официальным моментом, когда началось наше основательное, серьезное знакомство. Потому что я сразу же давай хвататься за сумку, потому что я хотела убежать. Он меня просто поймал за руку, посадил, и больше он меня не отпустил.

Такие решительные моменты происходили тысячи лет назад, происходят сейчас и будут в будущем, когда он совершает шаг, после которого возврата нет ни у него, ни у нее.

Люда:

— Прошло буквально пару недель, и он просто... При всем при том, что он такой молодой, он настолько глубокий человек, настолько настоящий мужчина, что как бы такой девушке, что я не могу сказать, что я заносчивая, не заносчивая, смог настолько подарить чувство абсолютной уверенности в завтрашнем дне. И просто доказать мне именно свое отношение... Как он за мной ухаживал... Он каждый день убегал из этого центра переучивания в Липецке, он там арендовал машины и вечером мотался просто, чтобы увидеть меня, чтобы поговорить со мной. Причем меня больше не отпускал. И получается, 29 февраля, это был високосный год (2020 год. — *Авт.*)... Мы с ним пару недель как начали встречаться. Потому что у меня рядом с этим человеком почва уходит из-под ног, потому что чувство такой колоссальной эйфории друг к другу, что просто, когда находишься рядом с ним, ты просто понимаешь, что ты дома, и 29 февраля в ночи он просто увозит меня... А у нас было абсолютно нормально посмотреть на звезды, не так, как это сейчас может опошлить современная молодежь,

а мы действительно гуляли. Я не знаю, а мы с ним очень любим хвойный вкус. Мы с ним собирали иголки с елок и грызли их. Молодые вот эти иголки...

Рассказ Людмилы роднил с ней и Володей меня, выросшего в хвойных лесах, где в военных гарнизонах служил мой отец и я тоже отламывал веточки и грыз иголки.

Люда:

— У нас было настолько совпадение вкусов. С чем бы мы ни разбирались. Мы очень любим животных и все прочее. И вот все было абсолютно нормально собраться и поехать куда-нибудь на природу. А это зима. Но холодно. И он говорит: «Сегодня будет миллион звезд, ясное небо. Поехали смотреть». Я говорю: «Давай, вези меня хоть на край света. Поехали...» Он увозит меня за город, останавливается посреди поля и такое говорит: «Секундочку». Выпрыгивает из машины, оббегает, где багажник, и возвращается назад в машину. И дарит мне букет белых лилий. И говорит: «А ты знаешь, что значат эти цветы?» Я говорю: «Нет, Вовочка, я не знаю, что значат эти цветы». Он говорит: «Мне один очень серьезный человек сказал, что это особый знак внимания, который может уделить мужчина девушке, к которой относится с серьезными намерениями». С целью как бы создания семьи. А я: «Нет». Я сделала такой вид, что ничего не поняла. Он немножечко поник, а потом: «Сейчас, секунду. Мне еще надо выйти на улицу». И он еще оббегает машину, открывает мне дверь: «Выбегай на улицу!» Я говорю: «Что случилось?» Какая паника. Он: «Срочно выходи. Там зайчик ходит». Я говорю: «Вова, какой зайчик?» Я говорю: «Я плохо вижу. Темно, ночь, холод, какой зайчик?» Он: «Выйди на минутку, я покажу тебе зайчика». А он вырос в суровых условиях. Он никогда не чувствовал холода. И он всегда ходил в летних туфлях, в летнем пальто и без шапки. Если было минус 40 на улице. То есть это человек, который не чувствовал холода. А это получается, я стою, при-

жавшись к нему. Он — позади меня, и чувствую, как его трясет просто. Я думаю: «Ну, неужели Вова замерз?» И он меня резко разворачивает и падает на колени и говорит: «Ты — любовь всей моей жизни! Я не хочу прожить без тебя ни единого дня. Выходи за меня замуж». И говорит: «Учти, это разовая акция. Один раз — на всю жизнь». У меня не было секунды даже подумать. У меня паника. «Вова, встань с колен». И это все. Он говорит: «Я повторять не буду». Я говорю: «Конечно, я согласна». Через две недели мы подаем заявление в ЗАГС, через пару дней нас расписывают. То есть мы встречались пару недель и сразу же поженились. И ни на секунду не пожалели об этом. Вот официальная часть нашего знакомства с того момента, как он приехал в Липецк на переучивание, когда начались наши официальные взаимоотношения, когда мы взглянули друг на друга абсолютно по-другому. И только когда мы поженились, он мне сказал, что, оказывается, с 2017 года он грезил тем, чтобы я стала его женой. И потом у нас была долгая, муторная история, что мы с ним виделись раз в два месяца, потому что я была военнослужащая и меня переводили. То есть мы в «последний вагон» успели перед началом пандемии. Мы с ним поженились, запрыгнули, считай, в крайний день, когда еще можно было пожениться.

Родилась семья летчика, как рождались семьи многих-многих молодых офицеров, которых судьба разбросала по гарнизонам и они устраивали свою жизнь.

Людмила:

— И дальше у нас было расстояние величиной в десять месяцев, и мы виделись украдкой раз-два, потому что у него служба, у меня служба. Меня переводили десять месяцев на Дальний Восток. Я летала к нему на Дальний Восток отдыхать в отпуск. Он получил здесь и квартиру, здесь сделал и евроремонт, для того чтобы к нему приехала любимая жена.

Это было невероятно крутое, счастливое время... (продолжение рассказа жены)

Людмила:

— В общем, он настоящий мужчина от кончиков волос до кончиков пальцев. То есть умел вообще абсолютно все. Надо было задаться вопросом, что он не умел, потому что он настолько подготовленный был к жизни, что я даже по-женски каких-то вещей могла не знать. Он умел все, все, везде показывал, и рядом с этим человеком я чувствовала себя в абсолютной безопасности. Потому что он относился ко мне как к дочери. Очень ласковый, очень добрый, очень заботливый. Как он отвоевывал меня у моего отца, потому что для моих родителей это вообще такой шок колоссальный, когда они узнали, что только начали встречаться и... У меня отец просил вообще расписку, что я не вернусь через пару месяцев после отъезда на Дальний Восток. Что меня Вова не будет обижать. Что у меня будет все хорошо. Что у меня ни одна слезинка не упадет из моих глаз. У меня отец с боем меня отдавал, потому что папа очень сильно меня любит, и папа вообще так ревностно отнесся. И тут представляете, у меня отец Владимир — летчик. И тут приехал Владимир — летчик. И я тоже настолько люблю своего папу, и муж Владимир — летчик. Он пришел, увидел, победил, забрал и украл просто у папы. Папа у меня негодовал вообще очень долго. То есть у них долгий момент притирки был, и при всем при этом у меня отец и Вовочка мой, они настолько прониклись уважением друг к другу, что, конечно, когда встречались, у них бесконечные пешие полеты, разборы и вот это все. Конечно, я понимала, что если собирается наша семья, то всей семьей не получится пообщаться, потому что наши Вовочки будут о своем говорить. Очень-очень это было забавно, с грустью обо всем этом вспоминаю. Но это было невероятно крутое, счастливое время...

— И вот вы оказались в Хурбе...

— На самом деле мне казалось, что это какое-то очень страшное место со странным названием. А потом, когда я сюда приехала, я ехала на место, неважно какое. Не место красит человека, а человек — место. Я ехала сюда к человеку, с которым мне не страшно было поехать хоть на край света. Родители у меня смотрели и недоумевали: то я кричала: «Я не декабристка», а тут собрала чемоданы и улетила. Родители были просто в ужасе... — засмеялась и продолжила: — Здесь маленький гарнизон. В Хабаровском крае. Сам гарнизон — под селом Хурба. А Хурба сама — в Комсомольском районе. А Комсомольский район Хабаровского края очень и очень далеко.

— Это же не Мичуринск, не Борисоглебск и не Липецк...

Людмила:

— Да-да-да! Я приехала сюда, здесь в прямом смысле не было ничего. Но здесь и было все! Потому что здесь меня ждала семья и невероятная любовь. Здесь красивый дом, прекрасный муж, и здесь каждый день был наполнен светом, любовью. Чем-то таким невероятным, романтическим, особенным... Да, здесь ничего нет, несколько домов. Войсковая часть, детский сад, школа. Все. Но...

Я слушал и как будто сам возвращался в гарнизоны, где жил с отцом: в Ахалцихе, под Себежем, под Верхней Салдой, в Домбаровке, в Ленинске в Кызыл-Ординской области...

Люда:

— Просто гарнизон. И ты понимаешь, насколько немыслимые расстояния от Запада, где большую часть жизни прожил, и я приехала и понимала, что мне не страшно здесь находиться, потому что рядом со мной Вова. В гарнизоне где-то в 1980-е еще что-то отстраивалось, и потом реставрация как бы закончилась. Это сейчас стали что-то облагораживать. А я сюда приехала, думаю: «Господи, Вовочка, куда мы приехали? Это что такое?» Вова говорит: «Это наш дом». И это место стало самым натуральным нашим домом. Но нам повезло, потому что Хурба находится недалеко от

Комсомольска-на-Амуре. Комсомольск-на-Амуре — что-то вроде Тамбова в конце 1990-х или начале 2000-х. То есть без этой реставрации, без всего... У меня такое было представление. Город сравнительно молодой, а выглядел, как очень старый. Хотя здесь все необходимое для жизни как бы есть. Тут и больница, и школа, и все на свете. Нас выручало то, что сразу была машина, можно было затариваться всем. Ну, нам было на самом деле абсолютно неважно, потому что мы жили в таком счастье, в такой гармонии друг с другом, и здесь невероятнейшая природа. Я — человек, который, считай, вырос в воронежских лесах, то есть для меня не было такого понятия, как сопки, бесконечное число рек, озер. Тут невероятнейшие закаты, что придает особый шарм этому месту. И первый раз, когда я сюда приехала, это была осень. Это был бархатный сезон. Тут природа такая потрясающая была, что без восторга никак нельзя было реагировать.

Я сюда приехала, мой муж думал, что я приеду и буду плакать, а я приехала и говорила: «Мне нравится, я остаюсь... Мне так нравится». Я просто не знала, какой тут суровый климат на самом деле, потому что до этого мне только везло. Здесь он не резко континентальный, а здесь он действительно такой, что нет, считай, осени, нет здесь весны, а здесь лето, где за 45 градусов может жарить, с порывистыми ветрами, комарами, мошками и всем прочим вот этим. Или мороз минус 48 градусов, когда ты понимаешь, что глаза мерзнут, хотя в теории говорят, что глаза не замерзают. Здесь замерзает абсолютно все. Здесь ты не знаешь, как отогреть машину. Ты не можешь выйти из дома, дверь подъезда может не открыться, потому что был ледяной дождь и все покрыто слоем льда. Выпала трехмесячная норма осадков снега. Но гарнизон встает. Пока военнослужащие все не расчистят, из дома не сможешь выйти. Или ползешь по сугробам. Нельзя даже от ступеньки отходить в сторону, потому что ты оступился, провалился и ждешь, когда следующий кто-то пойдет и тебя вытащит из этих су-

гробов. Потому что снега действительно очень много. Не зря он причисляется к районам Крайнего Севера.

8

**Наша маленькая авиационная семья.
«Авиадартс» (продолжение рассказа жены)**

Люда:

— Жизнь у нас здесь была потрясающая! Тем более Вова сюда попал со своими лучшими, близкими друзьями, с которыми учился. То есть, считай, своим звеном они сюда приехали. Дружили с первого курса. Такие классные ребята! Когда я их узнала, я поняла, что это самая настоящая мужская дружба.

— У летчиков она особая...

Людмила:

— А дружить Вова мог классно. У Вовы было несметное количество друзей. Он был душой компании. Он был абсолютным лидером. Заводилой. Он был именно тем человеком, который бесконечно над всеми шутил, где-то какие-то провокационные моменты устраивал, шуточки, что потом коллективно все смеялись...

— Приколист...

Людмила:

— Он был таким, что вот с этим своим гомерическим хохотом просто выпадал, потому что слишком долго не мог терпеть, когда кто-то пошутил. Или он шутил. Или какие-нибудь вот эти моменты подстраивал. То есть, считай, как мы сюда приехали — ребята после летного училища, так они сохранили свою дружбу до настоящего момента. То есть мы дружим, мы очень искренне и тепло друг к другу относимся, и действительно имеет место такое правильное определение, как наша маленькая авиационная семья... Хотя теперь она уже не маленькая, а очень большая...

— Он в «Авиадартсе» участвовал...

— Мы уже вместе жили. И получилось так, что, когда Вова пришел сюда после летного училища, он — самый первый из всех ребят, которые сюда прибыли для прохождения службы, кто вылетел на самолете Су-34. Он был первым везде и во всем. Он серьезно был максималистом. Везде важно было стать лучше всех...

Стремление быть лучше всех вовсе не говорило о чрезмерном тщеславии Володи, он просто прекрасно летал и этого не скрывал.

Люда:

— У него, что символично, и борт был под номером один. То есть он и вылетел самым первым, показывал высокий уровень подготовки. Я разговаривала с его командирами, и они просто удивлялись и говорили: «А у него есть летчики в семье?» На что я им отвечала: «У него из летчиков в семье только тесть». И говорила: «Он единственный в семье, кто имел такую страсть к небу». Тут даже не было никаких вариантов, много было подготовленных ребят, но он был любимым и у командиров, и у всех летчиков, потому что он был обаятельным человеком. По-настоящему с большой душой. И летными умениями...

— И как ему на конкурсах летчиков?

Люда:

— Вова имел хороший уровень подготовки, и его сразу же отобрали на российский «Авиадартс». Он сначала говорил: «Вот, что за ерунда?» А я говорю: «Вова, любишь на кон ставить все». Даже если его взять помимо авиации, то он занимался многими видами спорта. То есть он везде и всюду преуспевал. Он был физически развитым, и по наукам, и по всему. Он жадно хватал знания и вот это все, и для него было очень важным, что он может принять участие в чем-то новом для себя. Ну, я говорю: «Вовочка, это отличный шанс. Может, все-таки ты поедешь?» Ну, и он к этому относился абсолютно как-то спокойно, а потом по-

лучилось так, что он как бы занял призовое место на «Авиадартсе». На «Авиадартсе» обычно собирают самых высоко подготовленных летчиков

— А где «Авиадартс» проходил?

— В Рязани... То есть он сначала проходил отбор, потом прошел всероссийский этап. Он занял призовое место. Его отправили на международный «Авиадартс». Но если бы не было политики, то есть китайцев, белорусов, то Вова бы и тут... По России он — один из самых лучших. Но там, знаете, не предвзятое отношение, но все-таки чувствовалось...

— Хотели уважить участников...

— Да. Когда китайцы были гостями, они должны быть в тройке награжденных. Когда белорусы. А вот с российскими, со всей страны отбирали лучших, и надо было поднять уровень Липецкого учебного центра, — короче, баллы, которые заработал мой муж, как бы переподправили... А так как у меня муж — максималист и очень эмоционально на все реагировал, он среагировал на несправедливость. Если он плохо поступил, то накажите его, если он кого-то обижает, он должен быть наказан. По справедливости... И он такой расстроенный вернулся с международного «Авиадартса». Он говорит: «Ну, представляешь как...» Я ему: «Ну а что ты хотел, Российской Федерации надо со всеми дружить. Ты итак показал отличный результат на всероссийском конкурсе, поэтому ты своей победы добился. Поэтому ну что ты? Может, на следующий год на «Авиадартс» поедешь». Он: «Я больше в этом мероприятии принимать участие не хочу». Хотя, как только у них все это закончилось, ему сказали: «Собираем повторные заявки на “Авиадартс”». И он якобы сказал: «Нет-нет. Увольте, не хочу. Я для себя выводы сделал».

Обостренное чувство справедливости.

И в суде себя не защитишь, потому что решения судей «Авиадартса» не обжалуются.

Люда:

— Хотя это было очень интересное и увлекательное мероприятие. Он получил опыт, неотъемлемый для его развития как летчика. А он был очень легко обучаемый.

Больная мама. Напряг на спецоперации (продолжение рассказа жены)

— И вот началась спецоперация. Кто-то не одобрял ее, кто-то соглашался. У него, наверно, таких проблем не было...

Людмила:

— Я вам расскажу такую предысторию. Вова, помимо того что был прекрасным человеком, крутым летчиком, он был еще прекрасным сыном. Еще до спецоперации у него серьезно заболела мама. И у нее случился рецидив по онкологии. И Вова уезжал. Он безумно любил свою маму, уехал из Хурбы и носил маму на руках, помогал ей выйти из этого состояния, но все было очень плачевно. И буквально за две недели перед тем, как улететь, он не обнаружил себя в списках. Потому что все видели, в каком состоянии он находился. А он самый высоко подготовленный был из всех ребят. А его хотели как бы пожалеть. А он сказал: «Я не хочу своих пацанов отпускать одних. Ни в коем случае». Поэтому он пошел к вышестоящему командованию, просил, чтобы им не пренебрегали. Он быстро-быстро восстановился в допусках... Он говорил о том, что должен быть там вместе со своими пацанами. И вот он поехал в числе первых. Других-то направляли доучиваться, а его направили, потому что он был абсолютно готов. И с самого первого дня спецоперации он там...

— Как мне сказали, уже через две недели он был награжден орденом Мужества...

— Да...

— За что?

— Да, за этот подвиг, о котором говорят, это случилось все в марте.

Я вспомнил статью на сайте ТВЦ под названием «На территории учебного центра, где он проходил подготовку, установили мемориал» и теперь прочитал из нее:

— «Незадолго до гибели летчик совершил подвиг. Скрытно войдя в район противника на предельно малой высоте, выполнил обманный маневр и с первого раза поразил цель. Уничтожил 50 боевиков, а также артиллерийскую и автомобильную технику врага».

Люда:

— Это в начале марта... Они только полетели. И звонит, им же запретили связываться, техникой пользоваться и всем-всем. Если у него был с собой телефон, он мне просто отправлял сообщения, где смайлик отправит, где просто напишет: «Я живой... Я прилетел». Или каждый вечер он говорил, какая жуткая обстановка там была. И он присылал: «Убежал... Убежал». Убежал в смысле, что в него летело все, что только можно было, но не попали. И каждый день он мне присылал сообщения со смыслом: убежал...

Вэсэушники охотились за нашими летчиками.

Люда:

— Он мне позвонил в начале марта, говорит: «Тут такой кошмар происходит, а меня вызвали и сказали, что меня награждают орденом Мужества. Приказ состоялся». Я ему говорю: «Вова, я хочу слушать твою реакцию на это на все». Он говорит: «Я сказал, что моей жене железки не нужны». И он говорит: «Я отправил их на берег безмолвия. Развернулся и ушел. Просто сказал, что я не хочу, чтобы моей жене вернули только железки...»

Конечно, может, это было сказано в горячке, если бои, какие награды? Тут голова болит, как выполнить задачу, и ни о чем другом не думаешь. Мог бросить такие слова, хотя их могли истолковать по-своему. Но умные командиры поймут летчика, который из пекла в пекло, из пекла в пекло. Может, так домыслила слова мужа сама Людмила. Но разве это говорит о том, что Владимир Фетисов хоть на минуту поколебался в том, что воевать ему или не воевать с врагом?

Думаю, что нет.

Людмила:

— Все, я не знаю, как в воду глядел, наверно...

Мы молчали.

— Вот про орден Мужества в марте, понятно...

— А в мае ему пришла медаль Нестерова, — говорила жена. — У ребят, которые были с ним, приказ на орден Мужества состоялся позже, чем у Вовы. У Вовы — в числе самых первых. Потом он мне еще говорил: «Мне тут еще медаль... Приказ состоялся...»

— Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» с мечами...

— Просто в тот момент, когда привезли медаль Нестерова, они не привезли орден Мужества. То есть они должны были отдать ему в начале мая. А тут почему-то написали: «Посмертно». Посмертно ничего не было...

— Вот объявили Героем России Александра Крынина. Он герой этой книги. Так вот, там послали на Героя, представление куда-то делось. И добились, послали снова. И 3 сентября Звезду Героя вручили вдове. Не надо опускать руки...

— Да, — слышались всхлипывания Людмилы. — А-то орден Мужества еще при жизни, а они говорят: «Посмертно...»

Справедливость должна восторжествовать.

— Ребята бились... — говорил я.

— Да, меня от подробностей ограждали всеми правдами и неправдами. Но я просто знаю, что они находились безвылазно в кабине. Они не успевали поесть. Они не успевали поспать. У них максимально интервал между вылетами был два часа. За это время ты должен выспаться, восстановиться. То есть никакого ни предполетного режима, никакого питания — этого ничего не было.

— Как в Сирии, — вспомнил, о чем писал в своей книге «Герои Сирии. Символы российского мужества».

Люда:

— Нет-нет. Кстати, ребята, которые проходили Сирию, или те люди, которые имели какое-то отношение к Афганистану, когда началась спецоперация, они сказали, что там все гораздо хуже... Потому что в Сирии все равно было все как-то нормировано, а это просто... Они не то что потеряли покой, сон, они вообще не ели, не спали. Безвылазно в кабине. В начале марта они были похожи на выжатый лимон. Я сама лично, у меня мои сослуживцы, которые были вместе с ними (связисты — коллеги, понял я), переводила им деньги просто, чтобы они обеспечивали летный состав питанием, и мои сотрудники таскали летчикам еду... Чтобы их накормить...

— Перекусить-то некогда...

Все понимали сложность задач, которые выполняли ребята.

Люда:

— Чтобы можно было прийти, быстро поесть и лечь отдохнуть...

«Какие же молодцы жены офицеров!» — рвалось из меня.

Слышал, как Люда плакала.

10

18 мая 2022 года (продолжение рассказа жены)

Зная, что не смогу больше вернуться к этому разговору, спросил:

— Что произошло 18 мая?

И процитировал слова генерала на открытии мемориальной доски на камне в училище:

— ...при выполнении боевого вылета... смертью храбрых... попав под огневое поражение... зенитно-ракетной...

Говорил и представлял, как летчик-ас Фетисов пытается «убежать» от ракет.

Люда:

— Единственное, что я могу сказать, потому что меня берегли все это время, единственное, что у них был боевой вылет...

Вспомнил сообщение СМИ: 64-й вылет...

Фетисов 64 раза смотрел смерти в лицо.

Люда:

— Их летело несколько самолетов... Я так поняла, что он был замыкающим... И так поняла, что внезапно в его самолет попала ракета... Они приняли решение продолжать полет. Это Вова и его штурман. Но штурман остался жив... С тяжелыми травмами и со всем прочим, хотя у них травмы абсолютно одинаковые были... Понимаете, какая несправедливость...

Что один с травмами жив, а другой — нет...

Люда:

— Я так поняла, что им изначально что-то прилетело, и произошел полный отказ системы... То есть Вова выполнил поставленную им задачу и возвращался назад, на базу. И прилетело... И произошел полный отказ, — она повторяла, словно отодвигая назад трагичный момент, — всех систем. Потому что в эфир летело: «Отказ того-то... Отказ того-то... Отказ...» Вова хладнокровно с территории врага пытался увести самолет... И даже эфир есть, он бесконечно говорил: «Паша, Паша, успокойся... Паша, Паша, ты все нормально...»

— Это штурман?

— Да, штурман. Он говорил: «Паша, Паша, успокойся...» Паши только слышно было тяжелое дыхание. И все. Обычно штурманы тоже говорят в эфир, докладывают обстановку что и как, считают. Но Паши там не было слышно вообще, ни единого слова. И Вова сначала: «Раз, два», — типа: на три прыгаю. «Раз, два», — пытается считать, контролировать ситуацию, и я так поняла, что, когда они начали выпрыгивать...

— Катапультироваться...

— Они начали катапультироваться. То есть первым при катапультировании покидает корабль капитан, он же считается командиром экипажа, командир, в общем. Покидает самолет. И в тот момент, когда он покидал самолет, как я поняла, произошло еще что-то. Либо прилетело что-то еще следом, либо произошел... Об этом история умалчивает, потому что я пыталась достучаться до людей, которые именно эвакуировали их с места катастрофы. И в общем он после того, как случились эти крайние секунды перед тем, как они покинули, в общем, самолет, раздался Вовин крик, истощный просто, и после этого он крикнул штурману своему: «Дергай!» «Дергай» в смысле дергай ручки и тоже покидай самолет. И все. И они успели катапультироваться. То есть ребята, которые летели вместе с ними, они говорили: «Ну, вот, ребята катапультировались. С ними все будет нормально. С ними все будет в порядке». Но, судя по всему, им прилетело что-то еще... Потому что даже ребята говорят, что, видимо, там была не одна ракета, а их было несколько. Потому что с учетом полученных травм... Они успели катапультироваться. Видимо, Вова в последнюю секунду просто спас жизнь своему штурману...

— Он — первым?

— Да, Вова первым покидал самолет, штурман — следом. Это порядок именно катапультирования. Сначала покидает командир, потом — штурман. У них так и получилось, что Вова начал покидать самолет и сказал в эфир: «Паша, дергай». Все, это были последние слова. И эфир закончился...

— Попали под обстрел... — произнес я, думая: «Володя собой закрыл штурмана».

Людмила:

— Я смотрела справку о смерти. И так поняла, что у них были травмы, как перелом основания черепа, при катапультировании из самолета. Что у одного, что у другого. То есть у них были идентичные травмы. Может, у них были трав-

мы, полученные, когда они спускались... Штурман жив. Но, как ребята говорят, это единственный человек, с которым я не разговаривала. То есть я этого человека видела, я его знаю, и он, видимо, пока боится со мной разговаривать. И его спрашивали о подробностях... Вы себе не представляете, насколько мне тяжело вот сейчас с вами об этом всем разговаривать. Я два часа, пока ждала, что мы с вами созвонимся, реку слез вылила... Чтобы подсобраться... Сложно все... Этот человек был домом моим... — вспомнила Владимира.

Я невольно поклонился своей собеседнице за тысячи километров от меня: она все делала для сохранения памяти о своем дорогом Володе.

11

Не стало мамы. Письмо любимой (продолжение рассказа жены)

Люда:

— А у Володи такая трагическая ситуация. У него в конце марта ушла из жизни мама. И он помимо спецоперации переживал тяжелую трагедию, что любимая мамочка ушла из жизни. А он — через пятьдесят шесть дней, представляете?..

Снова Люда плакала.

— Где упокоился?

Людмила Фетисова:

— В городе Железногорске... Мы были на похоронах... Но я не в состоянии... Я и по сей день просыпаюсь и стараюсь научиться заново дышать...

Все равно потом спросил:

— В Борисоглебске — мемориальная доска на камне... А в его воинской части?

— Сказали, на первом этаже в полку стоит его портрет. И в Железногорске в кадетском корпусе, где он учился, целая мемориальная доска, посвященная Вове...

Вспомнил:

— Вы сказали про стихи и письма...

Люда подумала и собралась с духом:

— Я могу прочитать письмо, которое я нашла день в день, когда погиб Вова. И у меня было такое ощущение, что он только-только его написал. И в нем отражается вся теплота отношения ко мне. Какой он прекрасный человек, какой он прекрасный муж, какой он прекрасный отец:

— Прочитайте, — попросил я.

Она читала:

«Любимая и дорогая моя маленькая девочка!

Я решил написать тебе это письмо. Просто так захотелось. Просто в очередной раз захотелось, чтобы в эти пасмурные дни ты, моя любимая, взяла и улыбнулась. В самом начале знакомства я тебе пообещал, что иногда буду дарить тебе улыбку. Просто так, от чистого сердца, абсолютно честно, дарить улыбку. Помнишь? Я тебе писал всякие смешные истории, дурацкие забавные ситуации из своей жизни, из своего детства... Ты смеялась и улыбалась. Вот и сейчас, ты читаешь и улыбаешься. Я держу свое слово. Кстати, я пишу абсолютно спонтанно, просто делюсь своими мыслями. Детство. Мне всегда, как и тебе, было интересно, почему я так часто вспоминаю его... Наверно, потому, что в детстве все было беззаботно, все по-доброму, все по-настоящему. В современном обществе, ты сама прекрасно знаешь, много грязи, желчи, много всего серого, нехорошего, можно легко утонуть в этом, пропасть. Слабые люди и пропадают в этом огромном котле. И среди всей этой нечисти и серой массы я все-таки нашел тебя. Добрую, чистую, светлую, красивую, светящуюся, а самое главное, настоящую женщину. Как много в этом слове смысла и как мало букв... Ты — моя любовь, ты — моя любимая, ты —

моя единственная и неповторимая. Мои мысли — только о тебе. Даже сейчас, находясь совершенно один на один со своими мыслями на кухне ночью, я чувствую тепло твоих нежных, вкусно пахнущих рук, твой запах. Как же я люблю его... И не могу устоять перед ним. Твои добрые и большие глаза. Твоя чистая и добрая душа. Я люблю тебя, Людочка! Я не могу дышать без тебя, да и не хочу. Мне стыдно даже “по мелочи” обманывать тебя. Даже сейчас ты спишь, а я не удержался и пишу тебе это письмо на обычном тетрадном листочке. Я пишу это своей любимой девочке, своей Людочке, своей жене! Да-да, своей любимой жене. Я твой муж. Я буду гордо и с достоинством нести это звание. Улыбнись, жизнь прекрасна! Посмотри сквозь фильтр, который удаляет всю грязь, всю нечисть. Ты прекрасна!!!

Боже... Как же я люблю твою улыбку. Как же я люблю тебя. Всего лишь каких-то три слова, а как же много смысла. У каждого — свой смысл, у каждого — свои ценности. За все наше знакомство, я надеюсь, что ты поняла для себя, я очень ценю жизнь. Она слишком коротка, и никогда не знаешь, что может быть дальше. Я ценю честность, верность я ценю, когда все по-настоящему, по-доброму, без лжи, с любовью. Я люблю мелочи, всякие безделушки, я люблю простоту. Не нужно ничего усложнять, изобретать велосипед. Цени, что у тебя есть. Взгляни на этот суровый и, самое главное, несправедливый мир, под другим углом. Все гораздо проще. Живи и радуйся, просыпайся с улыбкой, хотя с нашим ритмом это безумно трудно, но ты попробуй... Даже проспав всего лишь один час в сутки, проснувшись, я думаю о тебе и улыбаюсь. Верить ты мне или нет, но это так. Я люблю тебя, Людочка!!! Я повторяю каждый день, даже когда тебя физически нет рядом со мной. Но я знаю, ты все равно это чувствуешь. Я буду всегда рядом с тобой. Ты — мое счастье, за которое я буду биться до самого конца. Ты моя! Я всегда уберегу, защищу тебя и Мирошика, это моя прямая обязанность. Самое главное, чтобы вы были здоровы и сыты и чтобы улыбались. От всей души

Старший лейтенант Фетисов перед боевым вылетом

желаю, чтобы вы улыбались и ни в чем не нуждались. Мирону я хочу подарить все то, чего не было у меня. А у меня не было многого, ты это знаешь. Не переживай, сделаем все, чтобы он стал в первую очередь человеком, настоящим человеком, а я сделаю так, чтобы он стал мужчиной.

Жизнь слишком коротка, мы все сделали правильно. Ничего не бойся. Жизнь — несправедливая штука, опять же ничего не бойся. У нас все получится, обязательно! Верь мне и никогда не отворачивайся и не поворачивайся спиной, и я буду навсегда с тобой...

Твой муж Владимир.

Люблю тебя...»

12

Мирошик (заключение рассказа жены)

«Он ценит жизнь... И теперь эта цена за нас... Он всегда рядом с нами...» — звучало у меня в голове.

Осторожно спросил:

— А кто такой Мирошик...

— Вова был невероятным отцом нашему ребенку. То есть Мирон не кровный сын ему, но Вова стал настолько непоколебимым авторитетом и абсолютным примером для Мирона, потому что он воспитывал его вообще с раннего возраста, когда он вообще малышом был. И он относился к нему с такой теплотой, с такой заботой, Вова был сильный и при всем при этом у него была мужская тихая строгость. То есть он никогда не ругал, не кричал в порыве эмоций, когда дети вытворяют что-то. Этого не было. То есть он был именно тем непоколебимым авторитетом, когда ребенок смотрел на него с абсолютным восторгом. То есть ребенок просто перенял всю мимику. Что, даже если на него посмотреть, Вова — отец Мирона, Мирон — сын Вовы. Они даже внешне как-то похожи. Единственное, у сына мои глаза. Он занимался ребенком. Он научил его держать молоток. Он его возил на машине. Они ходили на рыбалку. Они вместе часами сидели с удочкой. Он укладывал его спать. Готовил прекрасные ужины, ему помогал Мирон. То есть они вместе читали. Он учил его читать. Писать. Он был абсолютно всем для него. Мирон обращался к нему исключительно: «Папочка». У них была самая настоящая любовь в плане того, что...

Я понимаю, что мы с Мироном потеряли очень многое. Вовочка для Мирона был абсолютным папой в том плане... Вот, бывает, родные отцы, они как-то равнодушно и холодно относятся к своим детям. А здесь была глубокая мужская любовь, когда ты понимаешь маленького человека и ты видишь его любовь не в качестве благодарности, еще чего-то, а это был осознанный выбор, осознанный выбор Вовы и осознанный выбор Мирона. То есть Мирон кроме Вовы не знает другого отца, потому что Вова для него был вообще абсолютно всем. Поэтому я была вынуждена ребенку рассказать всю правду, но, так как он растет маленьким мужчиной, а папа является авторитетом, то есть ребенок,

глядя на папу, мерил его защитный шлем, в летных перчатках по дому ходил...

Меня пронизывало благородство летчика.

Людмила:

— Всегда перенимал всякие мелочи. У нас были всякие безделушки, которые были раскиданы по карманам. У нас всегда было очень много записочек, талисманчиков, и ребенок бесконечно рисовал самолеты и говорил: «Я хочу быть как папа». То есть когда я ребенку рассказала про это все, у меня ребенок просто горько расплакался... И через минуту говорит: «Мама, расскажи мне, как было. Все по правде, по-настоящему». Я рассказала. Он: «Мама, а у нас есть папина пилотка?» — «Да, есть». А у меня на полочке лежала его свернутая пилотка. А я ее даже не забирала постирать, и она пахнет Вовочкой. И, казалось, маленький, он берет эту пилотку, в нее ныряет носом, нюхает: «Единственное мое воспоминание о папе»...

Уже и у меня навернулись на глаза слезы.

А Людмила:

— Он: «Можно я хранить ее буду у себя?» Мы приехали когда на похороны... Мы мучительно ждали целую неделю, чтобы его похоронить. И получилось так, что его хоронили в открытом гробу. И Мирошик говорит: «Я ничего не хочу. Я хочу к папе». Пока мы ехали, он все: «Я хочу обнять папу». Я: «Сынок, это невозможно». Он: «Мама, я хочу просто обнять папу». И он: «Кроме папы, мне никто не нужен», — говорит. И он всю дорогу, пока мы ехали в катафалке, он двумя ладошками держался за гроб и говорил: «Это что, получается, мы никогда не сможем обнять нашего папу? Мама, а как мы будем с тобой жить без нашего папы?» Я: «Сынок, но папа хотел, чтобы мы были живы. Папа погиб не зря. Наш папа погиб Героем. Он теперь наш ангел-хранитель. Он теперь нас будет оберегать от всего». А мы — верующая семья. Мы с мужем повенчаны. Для нас это наполнено глубоким смыслом... И Мирошик сказал такую фразу: «Мама, вот сейчас на небе его сердце будет

биться?» Я говорю: «Конечно, папино сердце будет на небе биться вечно». — «Если туда полетят ракеты, они больше его не достанут?» — «Конечно, сын, нет». Он тогда говорит: «Мама, я хочу, чтобы до него не долетела ни одна ракета». И говорит: «Я теперь вырасту и обязательно стану летчиком. Таким, как папа». Я ему говорю: «Сыночек, папа хотел, чтобы мы жили и были счастливы». И когда мы вернулись, Мирошник ложился спать с пилоткой, теперь его любимая книжка «Авиация»... И он каждый день спрашивает меня: «Мама, а какой был наш папа?» Смотрим фотографии... Это, конечно, тяжело... Но каким был Вова для Мирона, это что-то невероятное...

Прощаясь, я сказал:

— Светлая память воину Владимиру...

Теперь при каждом приезде в Борисоглебск я шел в сквер около памятника дважды Герою Советского Союза и садился под кроны на вторую скамеечку, и передо мной пролетала судьба мальчишки из Иркутска, который здесь со своей любимой проводил вечера и верил в свою звезду. И звезда его настигла — он с любимой жил, творил, счастлив был...

И служил России...

Но не дослужил...

И теперь в летчики собирается Мирошник...

6 сентября 2022 года

МАЙОР ВОЛЫНЕЦ

1

«Для летчиков главное — полеты!» (рассказывают преподаватели)

Когда я посещал музей авиационного факультета Краснодарского училища в Борисоглебске, мне напомнили про выпускника Сергея Волынца, погибшего на Украине. И свели с преподавателем факультета Александром Ивановичем Аржанных, который мог рассказать про курсанта Волынца.

Аржанных служил, изъездил весь Советский Союз, в звании майора уволился и вот теперь передавал свои знания и опыт летчикам.

— А Волынца знали? — спросил я о курсанте.

— Сергея? Да. Мы очень близки с его семьей. Его отец, царствие ему небесное, Михаил Семенович Волынец был здесь полковником. Сергей по его стопам пошел, ну и при определенных обстоятельствах трагически погиб.

Каких конкретно, пояснить не мог.

— А его наградили?

— Я не в курсе (на момент разговора он об ордене не знал). Он очень спокойный парень. Мы с ним постоянно общались. Отец — летчик. Сам из Белоруссии. Инструктором был. Летал, давал путевку в жизнь многим. И сыну. Сергей летал на Су-25. Показал хорошие знания. Тоже, как и другой погибший наш летчик Фетисов, участвовал в конкурсах. Волынец — победитель конкурса «Воздушный ас» в 2020 году.

— Настоящие асы!

— Очень скромный. А жизнь распорядилась так. Его старший брат Дима тоже поступал в Краснодарское авиационное училище, но не получилось.

— Не судьба.

— Ребята здесь жили. Борисоглебск — красивый город, на реке. Здесь и отдых, и учеба. Так вот Сергей поступил в Краснодарское училище. Он здесь у нас учился. Надо сказать, отец у него требовательный. И отцовская «ласка» присутствовала при воспитании. Сергей немногословен. Достойный курсант. Я даже у него на свадьбе был.

Родилась офицерская семья.

Аржаных:

— После окончания училища Сергей попал в Буденновск. Хорошим летчиком стал. И вот случилось... Мать в трауре, отца нет. На этой почве уехала в другой город... Там Сергея похоронили...

В этот день я встретился с другим преподавателем из летного училища, Тамарой Юрьевной Купач. Мы сидели на скамейке во дворе ее частного дома в центре Борисоглебска и говорили.

— Я в училище работала с 1982 по 1985 год при Михайлове¹, — рассказывала Купач. — Главком был. А он у нас был начальником училища. Он меня взял на музей. А потом меня в пединститут переманили, там я кандидатскую, докторскую защитила. Потом в Москве работала, их закрыли. И здесь вот филиал ВГУ, где главная специальность — машиностроение. И еще — дистанционное обучение. И главное — машиностроение.

Я удивлялся.

Купач:

— И всех моих подруг, кандидатов, докторов, кто в Москве защитился, убрали. И я с 2010 по 2022 год — снова к военным в училище. Как устроилась, как раз был курс летчиков.

---

¹ Владимир Сергеевич Михайлов (род. 6 октября 1943, с. Кудиново, Ногинский район, Московская область) — советский и российский военачальник. Главнокомандующий Военно-воздушными силами Российской Федерации (2002–2007). Герой Российской Федерации. Генерал армии. Заслуженный военный летчик СССР. С 1980 по 1985 год — начальник Борисоглебского высшего военного авиационного училища летчиков.

— Курсанта Сергея Волынца помните?

Она:

— А с Волынцем у меня какая история... Наверно, он стал капитаном или уже майор... А мне все свалили. Культурология, социология, экономика авиапроизводства... И каждый — с экзаменом и с оценкой. А курс — сто человек, и я, сами понимаете, разрывалась. А они такие шустрые: всем пятерки нужны.

— А как же...

— А я у них: «Есть ли среди вас местные? Я земляку сейчас поставлю автомат». Один встает: «Я местный». — «А чего молчишь? Иди сюда». Он подходит. «Ты в какой школе учился?» — «Я — в пятой школе». — «У меня сын в пятой. Он потом в академии РВСН».

— Я знал в этой академии начальника факультета генерала Гончарова Евгения Андреевича. Академия была на Кремлевской набережной...

— Их перевели.

— Лучшие строения столицы забирали у военных.

Тамара Купач:

— И вот говорю: «Где живешь?.. Родители...» — «Отец — военный...» Я: «Ну, давай». А он смеется: «Да можно мне по минимуму». Я открывала ведомость, а у него — «н-н-н»... Я говорю: «А ты чего на занятия-то не ходишь? У тебя, глянь, одни “н-н”...» А он говорит: «Тамара Юрьевна, для летчиков главное — полеты! А это все...» — сказала преподаватель и засмеялась.

— Откровенно....

В этом я увидел долю правды. Из тех моих однокашников по колмогоровскому интернату МГУ, кто не очень «уважал» непрофильные предметы, многие вышли в люди, а один возглавил институт Академии наук России.

Тамара Юрьевна:

— А у него, оказывается, отец — начальник, главный над всеми полетами.

— А вы не знали...

Выходило, отец-начальник не влиял на оценки сына.

— И мне что показалось, у него глаза какие-то грустные.

— А сам-то с юморинкой...

— Я всех их знаю. У меня с ними непосредственное общение. Мы конференции проводили. Чкаловские чтения. Училище-то при Михайлове было имени Чкалова! Четыре года проводила. А вот ушла — пятые, не знаю, проведут ли...

— Что случилось с Волынцом?

— Говорят, его подбили, а он тянул. Надо было сразу... А когда катапультироваться, парашют не раскрылся. Малая высота. Выпал без парашюта... Отец-то умер. А мать уехала и живет сейчас в Железноводске. И туда увезла похоронить. Школу кончал 5-ю. И в пионеры тут принимали. Старинная у нас гимназия. Ее Николай Рыбников заканчивал. Она очень старинная... — сетовала Купач.

Рядом бегал котенок, за забором гавкала собака, а мы говорили.

Тамара Юрьевна:

— А по службе вроде майор. Они быстро растут. Они же летающие... В апреле 2023 года 100 лет будет училищу. А училище-то не делают. Все факультет.

Я ничего возразить не мог и кивал.

— Да... — распаялась Купач. — А в академии ведь все — подмастерья. Метеорологи... А у нас — элита! Летчики. С ними, курсантами, уже полковники за руку здороваются.

— А полы в корпусах оставляют желать лучшего... — лишь сетовал на состояние корпусов училища.

— Вот-вот.

Но надеялся, что к 100-летию все приведет в порядок.

2

Сын летчика — в летчики (рассказ матери)

Мне дали телефон матери Сергея Волынца, и я связался с ней.

— Елена Валентиновна, — обратился к ней, — сын Сергей где родился?

— На Дальнем Востоке, Приморский край, Уссурийский район, село Воздвиженка...

— Там военный гарнизон...

— Наш папа был летчиком военным. В последнее время служил в Борисоглебском центре.

«Наш» — отец в семье и на службе.

— А как его звать-величать?

— Вольнец Михаил Семенович. Полковник. Закомандира по летной подготовке был. Там ушел на пенсию. А так служил в Воздвиженке, в Черниговке.

— А Михаил Семенович из каких краев?

— Он белорус. Из Минской области, город Вилейка.

— Какое красивое название...

— Не без этого...

— А как получилось: из глубинки — и небо?

Елена Вольнец:

— У него мечта была — стать летчиком. Поступил в Ейское училище¹, где мы и познакомились. Я заканчивала Ейское медицинское училище. Медсестра по образованию. Окончил, и мы — в Воздвиженку.

— В каком году?

— Может, 1982-й... Еще СССР. А развал тоже застали в Воздвиженке, он в академии учился. Когда путч был, он Академию имени Гагарина заканчивал в Монине. И потом перевелись в Борисоглебск. Он летал на Су-25.

— И вот родился Сережа...

— Есть и старший брат, у него не получилось в училище. А Сережа поступил. В школу пошел в Черниговке. В Бори-

---

¹ Ейское высшее военное авиационное ордена Ленина училище летчиков имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР В.М. Комарова — ныне не существующее высшее военное учебное заведение (военный институт), расположенное в городе Ейске. Старейшее учебное заведение морской авиации было основано 28 июля 1915 года в Петрограде как офицерская школа морской авиации. В дальнейшем неоднократно реформировалось.

соглебске — в 4-ю школу, потом — в 5-ю. Окончил школу — и в училище...

— У него были колебания, куда идти учиться?

— Нет. Он четко знал, чего хотел. Старший брат не поступил. Но пошел служить. Я помню, стояли на присяге у старшего сына (когда призвали в армию), и он: «Я тоже хочу». Мама стоит, плачет. Младший сынок говорит: «Я тоже хочу».

— Готовился?

— Еще как! В одиннадцатом классе с парашютом прыгал. У него значок за прыжки. То есть он все, что касается неба, воспринимал с открытым ртом. Ему очень нравилось летать. Планировал на следующий год поступать в академию. И дальше как бы вот так...

— Про него четко высказалась Купач, преподаватель в Борисоглебском филиале летного училища. Ей Сергей сказал: «Для летчиков главное — полеты!» Целеустремленный...

— У него настроение плохое было, когда не было полетов. Его отец тоже так реагировал. Когда нет полетов, то жизнь останавливалась. Так, в принципе, и Серега.

— Помните, было время, летчики не летали, топлива нет...

— Ну, вот плохо всем было, кто летал. Но мы легко пережили это на Дальнем Востоке. Ведь все равно заняты, и эта молодость. Нормально перенесли... Выживали, кто как может. Но упадка не было. Ходили в лес за грибами. Пацаны ходили, вишню собирали по всему городу...

«Молодость города берет!»

— Офицерские жены — особая каста...

Волынец:

— Может, где-то на небе предписано. Вот мы общаемся, даже сейчас, те, кто служил. Поддерживаем друг друга. Те, с кем служили, столько слов поддержки! И деньгами помогали. Кто-то может быть офицерской женой, кто-то вы-

держивает эти тяготы. А кто-то — и нет... Лично мне, ну как тяготы? Ну, нет света — его же дадут, когда-то и давали. Ну, нет воды — привозили воду. В гарнизоне все одинаковые были, с колясками, с детьми. Родственников рядом не было, ни мам, ни пап, поэтому на поддержку того же соседа рассчитывали... Дружили ведь с соседями... И вот эти отношения до сих пор... Поэтому это вот так... И, в принципе, ни минуты не жалею, что так прожила...

— И к тому же Приморье! Загляденье...

— Серега, он тоже... Ведь видел и организацию у нас, и вечера. И вот на последний Новый год (2022-й) мы собрались у меня дома и вспоминали, как для своих жен организовали новогодний вечер.

Мать Сергея волновалась, а я боялся прервать разговор и слушал.

— Он видел то, что мы воплощали в своей жизни, то делали и они... Три молодых человека сами организовали это дело у себя в полку... В Буденновске, в Приморско-Ахтарске, где служили. О нем везде говорили хорошее. В Китае он и еще один летчик первое место заняли в «Авиадартсе».

— Надо уметь...

Волынец:

— Машину выиграла. Не помню, какой это год.

— А что он рассказывал об «Авиадартсе»?

— Соревновались наши, китайцы. Летали, бомбили на полигоне. Все эти упражнения. В Китае. Он там первый раз был. И у него впечатление, что все люди там странные. Как у нас: днем на улицах людей нет, там все работают. Как муравьи. Вот начинают носить песок, так гора на глазах растет. Трудолюбивые, отзывчивые. С нами, русскими, как с обезьянками фотографировались. Что мы у китайцев все ассоциируемся на одно лицо, так и у нас они. С напарником на соревнованиях. Тот — ведущий, а Серега — ведомый. Он из Буденновска поехал в Китай...

Продвинутый летчик...

— Увлечения?

Капитан Вольнец с призом

— Спортом занимался... В войсковых частях даже за это приплачивали...

— Вернемся чуть назад. Вот училище. Все-таки сынок полковника, который отвечает за главное — летное дело, мог и...

— Папа такой у нас товарищ, что разные там поблажки не приветствовал. И Сережа никогда этим ни кичился. Не было у него заносов.

— Мне друг вашей семьи Аржаных сказал: «Отцовская “ласка” присутствовала при воспитании».

— Да. Но папа не применял ремень никогда... Уважали его летчики в боевом полку. Служил до последнего. Просто

у него со здоровьем... Рак головного мозга. И его похоронили в 2018 году... Серега приехал, помогал...

— Сказались перегрузки в авиации...

— Да и после...

— Папа — на «выживание», а вы тут с семьей...

— Как у всех военных, тут чего говорить? Любой род войск возьми — и все одинаково: папа на службе, и мама главная. И все там... Переезды. Нам повезло, что мы не очень переезжали. В Черниговку, и вот в Борисоглебск, на последнее место службы.

— В каком году вы переехали в Борисоглебск?

— Уже в 1990-е.

— Тогда Михайлов командовал училищем (будущий главком ВВС)?

— Нет, Михайлова уже не было, стоял вопрос о том, чтобы разогнать полк (при училище), уже готовились. Потом его сохранили. В 1990-е приехали, когда ни знакомых, ни друзей, но, нормально, выжили. Дальний Восток дает свой полезный результат. Привык — и тебе не страшно ничего. Поэтому переезд перенесли легко. Здесь, в Борисоглебске, ходили, как говорила, за грибами, мужики собирали вишню...

— В Борисоглебске все улицы — во фруктовых деревьях. Волынец:

— В лес за смородиной. Там вдоль дорог кустарники. Кто как...

— Кто по стране поездил, у него совсем другое понимание страны...

— Патриоты!

— Вы сколько раз ее пересекали...

— В основном на самолетах, а когда переезжали на Запад (с Дальнего Востока), решили проехаться по всей стране на поезде. Вот мы неделю ехали всем семейством и плюс с нами сибирский белый кот. Умный.

— Байкал... Урал...

— Да, все это перед глазами. Посмотрели на Россию нашу убогую, — произнесла с горчинкой.

— Пусть, до слез, но все наше...

Волынец:

— Наверно, так...

— Вот в Ейске, курортное место, и вдруг вы с мужем — на Дальний Восток? Ваши родители не возражали?

— А у меня мама с отцом познакомилась на Дальнем Востоке. Во Владивостоке. Я родом оттуда. Отец там в море ходил, мама зарабатывала деньги как-то, там познакомились...

Вот наши семьи, у которых родина — вся страна.

Волынец:

— Вот и получилось, мы познакомились с мужем в Ейске, а родители — с Дальнего Востока, и я не ждала, не гадала, а опять — на Дальний Восток...

— После всех переездов вы добрались до Борисоглебска. Новое место... Как вам здесь?

— Я не знаю, какие у вас отзывы о Борисоглебске, но для нас тяжелый город. Тяжеловато здесь. Ну, вот мы приехали на вокзал, особо нас в Борисоглебске как-то не ждали. Когда боевой полк, там отношения совсем иные. А здесь — другая стезя. Так оно и оказалось. Но про это распространяться не хочется.

— Мне понятно. Вы сказали, боевой полк. Гарнизон. Там все — в одном кулаке, будем так говорить. А здесь — хотел сказать, но только подумал: «Расслабуха».

Волынец:

— Здесь что? Он училище окончил и никуда не уезжал. А потом раз — и полковником стал.

Одно дело — стать полковником в боевом полку, пройдя весь напряг, вылеты, а другое — в учебном, где в сравнении с настоящей службой «курорт».

— Не прошел «школу»... — вылетело у меня.

Волынец:

— Ну вот. И отношение там: где-то боевой летчик, может, чего-то по местным меркам не умеет... Оно же на самом деле-то не так.

Конечно, в тиши служба, какой-нибудь крючоктвор...

— Там по-другому... Но отзывы тех же курсантов всегда только положительные.

Далеко за примерами ходить не надо было. В военной академии, которая у меня за забором, начальником был генерал, который ни разу не сидел за штурвалом. А командовал авиационной академией, преподавателей заваливал составлением планов, писанием бумаг. Под проверяющих: «Вот какая большая работа у нас ведется!» А по сути-то пшик. В пропитанной канцеляризмом атмосфере разве может что-то вырасти толковое?

— Он же практик... — сказал о полковнике Волынце.

Его жена:

— Постоянно говорили с ним, летали...

— А у Сергея были какие-то учителя?

— Он помнил классного руководителя в 5-й школе, она русский язык, литературу вела у них.

— Сын распределился...

— В Буденновск, без всякого блата. Там ничего не было. А потом — в Приморско-Ахтарск.

— Он говорил: «Мам, пап, помогите»?

— Ничего не просил. Папа другим помогал, а сыну: «Сам решай свои проблемы». Может, и поддерживал. Переговорил там, мужики, если сильно надо, то помогал. Я мужу говорила: «Нужно отслеживать полеты сына. Его где-то... Ты пойдй скажи...»

— Отец ведь...

— А перевод из Буденновска?

— Перевелся в Приморско-Ахтарск. Ребята, с которыми он служил, помогли.

— А потом в академию нацелился?

— Да, хотел поступать на следующий год.

— В каком звании он уже был?..

— Майор. 5 марта 2022-го получил первый класс. Летчик первого класса. Он знал, что документы отправили на 1-й класс. Летчики бывают 3-го, потом 2-го и выше 1-й.

И потом только — снайпер. И он не узнал даже, что получил 1-й класс. Ему 5 марта подписали, а 8 марта он погиб.

3

«И у меня до сир пор на Ватсапе его номер и эсэмэска неотвеченная...»

Он вернулся в школу орденосцем

— А как получилось, что Сергей Волынец поехал на Украину?

— Был приказ, и все полетели... Мы разговаривали по телефону, как полеты. У меня больное сердце, и он старался меня не расстраивать. Общались. «Ты полетал? Как дела?» — «Мам, все нормально». По телевизору же у нас показывают, что все хорошо.

— Ребятам достается...

— Он: «Мам, такое творится, кошмар».

— Выдержи все это...

— И он там к тому же заболел коронавирусом. Они все позаболели, попростывали ребята. Никого ведь не отпускали. А первые дни там вообще очень тяжело было. Они же летали, спали по два, по три часа.

— Мне рассказывали, что в Сирии летчики сначала тоже без передыха — прилетел, заправился и на вылет...

— Все эти бомбежки...

— От меня аэродром Балтимор километра за два-три. И дача, кстати, за Балтимором, в километре. И как с 6 утра 24 февраля загудело-загудело... Ребята полетели долбить...

— А его последние дни?

Волынец:

— Разговаривали только по телефону. Никакой информации. Все это как бы быстрее-быстрее. Никаких разговоров особенных не было.

Еще бы: не спать...

Волынец:

— Старались друг с другом всегда быть на связи. Вот он отлетал, шлет эсэмэску: «Я отлетал. Я спать». Он звонил каждый день. Никаких волнений не было...

Внешних.

Волынец:

— Такая связь.

Я помолчал:

— И вот он не позвонил...

— Да. И я стала обзванивать знакомых, сослуживцев. Спрашивала: «Где ваш сын?» Мне говорят: «Все спокойно». Ну и успокоилась. Он наемни мне говорил, что должны в Таганрог перелететь. «Ну, наверно, — думаю, — меняли место дислокации. Аэродром поменяли». Буквально прошло минут 20, 30, мне жена его звонит, говорит: «Мама, Сережи больше нету...»

Снова молчали, а потом Елена Волынец:

— И все... Вот мы с ним утром 8 марта созвонились, — мать волновалась и в чем-то повторялась. — Он: «Все, полетел». Я ему: «Пока-пока, позвони». И все... В 12:57 его сбили, оказывается. Сбили над селом Маринополь¹ в Запорожье. А в 13:05 я ему звонила на Ватсап. И тишина с этих пор... — всхлипывала. — Но до сих пор ждем его... Верим...

Потом:

— Погиб 8 марта.. Десять дней нам... пока ДНК, пока то да се. Пока привезли... И у меня до сих пор на Ватсапе его номер и эсэмэска неотвеченная...

Я — очень осторожно:

— Почему и хотим в книге живыми оставить таких ребят...

Потом все-таки спросил:

— А по обстоятельствам: как погиб? Что вам известно?

---

¹ Маринополь — село в Розовском районе Запорожской области.

Майор Вольнец

— Он выполнил задание. Они слетали, отбомбились. И на обратном пути его сбили ракетой. Вот он был ведущим, и его сбили.

Как Олега Пешкова в Сирии: подло, в спину...

Вольнец:

— Говорили, что в Киеве радовались... По телевизору показывали, что сбили. Знакомая у меня, у нее мать на Украине, она сама из Москвы, она сюда на прощание приезжала. Созванивались, и фамилия знакомая. Вот муж служил. И по телевизору показывали похороны из Приморско-Ахтарска. Когда туда привезли гроб. Не открывали. Естественно, там... Что собрали... Они там радовались. Сбили летчика российского: «Ура! Ура!...»

На сайте Приморско-Ахтарска сообщили:

«Сегодня, 17 марта, в Приморско-Ахтарском районе состоялось прощание с летчиком, командиром авиационного звена, участником боевых действий в Грузии и Сирии, майором Сергеем Михайловичем Вольнцом. Об этом рас-

сказал глава муниципального образования Максим Бондаренко в своем Telegram-канале.

“За боевые заслуги награжден орденами и медалями, в том числе медалью ордена за заслуги перед Отечеством”, — написал Бондаренко.

Также он сообщил, что Сергея Волынца посмертно представили к государственной награде — ордену Мужества».

Видно было, при каком стечении людей прощался город со своим летчиком. На подушечках лежали его награды. Стоял почетный караул. Шеренгами — кадеты. И никто не хотел уходить...

— А похоронили?

— В Железноводске, на кладбище за городом... Я живу в Железноводске, и здесь на кладбище... На прощание приехали сослуживцы, но мало, потому как там боевые действия шли. Подключили здесь администрацию. Военкомат. Все приходили, все помогали. Очень много венков. Могила была завалена цветами...

— А какие-то отклики?

— В Борисоглебске писали в газете. На Пролетарской, где мы жили, собираются сделать памятную доску.

— А в полку в Приморско-Ахтарске, Буденновске?..

— Не знаю...

— В музее в Борисоглебске пока стенд только Фетисову, тоже погиб. Там витрина, и в ней его форма, фуражка, — я говорил, сам желая там скорее увидеть витрину майора Волынца.

— Да, да. — Елена Валентиновна соглашалась с моими тайными мыслями.

Просил фотографии...

И узнал, что семье майора Волынца досталось в Великую Отечественную от фашистов.

Волынец:

— Его дед по отцу с теткой в концлагере были... Это же Белоруссия...

И вот внук схлестнулся с фашизмом.

— А награды?

— Медали... Такая, с мечами... Орденом Мужества наградили сейчас... Он у жены. Ей вручали...

Мне прислали фото удостоверения о награждении Волынца орденом Мужества. Указ был подписан 22 марта 2022 года.

Увидел я и удостоверение о награждении его медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами два года назад. Указ о награждении был подписан 19 июня 2020 года. Он получил ее за Сирию.

Выпускник Краснодарского летного училища воевал-воевал и погиб.

Я связался со школой № 5 в Борисоглебске, которую окончил Сергей Волынец, и попросил помочь поговорить с кем-нибудь из его учителей. Мне дали телефон его классного руководителя, Натальи Юрьевны Хижняк. Вот я созвонился с бывшей классной дамой.

— Я у Сережи в 10-м и 11-м классе была классным руководителем, — рассказывала учительница. — Он школу окончил в 2006 году.

— А если не секрет, вы что преподавали?

— Учитель химии.

— А окончили?..

— Воронежский государственный университет, химический факультет...

Знал, что у многих школьников отношение к учителям химии было особенное.

— А что это за класс был, где Сергей учился?

— Вы знаете, сложно ответить. Ведь это было шестнадцать лет назад. Вообще дети запоминаются, которые, либо скажем так, хулиганы, либо выдающиеся какие-то способности... А Сережа не относился ни к тем, ни к другим.

— И все-таки класс какой?

— Знаете, класс был невыдающийся, скажем так. 10-й класс собирался из нескольких классов. У нас классов шесть было параллельных, и из разных классов приходят дети. В основном класс из девочек. Мальчиков было мало. Четверо или пятеро. Вы знаете, я не могу сказать, что Сережа был замкнутым. Но каких-то его действий запоминающихся я не помню.

Из классов с невыдающимися учениками выходили скромные парни, которые проявляли себя Героями, — я вспомнил Романа Филиппова, скромнягу из школы № 85 в Воронеже.

Учительница:

— Он учился. Поводов вызывать его родителей не было.

— А профессию выбрал неожиданную?

— Ну, почему же неожиданную.

— Не все же идут в летчики.

— У него отец — летчик. И по стопам отца пошел. Здесь ничего нет неожиданного. Он поступил в военное училище без проблем.

— А как разошлись ученики по жизни?

— Большая часть — в институты. Например, Серезин одноклассник поступил в МГУ, на химический факультет. Сейчас там работает. А потом ведь жизнь всех развела...

— Сергей потом в школе появлялся?

— Нет...

Учительница сама окончила школу № 5 и в ней преподавала, и вот Сережа окончил школу и теперь в нее вернулся орденосцем.

4

Рассказ ведомого

Я еще поговорил с матерью Сергея Волынца 23 августа, и она мне сказала:

— 8 марта (когда погиб) он вылетел на задание в паре. Он летел ведущим, за ним его однополчанин — ведомым... Хотите, я вам сброшу его телефон и поговорите...

— Конечно, — сказал я.

В этот же день я позвонил ведомому, и он мне рассказал:

— Это произошло 8 марта. Там рядом Марьинка...

Я не стал вдаваться в географические подробности, зная, что для самолета десятки километров — это пустяк.

— Сначала нам дали задачу, — говорил ведомый с красивым русским именем Константин. — Мы пошли, подготовились, сели в кабины. Ждали команду на вылет. Но задачу отменили. Мы вернулись обратно. Сидели. Прилетел наш товарищ с другого типа самолетов. Он сказал, что его обстреляли. Сам не видел откуда, но сказал: «Вот бы сейчас жене был подарок!»

— Еще бы, 8 марта... А ведь у вас служба без выходных и проходных.

Ведомый:

— Потом мы пошли на задачу. Два самолета.

— Вы и Волынец.

— Да. Туда шли молча. Только он мне сказал: «Переходи на третий». Ну, на канал. Шли молча морем. Бердянск прошли — и туда. Отработали, отманеврировали — и на обратный путь. Только закончили маневр, убрали крен — и прилет справа в него.

В самолет Волынца.

Ведомый:

— Огромный взрыв. И только успел увидеть, как самолет падает.

— Видели, как падает.

— У меня шок. Злость...

— Как, как? — не расслышав, повторил: — Шок. Злость...

— И потерянность...

— Еще бы. Взрыв!

— И, понятно, страх...

А что — нет? Рвануло.

Я уточнил:

— Крен, прилет справа, взрыв, шок, злость, страх. И что дальше?

— Уходил. Как можно ниже. Ну, уже дошел до береговой черты. До моря. А там уже поднялся (на высоту). Доложил...

— Как думаете, из чего выстрелили в самолет?

— Мое личное мнение — из С-300...

— Взрыв, и вы не видите, куда самолет, что...

— Почему, я же рядом... В 20 метрах... Просто падал...

— Он шел впереди?

— Да...

— А на сколько метров впереди?

— Я же говорю, на 20...

— И теряете его из виду...

Хотел спросить: катапультировался ли Волынец? И что потом? Рассказал про Романа Филиппова. Когда его самолет сбили, ведомый два раза заходил и долбил «бородатых», которые на джипах устремились к летчику. А только когда истекал запас топлива, ушел на базу в Хмеймим.

И спросил:

— А на какой высоте вы шли?

— 25—30 метров...

— Разве мог он катапультироваться...

Ведомый:

— У них другое...

Я простился с ведомым, пожелав ему удачи.

В ушах стояли слова летчика: «Вот бы сейчас жене был подарок!»

Майор Волынец погиб 8 марта.

Стоит на Мамаевом кургане Родина-мать.

Ее рот разрывает от крика.

И от боли...

И она подняла меч...

И ее не сокрушить...

Рассказ однополчанина

Мне удалось поговорить с еще одним однополчанином Сергея Волынца, Дмитрием Власовым.

Власов рассказал:

— Я служил в Буденновске в 2011 году командиром звена, и ко мне в звено пришел Серега. Звено было такое дружное. Четыре человека — я, Кирилл Богачев, он и Артем... 3 сентября три года, как Артем разбился в авиакатастрофе: выполнял полет и не вывел самолет из пикирования...

— Опасная служба... И что это за новичок пришел к вам?

— Серега — молодой. Хороший. С ушами смешными.

— Как у меня, — я вспомнил, как сестра меня таскала за уши.

— Мы дружили семьями. Друг к другу в гости ходили. Вечером, после того как какой-нибудь результат по летной профессии достигли, могли собраться дома и отметить.

— А служба?.. В 6 встать, в 12 вернуться...

— Бывало, и раньше вставали, в 3, в 4 часа приходили. Полеты до 6. А приходиться надо за 2, 3 часа. Полеты в 6 часов, а ты в 3 ночи встаешь. Ночью приезжаешь. На расвете... Потом — поговорить, тем более если парой, как полет собираемся выполнять. И это — каждый день. И плюс командировки, учения... Серега летал... Он был, как рыба в воде... Бывают у летчика трудности в освоении какого-то элемента, а у него все легко получалось...

— Неужели у него все шло гладко?

— Почему же? Года три назад он лечился. У него нашли опухоль в животе. И сделал операцию, чтобы летать. Не летал после операции года полтора. Очень хотел летать, восстановился быстро. Служил... А я в это время перевелся в Приморско-Ахтарск. Один перевелся, а там хорошее место. Потянул за собой и Серегу...

— А переводиться трудно? Ведь командиры держатся за хороших летчиков...

— Нет, не трудно. Командир знает, что Серега — хороший человек. Ответственный. И командир дивизии согласился на перевод, тем более в дивизии перевестись не трудно. Перевелся тоже на равнозначную должность. Он тоже командиром звена стал.

— А сменить профессию не хотели?

— Серега видел себя только летчиком. Одно время мы хотели уйти из армии на гражданских летчиков. Но в итоге не смогли все-таки планку перейти... стезю переломать с военного летчика на гражданского...

— И все-таки Серега, как вы его называете, какой?

— Он любил подшутить. И так серьезно подшутить, что некоторые обижались. Но с ним было весело...

— Незаурядные ребята...

— В компании так пошутит, что ржут... Очень весело было...

— Помните фильм «В бой идут одни “старики”»... Летчики — это что-то особенное... И шутники особенные...

— Всякое бывало... Полетели, помню, и на повороте у меня связь отказала. Он подлетел ко мне, смотрит на меня. А у меня скорость падает, падает, он: «Дима! Скорость-скорость...» Мед любил... Ел ведрами... В Борисоглебск ездил, в Железноводск к маме...

— Мне говорили, в ваших конкурсах участвовал...

— Да, один раз с Сергеем были в Рязани, на учениях «Центр-2021». А так Евкуров награждал его за «Авиадартс».

— Туда не просто попасть...

— Как правило, в полку отбирают самую лучшую пару. Но с перспективой, чтобы не только на российский тур, но и на международный. Серега в полку из двух пар занимал первое место. И по физическому развитию, и по летным навыкам. Потому что в «Авиадартсе», помимо летных навыков, техники пилотирования и боевого применения, нужно было показать и физические нормативы. Самое главное —

это летные качества: техника пилотирования и боевое применение. Помимо того, что от самолета очень зависело, так и от ведущего зависело. Процентом 70—80 от ведущего зависело. Ведомого...

— Выложились ребята.

— Они выиграли тур сначала в полку, затем — в дивизии. И в дивизии их отобрали от дивизии. Они в армии выиграли тур — он проходил в Приморско-Ахтарске. Потом поехали на всероссийский тур... Но до этого они несколько раз ездили и на международный турнир в Китай... И в Китае выиграли...

Я все больше ощущал, какую потерю понесла армия.

— А награды? На прощании на подушечке их пять...

Майор Волынец во время выполнения боевого задания

— Награды у него за Сирию... В 2015 году он попал в Сирию. Я ушел в академию учиться, а Серега успел в Сирию смотаться раза четыре или пять... Он получал грамоту от Президента... В рамочке у него стояла... И теперь посмертно орден Мужества вручили.

— Мне рассказывали: в Сирии нагрузочка была большая: приземлился, заправился, бомбы подвесили — и на взлет...

Власов:

— Там всякое бывает: и четыре-пять вылетов и один... В среднем берем: нагрузка — три вылета на человека в сутки... Это большая нагрузка... Очень сильно устаешь от этого и морально, и физически... Не видишь, что там происходит, когда бомбы сбрасываешь, но тем не менее...

— Летишь и смотришь опасности в лицо...

— А как же иначе?..

— Мне его ведомый, Константин, рассказал, как в 20 метрах от него взорвалась ракета... Она попала в самолет ведущего... Мне вспоминается полковник Хабибуллин, он в Сирии воевал. Раз зашел на игиловцев, второй раз и третий... Долбил их...

— У нас в тактике написано: один заход делается. Второй — точно в тебя уже прицелятся...

— Да, и Хабибуллин все равно стал Героем... Я про отношение человека говорю...

— С одной стороны — просто зайти на цель, а с другой — когда ты знаешь, что там кто-то гибнет, надо спасать...

— Зависит от ситуации... В части как восприняли, что сбит?..

— Когда нет человека, близкого друга — слов нет. Все молчат... Глубокая тишина, и все молчат... Все эфир слушали. По крайней мере, я эфир слушал. Я как раз полетел, летел в другое место и когда перешел на канал ведомого, он говорил: «Ведущего сбили». Я даже определил по голосу, что это Костян (ведомый Волынца). И первая мысль: «Ну, сбили, может, катапультировался. Может, что. И его запра-

шиваем: «Ты видел парашют?» Он: «Я видел парашют». Если парашют видел, значит, мог спастись...

Мне про парашют Константин не говорил, хотя я и не спрашивал.

— Ну и все, слетал, прилетел. Скорее бегом на КП. Командира спрашивать. Командир говорит: «Видели парашют». К нему типа сейчас пехота подойдет. Чтобы туда пробраться, необходимо было выдвинуться группе разведки. Подождали, выдвинулись и сказали: «Летчика не нашли...» Пехота, она не понимает: ну, самолет разрушен, летчика не нашли, а почему? В этих обломках очень тяжело найти человека. Ну, потом, как я понял, со временем они досконально все изучили и нашли останки Сереги... И уже доложили: «Все, нашли». Типа он погиб... А никто ведь ничего не говорил. Все молчали, все надеялись: его сейчас на вертолете привезут. Никто не говорил, просто ждали...

— Мне ваши чувства понятны. Я в 1968 году на Байконуре жил — у меня папа там служил. И как раз Юрий Гагарин погиб. Мы в классе никто не верили...

— Где похоронили?

— Я его в Железноводск отвозил... Похоронили его в начале кладбища. На почетном месте. И похоронили рядом с большими деревьями и стеной из камней. И все в горах, склонах...

— Величественное место...

— А память?

Власов:

— У нас в домике, где мы между полетами отдыхаем, стоят фотографии Сереги и Антона (еще погибшего). И перед каждой фотографией — стакан с водкой и черный хлеб.

Я физически почувствовал шершавую корку хлеба и как спиртом обожгло мне рот. Я тоже помянул летчика.

5 сентября 2022 года

МАЙОР КАЛМЫКОВ

1

Герой-спецназовец

Придя в очередной раз почтить память Героя России Романа Филиппова, в конце Аллеи Славы я остановился около оградки, обвешанной венками, и на табличке на кресте увидел портрет майора со Звездой Героя на кителе и прочитал:

«КАЛМЫКОВ
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
08.12.1988—11.04.2022».

Я задался вопросом, кто это такой.

Работники кладбища мне толком ничего пояснить не смогли, хотя сказали, что следит за могилкой кто-то из родственников.

При этом заметили:

— В отличие от других...

За могилой Калмыкова следили...

Как и за могилой Романа Филиппова...

Задавшись целью узнать, кто такой Калмыков, я нашел на сайте «Герои страны»¹ справку:

«Калмыков Алексей Николаевич — заместитель командира отряда воинской части специального назначения Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, майор...

Окончил среднюю школу № 28 в Астрахани... более десяти лет прослужил в частях Главного разведывательного

---

¹ https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=32739

управления... заместитель командира отряда спецназа... В 2014 году участвовал в операции по возвращению Крыма в состав России...»

На сайте губернатора Астраханской области нашел сообщение:

«Торжественное открытие состоялось 21 августа, в День офицера России.

На фасаде астраханского регионального отделения ДОСААФ увековечили имя спецназовца Алексея Калмыкова.

Заместитель командира отряда спецназа Министерства обороны Российской Федерации майор Алексей Николаевич Калмыков принимал участие в специальной военной операции на Украине: со своим подразделением он выполнял сложные задания на передовой.

К марту 2022 года, когда начался основной штурм Мариуполя, майор Калмыков был неоднократно контужен, получил минно-взрывную травму, множественные огнестрельные и осколочные ранения обеих ног, но поле боя не покинул.

11 апреля, при обходе мариупольского морского порта, Калмыков заметил, как из-за угла здания в спецназовцев выстрелили из ручного огнемета. В последнюю секунду командира закрыл собой радиста и спас его ценой своей жизни.

Алексею было только 34 года.

За подвиг, совершенный при освобождении Мариуполя, майору посмертно присвоено звание Героя России.

Он стал первым астраханцем — участником спецоперации, удостоенным высокой государственной награды.

5 июля 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ о присвоении Алексею Николаевичу Калмыкову звания Героя России (посмертно).

13 июля в Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в Воронеже Звезду Героя вручили родителям Алексея.

Мемориальную доску в День офицера России открыла мать спецназовца Любовь Александровна Калмыкова. В честь Алексея Калмыкова прогремел оружейный залп почетного караула»¹.

Еще на сайте Проза.ру находим:

«Калмыков Алексей Николаевич... родился 8 декабря 1988 в Астрахани... зам. командира войсковой части 87579, командир отряда спецназа МО России...

В спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины принимал участие практически с самого ее начала. Спецназовцы выполняли самые сложные задачи, действуя, как говорят, на “передке”. В феврале майор Калмыков со своими подчиненными прорывался к Мариуполю, где противник сосредоточил большое количество не только своих вооруженных сил, но националистов из полка “Азов”. Там же осталось много местных жителей, которым националисты намеренно не давали покинуть город и прикрывались ими как живым щитом. Колонна российского спецназа, шедшая в направлении города, попала в засаду. Огонь был плотным, били со всех сторон. Алексей не потерял самообладание, отдавая четкие указания, вывел своих из-под огня противника, и спецназовцы вступили в бой. И так — изо дня в день, от рубежа к рубежу, освобождая населенные пункты, сквозь огонь противника, спецназовцы с боями вышли к окраине города...»²

2

Слова астраханцев

На открытии мемориальной доски в Астрахани собрались военные, друзья и родные погибшего, раздались

---

¹ <https://bloknot-astrakhan.ru/news/v-astrakhani-otkryli-memorialnuyu-dosku-uchastniku-1513324>

² <https://proza.ru/2016/03/28/357>

залпы почетного караула. Право открыть мемориальную доску предоставили матери Героя, Любови Александровне Калмыковой. К ней и собравшимся обратился депутат Думы Астраханской области, сам участвовавший в боевых действиях, Денис Харитонов:

— В одном замечательном фильме сказали: «Есть такая профессия — Родину защищать». Для меня офицер — это человек, наделенный особым божьим даром, человек, который взял на себя ответственность и мужество всю свою сознательную жизнь посвятить служению своей Родине. Не зря офицеров называют отцами-командирами. Это высокое звание не каждому дается, и не каждого мужчину могут так назвать, а только того, кто действительно уважаем, достоин и является человеком большого мужества. Хочу выразить особую благодарность ветеранам — офицерам, которые сейчас в отставке, но продолжают большую работу по патриотическому воспитанию молодежи и делают это достойно. Среди их воспитанников — наши ребята, которые сейчас выполняют задачи по уничтожению фашизма на Украине. К сожалению, не все наши товарищи возвращаются с поля боя... И это очень символично, что именно в День офицера России мы открыли памятную доску в честь одного из достойнейших сынов астраханской земли — Алексея Николаевича Калмыкова¹.

Заслуженный военный летчик России, полковник Евгений Туркин сказал:

— Мы собрались, чтобы отдать дань уважения одному из офицеров, который достойно выполнил свой воинский долг. Честь, доблесть, готовность к самопожертвованию — это те качества, которые всегда были присущи русскому, советскому офицеру. И именно эти качества проявил майор Алексей Николаевич Калмыков. И, к сожалению, посмертно, ему было присвоено звание Героя России. Это гордость нашей страны, это гордость семьи, это гордость

---

¹ <https://astravolga.ru/news/astrahantsy-pochtili-pamyat-zemlyakamayora-kalmykova-/>

Майор Калмыков

нашего Астраханского региона. Мы пришли не только для того, чтобы поприсутствовать на открытии мемориальной доски, но и для того, чтобы в пояс поклониться Любови Александровне за воспитание сына, достойного офицера и патриота. И в ее лице — матерям, женам тех парней, которые и сегодня, не жалея своих сил и не щадя своей жизни, защищают правду, защищают нашу Россию. Желаю всем мирного неба над головой и заверяю, что ребята погибли не просто так, что они отдали свои жизни за правое дело, и это дело будет обязательно доведено до конца. Все неонацистские преступники будут однозначно покараны — кто что заслужил. А мы всегда будем помнить своих героев и гордиться ими. Никто не забыт, ничто не забыто¹.

¹ <https://astravolga.ru/news/astrakhantsy-pochtili-pamyat-zemlyaka-mayora-kalmykova/>

В завершение церемонии прозвучала песня «Господа офицеры».

Теперь я искал возможность встретиться с родными Алексея Николаевича и поговорить с ними о том, как Леша рос, кем хотел стать, как выбрал стезю военного. Но, не имея иной возможности встретиться, ездил на Коминтерновское кладбище и у могилы майора ждал, когда кто-нибудь придет. Написал письмо родным с просьбой о встрече, которое оставил в конторе кладбища, но мне никто не звонил.

И успокаивал себя: ты приходишь проведать Героя, чего еще надо? А что не встречаешь родных, могилу ведь содержат в порядке. Ее при каждом моем визите убирали курсанты, как и другие могилы военных на Аллее Славы.

И само собой во мне рождался рассказ о детстве, юности, молодости и боевом пути спецназовца из Астрахани, который может родиться и в душе каждого.

Совсем рядом с могилой майора упокоился скульптор Иван Дикунов¹, которого я знал, и он мог бы отлить бюст Калмыкова, но и это не встревожило меня: не сомневался — памятник сделают другие ваятели.

3

Дань памяти в академии

Я читал о том, что Звезду Героя вручили родным Алексея Калмыкова в Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, и, вспомнив, что знаю заведующего кафедрой академии полковника Юрия Федоровича Семоненко, позвонил ему. Когда я писал книгу «Герои Сирии. Символы российского мужества»,

---

¹ Иван Павлович Дикунов (14.04.1941–25.04.2022) — советский и российский скульптор, лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный художник РСФСР, народный художник Российской Федерации.

Семоненко рассказывал об Олеге Пешкове¹. Позвонил ему, и Юрий Федорович меня обладежил:

— Он у нас учился...

Вот почему вручение прошло в академии.

И я узнал, как торжественно, со всей силой скорби и почтения подвигу майора прошла церемония вручения в академии. Стоял почетный караул. Стояли юнармейцы, курсанты, офицеры. А перед ними у памятников Жуковскому и Гагарину — родные Алексея Калмыкова. Вот офицер с поднятой саблей доложил начальнику академии генерал-полковнику Зиброву. Вот курсанты принесли грамоту о присвоении звания Героя и коробочку со Звездой. Начальник академии вручил их родным Героя.

Академия вспомнила своего когда-то курсанта Калмыкова, прошедшего путь от лейтенанта до майора, защищавшего Россию от боевиков на Кавказе и спасавшего русский мир на Украине.

На Аллее авиационной славы в академии на плите теперь выбито имя Героя — майора Алексея Калмыкова.

Теперь я все больше узнавал об этом юноше, выросшем в яркого офицера. Он в августе 2006 года поступил в военное учебное заведение и в 2011 году его окончил. Служил командиром взвода радиопомех роты радиоэлектронной борьбы 205-й отдельной мотострелковой бригады, уже через год стал заместителем командира группы специального назначения, потом — командиром группы и вот — заместителем командира отряда бригады спецназначения.

Участвовал в боевых действиях в Чеченской Республике с апреля 2019 по январь 2020 года и с декабря 2020 по март 2021 года.

Награжден медалью Суворова!

---

¹ В моей книге «Герои Сирии. Символы российского мужества» есть рассказ Семоненко о Герое России Олеге Пешкове, с которым он вместе служил.

А.Н. Калмыков

Про медаль Суворова читаем: медаль Суворова является одной из наиболее элитных наград среди военных. Стать ее обладателем можно за выдающиеся заслуги перед державой или подразделением, связанным со значительными рисками для жизни.

Такой награде и послужному списку позавидовал бы любой настоящий офицер!

4

Воевал в Донбассе

В представлении Калмыкова к званию Героя России прочитал многое, что дополняло рассказ о его подвиге.

«Майор Калмыков Алексей Николаевич, заместитель командира... отдельного отряда специального назначения...

отдельной бригады... с 24 февраля 2022 г. принимал участие в специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины».

Не отсиделся дома!

Читал дальше:

«В ходе проведения операции являлся командиром... штурмового отряда. Умело руководил подчиненными, что способствовало успешному выполнению всех поставленных боевых задач. Постоянно находился в первом эшелоне на наиболее опасных направлениях наступления».

За этими словами скрывались бои, риск жизнью и стремление скорее денацифицировать Украину.

Майор Калмыков на стрельбище

Дальше:

«28 февраля 2022 г. в районе населенного пункта Тополиное отряд вступил в бой с превосходящими силами противника. Офицер грамотно и оперативно организовал вывод личного состава и техники из-под обстрела, лично управлял огнем ствольной артиллерии. В результате смелых и решительных действий майора Калмыкова А.Н. и его подразделения было уничтожено до взвода пехоты противника, созданы условия для овладения населенным пунктом Старый Крым».

На карте нашел Тополиное, от которого через Старый

Крым лежал путь к Мариуполю. 2 марта 2022 года Старый Крым был освобожден и наши войска приблизились к морю.

«Майор Калмыков А.Н. особо отличился в боях за Мариуполь.

В период с 7 марта по 11 апреля 2022 г., в условиях непрекращающихся перестрелок с неонацистами, его отрядом освобождено несколько кварталов частного сектора города. Лично офицером были уничтожены более 40 военнослужащих ВСУ, 10 единиц военной техники, в том числе 2 танка, взято в плен 7 военнослужащих пограничных войск Украины. Своим примером и мужеством вдохновлял подчиненных, был неоднократно контужен, получил минно-взрывную травму, множественные осколочные ранения обеих ног, но поля боя не покинул».

Спецназовец-командир.

Прочитал последнее:

«11 апреля 2022 г. в ходе штурма очередного здания офицер заметил, что по позиции подразделения произведен выстрел из РПО «Шмель». Проявляя исключительный героизм, майор Калмыков А.Н. закрыл своим телом от разрыва боеприпаса подчиненного радиста-разведчика и от полученных ранений скончался на месте».

Накрыл...

Видимо, в ту секунду, когда увидел гранатометчика, подумал не столько о себе, сколько о том, как спасти товарища.

Представление на присвоение звания Героя России написал генерал армии Дворников.

Всем жителям Мариуполя, кто не забыл ужасы нацистских издевательств, стоит помнить, что в одном из кварталов погиб майор Алексей Калмыков.

15 сентября 2022 года

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ХМЕЛЕВ

1

Стал истинным военным (рассказ матери)

Директор Борисоглебского историко-краеведческого музея Юрий Александрович Апальков, узнав, что я собираю материал о наших ребятах, сложивших голову на Украине, сказал:

— А почему моих земляков не хотите отразить?..

И вот меня связали с Борисоглебским райвоенкомом и дали адреса борисоглебцев, которые отдали жизнь в борьбе с нацистами. Одним из них оказался старший сержант Павел Хмелев, командир танка. Он погиб 23 апреля 2022 года под Дергачами¹ в Харьковской области. Его родные жили в Макашевке² под Борисоглебском.

Я позвонил маме Хмелева, и мы разговорились.

— Дина Александровна, а ваш сын когда родился?..

— 20 мая 1993 года... — ответила она.

— А из каких он краев?

— Из Иркутской области. Мы приехали из Сибири в Макашевку в 2010 году.

— Из Сибири и в Черноземье, — удивился я и спросил: — С чем связан переезд?

— Просто мы сами решили приехать сюда. Всю жизнь прожили в Сибири. А у меня отец умер, осталось наследство, я вступила в наследство в Макашевке. Так мы приехали сюда.

---

¹ Дергачи — город в Харьковской области Украины. Находится на реке Лопань, в северной части города русло реки сильно изрезано ирригационными каналами. Через город проходят железнодорожная магистраль Харьков — Москва и автомобильная дорога.

² Макашевка — село Борисоглебского района Воронежской области на границе с Саратовской, Тамбовской и Волгоградской областями.

Не на голое место.

Дина Хмелева:

— Здесь и живем. У нас ни родственников, никого нет. Мы сами по себе...

— Отец отсюда?

— Отец родом из Воронежской области, но он тоже здесь не жил, а жил в Сибири. В Забайкалье. Он шахтер. В Якутии. Мы все эти места прошли. И Павел родился там.

— Сибиряк — звучит гордо.

— Да, в Сибири. Это я в детстве ездила по Забайкалью, а потом мы с родителями приехали в Иркутскую область. Там Пашка у меня родился, — повторилась мама.

Я прикинул возраст мальчика и сказал:

— Получается, Паша приехал из Сибири в семнадцать лет...

— Да, в семнадцать.

— А какой семьей вы приехали?

— Шесть человек на тот момент...

Семья из шести человек переезжала с места на место!

Такое в истории моей страны происходило сплошь и рядом.

— И как вам здесь?

— Да ходили и рассматривали. Здесь все цвело и пахло...

Не то, что на Севере.

— Для нас это было, как будто мы попали туда, куда надо... Как будто мы всегда здесь жили.

Конечно, это же не Север.

— Школу Паша заканчивал здесь?

— Нет, он там закончил школу, в Усть-Илимске.

— А как учился?

— Нормально, закончил школу. Если вас интересует поведение, уроки, скажу: в школу если и вызывали, то нечасто.

— Он старший в семье...

— Да, старший...

— Помощник.

— Конечно.

— А какие интересы были у сына?

— В семнадцать лет пробудилась тяга к компьютерным делам, к технике. Он подключал Интернет людям, на крыши лазил...

— Продвинутый паренек...

Мы говорили, и я все больше узнавал.

— Вот вы приехали извините за нескромный вопрос, вы уже на пенсии?

— Нет, на пенсию я пойду только в следующем году, — немного удивилась моему вопросу и рассмеялась.

— Вы трудились... — говорил осторожно, боясь снова поставить маму Паши в неловкое положение.

— Да нет, не трудилась, я сидела с детьми. Я по профессии делопроизводитель. Но когда у меня появились Паша, потом дочь, меня просто не брали на работу. У меня Паша — самый старший. И еще... Сейчас я нахожусь в Ивановской области, у следующего сына... Он в ВДВ...

Я разговаривал с матерью Павла Хмелева, детей которой разбросало по стране, и от этого наш разговор становился теплее.

— Вот вы в Макашевке. 2010 год. И как дальше по жизненной дорожке Паша?..

Дина Хмелева:

— Он сначала работал вахтами в Москве. В 2011 году пошел в армию. Служил во Владимире. В каких-то танковых войсках. Ремонтные, танковые. А потом он еще служил во Владикавказе. В это время — что-то в Грузии. Они там охраняли какой-то тоннель.

— А когда вернулся со срочной?..

— Работал, где придется. В Москве, на стройках. В 2014 году пошел с другом в райвоенкомат в Борисоглебске. Ему предложили пойти по контракту в Москву, в Мурманск и еще куда-то. Он выбрал Мурманск. Прошел медкомиссию и уехал в Мурманск. Так там и остался в Печенге Мурманской области.

— Вот он служит...

— Ему нравилось. В артиллерии себя попробовал, что-то не сошлось. И он как по срочке служил в танковых войсках, так и теперь пошел в танковые.

— Как его должность называлась?

— Командир танка.

— Вот 2015-й, 2016-й...

— Служба шла нормально. Ни в какие командировки — ни в Сирию, никуда — он не ездил. Стал собранным. Если раньше был собранным, то теперь — четко собранным. Дисциплинированный. Года два-три, как командиром танка стал... На парад два раза ездил...

— В Москву?

— Два раза участвовал. В этом году тоже, как бы говорил, поедет... Но вот...

— Он восемь лет служит, живет в гарнизоне...

Дина Хмелева:

— Да, в служебной квартире. Женился на Наде. Сын Егорка родился...

— А по характеру?

— У Паши характер боевой. Его, конечно, уважали, — мать вздохнула. — Его боялись. Он у нас большой товарищ.

Я понял:

— Илья Муромец.

— Да. Большой, высокий. Мог одним голосом поставить лейтенанта на место, а сам-то сержант. Имел вес. И там его уважали. И на Украине...

— Он мыслил куда-то дальше по службе?

— У него со зрением одно время были нелады. Он хотел зрение подлечить и дальше учиться. Он дослужился до старшего сержанта, и не было дальше движения. А он хотел поучиться и дальше идти. Мы все смеялись: до генерала.

— А чем не генерал, который был сержантом! Это же только приветствовать надо...

— Вот, не стал...

— А куда хотел?

— Пока не определился, но служить и учиться...

— Приезжал к вам?

— Конечно, они и к нам приезжали, и мы к ним туда ездили. Они к нам в 2020 году, мы к ним — в 2021-м...

Вот подошли к цели моего общения:

— И как вы узнали, что поехал на Украину?

— Я узнала в декабре, что поедут на юг. Паша позвонил и сказал: «Мама, мы поедем в Курскую область. Там учения». Так мы узнали, и я ходила, нервничала, потому что родственники на Украине. В Харькове, в Сумах...

— И дальше...

— В январе они поехали... Но дело в том, что у меня там и второй сын служил с ним же. И вот они вдвоем поехали туда.

— Служили в одной части?

— Да. Паша старше, Рома — младше.

— В одном танке?

— В одном танке родственникам нельзя, и они были в разных взводах. Стояли под Курском. Палаточный городок там был. Все домой хотели приехать вдвоем, но не получилось. Так они и не приехали, потому что Паша у меня — командир танка, постоянно на связи. Постоянно отвечал за все. А Ромка помладше, наводчиком танка служил. Они так и не приехали, — повторила с горечью мать. — А 20-го числа он мне сказал: «Мама, не теряй нас, потому что мы поедем...» Туда-то и туда-то. Но мы уже знали, что будет что-то. Я даже брату двоюродному писала, он живет на Украине: может, случится война между нами. Потому что мои сыновья там-то, там-то. А он: «Да нет...» Все верили до последнего, что войны не будет. 23 февраля сыновья звонили. И сказали: «Мы ждем...» А как подписали договор с ДНР, ЛНР, мы поняли, что что-то будет. И все, 24-го они как заехали (на Украину), и тишина. Паша у нас на связь вышел только 28 февраля, а Ромка вышел на связь 6 или 7 марта. Я Паше звонила, теребила: «Паша, где Рома?» Рома попал в другую роту, другую бригаду, и Паша думал,

что Рома погиб. Рома считался как погибший. А потом там была 25-я бригада, не их 200-я Печенговская, а 25-я бригада, не помню, чья, и 25-я бригада мало давала информации, мало сведений о тех людях, которые у них были. Рома наш считался погибшим. Паша боялся нам сказать. Как мне сказали парни, которые с Пашей служили, он узнавал на счет Ромки, всех на уши поднимал, стучался вплоть до командиров, с ноги открывал двери, ходил, спрашивал: «Где? Где? Где?» А потом 6 марта Рома вышел оттуда. Оказалось, он попал под обстрел вэсэушников, потому что Ромкин танк первым зашел в Харьков, на перекрестке они его расстреляли. Ромка выстрелил, так как за оружием сидел, покинул свой танк, взорвал его, чтобы он врагу не достался. И вот они перебежками добирались до наших.

— Молодец...

Старший сержант Хмелев

— И потом они с Пашей встретились. Радости у них было... Ну а потом Рома сообщил мне, что Паша погиб.

— Паша выходил на связь?

— 28 февраля вышел на связь уже из России. По 9 марта был в России, а 9 марта он опять туда зашел. Он зашел, какого-то числа вышел оттуда. С апреля как он зашел, не выходил. Стояли они на месте, в Харьковской области. Вот моя последняя переписка с ним, — заглянула в телефон и читала: «Привет, мам, все хорошо. Домой не знаю когда. Жив, здоров, руки-ноги целы. Завтра постараюсь позвонить». Это 22 апреля. Я ему — эсэмэску: «Хорошо. Я завтра хочу симку купить. Мегафон. Номер скину потом». Он: «Купи, номер скинь, я позвоню вечером». Я ему: «Хоть отозвался. Я уже понапридумывала себе». Он мне: «Думать ни о чем не надо. Если молчу, значит, все хорошо. Береги себя, мам». Это было в 22:18. В субботу, 23 апреля, в 16:54 я ему послала... Но ответа не дождалась... А его уже убили...

— А обстоятельства гибели? — осторожно спросил.

— Попал под минометный огонь. Обстрел. И осколком его убило. Очень был большой минометный огонь... Но, как парни потом сказали, они мстили за Пашку и еще ряд погибших наших танкистов. У вэсэушников там подземные ходы, по которым они даже ездили на технике. И все у них закамуфлировано. Но они там сколько лет укреплялись? Это наши приехали туда, танками им вырыли, и они сидели в этих окопах. А вэсэушники выходили и массивным огнем долбили...

— Павел же воевал...

— Конечно... Что-то было...

— Вы говорите, Рома сообщил трагическую весть.

— Да, он приехал на Пасху (24 апреля 2022 года). Паша погиб 23 апреля, а 24 апреля Рома уже приехал домой. Я сидела. У меня настроения не было. И не помню, почему, но у меня дико болела голова. Просто до плача. И я ходила, словно чувствовала.

Сердце матери не обманешь.

Дина Александровна Хмелева:

— 23 апреля покрасила яйца. 24-го поехала к дочери, она у меня в Борисоглебске живет. Они там собирались по праздновать. Я поехала домой, сказала: «Не хочу сидеть». И вот вечером приехал Рома... Роме сказали не 23 апреля. Он стоял в другом месте на блокпосту, и в 6 или в 7 утра 24-го ему сказали, что Паша погиб. И сразу же его отпустили в отпуск, чтобы он сам сказал родителям.

— А в каком месте Паша попал под обстрел?

— Под Дергачами.

В Великую Отечественную войну Дергачи дважды оккупировали немцы, 22 октября 1941 года и 10 марта 1943 года. Город находился под нацистами более шестисот дней. Теперь там стояла часть Павла Хмелева.

Павел Хмелев на Украине

Спрашивал:

— Где прошло прощание с Павлом?

— 30 апреля 2022 года в Макашевке. Приехали парни, с которыми вместе воевал. Они даже гроб с телом несли, никому не дали нести. Очень много народу. Я не помню, но по фотографиям видно. Прощались в Доме культуры, а потом на кладбище. Говорили. Парни. Офицеры приезжали из Печенги. Из военкомата...

— А почему похоронили в Макашевке?

— Потому что у нас там дом, и мы будем на пенсии там жить. Дети — в городе. Мы — там. Нам там нравится. И смысла хоронить в Борисоглебске нет. В Борисоглебске мне очень не нравится кладбище, там стихийные места. А здесь, в Макашевке, мы хорошее место выбрали: и тишина, и покой.

Я продолжал:

— А как-нибудь отметило своего защитника государство?

— Наградили орденом Мужества...

— А в воинской части что-то сделали, отметили?..

— Я не знаю, в Печенге штаб, а части разбросаны. Паша служил именно в Нижнем Луостари. Это ближе к границе с Норвегией.

— Надеюсь, там появится памятный знак командиру танка Павлу Хмелеву...

— Мы тоже надеемся...

2

Танкист из Нижнего Луостари (рассказ жены)

Мне удалось связаться с женой Павла Хмелева, Надеждой Владимировной.

— А как и где вы познакомились с Павлом? — спросил у нее.

— 29 апреля 2017 года, на дискотеке в клубе.

— Многие семьи образовывались так...

— Это было в городе Заполярном Мурманской области. Стали общаться, и через неделю я переехала к нему. В его квартиру в Нижнем Луостари. Военное жилье.

— В военный городок.

— Я жила в нем до этого, и вот познакомились, и я — к нему.

— А он кем тогда был?

— Сержантом.

— А каким? Один сидит в штабе, другой — с автоматом на полигоне.

— Он командир танка.

— Надежда, а вы сами откуда?

— Из Петрозаводска.

— Карелия — загляденье...

Сошлись: он — из Сибири, она — из Карелии.

— А Павел любил свое дело?

— Ему очень нравилось.

— А в чем это выражалось?

— Он очень ответственно относился к работе. Когда его попросят, он бежал самый первый. Никогда своим сослуживцам не отказывал. Ночью поднимут — ночью бежит. Днем поднимут — днем бежит. Выходной, не выходной — без разницы ему было.

— А танк?

— Он к нему как к своей машине относился. Как должно в ней быть, так и делал. Их в танке трое. Он командир.

— А те, что двое с ним?

— Они тоже контрактники, кто-то приходит, кто-то уходит. Жили в гарнизоне. Мы знали семейно со всеми. Одна семья, можно сказать.

— Это хорошо, когда помимо спайки на службе еще спайка дома, семьями...

— У него в танке водителем-механиком одно время был мой брат Кирилл. Он потом ушел. А часть у нас — Северного флота, а он — в танковом батальоне.

— И как ему танкистом?..

— Я особо не вникала. Я знала, что он сержант. Потом его повысили, стал старшим сержантом. Его в День танкиста — старшим сержантом. На парадах два раза в Москве был... Со своим танком на 9 Мая.

Она рассказывала, а на руках у нее покрикивал ребенок.

— Это сын?

— Да, Егорка. Ему годик...

Вот, у Павла остался и сын.

— Говорят, муж крупный, Илья Муромец...

— Да. Крупный, сильный. Всегда стоял за свою семью. Очень вкусно готовил. В основном готовил сам. Расписались мы с ним 4 сентября 2018 года... Он добрый. Безумно любил свою семью...

— Вы жили в гарнизоне. Гарнизонная жизнь вам не в тягость?

— Конечно, свои трудности. Магазины далеко, без машины — никуда. Все это далеко. Машина появилась у нас. Потом стали выезжать на машине в город.

— В гарнизоне, видимо, какие-то особые отношения...

— Мне не было трудно, потому что он делал все, чтобы нам с ним было комфортно. Старался для семьи много. В отпуск ездили в Макашевку...

— А с подчиненными?..

— У каждого есть какие-то стычки, но там они сами решают между собой, до жен не доходит.

Я прочитал присланную мне характеристику на срочника Павла Хмелева, в которой написано:

«...На младшего сержанта Хмелева Павла Александровича, заместителя командира взвода, командира эвакуационного отделения... роты обеспечения (мотострелковых и танкового батальонов) войсковой части 20634¹... К исполнению

---

¹ 19-я мотострелковая Воронежско-Шумлинская Краснознаменная, орденов Суворова и Трудового Красного Знамени дивизия — тактическое соединение Сухопутных войск Российской Федерации. Условное

служебных обязанностей относится с энтузиазмом, проявляет самостоятельность и инициативу... проявляет стремление к повышению квалификации... На критику командиров реагирует адекватно. Приказы командиров выполняет точно в строго установленные сроки... Характер спокойный, уравновешенный, имеет свою точку зрения и готов ее отстаивать, за свои морально-деловые качества пользуется заслуженным авторитетом у командования батальона... Принимал участие в охране и обороне тоннеля Рокский. Участвовал в ротно-тактической группе в антитерроре... Материальную часть вверенного ему оружия и техники знает хорошо. Имеет практические навыки в обращении со многими видами оружия... Физически развит хорошо... в жизни части принимает активное участие... способен самостоятельно действовать в пределах своей должности и умело руководить подчиненными... награжден знаком отличия “Черный крест”... достоин поступать в высшие учебные заведения МО, МВД, ФСБ... Командир 2 роты...»

Выходило, нес боевую службу.

— И вот — на Украину...

— Знали, что едет в командировку, но не знали куда. Знали, что на учения. Когда объявили, что все начинается, тогда мы и поняли.

— На связь выходил?

Повисла тишина, через несколько секунд услышал:

— Выходил, да. — Она плакала.

— По телефону...

Снова через несколько секунд тишины она:

— Видео он присылал, бывало, и по телефону. Видео, когда на нашей стороне был.

— Он там оказался с братом Романом?

наименование — войсковая часть № 20634. Входит в состав 58-й общевойсковой армии Южного военного округа. Пункт дислокации — г. Владикавказ Республики Северная Осетия—Алания.

— Да, — отвечала Надежда сквозь слезы. — Очень переживал, если я долго на связь не выходила. И потом я даже ему сказала, чтобы он не ехал туда больше, а сам поехал.

А как не поехать, когда приказ.

— Это когда он из-под Харькова вернулся после первого раза, — вспомнил я рассказ матери. И спросил: — Роман тоже служил в Нижнем Луостари?

— Да, они вместе, только в разных ротах. Он был во второй роте, а Рома — в четвертой.

— И вот он снова поехал. С вами созванивался?..

— Да, да...

— Бились... И что произошло?

— Об этом лучше поговорить с теми, кто с ним был... А мы с ним за три дня до гибели созванивались. Потом написал эсэмэску (22 апреля в 22:15) и все... И потом узнаю... В субботу утром он погиб, а в воскресенье мне позвонили и сообщили... Он написал: «Дорогая, привет. Возможности позвонить сегодня нет. У меня все хорошо. Люблю, целую вас. Спокойной ночи, дорогая». Я ему: «Спокойной ночи, дорогой...» Все его сообщения начинались со слов «Дорогая...» и заканчивались: «Люблю вас...»

Мы снова молчали.

— Простились...

— В Борисоглебске хоронили. В Макашевке. Мы ездили туда. Там были ребята, которые с ним на танке были...

— А наградили?

— У него за парады есть медали... Вручили орден Мужества. Удостоверение пока не прислали...

— А что-то еще?..

— Сказали, когда все закончится, поставят мемориальную доску. Ребята скидывались деньгами, чтобы это установить. И в Борисоглебске, в парке, тоже что-то будет. Но это через год. Пока всем не до этого, но в дальнейшем делают...

Мы говорили, и не хотелось прерывать разговор.

3

Твердый духом (рассказ комбата)

18 августа мне удалось поговорить с командиром батальона, в котором служил Павел Хмелев.

— Николай Андреевич, когда вы с Павлом познакомились? — обратился я к комбату.

Комбат:

— Пашу я знал, он пришел ко мне, я еще командиром роты был. В 2015 году.

— Ну и что это за парень? Из Черноземья, где не холодно, а жарко, — и на Север.

— Мы начали набирать батальон по контракту. Армия перевооружалась. И из военкомата изъявил желание служить и попал в танковый батальон, сначала на наводчика. Сразу себя проявил нормально. Он был парень общительный. С нормальными мужскими понятиями, что самое главное в наше время. Зарекомендовал себя хорошо, и я очень быстро поставил его на командира танка, то есть на сержанта. Вначале он был неженатый, понятно, бывало желание где-то и погулять, веселые компании тут были. Но он понимал, что надо служить, что у него какое-то будущее. Потом он женился, перестал отдыхать-веселиться. Был на хорошем счету, и как сержант, и за старшину он всегда работал. Он по возрасту молодой. Физически крепкий. В командировки мы тогда не раз ездили в составе роты. А потом захотел перевестись в артиллерию. Перешел — там что-то у него не пошло. Контроля там, грубо говоря, меньше. У танкистов больше, переживаем, воспитываем. Ну, а там полгода прослужил, слабинку почувствовал — проблемы возникли, дело шло к увольнению. Я об этом узнал, пересеклись. «Давай не будем заниматься ерундой, я тебя возьму обратно». Ему самому было стыдно подходить, а я знал: пацан хороший. Подошел, перевел...

«Командир радел о личном составе».

Кто его знает, как сложилась бы судьба Хмелева, не переведи его.

Николай Андреевич:

— Забрал его к себе. И вместе служили. Он — во второй танковой роте. Потом я ушел начальником штаба, комбатом. Он оставался в моей второй роте. Потом поехали выполнять задачу в командировку. У меня три роты поехало. Я поехал старшим тактических групп. Вместе мы поехали, Паша был на хорошем счету. И вот мы, когда началась специальная военная операция, его рота начала участвовать. Нормальный у него экипаж. И мы заняли определенную позицию. И мы, получается, там стояли. Я рядом с ним был. Мы как раз с комбатом пехотным были рядом. Танк Паши и его экипаж были в двадцати метрах. Выполняли мы боевую задачу вместе. Они много работали, стреляли, уничтожали, отважно все. Никаких вопросов. Экипаж подобрался что надо. Еще один командир танка, он наводчиком сел. Потому что люди, кого ранило и так далее. Два сержанта и механик. Экипаж был достаточно сплоченный, мужской. Такой прямо супер! И в один момент выехали, отработали, уничтожали врага. В окоп вроде встали. Вылезли посмотреть, где что, и прилетело... Или вычислили их, ждали, пока станут. Или случайность. Но прямо к ним, и получается — возле него. И его двух товарищей откинуло взрывной волной, а ему один из осколков попал в лоб. Смерть мгновенная. Если бы осколок этот прилетел левее, правее, может, там руку, ногу. И ничего бы не было... От минометного обстрела прилетает мгновенно. По радиции нам передают: «Обстрел начался». Мы проползли туда. Вот мы его вытащили из-под обстрела. Ну, все, в бригаду отправили. Как-то вот так получилось...

Мы молчали.

Мне прислали фото танка после обстрела. Сверху все раскурочено.

Комбат:

— Танку досталось... По нему били... Вывели из строя...

Потом комбат:

— А так работали. Я горд полностью этим экипажем. Механик и наводчик до сих пор выполняют задачу. Созваниваемся. И на похороны я их отпускал. И так навестить. Многие чтят. Сейчас я делаю памятник у себя, пока я здесь.

В части.

Комбат:

— Делаю мемориальный комплекс. Все получилось. Через какое-то время все будет. До конца года — точно. И будет бюст большой, танковый. То есть память о всех. У меня не только Паша, у меня еще там погибли ребята, увековечу. У меня цель такая, когда я выходил оттуда.

Мы говорили.

Николай Андреевич:

— Паша — такой настоящий, простой мужик. С нормальной жизненной позицией. Семья. Если бы образование было, я бы с удовольствием его на старшину, на прапорщика выдвигал бы. Но, видите, война — дело такое. Вот так произошло.

— А вы из каких краев?

— Я сам родился в Кемерове. У меня отец военный. По распределению он попал туда. Но я только родился там. Через полгода уехали в Иркутск. Там года четыре побыли, и начало основной, сознательной жизни — это город Омск. Сибирь. Я там окончил кадетский корпус. Окончил танковое училище. И по распределению попал в Печенгу, на Север, и вот до сих пор здесь служу.

— Папа танкист?

— Офицер, но тыловая служба...

— А почему в танкисты пошли?

— Я же кадетом был и понимал, что буду военным. А училище в Омске, многие поступали. И я. А что куда-то ехать?..

Оно как бы и военная, и гражданская специальность. Ведь техника. Ну, и все так рядом совпало, и поступил.

— Что в вашем понимании танкист?

— Танкист в первую очередь — это должен быть мужественный дядя, потому что это грубая техника. Это броня. Это постоянные моменты мазута, повреждения, запчасти все тяжелые. Это должен быть человек, хорошо ориентирующийся в пространстве. В танке вокруг же все закрыто. Минимум. То есть он должен не тюфяком быть. Что наводчик, он видит, целится. Что командир, он должен поле боя все наблюдать. Также механик. То есть эти люди должны быть, скажем, спортивные. В физическом плане развитые.

— Ильи Муромцы...

— Ну не то что Ильи Муромцы. Были и высокие. Под метр девяносто, и так же справлялись. Но и маленького роста, крепкие парни. Паша и наводчиком был, и механиком он был. Все он прошел. Как танкист, он специалистом был на высоком уровне. Танкист должен быть твердым духом. Все время — в замкнутом пространстве, и никакой паники. И танкисты — это три человека. И они должны хорошо ладить. Бывает, замкнутый, не разговоришь. А эти люди должны уметь работать в коллективе.

— Как космонавты, когда их несколько в одном корабле, надо ужиться.

— Да. Потому что, чем они сплоченнее будут, тем лучше результат.

— Паша сначала был наводчиком...

— Наводчик-оператор... Экипаж танка состоит из трех человек. Механик, который управляет танком. Сидит впереди. А наводчик сидит слева. Именно он в прицел наблюдает за полем боя. Именно он нашел объект, выстрелил. Он именно уничтожает. А командир танка общую организацию танка осуществляет. «Туда посмотри», — где врага заметит. По связи он командует. А наводчик — это тот человек, который сам наводит, сам стреляет из танковой пушки. Он сидит слева, а командир — справа.

— Тут нужны меткие...

— Конечно. Это у нас дается с опытом. Чем больше ты будешь стрелять, все качественно выполнять, слушать командиров, как все правильно делать, тем лучше будет результат. Будешь попадать, скажем так, белке в глаз с трех километров. У Паши хорошие результаты и оценки по боевой подготовке. Тут можно только положительное говорить.

— Вы вот сказали, Пашин танк достойно показал себя на Украине.

— Слушайте, я за всех своих танкистов горд, кто там со мной был! Вот мы вели оборонительный бой. И нас постоянно обстреливали, и, бывало, танки горели. То есть попадет мина рядом, баки загорелись. Если не принять мер к тушению, взрывается все, и боевая единица не существует. И много раз наши танкисты, и в том числе и Паша, тушили горящий танк, который может взорваться. Риски для жизни очень большие, но, тем не менее, все до последнего пытались спасти машину. И таких моментов было много, и экипаж Паши лично участвовал в тушении...

— Опасно...

— Еще бы! Это один из видов... А по уничтожению врага... Он и экипаж не раз выходили, и по врагу, кого замечали, били. Вели прицельную стрельбу и уничтожали. Вот последнее, пикап подбили с противником. Обнаружили — и в точку. У нас не всегда есть возможность понять, что кто поразил. Там определенные действия были. Но я думаю, помимо пикапа, там живой силы — куча. Конкретику не могу сказать, но она есть, и ее много. Поражений. То есть расстояния разные были, и убедиться в результате не всегда получается.

— Вы подметили, у танкистов товарищество...

— Вы понимаете, некоторые действия без экипажа не выполнишь. Скажем, вытащить другой танк. Это работа экипажа. Поэтому любые все действия — именно экипажа. У него была хорошая танковая семья.

Сержант Хмелев

— Как точно вы сказали: танковая семья!

— Ведь один не справишься. Там масло залить, что-то поднять. Там все очень тяжелое, объемное. И всем приходится вместе. И у Паши был один из самых сплоченных экипажей, который полностью выполнял свои задачи.

— Николай Андреевич, вот вы служите на Севере. Это же особенности какие-то...

Комбат:

— У нас особенности — это куча снега. Бригада боевая. Много перемещаемся. Единственно, много снега. Вот и пригодился этот опыт. У нас на Севере зима — почти де-

вять месяцев. И все это мы видели, когда зимой зашли на Украину. Было бы сложнее, если бы мы по песочку ездили. А тут скалистая местность, сопки. Все механики уже имеют опыт нормальный по вождению. И поэтому пригодилось...

— Понятно, зашли ведь по снегу...

— Предшествовала «тренировка». У нас ведь в Печенге снег... Привыкается...

— Вот вы — омский, печенгский...

— Да, уже двенадцатый год в Печенге. В Сибирь разве что к родителям съезжу...

— Отец служил в Кемерове, вы — в Омске, Мурманске... Если бы в одном месте жил-служил, а тут Родина по-другому воспринимается...

— Родина для меня везде, где бы я ни был. На Севере, в Сибири. Как говорится, Родина — где мы родились, Отечество — где родился наш отец. Поэтому Родина, Отечество для меня — Россия. Где бы я ни был...

— Хорошо, что вы за Пашу боролись, когда у него проблемы в артиллерии возникли. У кого их не бывает. Можно было ведь и пройти мимо, а там хоть трава не расти...

— А как иначе? Мы же танкисты...

— А кого вы можете привести в пример, как авторитет для танкиста?

— Вы хотите сказать, из современных?..

— Да, если можно.

— Я таких глобальных не застал на своем молодом веку. Был у нас в Печенгской бригаде командир, он сейчас в академии, генерал Цеков¹. Это вот тот, кто воспитал боевой дух в бригаде. Это настоящий генерал, который и строгий,

---

¹ Олег Муссович Цеков (род. 17 ноября 1966, Челябинск) — российский военачальник, генерал-лейтенант. Заместитель начальника Общевоинской академии Вооруженных сил Российской Федерации с 18 сентября 2020 года. С июня 2011 по февраль 2015 года — командир 200-й отдельной мотострелковой Печенгской бригады Береговых войск Северного флота ВМФ Российской Федерации.

и справедливый. Грамотный. Это из числа настоящих военачальников, которые вызывают уважение. Люди же разные бывают... Я горд, что служил под его командованием. Скольких он вырастил! Вот и сейчас ушли вверх — это его школа. Фамилию его скажи — все знают! У него не то что авторитет... Вот из современных кого могу назвать.

— Извините, а сколько вам лет?

— Мне — тридцать три...

— Ого! А я подумал, с матерым сорокапятилетним говорю...

— Я — матерый тридцатитрехлетний...

В армии росла молодая поросль матерых командиров.

— У летчиков есть такое понятие — выживание. Его кидают в тайгу, и он выживает в реальных условиях. Готовят, если его собьют, чтобы не спасовал...

— Послушайте, у нас постоянные «выживания». Мы же и на кораблях, к Северному флоту относимся. На БДК,

*Старший сержант Хмелев
во время боевых действий*

переброска. Участвуем в десантах. Паша, кстати, два раза участвовал в параде в Москве. Никогда до этого не ездили в Москву, и вот танкисты наши ездили два года подряд. Именно вторая рота, где он был.

— Мне показывали фото танка. У него башня как площадка...

— Это Т-80...

— Раз на Северном флоте, то небось все Заполярье объехали...

— А как же! В Норильске по плато Плуторана...

У меня дух захватывало: где наши танки не бывали!

Вернулся к мемориалу.

— А бюст какой?..

— Понимаете, у меня и плиты будут. В человеческий рост танкист. Пока есть только подготовительный проект. Там нарисованы танк, танкист. И я еще хочу на постамент танк поставить. Причем мне звонил мой командир роты, ему дали команду по танку. Это именно танк, на котором Паша воевал. Он уже непригоден. И будем рассматривать именно его. Поэтому я сейчас расписываю подвиг, это будут отправлять утверждать министру. И если все срастется, именно его машина может увековечиться здесь как памятник...

Как здорово!

Хоть бы все срослось...

Мне представлялся при въезде в военный городок в Нижнем Луостари танк старшего сержанта Павла Хмелева. Родившегося в Сибири, служившего на Севере, сложившего голову в Дергачах под Харьковом русского паренька.

19 августа 2022 года

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КУЗНЕЦОВ

1

Отважный, потому что шел в боевом охранении... Шел впереди... Подавил ДРГ... (рассказ комбата)

Мне с командиром батальона 200-й печенгской бригады удалось поговорить 1 сентября 2022 года. Теперь разговор был о другом служившем в батальоне офицере.

— Николай Андреевич, у вас в батальоне есть ребята, которые сложили головы на Украине?

— Да, первым из них был заместитель командира первой танковой роты по вооружению старший лейтенант Кузнецов Дмитрий Олегович. Он окончил Дальневосточное командное училище в Благовещенске. Он мотострелок. Попал к нам в бригаду в мотострелковый батальон. Служил там. В 2019 году, так как у нас не хватало танкистов, их меньше пришло, и многие перешли на другие должности, он был переведен к нам. И вот так познакомились. Он на командира взвода пришел. Быстро отучился с мотострелка уже на танкиста. Все это произошло быстро, и через год он стал замом по вооружению командира танковой роты. То есть изучил материальную часть танка. Участвовал не раз в различных учениях. Был волевой, целеустремленный офицер. В планах у меня было его в ближайшее время поставить на роту. Готовый командир роты был.

— Достойный офицер... И вот: нужно спасти людей на Донбассе...

— Да. Убыл на специальную военную операцию в составе роты. В первые дни в бою проявил себя как отважный, мужественный. Настоящий офицер. И 2 марта при продолжении наступления на нас было совершено нападение ДРГ (диверсионно-разведывательной группы. — *Авт.*) противника. Кузнецов следовал в составе танка, так как командир

танка до этого был ранен. Он не растерялся и заменил командира танка, хотя сам зампотех роты был.

— Не спрятался...

— Он сел как командир в танк и выполнял задачу на танке. Выскочила ДРГ. Он выдвигался в боевом охранении впереди. Начался бой. Он уничтожил ДРГ противника. Началась интенсивная стрельба. Тем самым он обеспечил дальнейший проход наших подразделений. Но, продвигаясь дальше, встретил еще одну ДРГ противника. Противник также выскочил и применил гранатомет. А в это время он уже стрелял из пулемета, то есть наполовину высунулся. Из стрелкового оружия стрелял.

— Высунулся из танка...

— Да, высунул голову, и граната прилетела в бок танка, и взрывной волной попало по нему. Он скончался сразу на месте.

Мы молчали.

Потом комбат:

— Он пробыл всего лишь неделю, но за это время проявил себя как зампотех роты. А еще командовал танком. Молодец! Только с гордостью могу говорить о нем.

— Вы сказали, проявил себя отважным...

— Отважным, потому что, во-первых, он шел в боевом охранении. Шел впереди. Это тоже отвага. И шли на местность, которой мы не знаем. То есть боевые действия, к чему не каждый морально готов. То есть он первым так и шел. Во-вторых, он зампотех роты, по идее должен был идти, грубо говоря, в тылу. И заниматься техникой. Эвакуацией и так далее. А обстановка такая, и офицеров не хватало. Как у полковника Буданова¹ в чеченскую войну. Помните, он собрал офицеров, и они поехали спасать разведчиков.

---

¹ Юрий Дмитриевич Буданов (24 ноября 1963, Харцызск, Донецкая область — 10 июня 2011, Москва) — полковник, командовал 160-м гвардейским танковым полком с декабря 1999 года по июль 2001 года.

Я вспомнил трагический случай, когда полковника убили в Москве, недалеко от Союза писателей России, и я о нем собирался даже написать книгу.

Комбат:

— Он вызвал офицеров, посадил их в танк, и они поехали спасать разведчиков, которые попали в окружение... Так же и здесь, офицер, у которого задача другая, мог и не садиться в танк. А он принял решение. И шел впереди. Самоотверженный боец.

— А до 2 марта были столкновения с противником?

— Да, были. В составе бригады участвовал и также участвовал в составе экипажа. То есть замещал менее подготовленного наводчика, скажем, молодого. Как более

Старший лейтенант Кузнецов

опытный он уже сам изъявил желание и в составе экипажа действовал. Да, были боестолкновения еще и до этого. Это был второй прорыв, и углубление и там он погиб.

— А при первом прорыве?

— В первом прорыве все было примерно так же. Занимали определенные территории, выполняли задачи, указанные свыше, при выдвижении сталкивались с противником и так же вели бой. Он так же мужественно и самоотверженно помогал, прикрывал, уничтожал...

— А может, какие-то факты: подбил бронетранспортер...

— Но я не могу конкретно за каждого...

— Понятно, не определишь.

— Там не подсчитаешь кто, что. Тут смысл не в том, кто подбил, а задача выполнена или нет. То есть конкретно. Но он был на танке, кого-то он подбил и уничтожил, но конкретно. К тому же я в чуть другом направлении действовал. Ну, что-то подбил. Это нормальный экипаж...

— Отмечен государством?

— Награжден орденом Мужества посмертно.

2

Первый кандидат на вышестоящую должность (продолжение рассказа комбата)

— Вы сказали, мотострелок, а переучился на танкиста. Как это?

— Мотострелок, назовем, это человек, действующий, грубо говоря, без техники. Уклон идет на стрелковые бои. У них есть машины, которые в основном предназначены их переместить. Ну, и так, поддержка. А танк уже идет на уничтожение в составе машины, да еще и командование из машины. То есть управление боем. У танкиста в какие-то моменты что-то сложнее, и все равно требует переобучения. Не может пехотный офицер сесть в танк и хоп, стрелять, направлять... Все равно нужен опыт, подготовка, с чем он справился.

— А какие трудности при переучивании?

— Ну, посмотрите, на танкиста тоже учатся пять лет. А Кузнецов за пару месяцев переучился. То есть он имел интерес, и ему все нравилось. И он позже, когда уже в батальоне был, стал как настоящий танкист. Кому-то, если из пехоты взять, у нас не нравится. А вот он, закончив мотострелковое училище, в танке-то и не сидел, а здесь программу прошел быстро. Уже на практике. С командира взвода — в зампотеха роты. Он сам по себе парень целеустремленный. Он спортивный. Кандидат в мастера спорта по рукопашному бою. Молодой офицер. Статный. Высокий.

— У него семья?

— Жена... Родителей, скажем так, нет. Воспитывался бабушкой. Жена здесь.

Другого героя этой книги, Александра Крынина, тоже воспитывала бабушка. Скольких брошенных родителями защитников воспитали дедушки и бабушки!

Комбат:

— После его гибели жена осталась на Севере. У него друг из его же училища, тоже зампотех роты. Из его же училища. И жена приняла решение и осталась в Мурманске.

— Вы служили с ним несколько лет.

— Да, несколько.

— Парень приехал с Дальнего Востока, но это же не Север... Вот, Карелия... Кстати, у меня отец в Великую Отечественную готовил операцию на Свири¹, когда бой-

---

¹ «...в память о подвиге 12 бойцов, которые в июне 1944 года около города Лудейное Поле на реке Свирь совершили разведку боем. В 1944 году, чтобы успешно форсировать Свирь и отвлечь внимание противника от направления главного удара, первыми переправились на противоположный берег 12 комсомольцев-добровольцев. Смелчаки осуществили переправу весьма хитроумным способом: они подталкивали впереди себя шесть плотов с привязанными чучелами. Враг сосредоточил интенсивный пулеметный и минометный огонь на этом мнимом десанте. Тем временем наши части форсировали Свирь в другом месте». <https://zen.yandex.ru/media/cyrilsh/kto-je-takie-geroi-sviri-i-skolko-ih-bylo-60b4a0ff9a29723ed2672ffa>
<https://zen.yandex.ru/media/cyrilsh/kto-je-takie-geroi-sviri-i-skolko-ih-bylo-60b4a0ff9a29723ed2672ffa>

цы стали переправляться через Свирь и вызвали огонь на себя... Точки финнов выявили и артиллерию врага уничтожили... Они все — Герои Советского Союза... Так как он — на Север?

— Нормально. То есть офицер нормально подготовлен. Этому учился. Все планово шло. Распределился на Север. Причем на Дальнем Востоке специфика местности такая же. Не скажу, что он в Сочи приехал, но виду, что ему некомфортно, не подавал. Нормальный мужик, назовем простыми словами. Хороший офицер...

Сколько рожденных на юге попадает служить на Север, и ведь служат!

— Как он с подчиненными?

Комбат:

— Он пользовался авторитетом. Когда командир роты отсутствовал, он оставался за него. Если бы не его гибель, то он — первый кандидат на вышестоящую должность. А так как кандидат, то соответствует всем требованиям, и я видел в нем хорошего командира.

— У вас сколько офицеров, контрактников... А Дмитрий, какой он?

— Он был веселый. Подчиненных держал на дистанции и в строгости. Когда надо, поощрит, когда проштрафился кто, может и наказать... Больше добродушный человек был. Светлый...

— А его рота?

— Это первая рота. Она везде участвовала. Везде задействована. И Кузнецов везде с ней... В соревнованиях...

Трудыга.

— Когда погиб, как прощались?

— Прощались стандартно. Мы остались выполнять боевые задачи, я его передавал. Его — в Ростов. И хоронили его на Дальнем Востоке.

— А какая-нибудь память?

— В батальоне... Там же на мемориале будет и Кузнецов...

3

Парень из Уруши¹ (рассказ бабушки)

На сайте новостей Амурской области прочитал²:

«Во вторник, 15 марта, в поселке Уруша Сковородинского района простились с офицером, погибшим в ходе спецоперации на Украине. 25-летний старший лейтенант Дмитрий Кузнецов посмертно награжден орденом Мужества.

Дмитрий Кузнецов жил в пгт Уруша, в 2018 году окончил ДВОКУ³. С декабря 2018 года проходил службу в 200-й отдельной мотострелковой бригаде в Мурманской области. В конце 2020 получил звание “старший лейтенант” и занял должность заместителя командира танковой роты по вооружению.

В памяти однокурсников Дмитрий навсегда останется добрым и отзывчивым парнем, который никогда не подводил товарищей и всегда был готов прийти на помощь в трудную минуту.

Сослуживцы и подчиненные запомнят старшего лейтенанта Кузнецова как грамотного и целеустремленного офицера. Организованный и серьезный, но при этом никогда не унывающий командир, который умел и проявлять строгость, и ответственно подходить ко всем поставленным задачам.

Дмитрий с первого дня участвовал в специальной военной операции на Украине. Обстреливая противника, героически погиб 2 марта в бою под Харьковом. Об этом Amur.life рассказала его вдова Елена».

На следующий день после разговора с комбатом я говорил с бабушкой и дедушкой Дмитрия Кузнецова.

---

¹ Уруша — поселок городского типа в Сковородинском районе Амурской области России. Основан в 1904 году.

² <https://www.amur.life/news/2022/03/16/v-amurskoy-oblasti-prostilis-s-pogibshim-na-ukraine-oficerom-vypuschnikom-dvoku>

³ Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище.

— Добрый вечер, Любовь Александровна (обратился к бабушке), у вас вечер, у нас утро... С вами рос ваш внук Дима... Расскажите о нем...

Бабушка:

— Дима родился 27 ноября 1996 года в Иркутске.

— А как он в Иркутске оказался?

— Наша дочь, его мать, уехала туда, в Иркутск. Там замуж вышла, Дима родился. Жил там до 2011 года, к нам в гости в Урушу на лето приезжал. Два года у нас в школе учился, 2—3-й классы.

— А Вы как оказались в Уруше?

— Я здесь родилась и выросла.

— А где внучок в первый класс пошел?

— Он ходил в Иркутске. 66-я школа. А в Уруше — во 2-й и в 3-й класс в 2004—2005 годах. А в 2006-м снова переехал в Иркутск. Снова учился в 66-й школе. Он чем только не увлекался: и спортивное ориентирование, и спортивная борьба. У матери тяжелая ситуация сложилась: у нее муж разбился, и поэтому мы его забрали в Урушу.

Вот почему воспитывали Диму бабушка и дедушка.

— И когда вы его забрали?

Любовь Александровна:

— В 2011 году, в конце мая... И он у нас дальше учился. Учился, ну как? Его называли «ленивый умница»... Он мог хорошо учиться, но ленился...

— Многие «ленивые умницы» потом раскрылись...

Бабушка:

— После школы он сначала хотел на следователя учиться.

— А откуда это у него?

— Вообще у меня племянница в Сковордине работает в правоохранительных органах. Но потом дед его переубедил. Он сам по молодости лет хотел в военное училище поступить. У него то ли не получилось, то ли что. Но переубедил, что это лучше. Он сначала-то в Хабаровск поехал, поступать в пограничное училище. Вроде прошел, все нормально. А потом ему пришел отказ, что по здоровью не прошел.

— Интересная формулировка: прошел, да не допрошел...

Бабушка:

— А тут в ДВОКУ недобор был. Ему предложили: пойдешь в ДВОКУ? Он согласился. Но потом, после окончания училища, он сказал, что доволен. Я у него спрашиваю: «Ты не пожалел, что в ДВОКУ пошел?» — «Нет, мне это училище нравится. Я доволен».

— А училище от вас ведь порядком?

— Это не так уж и далеко. 16 часов пути...

— Очень близко... — сказал и подумал: «Для Сибири с ее тысячами километров такое расстояние — пустяк».

— Он постоянно приезжал. О службе не очень-то и делался. С друзьями — это да.

— И вот грядет распределение...

— А он же поступил на отделение «Арктика». Мы еще удивились: «А что ты на Арктику пошел?» Он: «Так решил». Ну, а по распределению они почти все попали в Мурманскую область.

— А семья?

— Женился сначала на благовещенской девушке, но той что-то не понравилось. Она вернулась в Благовещенск. А второй раз — на Лене. Она урушинская. Они в одном классе учились. И поехала к нему. Свадьбу за год до трагедии сыграли.

— Вот он служит на Севере...

— Спрашиваешь: «Как дела?» Он успокаивал, чтобы не волновалась.

4

Позвонил и сказал, что скоро в отпуск приедет... (продолжение рассказа бабушки и рассказ дедушки)

— А насчет последних событий?

— Все мы об этом не знали. Когда он у нас в январе был, сказал, уедет под Курск в командировку. В начале февраля

он уехал туда. Созванивались. Он никогда не говорил, что там какие-то трудности. Всегда говорил: «Все нормально». И когда поехал на спецоперацию, мы вообще не знали. Мы сами сделали выводы, когда 24 февраля в Интернете увидели, что танки пошли на Украину, я поняла. А дед ему: «Вы что, собираетесь домой?» — «Да нет». И дед все понял.

— И что дальше вы узнавали?

— Когда мы ему звонили, он говорил: «Все нормально. Все хорошо».

— Он молодец! Командир батальона хорошо о нем отзывался...

— 22 февраля он позвонил, 23, 26-го он позвонил. И последний раз — 2 марта. У нас был вечер, а там — утро-день... И сказал, что скоро в отпуск приедет...

И не приехал...

Я спросил:

— Прощание где было?

Любовь Александровна:

— Его привезли в Урушу. Сначала занесли к нам. Близкие простились. Потом — в клуб. Там люди шли. Выступали из района, военкомата. И на кладбище...

— Отпевание было?

— Дело в том, что у нас постоянного батюшки нет. Но мы его потом отпевали. У благовещенского владыки благословение брали: он ведь некрещеный. И потом отпели...

— А что по поводу памяти внука?

— Газеты писали — сковородинская и благовещенская. На школе памятную доску установили. В школе стенд сделали...

Говорил с дедушкой. Иван Сергеевич рассказывал:

— Здесь (в Уруше) с детства его учили и боксу, и всему. Я сам пограничником был. Самым лучшим он был по бегу, отжиманию. У него в школе много грамот за участие в конкурсах. Активный парень. Когда он школу закончил, в ми-

лицию захотел. А на него ребята, что ли, наехали, и поехал я с ним сдавать экзамен в Хабаровск, в училище. Их тринадцать человек пытались. Один из Сквородина и Дима, все прошли. Мы обрадовались. Потом, маленько погодя, приходит письмо, что он не подходит. А его на железную дорогу в связь уговаривали. И я их двоих повез. А нужно было приписное свидетельство. И когда приехали в военкомат, а там девчонка молодая: «Может, в ДВОКУ согласится?» И полковник: «У вас внук развитый, ему цены нет». И я — внуку: «Никакой железки, в армию пойдешь служить». Ну, пошел в военное училище. На арктическое отделение.

— А почему на арктическое?

— А они курс молодого бойца проходили, там типа в Арктике год за три идет...

Мы засмеялись.

Дедушка:

— Ну, и поехали в Мурманск. В бригаду. Его через месяц поставили замполитом роты — кто-то учился. Тот вернулся. Года и не прошло, Дима — замкомандира роты по технике. Он им и погиб, замом...

— А при каких обстоятельствах?

— Они в засаду попали. А он — на танке. За пулеметом. По танку из гранатомета ударили. «Джавелин», говорят, попадает — танку ничего не бывает. Такие арктические танки. Он за пулеметом отбивался, те-то — в танке, а этот — сверху. Граната взорвалась, и осколком его...

— А где это случилось?

— Есть свидетельство о смерти. Там напечатано: «Харьковская область. Поселок Питомник»¹. Там всего двести человек живет. И до сих пор бои идут. Вчера передавали...

— Мне комбат рассказывал, что перед этим уничтожил диверсионно-разведывательную группу...

— Надежный...

---

¹ Питомник — поселок, Русско-Лозовской сельский совет, Дергачевский район, Харьковская область.

Узнал, что бабушка и дедушка — из простых людей: бабушка — медсестрой в больнице, дедушка — на железной дороге осмотрщиком, потом — в ЖКХ...

Трудовые люди. Сейчас пенсионеры.

Вот теперь живут памятью о внуке.

5

Он — мой ученик (рассказ учительницы)

3 сентября 2022 года я разговаривал с учителем Урушанской средней школы Лукониной.

— Галина Владимировна, вы учили Диму Кузнецова?

— Да, это в 9, 10 и 11-м классах. У него вела математику и физику.

— А вы сами урушанская?

— Да. Урушанская.

— А как получилось, что стали учителем?

— Я школу окончила, в мединститут не пошла, потому что показалось, что не смогу там учиться. И пошла в Благовещенский педагогический пединститут. И вот тридцать один год учителем...

— Выходит, вы урушанская... — произнес и поинтересовался: — А что такое Уруша?

— Уруша — это станция на железной дороге. Где-то 113 лет исполнилось поселку, как железная дорога строилась.

При царе Россия вела грандиозное строительство.

Луконина:

— Ну, и здесь речка — золото добывали раньше. В советское время здесь еще леспромхоз был.

— Станция, видимо, большая.

— По школе сразу видно: пятьсот учащихся. Довольно большая школа, станция функционирует. Жителей где-то 3400...

— То есть это не вымирающий поселок, как бывает...

— Да...

— И вот в ваш класс попадает Дима Кузнецов...

Учительница:

— Он еще в начальных классах у нас в школе учился.

— С той поры его знали?

— Да... 2, 3-й класс. И жил у бабушки с дедушкой. Он активный, спортивный, шустрый. И потом он уехал к матери в Иркутск. На каникулы все время к бабушке с дедушкой приезжал. А потом мама то ли не справлялась, подростковый ведь возраст, и в 9, 10, 11-й классы он пришел к нам. Все равно он был в категории новенького сначала. Новенького, но активного и привлекающего внимание мальчишки. Учился хорошо.

— А бабушка его любя называла: «ленивый умница»... — рассмеялся я.

Понятно, он мог бы и лучше!

Учительница:

— Нет, наверно, мы так его не называли. Просто класс у нас не совсем такой уж сильный. И он даже немножко выделялся. У меня по математике он молодец. Хорошо соображал. В плане дисциплины он, например... Понимаете, он мог пошутить, повеселиться, поулыбаться, но он никого не обижал своими действиями. Воспитанный мальчик...

— У вас мероприятия шли в школе...

— Он во всех участвовал. В КВН. На Новый год нужно было нарядиться, он мог кем угодно выглядеть. Нужно парик надеть — он парик наденет. Он не то что незаметный, яркий мальчишка был.

— Судя по вашим словам, доброе начало чувствовалось.

— Дружил с мальчишками. Спортом занимался. В тренажерку с пацанами ходил. И так по теплomu времени в футбол мяч гоняли на площадке перед школой и в волейбол. И что еще могу сказать? — Луконина вспоминала. — Когда экзамены сдавали, ЕГЭ, помогал пацанам.

— В каком смысле помогал?

— А вот у них секрет был.

— Именно...

— Вы же не можете про это в книге написать...

— Но допустимые вещи...

— Например, записки друг другу писали. Один: «Димка, я не могу решить». Димка выйдет, напишет, передаст. Эти записки прятали.

— Братство...

Луконина:

— Такие вот... Экзамен первые написали, вышли. А там остались. Так давай песни под окнами петь...

— Подбадривать, — я смеялся.

И потом:

— А воспитанием его кто занимался?

— Чаще на собрания ходил дед. Иногда — бабушка. Иногда даже они вдвоем приходили. Но чаще я с дедушкой общалась, потому что у нас в школе подрабатывал. Там по сантехнике помогал. Поэтому все время он поблизости был. И когда Дима собрался в военное училище поступать, туда же просто так не поступишь, комиссию проходить надо с февраля, дед его увозил. Там какие-то тесты. Комиссию долго проходить. Потом, когда поступать поехал, там за месяц какие-то сборы были, Иван Сергеевич, деда так зовут, мне рассказывал, что Димка — 5-й по спорту. Они там сдавали нормативы сначала. Конкурс-то большой в этот ДВОКУ. У нас же не спортивная школа, а обычная. Но Димка там был на высоком уровне. И по сумме баллов он прошел. У нас была радость. Потому что редко из нашей школы в это ДВОКУ поступают. И с первого раза не поступают. Некоторые парни по несколько лет подряд пытаются, а он с первого раза у нас прошел. Ну, и когда учился, в форме в школу приходил. Мы так радовались за него! Он хорошо учился в училище. Он в каких-то олимпиадах участвовал. В Питер в составе команды от училища ездил. Там тоже выделялся. А потом как-то резко после училища...

Я слушал.

Учительница рассказывала:

— Кстати говоря, женился на благовещенской девушке. И у него распределение в Печенгу, в Мурманскую область. Он туда не один попал, а с парнем, они дружили. Я не могу назвать фамилию этого парня, хотя он приводил его к нам домой. Пока служил в Печенге, он в Урушу тоже приезжал в отпуск. Но без жены. И потом они как-то развелись. Может, ей не понравилось — удаленное. Печенга же за Полярным кругом... Но он сюда ездил, приезжал в отпуск. А здесь его одноклассница, Лена Бобина. Такая хорошая, яркая девочка. Во Владивостоке окончила университет Дальневосточный, она дизайнер. Видимо, они стали встречаться, и он на ней женился. Прямо такая любовь у них! Так вот у них получилось. Жалко, мало прожили вместе... Она к нему уехала, не будучи женой...

— А что тут такого? Моя мама к моему папе в Уссурийск тоже уехала...

Луконина:

— Он один был в этой Печенге... Первая жена его покинула... Ну, а с Леной любовь была, а финал вы знаете...

6

«Наша часть будет выступать на параде...» (продолжение рассказа учительницы)

— А что вы знаете о финале? — спросил я.

— Ну, во-первых, сразу после Нового года, вот каникулы закончились, и пришли ко мне.

Как я понял: Дима с Леной.

Учительница:

— А ведь в школу не пускали, ковид же. Мне: «Вас там семья Кузнецовых вызывает». Думаю: «Ну какая семья Кузнецовых?» У меня вылетело из головы, что это Димка может быть. Обычно он ко мне домой приходил, он дружил с моим сыном... Вот в школу пришел в этом году. Я выхожу — это они с Леной. Я: «Домой придете?» А он: «Да вот,

отпуск кончается. Вызвали». Был в отпуске в Уруше. Я: «А почему вызвали?» Он: «Наша часть будет участвовать в параде...» Типа репетировать под Москвой будем. И все, они уехали.

Не мог сказать об истинной причине. Или на самом деле готовился к параду...

Луконина:

— Потом мы узнали, что он 2 марта погиб... Причем долго не говорили. Лене долго не говорили. Жене. Позвонили почему-то сначала в Урушу. И я так поняла, позвонили Лениным родителям, отцу. Он позвонил Ивану Сергеевичу, деду. Ну, и решили, что Ленина мама Оксана полетит в Печенгу к Лене, чтобы сама мать ей сказала. Нашла какие-то слова. Почему-то жене не сообщили, ну, вот так получилось. Оксана — на самолет. Прилетела туда 8 марта. А Лена потом писала в Инстаграме, что прилетела мама 8 марта, сказала, что Димы нет, и Лена умерла вместе с Димой...

Галина Владимировна плакала.

А я понимал: потеряв самого дорогого человека, Лена сама теряла себя...

После минуты молчания Луконина:

— Ленина реакция такая была... Она такое и в Инстаграме написала... Ну, Лена сразу стала звонить везде. Прилетела в Урушу. Звонила, часть телефонов ей, видимо, дали. Диму сначала перевезли в Ростов-на-Дону, я так поняла. Вообще-то его вывезти не могли сначала. Погиб-то он под Харьковом, что ли...

— Да, в поселке Питомник.

— Потом привезли из Ростова-на-Дону. Потом бортом — через Новосибирск в Благовещенск. И на машине — в Урушу. 14 марта его привезли, 15 марта его хоронили.

— Уруша прощалась...

— Да, сначала привезли домой к деду, он там переночевал. Гроб был закрытый, но родственники, понимаете, они не выдержали. Быть как бы уверенными — их ребенок, не их ребенок. Посмотрели... Ну, он, конечно... Утром 15 марта его

перевезли в железнодорожный клуб возле школы. Там гроб установили, были люди из военкомата. Почетный караул. Наверно, военком, полковник. У нас воинская часть. Были из воинской части. Ну, и так люди шли с утра. Ну, и мы. Одноклассники собрались тоже. Мы-то не могли с занятий уйти. Но старшеклассники вышли и стояли вдоль дороги. На кладбище они не ходили, конечно. Гроб стоял закрытый. До кладбища у нас где-то километр. И нужно пройти. Гроб установили на машину. Процессия вся прошла. На кладбище как обычно делают: гроб снимают, ставят на табуреточки. И люди подходят, прощаются. Лена не выдержала, опять отца своего упростила, чтобы открыть, — учительница снова потеряла голос. — Лена вообще в таком состоянии... У меня ощущение, что она — как во сне... Ну, что могу сказать? Открыли, — говорила отрывисто. — Лицо у него было целое. В форме... Ну, и все... Да, еще военком вручил орден Мужества Лене... Когда гроб закрыли, флаг, который гроб накрывал, долго складывали. Передали флаг тоже ей. Ну и, конечно, там дедушка его с бабушкой были. Бабушка... Дед тяжело переживал, но все равно, он держался. И мама Димы была как онемевшая... Потом мамина сестра Настя... И такой момент был, что то ли гроб когда стали опускать... Я понимала, что будут стрелять. Военные отошли: «Готовься! Стреляй!» И когда они выстрелили, это так неожиданно. Но так страшно стало.

— Выстрелы...

— Похоронили. Все было завалено цветами... Венками...

7

Ходила и собирала подписи, чтобы улицу переименовали (продолжение рассказа учительницы и рассказ жены)

Мы то молчали, то снова говорили.

Галина Владимировна:

— Перед 9 Мая, 7 мая, у нас на школе установили мемориальную доску. Там его портрет, написаны слова, — еще

всхлипывала. — Это уже вторая доска на школе. Первая — когда в Чечне погиб парень... И тот — Димка, и этот — Димка... И висит: «...Дмитрий Олегович Кузнецов...» А когда похоронили, то на следующий день Лена ходила по Уруше и собирала подписи, чтобы улицу, где Димка жил, переименовали в улицу Кузнецова. Очень много подписей собрала и передала петицию местным депутатам. Но на этом дело затормозилось. То ли они не согласились, то ли сказали, что только через три года можно переименовать улицу. Или новая какая-то будет. В общем, вот так. Этого не было сделано местным советом депутатов... А вот доску повесили, это заслуга боевого братства: кто в Афганистане воевал, в Чечне. Вот эту мемориальную доску сделали и повесили.

— В школе что есть?

— Плакат сделали. Лена ведь дизайнер. Она там со своими друзьями. Плакат, посвященный Диме...

В этот же день говорил с женой Дмитрия Леной, в девичестве Бобиной.

— Елена Евгеньевна, а когда вы познакомились с Димой?

— В 2011 году, когда он к нам приехал в Урушу. И был одноклассником.

— А вы сама урушанская?

— Да, там родилась.

— И вы учились с ним...

— В 9, 10 и 11-м классах.

— И что это за ученик Дима?

— Такой неусидчивый...

Я невольно вздрогнул и выдал:

— Видимо, много нас таких...

Только потом я понял, что это говорила мне отличница. Уж она-то была усидчивая, иначе бы не училась на пятерки.

Лена:

— Очень умный парень. Но при этом, наверно, ему не всегда было интересно в школе. Сидеть, уроки готовить.

И он поэтому немножко... То есть он мог быть отличником, но этого не хотел.

— Мне бабушка назвала его «ленивым умницей».

— Наверно, так.

— И какой он в ту школьную пору?..

— Веселый. Особенно в компании... В первый год немножко замкнутый. У нас была своя компания, он с нами не дружил. А потом постепенно в нашу компанию влился и когда был в компании, то это человек, который начинает смеяться, и все смеются с ним. Всегда в компании был в центре внимания. Мы вот говорили, это человек, с которым никто никогда не грустил, потому что это невозможно.

— С ним не унываешь...

— Это невозможно, потому что... И его грустным не видел. Вот когда мы вместе жили, бывало, а вот в компании никогда никто из его друзей не видел его даже немножко грустным... Он всегда был... Если кому-то плохо, он всегда поддержит, развеселит. Максимально, такой... При нем атмосфера была не просто дружелюбная, а максимально позитивная...

— Мне учительница говорила, что он некой палочкой-выручалочкой был. У вас братская атмосфера была в классе...

— Да, он всегда всем поможет. Даже где-то себе не очень комфортно будет, но он все равно кому-то поможет. То есть у него всегда помочь другому важнее, чем что-то сделать, что касается его.

— Ну, и себя он видел где?

Лена:

— Он хотел быть учителем истории. Учителем именно истории. Потому что он историю любил. И даже когда он в училище военном учился, а он не хотел военным быть, просто так сложилось в жизни. И уже тогда подумывал, как бы пойти преподавать военную историю. Все связанное с историей и преподаванием. Он, когда поступал в военное, подавал и в педагогический университет документы и хотел быть учителем истории..

— Вот об этом мне никто не говорил... Почему не получилось с педом?

— Нет, просто по семейным обстоятельствам. Потому что он жил с бабушкой и дедушкой, и, чтобы учиться в гражданском вузе, нужны деньги. Они, может быть, и нашли, но он всегда говорил, что не хотел им быть обузой. Потому что он понимал, что им тяжело будет. Поэтому он выбрал военное училище. То есть это у него был сознательный выбор с точки зрения того, чтобы бабушке и дедушке было полегче. Чтобы его можно было не учить...

— Говорят, он крепкий, спортивный мальчишка. И для него военное училище не проблема.

— Военное училище для него проблема с точки зрения дисциплины, которая там нужна...

— Для всех гражданских это проблема.

А Лена:

— Но оно его сильно закалило. Какой Дима был в школе, все его хорошие качества после училища сильнее стали выражены. Потому что вся его небольшая леность, которая была, когда он не мог себя организовать, в училище ушла. Он был человеком, который никогда ни на что не жаловался. Ой, мне плохо. Ой, мне не нравится. Но, конечно, он больше хотел стать гражданским, не военным...

— Вот и получился из гражданского отличный военный...

— Это да...

— А вы сама — из военной среды?

— У меня никого военных, только муж Дима.

— И вот он — в отпуск в Урушу...

— Мы виделись. Как только у него каникулы, и они совпадали с моими, и мы два раза в год виделись, летом и зимой... Потом несколько раз — только летом и только зимой. Не всегда у нас совпадали каникулы. Но стабильно один или два раза в год, потому что я училась в другом городе. Приезжала. А в Уруше жили его лучшие друзья. Они очень близкие ребята и постоянно общались.

— Вы сидели с ним за одной партой?

— Мы с ним сидели на истории, а на остальных уроках он сидел с друзьями. Я отличница была. Как я могла с ним сидеть? Он такой троечник. Зачем я буду сидеть с ним, он будет меня отвлекать. Мы с ним только на истории сидели вместе, потому что мы историю сдавали вместе. Но мы всегда с ним болтали, а учительница ругалась. А мы все: «Мы по теме».

— А в каком городе вы потом учились?

— Во Владивостоке, в Дальневосточном федеральном университете.

— И на кого же вы там учились?

— Издательское дело. Редактировать и издавать книги. Много книг вышло с моей редактурой.

— Какая вы молодец...

8

Рождение семьи (продолжение рассказа жены)

— И вот он уехал на Север служить, и как вы потом...

— У него была девушка на тот момент, которая приехала к нему на Север. Они расписались. И он написал: «Вот, появилась жена». А мы были как друзья. Но когда у него официально появилась жена, я поняла, что меня это сильно задевает. У него всегда были намеки на романтические отношения, но я понимала, что, наверно, с военным человеком жизнь связать не смогу, потому что моя профессия не позволит. Наверно, я в закрытый городок не поеду. Меня как-то все это останавливало. Когда он женился, я прямо заволновалась — у меня что-то началось. Я прямо ходила постоянно... Это было 27 апреля, а он, получается, то ли 26-го, то ли 27-го, точно не помню, в общем, утром я просыпаюсь во Владивостоке. Там немножко иной часовой пояс, и у меня от него сообщение: «Прости меня, я бы когда-нибудь на тебе женился». Я сначала вообще не могла понять, что

он написал. А потом захожу в Инстаграм, а он выкладывает фотографию, то есть он расписался. Расписался и мне написал: «Прости меня, я бы когда-нибудь на тебе женился».

— Все-таки расписался...

— Да, он днем расписался, а вечером мне это написал, что прости меня, что не на тебе. Это было в апреле. Потом мы дальше общались. Я все думала об этом, меня все это беспокоило. И потом, получается, были новогодние каникулы, он приехал домой. Я тоже была дома. Сели, поговорили, что все это как-то не то. Он: вроде жена есть, но все как-то не так. Я тоже, меня это все беспокоит. Ну, все, он: «А я тебя люблю». Я растерялась, потому что я не думала, что он меня любит. Я думала, что я его люблю, а он там все-таки женат и ничего не получится. И все. Это было 8 января 2020 года. Потом 9 января мы с ним разговаривали, но не виделись, и было время подумать. И я ходила и думала: вот он меня любит, я тоже его люблю, и что теперь, готова ли я? Потом 10 января мы с ним встретились, и я ему говорю: «Дима, если ты разведешься, я к тебе приеду». Он: «Ты хорошо подумала?» Я говорю: «Да». — «В военном городке тяжело жить». Я: «Мне все равно». Он: «Хорошо». Через неделю он возвращается, жена его была в Благовещенске, а мы — в Уруше. Он возвращается и идет подает заявление на развод. Через несколько дней потом едет ко мне во Владивосток. И потом спустя месяц я приезжаю к нему на Север. Все очень быстро получилось.

— Вы — как моя мама: она к моему папе, который служил в Уссурийске, приехала из Магнитогорска.

Вот как образовывались офицерские семьи.

Я:

— Вот вы приехали на Север: каменистые сопки, снег...

Лена:

— Я приехала в марте, там все в снегу, и наша «деревня» (гарнизон. — *Авт.*) — десять домов... И все. Первые дни, первую неделю я вообще не понимала, не то что я пожалела, что приехала, а что такое жизнь военного. Когда они

постоянно... Если первое время все-таки все было попроще, потому что стабильно приходил домой, не было такого, чтобы задерживался. Но все равно утром ушел, потом вечером пришел. Мы жили у нашего друга, потому что в нашей квартире делали пока ремонт, и жили пока у друга втроем. И мне все было как-то очень непонятно. Я помню, что каждый день, а еще и коронавирус, у него много работы. Я помню, приготовлю обед и стою возле окошечка, жду. У них с двух обед, а я с полвторого стою у окошечка и выглядываю. Идут или не идут? Идут или не идут? Сидишь, ждешь. Потом, если в дверь постучали, бежишь открывать. А, не мой пришел. Уходишь обратно. И вот так вот сидишь, ждешь. Потом, после того как мы прожили меньше месяца, его отправили в выездной караул. А я тогда еще не знала, что это такое. А ему нужно было поехать в Москву и из Москвы какой-то танк привезти в Мурманск. Для этого нужно сопровождение. И вот: «Я поеду». Это было сопровождение. Я помню, очень расстроилась, это была его первая командировка, первый раз, когда я осталась одна. Он уезжал, я плакала. У меня шок, что я осталась одна. В квартире нашего друга, где жили. И его не было всего десять дней, а мне казалось, что он уехал в какую-то вечность. Потом, когда прожили больше года, Дима смеялся. А были какие-то командировки, и я намного спокойнее к этому относилась. Ну, грустила, плакала, все остальное, но уже когда он дома, ездили в магазин, по списку покупали продукты. И вот помню, идем по магазину, а он смеется: «Помнишь, ты раньше плакала, когда я в командировку уезжал. А я сам собирался и старался последний раз не напоминать, что я уеду. А сейчас ты...» Я адаптировалась. И я уже его собирала: ты это не забыл? Ты это не забыл?.. То есть со временем так. И потом уже дольше были командировки. Все равно тяжело и грустно, но уже привыкаешь. Понимаешь: моя задача — сидеть и ждать. Сажу и жду.

Вот где терпение отличницы и пригодились.

Маленько разгильдяй, максимальный весельчак... (продолжение рассказа жены)

— Он учился на мотострелка, а стал танкистом.

Лена:

— Да, он сначала был в пехоте. А потом в танковый батальон нужны были люди. А он хорошо справлялся со своими обязанностями, поэтому его перевели в танковый. Сказали, что танкистам нужны толковые люди. Поэтому давай тебя заберем туда. Мы с ним много разговаривали. Потому что все абсолютно новое. Все сложнее. Одно дело, когда ты учился, а на танковое ты не учился. Но это ему нравилось. Потому что он любил в технике разбираться. Дома с электричеством: разобрать, собрать. Поэтому возиться с техникой ему нравилось.

— И как у него с подчиненными, не просто же сам по себе...

— Подчиненные его уважали. Я много раз видела, на какой-то военный праздник его подчиненный сказал: «Дмитрий Олегович, если бы у нас все офицеры были, как вы, то служилось бы намного легче». Его все уважали, и это нормально. И его любили. У него в принципе со всеми подчиненными были нормальные отношения, и, как его жена, я их всех знала. И все всегда: «Дмитрий Олегович», «Дмитрий Олегович». Все всегда хорошо... Он как-то умел. А я еще помню, только стали вместе жить, я ему задала вопрос: «Я не представляю, как ты можешь быть военным». Потому что он веселый, маленько разгильдяй, максимальный весельчак. Максимально несерьезный. Я говорю: «Как вот, сидят дядьки, которые старше тебя, и ты ими командуешь?» А Дима: «Я же понимаю, что это работа, и я должен там показывать пример».

Хорошо, что не службист!

Я понимал, что «маленько разгильдяй», «максимальный весельчак, «несерьезный» сказаны женой любовно.

Они делали Дмитрия Кузнецова чем-то похожим на Василия Теркина.

Елена:

— У него всегда было: показывать пример. Было забавно, когда он уходил на работу, то любил надушиться духами. Я смеялась: «Дим, к танкам идешь. Кому там запах духов?» Он: «Подчиненным, чтобы они смотрели, у них офицер такой чистый, побритый. Чтобы они такими же были». Вот такая история.

— У мужа служба, а вы чем занимались? Там же — гарнизон и сопки...

Елена Кузнецова:

— Я работала. Работала удаленно. Я дизайнер. Я в гарнизон приехала, а по работе у меня ничего не изменилось. Как работала, так и продолжала.

— Ну, вот видите, стали офицерской женой. Офицерские жены — это особая каста...

— И вот вы живете, а на Донбассе жуть: обстрелы, гибнут люди...

Лена:

— Он об этом не любил говорить. Он приходил домой и все, что касалось службы, политики, он это оставлял за дверью. Он мог рассказать о маленькой истории: сегодня то, то, а глобально — все оставлял на работе.

— Вот стал заместителем командира роты по технике... Иногда домой: руки в смоле... Это ж танки...

— Не иногда, а всегда... Чистым с работы не приходил. Когда приходил, я его встречала обязательно. Встречала: «Ура! Ура!» Он: «Осторожно, я грязный». — «Ну и что!» Потому что он все время приходил пропахший машинным маслом, весь черный. Особенно когда у них учения. Целый день на стрельбах. Он возвращается, весь максимально черный, с головы до ног. И еще командировки. Приедет из командировки, весь черный. А что делать?

— Только стирать, отмывать...

Елена:

— А он в этом плане... За всем своим военным следил сам. Я его военные вещи не стирала. Он сам. Он максимально в этом плане аккуратный. И не было такого: «Жена, вот тебе мои вещи. Стирай!» Все, что касалось военного. Он всегда ходил максимально чистый. Конечно, мог меня попросить: «Леночка, вы закиньте...», «Леночка, вы погладьте...» Еще. Но больше всего он делал все сам. А я отвечала, чтобы был порядок в доме, чтобы было вкусно приготовлено, а что касалось его военного, он сам.

— Чистюля офицер-танкист...

— Очень аккуратный. Даже вот мелочь. Чтобы у нас берцы были самые чистые! Насколько это возможно. С вечера помою, с утра будем чистить...

10

У них понятие офицерской чести, долга слишком высоко (продолжение рассказа жены)

— В декабре прошлого года вы приезжали в Урушу. И были в гостях у учительницы. Дима ей сказал, что отзывают из отпуска. А она спросила, почему, на что он ответил: «Наша часть будет участвовать в параде...»

Лена:

— Его собирались на парад отправить. Там всегда техника идет. И в этом году хотели послать роту Димы. Если в прошлом году ездила рота нашего друга, то в этом — Димы. Мы думали, что приедем и сразу уедем. Друг наш в прошлом году уезжал в январе, а вернулся в мае. А что мне в части делать, и я думала тоже поехать с Димой в Москву. Чтобы быть близко, рядом. Потом ближе к возвращению пошел разговор про учения. Он говорил: «Все-таки на парад не поедем, а поедем на учения».

— Вы вернулись в Печенгу...

— До возвращения узнали, что он поедет в командировку, только не знали куда. Я думала: в поля, на учения. В про-

шлом году они ездили под Питер в Лугу, ну, думали, туда и теперь. Проходит несколько дней, и я спрашиваю: «А куда все-таки едете?» Он: «Мы едем в Курск». — «А Курск — это где?» Я понимала, что Центральная Россия, но конкретно не знала. Он: «Ну, под Москвой». Я: «Ну хорошо». Поверила. Потом проходит пара дней, и я решила посмотреть, где Курск. Я в Интернете нашла карту, приближаю ее, видны крупные города, и я вижу Курск и Харьков. Он приходит. Я ему: «Я посмотрела, где Курск». — «Ну и что?» — «Он рядом с Харьковом». Пытаюсь узнать: «А куда у вас командировка?» Он: «Ничего не знаю. Мы едем в Курск. Не волнуйся». Ну, все нормально. Я знаю, есть друзья, которые говорили своим женам, а Дима либо не знал, либо до конца не верил, либо не хотел мне говорить. Тогда уже было понятно, что что-то будет...

— Донецк долбили... Луганск...

Лена:

— И некоторые мужья женам говорили, а он мне не говорил. Просто: «Все нормально. Все нормально». Может, кто-то и догадывался...

— А ведь кто-то и отказывался...

— Но что касается Димы, он бы никогда не отказался. Тяжело об этом говорить, но я понимала, что в нашем танковом батальоне такие офицеры, такие мужики, которые ни за что не откажутся. У них просто понятие офицерской чести, долга слишком высоко, выше всего возможного, к сожалению, выше семьи. И даже если бы ему предложили отказаться, они бы не отказались. Это мужики, которые до последнего шли и делали то, что им сказали делать.

— И вот он на Украине. Вы с ним созванивались?

— Мы разговаривали 23 февраля. Он мне позвонил. Он позвонил папе моему, поздравил с праздником. Родственникам. Он говорил: мол, завтра начинаются учения, будем без связи. А он был с обычным кнопочным телефоном, и я с утра просыпалась и посылала ему эсэмэску. То, когда вышел указ о признании ДНР и ЛНР. Я ему пишу:

«...вот подписан указ...» Рассказываю. Он потом перезванивает, спрашивает. Мы уже более подробно обсуждаем. 24 февраля я просыпаюсь, по телевизору новости, говорят, что началась спецоперация. Я, еще не осознавая, что это как-то связано с моим мужем, автоматически пишу эсэмэску: «Дим, все-таки началась война...» Еще не понимая, что произошло. Я еду в город по своим делам, к трем часам дня возвращаюсь домой, и до меня начинает маленько доходить. Ну, просто сначала я даже об этом не задумывалась, а тут начинает доходить, что это все взаимосвязано. И начинаю просто мониторить поток новостей, переключаю один за другим новостные каналы, чтобы что-то узнать. А телефоны все недоступны. 24-го никто не выходил на связь. Получается, 24-го числа мы вообще не знали, где он, что и как происходит. 25-го числа я в городке пошла к подруге, мы с ней сидим, пьем чай, пытаемся все узнать, рассуждаем о происходящем. Сидим, и тут мне звонит Дима. Из всех первым вышел на связь Дима. Он звонит, я включаю на громкую, а нас трясет, потому что понимаем, что что-то страшное происходит. Он звонит, а у него на фоне максимальный шум такой, выстрелы. Не то что из пистолета, а что-то взрывается. Очень шумно. Дима своим максимально спокойным, веселым голосом... Он в принципе никогда и ни на что не жаловался. И максимально веселым голосом: «Да, да, Лен, все нормально». — «Нормально, а со всеми? Дима, все живы?» Он: «Да». Начинаем по фамилиям спрашивать: такой, такой. «Я не знаю, я не с ними». И я понимаю, что они все разделены. И понимаю, что муж моей подруги, у которой я была, они не вместе. Но он говорит: все нормально, мол, все в порядке. И потом, собственно, каждый день так и проходил. Просыпаешься и ждешь, хотя бы кто-нибудь вышел на связь. По принципу: хоть кто-нибудь напишет, что все в порядке. И все... Я не помню, каждый ли он день звонил. Но, кажется, каждый, и всегда, когда заканчивал разговор, говорил: «Я перезвоню». Он звонил первые дни и спрашивал: «Как дела? Что в новостях?» А мы: «Как дела у вас? Все ли живы? Вы кушали? Вы спали?» Это два самых ключевых

вопроса, потому что на вопрос: «Все нормально?» — они все отвечали: «Все нормально». И уже потом спрашивали: «Все ли живы? Вы ели? Вы спали?» Отвечают: «Спали». — «Ну, сколько?» — «Где-то час...» Ну, два часа. А я спрашивала, что там вообще происходит? Было, что он один раз звонил очень сильно уставший. Но не было, чтобы он звонил: «Там что-то “ой”» — или на что-то пожаловался. Никогда не было. Он звонил всегда и четким веселым голосом: «Все хорошо. Я вас люблю. Что в новостях?» А я ему: «Я тебя жду. Надеюсь, скоро вернешься домой». Каждый раз был примерно один и тот же разговор. Сами понимаете, много расспросить нельзя. И последний раз звонил 2 марта...

— Во сколько?

— Я проснулась: 9:48. Он звонил с номера своего сослуживца. Видишь пропущенные — перезванивать, естественно, боишься. Мало ли что, поэтому пишу эсмэску: «Когда позвонить? Он звонил, я не видела. Пусть перезвонит, как сможет. С нами все в порядке». Это в 9:48 утра 2 марта. Буквально через несколько минут мне перезванивает Дима. Все — как обычно. Все хорошо. Я: «Вы кушали? Вы спали?» — «Да, у нас нормально». А на фоне стрельба. Кто-то кричал, кто-то смеялся. Обычный такой шум. Что-то взрывается. Обычный шум со стрельб. Мы поговорили минуты две. Спросили: как дела? — как дела? Сказали: я тебя люблю — я тебя люблю. Я позвоню попозже. И все. И потом до 8 марта я не знала ничего...

Мы замолчали.

11

Он про тебя подумал больше всех (продолжение рассказа жены)

— Потом к вам приехала мама... — Я продолжил разговор.

— Да, приехала. Дело в том, что первыми узнали о гибели мои родители. Наш друг позвонил моему папе. Так

Дмитрий Кузнецов

и так. Мы не знаем, как сказать Лене, потому что Лена там одна. Получилось, все поехали, подруга тоже уехала, и я осталась одна в городке. И что не знают, как сказать Лене. Она там одна. Что делать? Мама — на самолет и ко мне. В 4 утра ночью с 7 на 8 марта, получается, 8 марта я не спала... В принципе, я не спала все эти дни. Кто-то стучит в дверь. Я вообще понять не могу, потому что было страшно. Я подхожу к двери: «Кто там?» — «Мама». Я понимаю, что голос моей мамы, но она — в другом конце страны, и ей здесь нечего делать, спрашиваю: «Какая мама?» — «Твоя мама, открывай». Я стояла и минут пять с ней переговаривалась, потому что не понимала, кто пришел. Кто ко мне в 4 утра ломится?

Снова молчали.

Я слышал, как Лена всхлипывала.

Потом я:

— Мне комбат рассказал про бой... Что Дима группу ДРГ этих уродов раздолбал... Он шел впереди, а мог — как зам по технике — сзади... Не мог не пойти впереди... Не мог не заменить командира танка...

— Я все знаю...

— Лена, в Уруше вы собирали подписи...

Лена:

— Да, хотели переименовать улицу Партизанскую, где Дима жил, в улицу Кузнецова.

— И это дело застопорилось...

— Потому что у нас в Сковординском районе закон есть, что переименование можно только через три года после смерти... Либо закон поменяется, либо через три года мы к этому вопросу вернемся, чтобы до конца это дело довести...

— Но можно второе название... Вот мы на родине Егора Исаева к прежнему названию добавили второе — имени поэта...

— У нас в любом случае — три года...

— Какими словами вы можете определить то, что совершил Дмитрий Кузнецов? Что такое его жизнь для нас?

— Это пример того, каким должен быть воин... Человек, который был и есть пример... Это реальный пример настоящего военного, несмотря на то что он не хотел поступать в военное училище, несмотря на то что ему не очень близка была военная карьера, несмотря на то что ему тяжело давалось учение, он выбрал этот путь и не изменил... Он всегда говорил: «Я стану генералом...» Я у него спрашивала: «Когда на пенсию пойдем?» — «Когда стану генералом, тогда пойдем...» Ведь, когда все это началось, многие стали отказываться, а вот Дима... Дима — это тот человек, для которого долг, честь больше, чем для многих... Он понимал по настоящему, что эти слова означают. Он понимал, что, раз

он пообещал Родине, что он до конца будет, он это делал... Конечно, мне об этом очень больно говорить. Я всегда всем говорю: когда все это было, он обо всех подумал, только не подумал про меня. То есть он подумал про ребят, про ситуацию, про то, что он должен это сделать, но не подумал ни секунды про меня, что если что, то Лена останется одна... Но потому, что у него вот это было выше...

— А вы знаете, что, быть может, в этом и величие человека, что он жертвует самым бесценным, самым дорогим, самым незаменимым, и видите, вот так... Вы же для него бесценный человек... Бесценный...

— Да. Когда я папе говорила, что он обо всех подумал, а обо мне не подумал, он мне отвечает: наоборот, он о тебе подумал больше всех. Что если все это не произойдет, то будет в нашу сторону и, может, еще хуже быть...

Он, наоборот, про тебя подумал в первую очередь.

Чтобы у тебя было хорошо...

Лена плакала...

Теперь я ждал новостей из Печенги об установлении памятника сложившим головы ребятам и готов был три года ждать, когда улицу Партизанскую в Уруше переименуют в улицу Кузнецова.

4 сентября 2022 года

ПРАПОРЩИК МИТРОФАНОВ

1

Командировка в один конец

6 июля 2022 года на сайте Борисоглебского медицинского колледжа появилось сообщение:

«Безвременно ушел из жизни выпускник нашего колледжа Дмитрий Митрофанов. Светлый человек, с открытой душой, чистым сердцем, прекрасный сын, любящий муж и отец, глубоко преданный семье и Отечеству. Дмитрий погиб при исполнении воинского долга в ходе специальной операции на Украине.

Преподаватели и выпускники Борисоглебского медицинского колледжа выражают искренние соболезнования семье Дмитрия. Мы потрясены и скорбим вместе с вами. Это тяжелая, невозполнимая утрата.

Светлая память! Помним, скорбим!»

Я искал теперь родных Дмитрия Митрофанова и, с помощью районного военного комиссариата найдя его отца, договорился с ним о встрече.

1 августа оказался в Борисоглебске и позвонил ему.

Он сказал:

— Подъезжайте к фонтану у театра... Я через двадцать минут буду...

Я сидел на скамье гудящей, шумящей от ребятни аллеи и ждал, сам подумывая, не сходить ли на речку Ворону и освежиться: так захватывающе с визгом дети бросались под струи фонтана.

Но вот мои мысли отвлек сухощавый, подтянутый мужчина, который приближался к фонтану и набирал номер телефона на сотовом, и звонок зазвенел у меня. Он увидел

мою реакцию и направился ко мне: мы поняли, что ищем друг друга.

Отошли от гудящей малышни в сторону и сели в теньке на скамью.

И началась наша беседа.

— Андрей Юрьевич, когда ваш сын Дима родился, где...

— Родился в 1989 году здесь, в Борисоглебске. Учился в школе 3-ей, после окончания в техникум поступил. Через год заявил: это не его.

— В какой техникум?

— Сельскохозяйственный. Я ему: «Дима, для тебя все ворота открыты». Он: «Я хочу на медика».

— А почему?

— Видимо, потому, что я с детства его приучал. Вот надо мне что-то на пальце вырезать. Я ему даю скальпель, и он вырезал. Фурункулы, чирьи. Зубы. Он сам всегда видел: я зубы сам себе дергал.

Все зубы раскачивали, ниточками обматывали, чтобы вытащить.

Отец:

— Раз в четыре с половиной годика повел его в поликлинику зуб дергать молочный, приходим, я: «Сын, ты знаешь, что мужики не плачут?» Он: «Че?» — «Ну зуб же больно дергать. Мужики только огорчатся. Можешь две слезы пустить, хлюпаный не должно быть». Врач: «Ты не уходи, держи. Он же сейчас визжать будет, убегать». Я: «Нет, этот не будет». Я только сзади стал и стою. Он: «Точно?» Я: «Точно». Вот он там зуб выдрал, этот даже не пикнул. Слеза только покатила. Он выходит: «Пап, я что, не мужик?» Я ему: «Это не слезы, это огорчение».

— Убедительно....

— В медколледж пришел, учился, но не доучился, его призвали в армию. Они его — в Тамбов. В ВДВ. Мы к нему ездили. Там ребята и живут. И общежитие. Там — кто без семей, кто инвалиды. И срочники там на одной территории, — показал мне фото, в центре которого стоял Дима в тельняшке.

— Крепкий парень...

Отец:

— Даже от Тамбова на парад на Красной площади ездил. Ремень сразу ниже пояса носил...

— Как «старик», — рассмеялся я.

— Я его Рубанком называл...

— А почему? — засмеялся я.

— Дюже ответственный. Я бы ноги не стал так отбивать на плацу, чтобы на парад попасть.

— Ну что вы так... — понимал, что отец ерничает.

Он гордился тем, что его наследник маршировал по Красной площади на 9 Мая.

Отец:

— Его переубедить бесполезно. Он цель свою ставит — и...

— Сын проходил обкатку-закалку...

— Отслужил год. А у него в Чечне — тетка, дядька, его двоюродный брат в Чечне. Зовут: «Давай к нам». И он заключает контракт — и в Чечню. Получает прапорщика медицинской службы и в разведке. И там — семь лет. Жену туда с собой увез. Там жила с ним в военном городке. Обыкновенная воинская часть по борьбе с террористами. Они добивали их в горах. Потом с его двоюродным братишкой беда случилась, погиб. Диму пронесло. Потом он из Чечни: заварушка была — а грудной ребенок, и уволился. Потом — две ходки с частной компанией. Охрана предприятий. Нефть, алмазы. И сейчас на Украину собрался.

— Смотрю, вы тоже бывалый...

— Подписка, об этом говорить нельзя.

Я так и не понял: шутит он или нет.

— И вот на Украину...

— На Украину пошел через военкомат... Сказал: «Батя, кажется, в один конец...» Понял, что это последняя его командировка...

— Со знакомыми, родными попал?

— Нет, ни с кем.... 7 июня, кажется, он уехал. Везли... 17 июня от него последний звонок был, и пошли на задание.

Прислал эсэмэску: все, связи не будет. И 26 июня погиб... В тридцать два года... Вот и получилось: командировка «...в один конец». Вот справка... «Медицинское свидетельство о смерти... 4.08.89 года рождения... Украина, Харьковская область с. Долгенькое... Смерть в период действительной воинской службы...»

Село Долгенькое находится в Изюмском районе Харьковской области, в десяти километрах от Северского Донца. Окружено лесными массивами, что говорило об особой сложности боев.

— Отчего погиб?

Отец — в свидетельстве:

— «Травматический гемопневмоторакс... Открытая рана грудной клетки... Военные операции, вызвавшие повреждения... взрывом или осколками...»

— Так как погиб?

— Ребята, которые привезли, говорили. Я ведь до последнего не верил. Но открыли гроб, посмотрел: сын. И им: «Опишите, как произошло». Они: мина. А какая? Их ведь тьма. И «Солнцепок». Это как ракетный, артиллерийский снаряд. Если он ложится, струи наподобие фосфора. Выжигают все. Если серебро на шее — выжигает. Так тело все цело, голова подгорела...

Обстоятельства гибели повисали в воздухе.

— Вот его привезли...

— По договоренности отпели его здесь. Отвез в крематорий. У меня с ним договоренность была: если я — он меня кремирует, если он — я его. Мать подготавливал. Мать тяжело перенесла. Я твердолобый, и такой же сын. Капсула на нашем кладбище в земле. Отдельный участок выделили от военкомата. Мне с военкомата сказал: «Оркестр будет». Я сразу: «Только солдат с автоматами. И больше ничего». Я не люблю шествия. Пацаны его тамбовские приехали. Кто из Москвы, кто из Тамбова. Кто на гражданке, кто воюет. Простились. Поминки...

Теперь спросил про самого отца:

— А вы из каких краев?

— Сам я борисоглебский. Школа. Помощник машиниста. В Поворине отучился. Армия...

— А потом?

— Из армии пришел. Двенадцать через двенадцать работать — я что, негритенок? Отучился и здесь работал на городских автобусах.

Резкий папа.

— Давайте к сыну.

Отец:

— Весь город знает. Он шустрый, он — шило. С четырнадцати лет зарабатывал деньги на дому. Я уехал в Москву и оставил свое дело. Он звонит: «Папа, я тридцать четыре тысячи заработал». У нас ведь платки вяжут. А вяжут на машинках. Я эти машинки ремонтировал. Мне их даже из Воронежа возили. А в Москву как уезжал, что такое дело терять? Тем более ему четырнадцать лет было. А он ловил все на лету. Я ему: «Деньги нужны?» А он: «Как они ко мне пойдут? Придут, а я пацан...» Я ему: «Мне позвонят, а я тебе скажу, объясню, что нужно делать». Девки понесли ему машинки...

— С четырнадцати лет имел дело... — восхитился.

— Он мне: «Папа, куда деньги девать?» Я: «Сына, ты их заработал, они твои. Хочешь, мамке отдай, хочешь, себе что купи...» Я с детства приучил его насчет этого, он молодец был. Деньги зарабатывал, еще меньшим был...

— А потом техникум — не техникум, а к армии почему?

— Потому что его старший двоюродный брат Сашка в Чечне был. Потому что тетка в Чечне, дядька — мичман, а тетка — поварихой...

— И потом еще — на Украину...

— Родных, знакомых в армии туча. Все ему: «Дима, куда ты лезешь? Выбирай любую точку...» А он: «Нет. Я решил...» Он лез всегда туда, где сложнее...

— Труднее...

— И всегда прикалывается... У нас в семье — все на приколах. «Веселая семья Симпсонов». Был такой мультсери-

ал «Симпсоны». О семье, которая проживает в доме 742 по Вечнозеленой Аллее в вымышленном городе... Они не знали, что такое в семье скандалы...

Хорошо бы так всем.

— У вас один сын?

— Еще дочь... Все — на приколах... А по жизни... Сына драться (в смысле стоять за себя) сразу научил. Стрелять — сразу. Дрель держал в руках, только на ноги стал. Коловорот крутить. Раньше электродрели не было.

— В школе?

— Звездный мальчик.

— Как это так?

— По гороскопам. Я — Телец, его мать — Козерог, а он у нас Львенок... — сказал и добавил: — Потому что всюду участвовал. В танцах. Везде, какие сборища...

— А учился?

— На «хорошо»...

Понял: отец с ним не сидел и уроки не делал.

Прапорщик Митрофанов

Андрей Юрьевич вытащил из папочки листок:

— Это грамота из колледжа...

Прочитал:

«... I место в конкурсе “силовая гимнастика”».

— Он качок, — сказал я.

Отец:

— Я же ему с детства говорил: сын должен быть лучше отца во много раз... Он везде первый, что в школе, что в колледже...

Дети шумели, а мы, словно не слыша их, говорили.

Потом я спросил:

— Его государство теперь как-то отметит?

— Его наградили... У его жены Лизы спросите...

2

По зову сердца

Раздался звонок.

Андрей Юрьевич:

— Да, Лиза... Хочешь, подъезжай... Мы у фонтана.

Отключил телефон:

— Это невестка...

Я понял: жена Дмитрия.

Вот к нам подошла молодая женщина и присела между нами на скамью.

— Вы когда с Димой познакомились? — спросил я.

— Вместе учились в колледже...

— И что это за паренек?

Отец вмешался:

— Красавчик такой приходит... Девки передрались...

Лиза:

— На фельдшерском отделении...

— Кем хотел быть?

— Ну как. Мы сидели с ним вместе за одной партой.

Отец:

— Доктор бы хороший получился. У нас судмедэкспертиза, так он неделю там сидел!

— Сколько учились? — спросил у Лизы.

— Вообще-то пять лет у нас, но в 2010 году его на срочку забрали в Тамбов. А я осталась учиться. Он год отслужил, вернулся из Тамбова. Восстановился и на курс младше меня доучивался. Выпустился, получил диплом и поехал в Чечню служить.

— Вы тоже поехали?

— Он сначала уехал, а через год как мы поженились, и он меня забрал.

— А где в Чечне служил?

— В Грозном воинская часть, там военный городок. Там общежитие нам дали. Когда еще уезжал, он не знал, как там, и говорил: «Я поеду, узнаю, устраюсь... Если будет возможность, я тебя потом заберу».

— Контрактник...

— А там нет срочников, там только контрактники. Часть боевая. Через год ему дали комнату в общежитии, и я приехала. Через полтора года у нас ребенок родился...

— Как шла у него служба?

— Там боевая часть. У них выезды. На неделю. Могли — на месяц.

— Кем там был?

— Медиком. Я точно не знаю, как называется, но боевая группа, а он в этой группе медик. На задачу выходит группа, и с ней обязательно должен идти медицинский работник. Он шел как санинструктор.

— Что-то случилось: ранения...

— У них такого не было, в других группах было...

— Вам нравилось там жить?

— В Чечне хорошо. Там красиво. Все отстроено. Мы жили там в части. Но у нас не было свободного выхода в город. Это Грозный, и на окраине закрытая часть. Вход только по пропуску...

— А насчет погибшего двоюродного брата Димы? — вспомнил рассказ отца.

— Он переживал. Но там не связано с боевыми действиями. В отпуске все произошло...

Отец:

— Это кумир его был...

Лиза:

— Старше Димы лет на пять. Он тоже был военным...

Отец:

— Он за ним и уехал... Димку нянчил, когда тот малышом был...

— Сколько Дмитрий прослужил?

Елизавета:

— С 2013 по 2018 год...

— А что не остался дальше?

Лиза:

— Он хотел развития какого-то... Он не мог сидеть на месте. Ему нужно было менять обстановку...

«Шило», — вспомнил слова отца о сыне.

Лиза:

— Он служил, поступил в наш педагогический институт на психолога-педагога... На заочное отделение

— Какой пытливый!

— Ездил на сессию... Он закончил вуз, когда ушел с контрактной. Получил высшее образование... Ему нужно что-то менять. Тем более там все закрытое. Морально. Я могла в город выехать в магазин, а их никого не выпускали. То есть он в часть заходит, и все...

— Нельзя, ведь спецназ...

— Что-то хотелось новое внести в свою жизнь...

— Контракт не продлил. И дальше?

— Дома....

Отец:

— Год. С детьми возился. Ребенок один, потом второй... Охранное предприятие. Нефть охраняли...

Лиза:

— Командировки... Уезжал, отработает, приедет, дома отпуск побудет и снова уезжает...

Я подошел к главному:

— И вот — на Украину...

— Я пыталась его отговорить, но... У него характер такой: решил...

— А почему решил?

— Зов сердца, как он мне говорил. У него сложилось: он военный, медик.

Отец:

— Не мог смотреть на все, что творилось...

Обстрелы Донецка...

— Вам он что говорил?

Лиза:

— Дословно: «Мне моя работа нравится. Я не хочу работать бог весть кем...»

Отец:

— Грузчиком...

Не по нему.

Лиза:

— Я ему предлагала: «Поехали, устройшься работать в больнице. Хочешь военным, в госпиталь. Ты медик, иди, работай». Помимо медицинских, у него было еще много корочек. Он массажистом мог работать. Тренером... По культуре...

«Педагог-психолог».

Лиза:

— Вариантов была масса. Давай поедем... Массажисты тоже хорошо зарабатывают... Он: «Дело не в зарабатывании, а в том, что я хочу служить...» Он идет — боевой медик. Для него это было значимо.

— Военным делом...

— Да, и военное, и помощь он оказывает. Там все.

Отец вдруг четко:

— Родине благо и нам защита... Сейчас мало кого поднимешь защищать...

— И вот собрался в военкомат... — продолжал я разговор.

Елизавета:

— В военкомате его быстро оформили. За неделю. 7 июня (2022 года) он уже уехал. Сначала — на Воронеж. Там подписали контракт, и потом — в Богучар.

— Вы с ним созванивались?

— Связь была до 17 июня десять дней. Где, что, не говорил. Просто я знала, что где-то едет. И 17 июня утром позвонил и сказал: «Я уезжаю». Про место, про территорию ничего... Единственное, что я знала, — медиком...

— Один, без знакомых...

— Да...

— И как события разворачивались потом?

— Вот 17-го позвонил, сказал, связи не будет. Как возможность будет, позвонит, напишет... И 4 июля ко мне домой пришли из военкомата и сказали: «Ваш супруг Дмитрий... погиб при выполнении боевых задач...»

Мы молчали.

— На прощание приезжали ребята? — спросил я.

— Много ребят приезжало и с работы, и из Чечни, человек десять...

— Что рассказали о гибели?

— Ничего.... Они же не были с ним на Украине...

— Кто-то ведь привез тело, знал небось...

Отец:

— Прапорщик привез. Но даже не из его части...

Лиза:

— Даже если кто-то с ним и был, то еще там...

— Где прошло прощание?

— 7 июля простились перед домом. Отпевали. Потом кремировали... 9 июля — прощание на кладбище... Захоронение... Приезжал епископ... Караул почетный... От музыкантов отказались...

— У него есть награды за прошлые годы? До командировки на Украину...

— Да, были...

— Какие?

Потом Лиза прислала удостоверение к медали «За службу в разведке». Выходило, Дмитрий Митрофанов служил в святая святых, в войсках, относящихся к военной разведке.

В конце разговора я, видимо, опростоволосился, когда спросил:

— Чем вы занимались потом...

Лиза:

— Я работала... Теперь — с детьми...

3

Учитель из медколледжа

Мне хотелось теперь поговорить с кем-нибудь из педагогов медицинского колледжа, который окончил Дмитрий Митрофанов. Оказавшись в Борисоглебске 10 августа, пришел в колледж, и мне помогли: связались с куратором группы Митрофанова — Верой Валерьевной Смолиной (она отдыхала в Крыму) и дали мне ее телефон. Сказали: она ждет вашего звонка

14 августа я позвонил Смолиной.

— Вера Валерьевна, можно о себе немного, — попросил. — Давно в медколледже работаете?

— Я в медколледже работаю с 1999 года, сразу после окончания пединститута.

— А что вы окончили?

— Борисоглебский педагогический институт. Историко-филологический факультет. У меня в дипломе написано: «Учитель русского языка и литературы». А сама я борисоглебская...

— А почему в медколледж пошли?

— Мне в школе не очень хотелось работать. Хотелось работать со старшими детьми. Просто воля случая. Мне сказали: иди, поработай. И я пошла и вот до сих пор работаю.

— И какой предмет преподаете?

— Обществознание...

— А можно задать общий вопрос: на кого учит медколледж?

— Мы учим на медсестер, фельдшеров. Учили на зубных врачей. А сейчас мы учим на фармацевтов. Теперь у нас три специальности: сестринское дело, лечебное дело и фармацевция.

— Колледж гремит...

— Наш колледж, скажем так, славится. Без излишней скромности надо сказать, что подготовка хорошая. Но еще та, советская, скажем так...

— Надежная.

— Пропуски отрабатываются. Если ребенок не поймет, объяснишь. И с практики, если он не научился там что-то делать какую-то манипуляцию, он не уйдет. Что называется, пока не научится. Это у нас четко.

— То есть в лечебном деле ошибиться нельзя.

— Нет, бывает, приходят такие, кому показалось, что они могут быть медиками. Но, как правило, они уходят с первого курса. Потому что дисциплина. Вот чем мы отличаемся: дисциплиной, и нашу дисциплину не все могут держать. И они начинают говорить: о, е-ей! Медицина — не наше. Медицина — не мое, и уходят. По большому счету, на первом курсе — никакой медицины, у них программа 10—11-го классов. Но все равно уже как-то нацеливаем, но дети решают: не-не, это не их... Но те, кто доходит до выпуска, это по большому счету штучный товар, и мы знаем точно, что за каждого из них нам не будет стыдно. Свою жизнь я им доверить могу, это уж точно. Мне не страшно.

— А вот в Воронежском медучилище выше уровень образования?

— Нет, такой же, как и у нас... Они выпускают с таким же средним образованием, как и мы...

— Получается, ваших выпускников везде можно встретить, в больницах, в поликлиниках...

— Конечно...

— А мальчики попадают?

— Да, три-четыре мальчика в каждой группе... Но на фельдшерское дело — больше. У нас раньше как было? Они приходят на первый курс, на подготовительное отделение. Это было до 2010, 2011 года. Дима (Митрофанов), когда учился у нас, они приходили на практику на подготовительное отделение с программой 10—11-го класса, школьной. Кто-то забирал документы и уходил в другое учебное заведение, а кто-то выбирал: одни шли на сестринское дело; другие — на лечебное, не хотел фельдшером быть; а еще — учиться на стоматолога. Дима год учился, а потом перешел в группу фельдшерства.

— Как у него с учебной?

— Он был серьезный парень, на него всегда можно было положиться. Несмотря на то что ему было пятнадцать-шестнадцать лет, он был мужик всегда. Учился он хорошо, твердо учился. Без взлетов и падений. Сюрпризов. Естественно, были какие-то нарекания. У кого их не бывает. Он парень с характером. Какое-то время признавал только черно-белую одежду. Были какие-то моменты. Но стоит ли сейчас все это вспоминать, такую ерунду... Он очень хотел дружить. Но был очень принципиальный парень. Он общался со всеми, но достаточно сдержанно. Дружить — у него были свои друзья. Вот он не был душой компании. Но если шел в компанию, то мог и анекдот рассказать, внимание обратить. Но чтобы совсем рубаха-парень, со всеми, со всеми общаться, такого не было.

— Не сразу выбрал путь медика.

— Да, год или два он учился в сельхозтехникуме. Конечно, он был красавчик. Девчонки устраивали битву за него. Тихая девушка Лиза ко мне подошла: «Вера Валерьевна, можно буду с Димкой сидеть? На последней парте». Я говорю: «Конечно, можно». В итоге она вышла за него замуж.

— Мне Лиза говорила: сидели за одной партой.

— Сама Лиза танцевала в народном ансамбле «Калинка», и у них сценки были. Там Дима участвовал в них. Пом-

ню, к 9 Мая был какой-то номер. Они в солдатской одежде. Привал...

— Чтили День Победы...

Смолина:

— На последнем курсе он тоже выступал, но я не могу сказать, так как была в декрете. Он не был солистом, но, когда нужно было поучаствовать в студенческой «Весне», он никогда не отказывался.

— Его в армию призвали со студенческой скамьи...

— Да, после третьего или четвертого курса. Они тогда пять лет учились. И когда вернулся из армии, доучивался. Мы вообще-то дружили. Когда они с Лизой поженились, он по контракту уехал служить в Чечню. И когда они приезжали, ко мне в гости приходили. Он внимательный был парень.

— Лиза говорила: Дима хотел быть военным медиком. Видимо, это неспроста...

— Он и в армию шел и всегда там числился медиком. Он хоть и воевал наравне со всеми, но числился медиком.

— Такая тяга у него.

— Конечно. Потом, кажется, в прошлом году осенью, он захотел пройти у нас курсы повышения квалификации по массажу. Ему: «Дим, да зачем тебе это надо?» — «Нет-нет. Хочу обновить. Мало ли чем на пенсии заниматься буду...» По-моему, он и проучился...

— И в пединституте высшее образование получал...

— Да-да, он учился. Хотел, чтобы у него было высшее образование.

— Продвинутый парень.

Смолина:

— Однозначно! Он на месте никогда не сидел, всегда развивался, всегда к чему-то стремился. Новое узнавал. Здесь надо отдать ему должное. Он всегда был на гребне волны, что называется. В курсе всех дел.

— А как у вас в колледже с клятвой Гиппократата? Не пройди мимо больного...

— Знаете, у них на втором курсе был предмет «Основы сестринского дела». Это предмет о манипуляциях, которыми медик должен владеть, и вот там они изучали Кодекс медицинской сестры. И потом этика. Эстетика. И была общая направленность всего учебного процесса. Мы всегда говорим о профессионально-значимых качествах медика. Человеческой любви. Состраданию. И так далее, так далее. И всегда вслух это произносится. И мы, если и не произносим, то понимаем, о чем говорим. У нас это всегда витает в атмосфере...

— Впитывается в плоть и в кровь...

Вера Смолина:

— Да. С первого курса мы закладываем эти азы. Конечно, на первом курсе у нас — общая компетенция, а со второго курса — профессиональная компетенция. Знания-умения, что они должны знать. Но вот эти постулаты медицины, пусть и незримо прописаны другими словами, но, тем не менее, суть-то та же остается.

— И Митрофанов эти требованиям соответствовал...

— Он соответствовал на все сто процентов.

— А родительское влияние чувствовалось? Отец, мама...

— У него были достаточно близкие отношения с отцом.

Ну, мама есть мама, маму, естественно, всегда жалел. Всегда оберегал. Даже если какие вопросы-проблемы возникали, он: «Я решу сам. Родителям не надо...» Сам исправится. Все хвосты исправит. Недоразумения, какие возникали. Но достаточно близок был с отцом.

— Но отца приходилось вызывать?

— Может, не без этого. Я уже таких моментов не помню.

Когда на первом курсе был, мы с ним справлялись. Потом, конечно, когда взрослеет человек, у него все взрослеет, все меняется. А на первом курсе мы с ним справлялись, — сказала и засмеялась.

— Он любил ваш вуз?

— Да, наш вуз, наш колледж, мы так его называем, он очень любил. Всегда, когда он откуда-то приезжал, из ко-

мандировок тех же, он всегда приходил к нам в гости. Не было ни одного отпуска, чтобы он мимо прошел. Ни одного!

— А что вы знаете насчет последних событий с ним?

— Для меня это как гром среди ясного неба. Все расспрашивать было неудобно, честно говоря. Я была на отпевании. Но спрашивать...

— В памяти колледжа Дмитрий останется каким-то образом?

— Разумеется. Должен, обязан и естественно останется. Это даже не обсуждается...

— А в какой форме это может быть?

— Ну, конечно, мы будем рассказывать о нем на классных часах всем нашим детям. Первое, что мы сделали, написали на сайте колледжа о том, что Дима погиб. Как только мы узнали. Думаю, в музее колледжа ему местечко найдется.

Мне рисовалось много действий в память выпускника медицинского колледжа в его альма-матер.

— А все-таки Дима какой?..

— Он по знаку зодиака Лев и вел себя, как лев. И в ссоры, несмотря на то что мальчишка, никогда не вмешивался. Свысока на все это смотрел. Но, конечно, когда дело доходило до какой-то точки кипения, он мог достаточно серьезно рубануть. И конфликт исчезал само собой.

— Веский парень... У него папа тоже, я бы даже сказал, жесткий...

— И Дима был достаточно жестким, они очень похожи. Серьезный парень. Ньюни разводить не будет. Хотя он абсолютно таял, когда видел своих мальчишек. Абсолютно таял. Они могли с ним делать все, что угодно. Конечно, делал серьезный вид, а мы знали, что он нежно и трепетно относился к Лизе.

— К жenuшке...

— Конечно. Несмотря на то что внешне очень серьезный... Может, даже жесткий человек. Но у Лизы, имя его только произнесешь, выражение лица менялось.

— Лев...

Учителя жили своими учениками, а ученики шли по жизни с их учительским багажом.

4

Он был и другом и боевым надежным товарищем...

В день, когда я пообщался с Верой Валерьевной Смолиной, мне удалось поговорить с Валентином Анатольевичем Гуровским, старшим сержантом разведотряда.

— Как свела жизнь с Дмитрием Митрофановым?

— Мы служили вместе в Грозном. И знались. Но когда начали жить по соседству, а нас поселили в одном блоке в общежитии, мы сдружились. И наши супруги — тоже.

— Как жилось?

— Супруги тесно общались. Там наши комнаты отдельно, а кухня, ванна общие. Мы питались совместно. Они готовили, а мы приходили, они накрывали и вместе садились за стол...

Общий котел.

— И как долго вы так жили?

— Года три-четыре...

— Породнились, одним словом... А служба?

Гуровский:

— Дмитрий по должности был фельдшером в санчасти. Но у нас спецподразделение, и мы вместе выходили на задание. И он — по своей специальности.

— Ему нравилось там?

— Он хорошо разбирался в медицине и всегда мог подсказать. К нему можно обратиться... Мы же выходили на разные точки. Поднимались на вершины. На разные высоты, и на каждой высоте — свой пейзаж. Там и леса и склоны. И снега. Зимой белая экипировка. Белый чехол на рюкзак.

— Маскировка...

— Камуфляж. И ему нравилось в горах. Я думаю, мало кому горы могут не нравиться. Кто живет в горах, может, им могут не нравиться, — пошутил. — А когда на горы смотришь, завораживающее зрелище. Массивное, мощное кругом. За душу берет...

Вот она, служба в горах!

— У вас выходы, наверно, не на день были...

— Ну, мы и неделю, и две могли ходить там. К каждому выходу готовились. Брали и теплые вещи, и сменные. И сухпай. И воду. Ну, воду мы чаще всего брали на три-пять дней. Потому что в горах много ручьев. В горных реках питьевая вода. Потому что все равно, если идти на неделю — десять дней, воды не напасешься. Получается, брать одну воду...

— Ну, вот с вами идет Митрофанов, который тащит еще и лекарства.

— Они у него в рюкзаке, а отдельно еще сумка со всеми медицинскими причиндалами...

— Ему приходилось оказывать помощь?

— Случаи разные были. И боестолкновения. И просто, когда идешь, а от изнеможения падает, или паралич. Естественно, он показывал свою работу. Ту же самую глюкозу, когда у человека идет истощение организма, — кололи глюкозу. Чтобы привести в чувство. У нас специалисты-медики, и Димон хорошо свою работу знал. Он знал, что нужно с собой взять. Что-то ему выдали, а что-то сам покупал для себя и чтобы помочь ребятам.

— Балластом в вашей группе не был...

— Он никогда не был балластом! От него всегда поддержка. Он больше был поддержкой. Он физически хорошо развит. Он вынослив был. Если кому-то помочь, то такого не было, чтобы балластом...

— А насчет трусости, смелости...

— Димон напористый. У него всегда было свое «слово». Он очень характерный парень. Он всегда мог на своем настоять. Вот он понял, что он прав, он стоять будет на своем. И в плане трусости — такого не было. Чтобы где-то отси-

делся, сделал вид, что не увидел. Он отзывчивый. И, насколько я знаю, он погиб, когда пошел за ранеными...

— У него в руках ведь и оружие, а не только сумочка с красным крестом...

Гуровский:

— Автомат... Все с оружием. Ему приходилось и воевать. У него и должность: разведчик-фельдшер... У нас у всех, неважно, кто ты, пулеметчик, гранатометчик, наводчик, водитель, в военном билете первое, что прописывается, — разведчик. Ты уже как специалист идешь...

— А ваша работа...

— Боестолкновения, подрывы... Не редкость...

— А где при боестолкновении Дмитрий?

— Он — в ядре. Он — в середине. По его специальности он должен контролировать все стороны. Он — в середине, и в случае чего он должен прийти на помощь. Чтобы не получилось, что он — с одного края, а в противоположном он нужен. Тогда он не сможет доползти, или добежать, или услышать... По его обязанностям должен находиться в центре...

— Ему приходилось выносить раненого?

— Были случаи, когда после подрыва нужно оказывать помощь.

— Ну, вот подорвался боец...

— Там от тяжести раны. Но в первую очередь нужно остановить кровь. Наложить жгут. Обезболить. Можно же и от болевого шока... Он обязан был человека в стабильное состояние привести... Здесь как раз показывается профессионализм... Там же счет идет на секунды. Если фельдшер растеряется, то... Вот тут его навыки, его профессионализм и проявлялись. Он не должен растеряться. У него четко, все на автомате отработано, что надо сделать...

— Такие случаи были у Митрофанова?

— Были...

— Значит, есть крестники прапорщика Митрофанова... Те, кого он спас...

— Есть те, кому он помог, кому оказал свою помощь... Кому — жизнь, кому — просто. Были такие ситуации, когда оказывал...

Они, вне сомнения, поминают своего медика.

Я спрашивал:

— Отец у Димы жесткий. А сам Дмитрий...

— Он грамотный, не отнять у него... И мог и командиру ткнуть, в чем тот не прав... Он — из тех людей, кто любого может воспитать...

— Честность во имя дела.

Гуровский:

— Он справедливый. И не из тех, кто с гнильцой. Тебе в лицо улыбаться, а за спиной будет тебя... Если ему что-то не нравилось в человеке, он прямо говорил. Он не держал таких людей рядом с собой. Это неважно для него, выгадает он или нет. Если человек неприятен, то он напрямую ему говорил: ты такой...

— Дело, которым вы занимались, оно на грани жизни.

— А если он хорошо к человеку относился, он и отзывался, общался с ним с легкостью...

— Можно сказать, что он — человек чести?

Гуровский:

— Да, если одним словом. В нем не было гнильцы...

— А у него были награды?

— Наград не было, по-моему. А министерские, ведомственные знаки отличия.

— Вот я книгу «Герои Сирии. Символы российского мужества» писал. И там — про одного штурмана, Линника. Еще когда он воевал в Чечне. Так он так навел самолет и так пустил ракету, что она попала прямо в пещеру боевиков. Прямо внутрь вошла, и сами понимаете, что там от банды осталось. Так командир полка сказал: «За такое положен орден Мужества. Наградим летчика». Летчик: «А моего штурмана?» Командир полка: «А второй орден отдадим выпускнику академии, который к нам пришел». Тогда лет-

чик отказался от награды... Такие вот истории случаются... Были ли ситуации, чтобы Диму стоило наградить, а ему помешала честность?..

Валентин:

— Да, он страдал из-за своей честности. Когда свое слово скажет, кому это нравится? Это всегда так в армии было, когда ты имеешь свое «я», ты начинаешь страдать. «Вот так, разрешите, побежать, так сделать...» Да, были такие случаи. Допустим, когда ему не нравилось, он высказывал начальству, естественно, начинали говорить: он такой-сякой, да зачем он нужен...

— А это не послужило причиной тому, что он не продлил контракт и они с Лизой уехали?

— Честно вам скажу. Может, ему и надоело. Много терпения надо, чтобы остаться служить.

— Конечно. И тем более, у вас особенная часть.

Валентин Гуровский:

— Да, закрытая... Выходов за забор никаких... Вот вы спросили о честности, начинаешь свою честность показывать, тебе в лицо никто не говорит...

— А отзывается...

— Поэтому, чтобы нормально служить, надо где-то промолчать. А Димон мог сказать. Он не любил молчать. Ему не нравилось, он высказывал.

— Рубил правду-матку.

— Рубил...

— Вот он уволился и уехал. Вы остались?

— Я до сих пор служу.

— Ради нашей страны служите и дальше, ради Бога... — сказал и спросил: — А продолжали общаться с Дмитрием?

— Конечно, мы созванивались. Мы виделись месяца за полтора до его гибели. Он приезжал ко мне в гости.

— Он тосковал об армии?

— У него периодически возникали такие мысли.

— Он же парень продвинутый: окончил медколледж, учился в пединституте, все новое впитывал... — произнес

я и перешел к его последней службе: — Подумывал поехать на Украину...

— Да, приезжал в мае месяце. Говорил, хочет поехать.

— Использовать себя, он же воин-медик...

— Принести пользу...

— Это же не для красного словца делился с вами...

— Он говорил: вернусь домой, пойду в военкомат и узнаю, можно ли на полгода или на три месяца...

— А вот то, что женушка, двое деток. Это же тоже к чему-то обязывает.

Гуровский:

— Если он решил, то переубеждать бесполезно. Я же говорю: если он что-то решил, это железно...

— Лиза небось его отговаривала, говорила: иди этим поработай, этим... Этим...

— Да, Лиза отговаривала. А он...

— И как на Украину...

— Потом, как приезжал ко мне, в конце мая мы еще с ним созванивались. И он сказал: поедет. В начале июня мы созвонились, он сказал: едет. И больше не созванивались.

— И как там?

— Лиза моей супруге сказала, приезжал командир Димы, привез его крестик с цепочкой. И рассказал, как погиб. Они попали под обстрел, и он полез вытаскивать раненых. И на mine они подорвались. Он то ли был живой. То ли его своевременно эвакуировать не смогли...

— А как у него там служба?

— Он же такой. Ему что-то поначалу там не нравилось, и он даже собирался уехать. Они, когда пошли, ему командир: «Ты же собрался уехать?» А он: «Куда уже. Теперь едем. Поехали».

Вот как раскрылся Дмитрий Митрофанов.

Он поехал выполнять свой долг.

Заговорил о последнем:

— Какими качествами должен обладать спецназовец?

— Сдержанность. Должен быть эмоциональный контроль...

Понятно: в любой ситуации — без паники.

Гуровский:

— Мужественный...

Ведь мужики.

— Смелый...

Смелость города берет.

— Решительный...

Не ждать у моря погоды.

Гуровский подводил итог:

— Ведь счет идет на секунды, на минуты, и ты должен предпринять...

Дмитрий Митрофанов

— Выбрать тот верный ход...

— Да, принять правильное решение. Не медлить... И чтобы доверие к тебе было... Нам с гнильцой не нужны... Если ты командир, хоть младший, хоть старший, чтобы люди пошли за тобой, доверились тебе, ты должен быть примером. Опорой. Если ты с гнильцой, кто же пойдет за тобой рисковать жизнью...

— А у вас ранения были?

— Был подрыв... Сознания не терял. Я был командир отделения, мне еще приходилось и ими командовать...

— Митрофанов Дмитрий Андреевич соответствовал этим качествам?

— Полностью! Он был и другом, и боевым надежным товарищем...

5

Спас командира, погиб, вынося раненого с поля боя

Под вечер после разговора с Гуровским говорил по телефону с Лизой.

— Я хотел спросить, есть ли какие известия?

Лиза:

— Приезжал мальчик, который там с ним был. И рассказал, как все было.

— И что рассказал?

— Это все произошло во время, когда они эвакуировали человека. Видимо, был какой-то бой, и они раненого пытались вынести с поля боя и на mine подорвались. Их там было четыре человека, и они все четверо погибли, а раненый выжил. Может, за счет того, что лежал. А они — на какой-то «лягушке». Мина, которая подпрыгивает. И они вот с этого поля раненого эвакуировали-вытаскивали... И мину они не заметили. И на этой mine подорвались. И он еще по радиации сообщил, что они подорвались. Он был еще живой. По ра-

ции успел командиру доложить, что они подорвались. Пару слов еще сказал. А когда туда пришли, уже все погибли...

Теперь возникали вопросы...

Что это за поле, где лежал раненый?

Что это за место, где несли раненого четверо?

И невольно звучало:

«Поле четверых... — звучали неясные фамилии троих и Дмитрия Митрофанова».

И в глазах рисовался обелиск с именами всех четверых.

К которому подошел выживший раненый и положил цветы...

А Лиза:

— А что еще командир рассказал? Что хороший парень. Они начали общаться с первых дней, когда он туда уехал. 8, 9 июня туда прибыл. Они познакомились и вместе там жили рядом. Играл на гитаре. Книжки читал. Проводил занятия медицинские. Там же должен медик обучать. Он эти уроки по медицинской подготовке проводил. В своем деле подкованный...

Лиза говорила:

— Командиру во время боя перевязку делал. Оказывал первую помощь. Успел.

Выходило, под огнем врага. Командира спас, а его самого...

Лиза:

— Ну и во время выполнения задания свои медицинские обязанности, и вот так...

— Получается, у него это не первый бой? Были еще...

— Как я поняла, да... Я про первый случай не расспросила, но он сказал, что даже командира перевязывал...

— А кто этот мальчик?

Видимо, моложе и Лизы, и тем более меня.

Лиза:

— Офицер. Они там с Димой вместе были. Он вещи передал. Цепочку привез. А Дима перед этим просил: «Если со мной что-то случится, цепочку отвези жене». Вот он вче-

ра приехал, цепочку с крестиком. Она для нас ценная. Отец (Андрей Юрьевич), когда его привезли, спрашивал: «А цепочки не было?» Все-таки цепочка и крестик его. И когда они с этим офицером жили, он его просил: «Если со мной что-то случится, отвези жене».

Реликвия семейная...

— Офицер говорил что-то о памяти...

Лиза:

— Орден Мужества ему дали посмертно. А на руки мы его не получили, и я еще не знаю, когда получим... У него грамоты. Шеврон из Тамбова. Что у него четыре прыжка с парашютом...

— «Спецназ ГРУ», — я прочитал на шевроне.

Лиза продолжила:

— На первом курсе мы познакомились. Сидели за одной партой. Естественно, эффектный такой молодой человек. Он был немножко старше нас. Потому что поступал в сельхозтехникум. Он там год проучился и понял, что это не его. Документы забрал и поступил в мед. Захотел быть медиком.

Лиза, может, и повторялась, а я слушал, не желая прервать.

Лиза:

— И получается, наша группа — все одноклассники, а он — на два года старше... И такой молодой человек, уже постарше, весь деловой. И на тот момент занимался спортом. Ходил в качалку. Атлетического телосложения. Ну и все. Потом там ансамбль «Калинка» был. А когда мы с ним познакомились, сидели за одной партой. Начали с ним встречаться... Я в ансамбле танцевала, и он периодически тоже приходил и танцевал. На концерты с нами ездил...

Я слушал и слушал бы еще не раз, пробегая жизнь этого мальчишки, которая оборвалась под Харьковом, в Изюмском районе.

Лиза:

— Потом его — в какие-нибудь конкурсы... КВНы... У него и чувство юмора... Такой склад ума... Он рисовал хо-

рошо... На третьем курсе ушел служить. Год отслужил. Вернулся... Также встречались, учились. Я в 2012-м окончила колледж, он — в 2013-м... К весне, еще не закончил мед, а стал говорить: «Хочу в армии служить... Хочу в Чечню...» А Чечня не очень безопасное место... И все равно: «Пойду служить...» Единственно говорил: не знает, сможет меня забрать туда или нет...

Но забрал...

Лиза;

— Еще не знал, как там жить. Но уехал и через год забрал... А в меде никогда ничего не боялся. Какие-то там манипуляции, операции. Пожалуйста, вот он первый пойдет и все сделает. Потому что со второго курса у нас были практики в разных больницах, в разных отделениях. Медицина ему нравилась. Даже сейчас, казалось, он работал, а приезжал в отпуск и читал какие-нибудь медицинские книжки. Хотел больше знать. Больше знать, как оказывать помощь, не просто укол сделать, а оказать первую помощь на поле боя. Ему это было интересно. Постоянно изучал. Пробовал. Даже дома детей лечить, мне проще было ему позвонить, и он распишет, что нужно делать.

— Но семью любил...

— Очень. Если был в отпуске, то я уходила на второй план. Он с ними возится, и играет, и купает, я вообще не участвовала ни в каких мероприятиях... Даже сейчас хотел приехать раньше. Мы вот с парнишкой разговаривали вчера, и он говорил: 15 августа хотел уехать домой. Взять отпуск хотя бы ветеранский, ведь он же ветеран боевых действий. Он уже подумывал взять отпуск — у нас у сына старшего 9 сентября день рождения, и он говорил: «Я сыну пообещал, что приеду на день рождения...»

Не приехал.

Светлая память медбрату Дмитрию Митрофанову.

16 августа 2022 года

РЯДОВОЙ ВОЯЖИС

1

Родом из Ташкента (рассказ матери)

На сайте администрации Борисоглебского городского округа Воронежской области 8 июля 2022 года сообщили о том, что на Украине погиб земляк, Константин Вояжис. Про него написали: он «отправился на Украину защищать мирных жителей Донецкой и Луганской Народных Республик. Мы будем помнить подвиг наших земляков и гордиться мужеством, проявленным ими при выполнении боевых задач. Их имена и героический подвиг навеки останутся в истории России».

Выяснив в Борисоглебском райвоенкомате, что Константин Вояжис рос, учился и жил в селе Петровском под Борисоглебском, я отправился туда. Машина моего друга быстро промчала двадцать километров до села на Хопре, впереди показались дома, окруженные огородами. В сельской администрации мне подсказали, как проехать к Вояжисам, и вот на деревянном крыльце небольшого домишки с палисадником я увидел худенькую женщину.

— Елена Филипос, мама Кости, — представилась она и, заметив мое удивление и предвещая разговор о сыне, сказала: — Одна «п», потому что в паспорте так стоит. Я корнями гречанка...

Когда зашли в комнату, сели напротив открытого окна.

— Тогда мне придется начать с моих родителей, — говорила Елена. — Мой папа, дед Кости, жил в Греции. Воевал в партизанском отряде против фашистов. И в 1949 году по какой-то причине их перевезли в Среднюю Азию. Тогда было много греков в Средней Азии. Мама моя родилась

и выросла в Крыму. Их в 1944 году выслали из Крыма. И маму тоже, гречанку.

— С кем выслали?

— Я не знаю с кем, но их выслали. И в каком-то году им дали справку. Жена брата моей мамы сделала запрос в Фергану, в Долину. И пришел ответ, что они сняты со спецпоселения. То есть репрессированы были. И мама с 1944 года — в Средней Азии. Вот я и хочу сказать, с чего надо начать. Как мы, греки, и оказались в СССР. В 1956 году мама с папой поженились, родился мой старший брат, потом родилась я в 1960 году. И вот так мы жили-жили-жили в Ташкенте, и мои дети родились в Ташкенте. Старший сын Филип и Костик. А в 2000 году меня муж уговорил, и мы переехали сюда, в Россию. Костику было 2,5 года.

— Притесняли вас?

Многие после развала СССР вынуждены были переехать в Россию.

— Нет-нет, я не хотела уезжать. Но меня муж уговорил.

— А чем муж занимался?

— Он водитель... Муж работал. Умер в 2006 году...

Жена осталась с двумя мальчишками.

— Я здесь медсестрой, в доме отдыха. В летний период — в летнем оздоровительном лагере.

— В Петровском была усадьба дворян Звягинцевых.

Многие из рода Звягинцевых были губернаторами, владели золотыми приисками, имениями в Крыму, и вот — в Петровском на Хопре. Известно, как один из Звягинцевых увез красавицу Варвару Дмитриевну Римскую-Корсакову во Францию, и она своей красотой затмила французских фрейлин.

Мать Кости:

— Да-да... Имение... Потом подменяла декретницу... Потом на бирже стояла. Чем только ни занималась, чтобы растить детей.

По внешнему виду домика Вояжисов и внутреннему убранству видно было, как скромно жила семья.

— Небось здесь хозяйство вели?

— Да нет, как приехала, завела двух хрюшек. Одну сразу зарезали, другая через три дня заболела, тоже зарезали... Это не мое...

— Но собачки небось были...

— Вон фото сыновей, — посмотрела на сервант, где в рамках стояли фотографии.

— У вас целый иконостас...

— Два мальчика... Старший у меня умер в 2016 году, и вот младший Костя...

Наш разговор продолжался.

— А где дети учились?

— Их школа здесь... Старший учился в местной школе, и младший закончил нашу Петровскую школу...

— Костя как долго учился?

— Когда Костя учился, уже 10-го класса не было, и он учился с 1-го по 9-й класс. Учился, прямо скажу, не очень. Бывало, в школу приглашали. Но большей частью сама ходила, потому что знала своих детей. В принципе, как они приглашали? На собрания я ходила систематически... А так... Ну, был случай. У одной женщины брат умер, а его жена была лишена родительских прав. И у той дети, сами понимаете. Одна из них младше Костика. И вот эта женщина, тетя девочки, звонит, ругается: «Костик рюкзак ребенку порвал». Я ей: «Давай я приду, посмотрю рюкзак и зашью». Та: «Она не будет с защитой ходить». Ну, я пришла, а ее дома не оказалось, только ее сын был. Я у него: «Что случилось?» И он рассказал — одним словом, девочка сама виновата. Я позвонила тете девочки: «Она сама...» Та — ни в какую. Я: «Давай завтра в школе встретимся и выясним: кто прав, кто виноват. Если мой сын виноват, я покупаю рюкзак. Если нет, извини». Пришли. У классной руководительницы круглые глаза: «В чем проблема?» Ну, я и рассказываю, так и так, а зачем младшая приставала к старшим ребятам...

— Посмеялись и разошлись...

— Ну, это дети... Учился средненько. Это у нас наследственное.

— Необязательно на пятерки. Главное, по жизни...

— Потом поступил в сельхозучилище. Там полтора года проучился. Уроки уроками. А занимался спортом. У него третье место по борьбе. Бокс. Грамота есть...

Мне рассказывали про мальчика, у которого мать пропала на работе, а он был предоставлен сам себе. И может, чуточку и его вина, что не окунулся в учебу, а может, и вина учителей: не попался педагог, который бы увлек. Хотя как сказать.

Елена Филипос:

— Там меня стали вызывать на втором курсе. Первый курс ничего. И я ему говорю: «Если ты будешь учиться, учись. Или бросай, как старший».

У старшего тоже не очень ладилось с учебой. Видимо, у выбивавшейся из сил на работе матери руки не доходили до уроков сыновей, а мальчишек не зацепило дело, которое бы поглотило их.

Елена:

— Старший бросил после первого курса. Летом начал ездить на работу. Ему из техникума начали звонить, прислали письмо, что восстанавливают. Новая классная звонит. А сын рядом со мной сидит. Я спрашиваю: «Ты будешь учиться? Вот честно скажи: да, нет? Я признаю твои решения». Я всегда признавала их решения.

Не вымучивала и не нагибала.

Елена Филипос:

— Он: «Мам, я не буду». Все... И я Костику так сказала. День-два проходит, и он: «Мама, я не буду». Потом он летом — в 34-е училище.

— В другое?

— Да. Я ему: «Хочешь — иди». Он сам и комиссию просил, и документы сдал. Сначала все хорошо... А конец учебного года — куратор звонит: «Костик собрался в армию»

идти. Но у нас же отсрочка есть...» Я ей говорю: «Вы мне честно скажите, как он учится, как посещает...» Чувствую, замялась. Я тогда: «Знаете, пусть он идет со своим возрастом в армию. Вот он хочет...» Мол, сейчас начнем ругаться, нервничать...

— Насильно загонять...

Филипос:

— Да. «Пусть идет с Богом, служит».

Сказала:

— А, оказывается, он с девочкой поспорил на «слабо»...

— Смогу ли уйти в армию?

— Ну, да, — мать засмеялась.

Эх, мальчишки-девчонки! В который раз убеждался в детской непосредственности, когда, не умудренные опытом, еще не обжегшиеся жизнью подростки совершали поступки, которые взрослых могли только удивить. Хотя понимал, что не только «на спор» пошел этот мальчишка служить: видимо, его давно тянуло вырваться из-за учебной парты, заняться мужским делом и не использовать учебу как прикрытие от армии. Или, того более, косить. Честно поступал.

— Ну что ж, вас можно только похвалить... — сказал я.

Парень сам принял мужское решение. Не спрятался за юбку матери и не продолжил с горем пополам перелезть сессию за сессией, изнывая на занятиях от скуки.

Елена Филипос:

— И он пошел в военкомат...

Я смотрел карточку призывника:

— 30 мая 2016 года убыл из военкомата на сборный пункт.

31 мая 2016 года ему присвоено звание рядового, и он убыл со сборного пункта на место прохождения службы.

Расслабиться не дали.

Мать:

— Он служил в Наро-Фоминске. В Кантемировской танковой дивизии. Я приезжала к нему. Мы с ним по Москве ходили, я ему гостинцы купила...

В большинстве семей родители шли рядом с детьми: провожали в армию; присутствовали на присяге, когда сын перед строем произносит слова клятвы; потом следили за тем, как проходит курс молодого бойца, и думали, чем помочь... Видели, как ребенок вырослел не по дням, а по часам, набирая тот опыт жизни и заряд на будущее, который вряд ли можно за ученической партой получить.

С армейской закалкой любая работа потом воспринимается легче, увереннее после армии входил молодой человек в жизнь.

— Кем он служил?

Мама прошла к серванту и достала оттуда военный билет, раскрыла:

— Вот... Со 2 июня 2016 года по 16 сентября 2016 года — понтонер...

— Неспроста рос на Хопре...

— В артиллерии, понтонная рота...

Подала мне билет, я в нем нашел запись частей:

«Воинская часть 80808... Воинская часть 97711...»

Рядовой Вояжис во время принятия присяги

В/ч 80808 была Кантемировской танковой дивизией и дислоцировалась в Наро-Фоминске, а в/ч 97711 — мотострелковая бригада в Богучаре. Представилось, как к реке спустились машины с понтонами, как понтоны плюхались в воду, раскрылись, сцепились, и по ним, разгоняя волну, пошли-поехали боевые машины пехоты, повезли пушки, полезли танки.

— Ему нравилось?

— Он мне фотокарточки присылал с учений... То вот отдыхает... Лежат под машиной... То вот танк в кювете лежит... Ну, видимо, давно там пребывает... То вот к реке подъехали... Говорил, поросенка поймали, зарезали, жарили...

— Жили не тужили...

Невольно вспомнил куплеты песни о понтонно-мостовом батальоне:

*Чеканит шаг понтонно-мостовой,
Плечом к плечу идет за ротой рота,
И в стужу, и в распутицу, и в зной
Ждет батальон нелегкая работа.*

*Готовы прошагать немало верст,
На тяготы пенять нам непривычно,
Поднимется над водной гладью мост,
Мы выполним задачи на отлично...*

Мы говорили.

В комнате не колыхалась ни одна штора...

— Вот служит в Кантемировской, а потом?

— После срочной остался там же по контракту.

Я прочитал запись в военном билете:

«8 февраля 2017 года поступил на службу по контракту...» Служил-служил, а вот 21 августа 2017 года уволился...

Спросил:

— Что-то не понравилось?

— Видимо... Расторг контракт и стал ездить в Москву. Работал в охране. На стройке. Потом познакомился с девочкой и умотал к ней в Ростовскую область...

— Все искал себя.

Беспокойная душа. Мятущаяся. Человек ищет место в жизни: кто находит и успокаивается, кто не находит, устает искать и опускает руки, а кто-то не сдается и ищет-ищет-ищет... Видимо, так же искал и мальчишка родом из Ташкента, выросший на Хопре.

2

Мать-медсестра в Афганистане (продолжение рассказа матери)

— А тут предложили... — говорила Елена Филипос. — Мне позвонили из сельсовета: вот, военкомат предлагает службу по контракту. Списки дали, и Костик в списках. Как он, хочет служить? Я говорю: «Я не могу за него решить». Хотя в феврале, когда все завертелось (началась спецоперация на Украине), мы с ним созванивались, и он сказал: «Мама, я пойду добровольцем».

Тогда обстрелы Донбасса вэсэушниками не прекращались, и многие добровольцами рвались их защитить.

Елена:

— Я говорю: «Не делай глупостей, как твоя мама в двадцать лет». Я в двадцать лет в Афганистан поперлась.

— А как это?

— Я в Средней Азии оканчиваю медучилище. Работаю медсестрой в военном госпитале. Начался Афганистан, и мне предлагают: «Будешь раненых возить из Афганистана?» Я говорю: «Буду». Старшая медсестра: «Я папе твоему позвоню». Папа был без гражданства, а мы-то — с гражданством. Я говорю: «Папа здесь ни при чем. У меня военный билет на руках. У меня советский паспорт». Все! И я летала, возила раненых из Афганистана.

— Как это?..

— Прилетает самолет в аэропорт в Афганистане. В Кабул. В Кандагар... Грузят раненых. Выходят ребята, которые призвались. Мне загружают раненых. В багажном отделении, может, и 200-е (погибшие). И раненых — в СССР и в госпиталь. Кто на носилках, кто пешком, кто на костылях... И вот я ему сказала: «Не делай глупостей, как твоя мать...»

— А разве глупости, что вы делали?

— Ну, это к слову... — смутилась Елена Филикос.

— Выпало вам...

— А как без этого?.. Мне было двадцать лет, и все в этом возрасте романтики. В принципе, — произнесла чуть ли не патетически и остановилась.

А потом:

— Расскажу две ситуации. Нас диспетчер выпустил, а локатор сломался, и самолет не полетел. И я на ночь осталась с ранеными в самолете. Надо же что-то делать. Они и тяжелые. «Дай, — думаю, — выйду позову наших». Вышла — я своих пальцев не увидела. Такая темнота! Я — в самолет. Один мальчик-солдат караулил, наверно, на аэродроме, подошел ко мне. «Что случилось?» — «Вызывай на помощь. У меня полный самолет раненых». А колоть у меня мало что было из обезболивающих. Он вызвал. У меня тут же половину забрали. И так до рассвета...

— Вот видите, молодость, а дело хорошее...

— В Кандагаре... Пошли с пилотами в здание аэропорта, и за нами дверь закрыли. Они так переглянулись: «Лена, спокойно». Не волнуйся. Сели, мужики покурили. И один из них говорит: «Я знаю выход другой». И они говорят: «Лена, ты идешь впереди. Идешь спокойно, виду не показываешь». Они тихонько. А что? У них пистолеты, а мы откуда знаем, что у тех за стойками барными?.. Мы же не знаем... И нам спокойно дали выйти. Никто ничего не дернулся, ничего. Я в середине...

— Пилоты военные?

— Нет, гражданские. У них пистолеты...

— А у тех — пулеметы, гранаты...

Лена:

— Что там пистолет? Ну, одного пристрелят, прикроют меня каким-то образом, а потом?.. Это, понимаете, сейчас после сорока лет до меня доходит. А тогда? Это до меня стало доходить, когда у меня дети выросли. Вот тогда это до меня стало доходить...

— А тогда что же вы насчет сына-добровольца?.. Молодость ведь!

— Вот и я насчет молодости...

— Ребят спасали...

— В ту ночь один лейтенантик, у него нога в гипсе.

Я понял: в Кандагаре, когда самолет не вылетел.

Елена:

— А ему ни стоять нельзя, ни сидеть нельзя. Со мной врач-лейтенантик, наверно, только после интернатуры. А хотя я тоже только полгода проработала. Тут первых раненых привезли, а катетера и нет. Я кричу: «Дайте катетер». Ни глицерина, ни физраствора, ничего нет. С горем пополам уже на взлете я же крикнула: «Привезите хоть физраствор», — потому что на сухую не шло, больно ведь. И уже взлетаем, я уперлась ногами в носилки, меня двое ребят поддерживали, которые более или менее. Вывела ему... И такое впечатление, что я сама освободилась... Вот такие вот ситуации...

— А вы еще корите Костю...

Она молчала.

«Вот какая отважная мать у Костика...»

Елена Филипос:

— А командировка кончилась, и я вернулась в госпиталь. А он — через дорогу от моего дома. И работала там три раза. После училища — два года. Второй раз — через два года. Потом еще два года поработала.

Я догадался: перерывы связаны с отпуском по родам, и потом сидела с сыновьями.

— Ведь молодые: и там поработать, и там, и там... И там чему-нибудь научиться... Молодость, все кипит. Все горит... И там интересно... Два раза я в одном и том же отделении работала — в урологии. А в третий раз я уже попала в реанимацию. Это уже было после развала Советского Союза, 1996—1997 годы.

— И собрались в Россию?

— Папа у меня умер в 1988-м, мама — в 1997-м. Я беременная Костиком ходила. Я уже сказала, что не горела желанием уехать. Просто муж: «Ну, давай...» Там то, там се...

— А сын — под отцовской фамилией?

— Нет, под моей... Это пока он жив был, под его — Ориентлихер. Фамилия то ли немецкая, то ли еврейская. А когда папа умер, я Костику: «Сынок, ну давай. Филип (старший сын) — Вояжис. Я — Вояжис. Ты будешь тоже Вояжис?» — «Да, буду». И мы поменяли ему фамилию.

3

Мать сыну: «Я принимаю твое решение» (мать продолжает рассказ)

Снова вернулись к поездке на Украину:

— Когда он вам сказал, что хочет поехать добровольцем?..

Елена Филиппос:

— В феврале, еще когда был в Ростове. Я говорю: «Не делай глупостей, какие мама сделала». Ну, он знал про Афганистан. Я же ему рассказывала. Он: хи-хи, ха-ха...

Зрело несогласие с матерью.

— Ну, а потом я ему позвонила: «Знаешь, сынок, из совета спрашивали. Военкомат подал списки...»

У меня промелькнуло: могла бы и не сказать, хотя как бы Костик потом расценил поступок матери, если бы узнал об обмане?

Елена:

— Предлагают, по контракту...

— Это когда? — спросил я.

— Это было в мае. Я даже могу число сказать, только в календарь гляну.

Нашла календарь:

— Где-то 26 мая. Я ему позвонила утром: «Сынок...» Вот так и так. Он: «Отказываюсь». — «Хорошо». Тут его девочка подошла, с которой жил в Ростове. Он: «Мама, повтори». Я повторяю: «Подумай хорошо. Отказываешься ты...» Я имела в виду: отказываешься — значит, ты отказался. Если ты решаешь ехать, то... Я любой выбор своих детей принимала. А сельсовет сказал: скажите результат. И я Косте: «Должна сказать, что ты отказываешься». Он отказывается. Это был четверг. Я пошла в сельсовет, говорю: «Он отказывается». Они берут список и пишут, что он отказывается. А в пятницу он звонит: «Мам, узнай поподробнее». Это 27 мая. Я: «Что узнать поподробнее?» — «Что там военкомат говорит». Я звоню в сельсовет. Они: «Мы толком не знаем. Пусть звонит в военкомат». Сама звоню в военкомат, а они: «А где он?» — «В другой области живет. Вроде поджегился». — «Ну, дайте ему номер телефона, пусть позвонит». Я ему скинула телефон. Он потом мне: «Мама, я дозвонился до военкомата. Мне в понедельник надо явиться». В субботу он отработывает последний день в Ростове. Это уже 28 мая получается. Он мне все пишет: «Мама, я решил. Я решил».

Невольно представилось, сколько передумал Константин.

И как с детства любил технику.

Как бросил техникум ради службы в армии.

Как наплавался, наводя понтонные мосты.

Как бегал по полигону контрактником.

Как захотел добровольцем, но не поехал.

И вот: решил.

— Эсэмэски слал? — спросил я.

— Да, удалила эти сообщения, — ответила Елена Филиппос, — потому что память телефона переполнилась.

А оставила, как 3 июня уехал. Я ему говорю: «Если решил, то решил. Я принимаю все ваши решения». Он: «Чьи — ваши?» — «Твое и Филипа». — «Но его же уже нет». А они меня ревновали друг к другу. Вот этот к этому, этот к этому. И он: «Его же уже нет». Я говорю: «Я принимаю твоё решение». Я нашла машину, чтобы в Поворино встретили. Все, приехал. В понедельник поехал в военкомат. За четыре дня прошел комиссию и в пятницу, 3 июня, утром рано он уехал...

Обычно оформление в армию тянулось месяцами, а здесь — за несколько дней. Сказывалась острота ситуации.

— Я спросила его: «Мне тебя провожать?» Он: «Мам, не надо...» Он уже садится в машину, я ему: «Ты что, маму не хочешь обнять, поцеловать?» Он засмеялся, улыбнулся, обнялись, и все...

На глазах у Елены Филипос навернулись слезы.

Потом:

— Они уехали в Богучар. Вот здесь с 3-го числа его эсэмэски... «На счет на Мегафон числа 10 скинь 700». Скинула денег, чтобы звонил. Он 4 июня: «8 числа отправят». А 5 июня от него: «Хай. Все норм». Видимо, получил деньги. Я ему: «Привет». Он: «Связь редко ловит», — мне отвечает. Видимо, я ему звонила. И: «Ты заикаешься». Служба — место не райское. Пишу: «А Теле 2, как связь? Так я поняла на Мегафон деньги не класть, не переводить?» — «Это и есть Теле 2», — отвечает.

Телефон вздрагивал в руках матери.

Она:

— Я ему: «Это вообще-то Мегафон». В общем, с телефонами. Он мне присылает: «Мать, я в 9 роте». «Доблестная 9 рота». А перед этим мы созванивались. Я у него: «Ты что, в 9 роте?» — «Нет, я уже в 7 роте». Ну, не знаю, правду он сказал или неправду. Я ему: «Удачи!!! Спокойной ночи!!! Удачи во всем!!!»

Двигалась по переписке:

— 6 июня ему: «Приветик!» — «Привет 5». Он мне как-то позвонил с чужого номера и говорит: «Мам, если я тебе с любого номера пришлю одну цифру 5, значит все хорошо. Значит, я жив и здоров». То есть на пятерку у него. Вот и прислал «5».

Я ему эсэмэску: «Удачи!!!» И: «Звонил сельсовет, узнавали, где ты находишься». — «Для чего? Военная тайна». — «Я так и сказала». — «Точно». Мол, сомневаются. Ему: «Точно». — «Про Дашу ни слова. У меня есть Таня». Это подружки его. Ему: «Хорошо. Я не поняла, тебе переводить на Мегафон или нет? Ты говорил связь плохая». — «Нет. Лучше на сиги сбрось». — «Постараюсь завтра. Я на работу еду. А сиги — это что?» — «Курить». То есть на карту перевести деньги, и они сигареты купят. Я ему: «У тебя позывной грек?» — «Нет еще». — «Понятно. Спокойной ночи!!! Удачи во всем!!!»

Мать перелистывала странички в телефоне:

— Утром 7 июня ему: «Приветик!!!» — «Привет. Есть на сигареты 500 р.». — «Поеду в город скину 450. Больше не будет. Тебе же обещали сразу после подписания заплатить?! Сегодня скину, потом не смогу, извини». — «Ждем, когда скинут. Если бы скинули, то не просил бы. До обеда скинешь?» — «Да, утром поеду. По мегафоновскому номеру?» — «Да». — «Ок». — «Еду в горгаз договор подписывать. Сначала тебе скину, потом туда». — «Хорошо. Спасибо», — отвечает.

Видимо, в части курили-смолили.

Мать:

— Я ему: «Не за что, было бы больше, скинула бы больше». — «Понял». — «Проверь баланс». — «Пришли». — «Как дела?» — «Норм». — «Ну хорошо. Удачи во всем». Позже: «Сынуля! Когда победите, напиши мне, где ты есть, хоть это военная тайна, дай мне знать». — «Посмотрим...»

Мать дальше:

— 8 июня. «Доброе утречко!!! Не победите, а поедете (это вчера на работе без очков писала). Ну, а вообще-то

я уверена, все будет хорошо!!!» — «Доброе. Мы на другой полигон на 3 дня переедем и потом на Украину». — «Удачи во всем!!!»

День ото дня проходили будни рядового Вояжиса на полигонах.

Мать:

— 9 июня. «Приветик!!!» — «Привет» — «Как дела?» — «Хорошо. Ты как?» — «Нормально. Я собираюсь на работу. Как у тебя делишки, вы где?» — «Едем, все норм, привет всем». — «Удачи всем». Он же не один. Мне: «Спасибо».

Воинская часть Константина перемещалась.

Мать:

— Он мне: «Привет, мы на полигоне вдоль границы, телефон пока негде заряжать, так что привет всем передай и Шатрову, всем привет. Скажи, что все хорошо. Давай, мать, все нормально будет».

Сын старался беречь мать, не позволяя опасаться и переживать.

И при этом не ударить лицом в грязь.

Мать:

— 10 июня. Как обычно: «Приветик!!!» — «Проверь баланс». Потом ему еще: «Береги себя!!! Не беги вперед паровоза!!! Удачи вам всем, матери вас ждут!!!» И вечером: «Спокойной ночи!!! Я на работе до часу ночи».

Представлял, с какой осторожностью писала сыну мать, какие чувства ее охватывали, которые не в силах передать сыну. Старалась обезопасить, сбереечь и сказать: «Люблю...»

Мать:

— 11 июня... «Приветик!!! Сегодня встретила д. Гришу. Он спросил про тебя. Передает тебе привет и гордится тобой. Сказал, что мужик должен быть мужиком». Гриша — сосед наш. Потом днем ему послала: «Как делишки, сынуля?» И вечером: «Спокойной ночи!!!» 12 июля. «Доброе утро!» — «Привет». — «Как дела?» — «Норм, ты как?» — «Нормально, ты где?» Он что-то буквами ответил: «Всм? Гдн».

Переписка зашифровалась.

Мать:

— Я: «Понятно». — «Рядом с границей». — «Береги себя!!!» — «Да хватит тебе писать каждый день». — «Хорошо. А что тебе писать?» Он смайлик прислал, мол, что, не знаешь, что писать? Я ему тоже смайлики: лю-б-лю, цел-лю-ю. Ответил: «На стрельбах». Он мне прислал фото, где они на стрельбах.

Елена Филипос показала мне фотокарточку, с которой на меня смотрел парень с гранатометом в руках. Он держал его как игрушку, а сам курил. Забросил ногу на ногу, присел на ящик с боеприпасами. А сзади виднелись мишени, бруствер и взлетала на взгорok лесополоса. Он словно говорил маме, друзьям, возлюбленной: не волнуйтесь, я малость отъеду. Свою работу выполню и вернусь...

Елена Филипос:

— 13-е число. «Доброе утречко!!! Удачной недели!!!» — «Доброе». Ждала весь день и вечером: «Споки noci!!!»

Я слушал, сосредотачиваясь на датах.

Елена:

— 14 июня... «Доброе утро!!!» Он прикололся: «Доброе». — «Завтра с утра, я карту дома оставила». Это он деньги просил. — «Я утром уезжаю».

Выходило, Константин Вояжис заходил на Украину.

Елена Филипос:

— Я: «Спрошу, может, у кого есть». Потом: «Постараюсь сейчас, если мне скинут, я тебе перешлю 500 р.». Я скинула ему деньги: «Проверь баланс». Он ответил: «Спасибо». И послала смайлики с поцелуями. Вечером: «Ты поужинал?» Потом еще: «Чего не звонишь?»

Время сжималось, как пружина.

— Утром 15 июня. — Елена Филипос быстро пролистывала переписку в телефоне. — «Доброе утро». Потом: «Как дела? Почему не позвонил? Чего нового?» Он мне скинул ролик, на этом телефоне он не сохранился. Сейчас я его на старом телефоне поищу.

Нашла.

Я увидел броневик, а Вояжис залез на него и говорил: «Вот моя БМП. Вот пушка. А вот тут я сидеть буду», — показывал в открытый люк на сиденье в глубине.

Наверно, мать даже успокоилась: сын со всех сторон защищен броней.

Мать:

— Он пишет: «Так вот на чем ездить буду». — «Зашибись! Так ты еще здесь?» — «Да».

Странички пролетали в телефоне:

— «Понятно. Вечером позвони, пожалуйста. Спокойной ночи!» — «Споки». — «Почему не звонишь?» — «Завтра наберу». И прислал смайлик. Я ему: «Надеюсь, я работаю не в первую смену». Прислал смеющийся смайлик. Я: «Смейся, смейся, но на сигареты я не смогу больше выслать». Но это так, я все равно выслала.

В моей голове мешались даты.

Елена Филиппос:

— 16 июня. «Приветик». — «Ага». Я у него: «Если не секрет, извини за вопрос, что-нибудь перечислили вам?» — «Нет. Честно». — «Понятно. Как будете уезжать, хоть сообщи». — «Ок». Я ему вечером: «Ты обещал позвонить». — «Ща некогда, мы машину боевую собираем, точнее подготавливаем». — «Успехов вам всем!!!» — «Спасибо».

Вот перемахнула страничку:

— 17 июня. «Доброе утро!!! Удачи всем!!!» — послала ему в 6:30. Он: «Доброе спасибо». — «Вы еще здесь?» Это было в 6:36. Он: «В 7 уедем», — прислал в 6:37. «С Богом!!! Мы вас всех ждем!!!» — в 6:38. И в 6:39 он: «Ага»... Все... И больше ничего...

— Уехал...

— В 8:45 он еще со своей подругой общался... Со мной связи больше и не было.

В тиши комнаты — ни колыхания, ни ветерка.

Под Харьковом. Память (продолжение рассказа матери)

Филипос:

— Подружка Костика все звонила и спрашивала: «Как там Костик?» А 26 июня она позвонила и рассказала, что звонил ей Костик часов, может, в шесть вечера. Буквально минуту поговорили. Сказал, что все хорошо. И все.

— Ни места, ни что там, не сказала...

— Да. Ей просто по телефону говорил: «Мы под Харьковом стоим». До того, как пересечь границу. Ну, и все. Неделя проходит... — Елена Филипос остановилась, минуту помолчала: — А случилось все 27 июня. 27 июня он погиб, а мне сообщили только 6 июля.

— Как сообщили? — я спросил еле слышно.

— Приехали ко мне домой военком, Ремезова — глава нашей сельской администрации. Из военкомата женщина. И сообщили. Вручили извещение, — утерла слезы, нашла в бумагах листок: — Вот.

Прочитал: «Вояжис Елене Филипос... Извещаю с пригорьбием о том, что Ваш сын рядовой Вояжис Константин Сергеевич погиб при выполнении боевых специальных задач 27.06.2022 г. в Харьковской области, Изюмском р-не, с. Долгенькое.

Смерть наступила в период выполнения специальной военной операции на территории Республик ЛНР, ДНР, Украины...»

Село Долгенькое находится в 10 километрах от реки Северский Донец и в 4 километрах от автомобильной трассы. Село окружили лесные массивы. В селе братская могила советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну.

«Может, придет время, и здесь установят памятник ребятам, погибшим на Украине».

Елена Филипос:

— А потом справку дали, что размозжение головы.

Видимо, попал под удар.

Елена Филипос:

— В общем, приехали, вручили извещение. Сказали, что он еще находится в Ростове. 7 июля его привезли в Борисоглебск. Его оставили в морге. Я писала разные бумаги. Сказала: в любом случае он перед похоронами будет ночевать дома, чтобы с машины и на кладбище — нет. 8 июля привезли. Он переночевал дома. В субботу, 9 июля, ребята на руках донесли до церкви. Из церкви — на машину и на кладбище. Жарко было, гроб тяжелый, и в кузов, и потихоньку-потихоньку на ней...

В церкви отпел солдат не рядовой священник, а владыка Борисоглебский и Бутурлиновский Сергей.

Елена Филипос:

— И похоронили... Народа много... Его же все знали... Из военкомата. Из администрации. Из части... Даже боксерский клуб ВДВ был... Прощались с почестями. Играл оркестр.

Я спросил:

— А что рассказали ребята, с кем он служил?

— Да ничего не рассказали. Из военкомата в первый день сказали, якобы на mine подорвались. Потом, когда ребята его привезли, муж моей племянницы встречал. Он говорит: «А можно

Константин Вояжис

его переложить из цинка в обычный гроб?» Ему сказали: «Можно, но не нужно. Там смотреть не на что...» Был артобстрел, ему осколок в голову попал... Перед выносом я подошла, представитель из части был, военком, я говорю: я хотела знать, как все произошло...

— Еще бы, сын...

Елена Филипос:

— А военком в курсе, что я была в Афганистане: «Это знают только ребята, которые были там. Но они сейчас там». А представитель части стоял, смотрел на меня и молчал. Потому что у меня не было ни слез, ни голоса, курила-курила.

— Внутри у вас буря...

— А что внутри, — проговорила Филипос, — никто не залезет и не узнает...

Все слезы были уже выплаканы.

И только тут я заметил на груди матери воинский жетон.

— Чей? — спросил я.

Она нежно погладила его:

— Костика...

Теперь его носила мать, словно продолжая ратное дело сына памятью о нем.

А как воевал Костя! Ведь не сидел же сложа руки... Он к этому шел, чтобы защищать, — вот что меня волновало. И я сам рисовал себе картины боев, надеясь, что придет время, и мы узнаем, как вел себя мальчишка из Средней Азии, выросший на Хопре, известном многими своими боевыми традициями.

Мы еще говорили...

Где-то загудел самолет...

Полетели выручать Украину...

Осторожно спросил:

— А наградили?

— Сказали, что посмертно представлен к ордену Мужества... Но пока не вручили... В школе хотят открыть мемориальную доску Косте. Позвонили и сказали: «Вы не против?» Я сказала: «Не против». Только повесят через год...

Мне не хотелось уезжать из Борисоглебска. Хотелось побыть еще в доме, где рос Костя, походить по участку, где тот срывал рябину, посидеть на крыльце, на котором ждала возвращения сына мать.

Собираясь домой, проехал с матерью на кладбище. Остановились около старого частокола и обветшалых деревянных ворот с распахнутой калиткой.

— Не Новодевичье... — сказал я. — Вот на таких и упокоились наши воины...

— Весь в венках, — мать подошла к могиле сына.

Тянул нежный ветерок, колыхались ленточки на венках. Чья-то невидимая рука ласкала этого улыбчивого, беспокойного человечка, который рванул на Украину спасать людей и там погиб...

С погоста, повернув в сторону от Хопра, где в зелени прятались постройки дворянской усадьбы, поспешил на Воронеж. Ехал между посадок и физически чувствовал, как два месяца назад здесь ехал рядовой Константин Сергеевич Вояжис.

Щемило сердце.

5

Бескорыстный ученик

Прощаясь с мамой Кости, спросил:

— А был любимый учитель у сына?

Она:

— Игорь Геннадьевич Чебанов...

Вернувшись в Воронеж, связался с Игорем Геннадьевичем.

- Скажите, Игорь Геннадьевич, вы с Вояжисом...
- Я учил Костика...
- А вы сами из каких мест?
- Из Петровского. Здесь родился, вырос. Отучился в пединституте и вернулся. У меня это потомственное: мать — учитель русского и литературы. А я выучился на математика-физика. А теперь вот учитель физкультуры...
- Завидная привязанность к малой родине...
- Двадцать лет учителем...
- А после института — сразу в Петровское?
- Нет, три года проработал в Миролубии. 1996—1999 годы. Потом — в Мировом Октябре в 1999—2001 годах. И с тех пор — в Петровском...
- От названий сел обдало теплом.
- И в Петровском — физкультуру...
- Сначала труды. Физика. А потом у нас физрук ушел, и меня...
- Как это, вроде: физика — законы, высший пилотаж, и физкультура...
- Игорь Геннадьевич рассмеялся:
- Сейчас на физкультуре сложнее, чем на физике. На физике пришел и рассказываешь, а тут-то руку вывихнул, не дай бог, сломал...
- И вы все время физруком...
- С 2011 года...
- По-вашему, сельские школьники отличаются от городских? — я подходил к цели разговора.
- Они особо от городских не отличаются. Все то же самое. Такие же «пахари», такие же и «разгильдяи»... — снова рассмеялся. — Когда я учился, у нас хозяйство было, и тогда отличались от городских.
- Еще бы, были втянуты в колхозную жизнь. На ферму, в поле...
- Да, школьник жил жизнью села. А сейчас. Он в школу пришел, в телефон залез и погнал...
- Игорь Геннадьевич переживал за учеников, которых обделили новации.

— Но вот эти два — Костик и его брат Филя (Филип) — отличались. Они были очень дружны: Филя — старший, а Костик — младший. Они ведь приезжие. Костик вообще мелкий был. Он еще в школу не ходил. Костик и Филя хоть и разные, но не было у них такого, как вам сказать... Бесхитростные ребята. Вот случай. У меня сын застрял на машине на трассе. Звонит однокласснику: «Приезжай, помоги». Тот приехал на тракторе, все, выдернул машину — ему пятисоточку, тот взял и поехал. А ведь Филе или Костику не подумали бы предлагать... Они такие... Я редко сейчас встречаю такое в людях... Чтобы бескорыстно помогли...

— Это многого стоит...

— Помню, Костик мячи школе дарил. Они ведь не покупаются, расходный материал. А так, обычные ребята. «Разгильдяи» в меру, — сказал шутя.

— Вот на таких обычных все и держится.

— Помню прикол... Я замешал у Костика учителя математики. И нужно было подписать тетрадку. Я: «Костик, подписывай...» Он пишет фамилию: «Ари-ори, тли, ент...» А его фамилия Ориентлихер. По второму мужу его матери...

Я смеялся:

— Хвили-пок¹...

Игорь Геннадьевич:

— Костик улыбчивый... У него гагаринская улыбка...

Состояние души у мальчика! Становилось понятным, почему еще в феврале (2022 года) Константин Вояжис подумывал ехать добровольцем на Донбасс.

— Замечательный мальчишка...

— К спорту тянулся...

— Мы ходили на байдарках. В классе седьмом он еще учился, мы плавали. Сейчас вот я собираюсь с детишками, но, видимо, втихаря поплыву. В известность ставить не буду, потому что очень тяжело. Сейчас надо столько собрать бумажек, чтобы разрешение получить...

¹ Герой рассказа Льва Толстого «Филипок».

— Замучают, что и не захочешь связываться...
— Жуть...
— И по какой реке плавали?
— По Хопру. От Петровского до Борисоглебска. Две ночёвки. Не торопясь, потихонечку. Вокруг берега... Мне байдарки давали, и мы плыли...

— Дети тянулись...

— Раньше спорт — в футбол, в волейбол поиграть — милое дело было. Пообщаться, даже поговорить. Здесь я сравниваю Филю и Костю. Старший занимался резьбой по дереву. Мы с ним сидели, занимались. Костя — уже чуть-чуть не то. Он колготнее. А сейчас какое общение? Они сидят на соседних стульях и между собой переписываются. Они в ином мире. Дети изменились. На тех же байдарках. Раньше родители просили: ради Бога, возьмите, пожалуйста. Я: «Ребятишки, байдарки надо привезти. Заплатить». Родители: «Да не вопрос». Скинутся. Потом следующее поколение. Плавали, но не то. А дальше: «Че, нам платить еще надо?» А кто же байдарки привезет?.. Я вот сейчас (август еще в разгаре) написал: «Уважаемые родители... Жду предложений». И тишина.

— Страшная ситуация... Родители не откликаются...

Игорь Чебанов:

— А вот Филя и Костик использовали любую возможность... До чего доходит... Вот на уроке труда: принеси рубанок. А он мне напильник несет...

— Раньше мы (я вспомнил себя, своих детей) каждое лето в школе отработывали практику.

— А сейчас могут в суд за это подать...

— А школа ваша?

— Обычная сельская школа. Без особых... Смена поколений происходит... Я уже ветеран скоро...

— У вас фронт: наши дети...

— Конечно. На классном часе про Покрышкина расскажем...

— Теперь — про Костю...

— Костя из армии пришел. Я ему: «Давай на сверхсрочную оставайся. Зарплата стабильная, жильем обеспечен». Он: «Да-да». Устроился по контракту, но что-то там не получилось. Уволился, работал под Москвой... Я же с Филей и Костей — как друзья, как только они школу закончили... И отношение к матери... Я помню, «Оку» купил, а Филя ко мне приходит: «Продай мне». — «Да она вся убитая, пожди, подремонтирую». — «Нет-нет». И так забрал для матери.... Костик летит на машине: «Здравствуйте, Игорь Геннадьевич!» Он же потом в Москву уехал. Я спрашиваю: «Кому, матери?» — «Да, матери купил». О матери они заботились...

— А на Украину...

— С матерью его переписывался... А потом узнал. У меня жена — заведующая филиалом, ей сообщили. Ну и, естественно, через 15—20 минут все село гудело. Я целый день в себя прийти не мог... Тем более мне жена написала: «Костика убили». Не погиб... В шоке все село... Занесли в церковь. Обязательная часть: епископ отпевает. Отпели. Вынесли... Сказал представитель военкомата...

— А вы?

— Я думаю, если бы слово предоставили, я бы не смог сказать...

Так переполняло.

— А по обстоятельствам что известно?

— Кто говорит, что на mine подорвался... А документ: разможнение головы... Может, прилет артиллерийский был...

Мы говорили, я потом:

— Память...

— Сейчас хотим сделать. Заявку подали на установление мемориальной таблички, чтобы в школе висела. Но официально, говорят, через год. А сейчас в частном порядке пока повесили. Детишки приходят, видят. Потому что есть такое мнение: ну, дурак. Из-за денег... Но из-за денег или не из-за денег, но за нас погиб. Своей гибелью нас спас...

— Наш сын...
— Наш...
— Наша боль...
— Конечно... Погиб ребенок... Потому что для родителей дети всегда остаются детьми и для учителей ученики — учениками-детьми... Я в церковь хожу, поминаю Костю...

Еще сколько сотен раз просмотрит переписку с сыном мать!..

И сколько помянем его мы...

3 августа 2022 года

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ НЕНАХОВ

1

Сын врачей — офицер (рассказ матери)

Узнав, что в Чигораке под Борисоглебском живет мать погибшего на Украине старшего лейтенанта Алексея Ненахова, 1 августа 2022 года под вечер я приехал в это село. Поплутав по улицам, добрался до дома, у которого меня встретила мать погибшего.

— Вера Анатольевна? — спросил русоволосую, стройную женщину, вышедшую ко мне.

— Да, я вас жду. Мне из военкомата звонили...

Мне повезло: борисоглебские сотрудники военного комиссариата прониклись к моему желанию написать о павших. Они тоже считали, что память о сложивших голову на Украине российских воинах должна быть сохранена.

Мы с Верой Анатольевной поднялись в дом, из прихожей прошли мимо комнатки, где на постели сидел черноволосый мальчик, и уединились на кухне.

Сели за стол, на котором лежали бумаги, и сбоку у иконок горела свеча.

Заговорили об Алексее Ненахове.

— Леша... В 1979 году родился, — заглянул я в записи. — Где он родился?

— Мы с мужем учились в Воронеже, он в Воронеже и родился, — говорила Вера Ненахова. — Я оканчивала медицинский институт и отец. И потом нас направили в Грибановку. Мы пробыли там семь лет. Я — врач-педиатр. Муж — врач-терапевт. И потом переехали в Борисоглебск. Сорок один год я врачом...

Родители тоже, как и сын, посвятили себя спасению людей.

— А в Чигораке как оказались?

— Построили дом. У нас Лешин сын — инвалид, — посмотрела в сторону комнаты за дверью, где сидел на кровати мальчик.

Я понял: сын Алексея Ненахова.

Мать продолжала:

— Он у нас неходячий с малолетства. У него ДЦП. А сюда переехали, чтобы не спускаться с этажа, ведь тяжело. — Вера Анатольевна вздыхала. — Ближе к земле.

— И не в городе...

— На свежем воздухе...

— И ему же условия здесь лучше... Людей не так много...

— Да-да. Мы создали все условия. Пандус, чтобы спускался.

Мать погибшего офицера стало вдвойне жаль: она еще тянула по жизни неходячего внука.

— Он у нас родился недоношенным. Жена сына знала, что такой будет. Когда родился, с сыном развелась и отдала в детский дом. А Леша его забрал. — На глаза Веры Анатольевны навернулись слезы. — Молчком. Даже Леше не сказала. Отдала — и все... Леша забрал. А перед этим пять лет, как прослужил после училища. А учитывая такую обстановку, он уволился и помогал нам.

Выходило, что Алексей Ненахов не смог бросить сына, как мать, а даже ушел со службы, чтобы им заниматься.

Такой поступок многого стоил!

— Вы сказали, жили в Борисоглебске. А какую школу он заканчивал?

— 5-ю.

— Ту, которая на въезде в город?

— Да, теперь, а раньше — в центре. Она же старинная...

— В ней Николай Рыбников¹ учился, — вспомнил народного артиста.

---

¹ Николай Николаевич Рыбников (13 декабря 1930, Борисоглебск — 22 октября 1990, Москва) — советский актёр; народный артист РСФСР.

— Да...

Роль влюбившегося в учительницу паренька в фильме «Весна на Заречной улице» задела своей искренностью. Как и судьба самого Николая Николаевича, тоже из семьи актера, чей отец ушел на фронт и погиб, а сынишка, оказавшийся в Сталинграде, чудом спасся, когда переплывал Волгу. Николай Рыбников как бы присутствовал при нашем разговоре.

— А учился Алеша как?

— В младших классах вообще был отличником, а потом были четверки. Школу окончил: несколько четверок, остальные пятерки.

— Вас в школу вызывали?

— Вы знаете, он никогда ни с кем не скандалил, никогда ни с кем не дрался. Он был спокойный. В доме тоже. Вот мы жили. Никого не обижал. Нет, не вызывали...

— А чем увлекался?

— Любил много читать... И так всю жизнь: много читал... «Был похож на Рыбникова», — подумал я.

— Ходил в музыкальную школу. На баяне играл. Немножечко ходил... Не понравилось, оставил. А так — просто учеба...

Почему-то подумалось: Леша рос в кабинете матери — его оставить было не на кого, и она таскала сына с собой по больным, и он проникался заботой о людях.

Спросил:

— Вот учеба Алеши подходит к концу, и куда он дальше?

— Он учился в физико-математическом классе. Так как экзамены прошли, а там были преподаватели из пединститута, то его сразу зачислили в пединститут. Но он не пошел в институт, а стал сдавать экзамены в военное училище. У нас в Борисоглебске был филиал Воронежского училища. Но не летное. Первый курс отучился здесь, а потом перевели в Воронеж, и окончил там, в Воронеже.

— А почему по врачебной линии не пошел?

- Он сказал: нам хватит двух врачей в семье...
  - Ни дня покоя...
  - Видел, как мы работали...
  - И на кого учился в училище?
  - Он инженер-автомобилист... Учился нормально...
  - Женился?
  - В 2000-м женился здесь на местной девушке, а в 2001-м окончил училище.
  - Куда распределился?
  - Он поехал служить в Энгельс. В Энгельсе на аэродроме, где дальняя авиация, и служил.
  - А как служба шла?
  - Нормально. Во-первых, он у нас непьющий...
- Такой грешок, к сожалению, тянулся за многими военными.
- Мать:
- И служба шла нормально... Это когда, если какие-то эти...
- Я понял: сын уравновешенный, спокойный, в семье вырос, где прививались труд, забота и дисциплина, и это облегчало втягивание в службу.
- Долго был в Энгельсе?
  - Почти пять лет. И его перевели на аэродром в Мичуринск. Это уже с женой, с дитем.
  - Этим мальчиком, — упомянул подростка в соседней комнате.
  - Да, Гошка (сын сына) родился в 2003-м.
  - Трудности-то небось на службе были... Ведь лейтенант, новая жизнь...
  - Вы знаете, он плохих новостей никогда не рассказывал. Видимо, у него не было их, и рассказывать нечего. Служил и служил.
  - Вот в Мичуринске служит...
  - Он там мало послужил. Где-то год. Контракт закончился, продление... А в Энгельсе еще когда служил, родился проблемный ребенок, — вернулась к внуку. —

Жена с рождения начала отказываться от него. Бросала его в больнице. В Воронеже. Его (Алексея) вызывали. Он ездил туда решать вопрос. Она же отказывалась от ребенка, а мы не отказывались. Должен решать отец. И он сказал: «Мы будем сами все с сыном решать». Стали ездить ребенка лечить. В итоге она (жена) едет к нему в Мичуринск, потом приезжает, разводится с ним и сдает сына в детский дом. И вот тут Алексей забирает сына... Контракт заканчивался, он не стал его продлевать. Уволился.

— Уже будучи в Мичуринске?

— Да, в Мичуринске...

Поступил прямо как по клятве Гиппократа, чем-то схожей с военной присягой.

Мать Алексея:

— Десять лет он не служил. Ребенком был занят. Мы помогали, видим какой-то результат. И Алексей решил восстанавливаться и восстановился на службе...

— Это в каком году?

— Шесть лет назад. В 2016-м. В эту же часть, в которой служил, только в Бобров. Какое-то подразделение от Наро-Фоминска. Он пробыл там совсем мало, полгода, и его взяли в Наро-Фоминск. Там пехотная часть. В прошлом году продлил контракт до пятидесяти лет...

Алексею Ненахову в прошлом году исполнилось сорок два года.

— В каком звании?

— Старший лейтенант...

Впоследствии мне Вера Анатольевна показала письмо врио командира воинской части № 19612¹ о сыне. Выходило, он служил в Кантемировской танковой дивизии.

---

¹ 4-я гвардейская танковая Кантемировская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия имени Ю.В. Андропова — тактическое соединение Сухопутных войск Российской Федерации. Войсковая часть № 19612. Расквартирована в Наро-Фоминске. Сформирована в июне 1942 года в Сталинграде как 17-й танковый корпус.

Мать:

— Он говорил: «Мне никаких высот не надо. Меня это устраивает». И вот решил до пятидесяти... Жил в Наро-Фоминске.

— В какой должности служил?

— Командир зенитно-ракетного взвода... Там же сборное все...

В танковой дивизии много разных частей.

Мать:

— А в 36 лет куда возьмут восстановиться?.. Но взяли...

2

На Украину. Представлен к награде (продолжение рассказа матери)

— Вот он служит...

Вера Ненахова:

— Да. Так как у Алексея льготы, то мы два года ездили и оперировали Гошу в Питере. И вот он с нами возил сына. В санаторий с нами тоже ездил. Во всем помогал. И когда у нас операции проходили, так ноги мальчику исправили, а ходить еще не смогли...

У отца — забота о сыне, у дедушки с бабушкой — о внуке.

«Безотказный», — подумал я об Алексее Ненахове.

Мать:

— Ждали, думали, пытались его перевести в Воронеж-45. Военская часть в Борисоглебске. Два года пытались. И отношение давали, последний раз ему отказали в январе или феврале этого года. Еще войны не было. Ему опять отказали, даже не написали почему. И у Алексея была льгота, можно было перевести по месту жительства сына-инвалида.

Старший лейтенант Алексей Ненахов

— Так и ближе к престарелым родителям переводят.

Вера Ненахова:

— Да. И я на инвалидности, и ребенок. И то, что он его воспитывает... Отказали. Я написала Шойгу...

— Вы же мама...

— А тут война пошла...

В танковой дивизии держались за кадры, а с началом спецоперации стало не до переводов.

Вера Анатольевна:

— Они получили 9 июня мое письмо — никакого ответа, а потом — известие о гибели...

Мы молчали.

Перебарывая что-то внутри, я спросил:

— А когда вы узнали, что он поехал на Украину?..

— А он заехал к нам, пригнал машину, оставил вещи. Это было 28 мая. И его отвезли в Белгородскую область. Довезли, и больше мы его не видели...

Мы снова молчали.

Я спросил:

— А по телефону созванивались?

— Нет. Вообще ничего. Я через знакомых, через месяц, — заплакала Вера Ненахова. — Там по каким-то каналам узнали, что он жив.

Волнение родителей воюющих всем понятно, по сводкам на Украине шли ожесточенные бои.

Вера Анатольевна:

— Ну а потом, недели через две, я начала опять его искать.

— Ведь мать...

— Мать найдет всегда... Когда уже нашли, было уже поздно... Я узнала. Вторая жена, у которой с Алексеем дочь, его тоже искала через военных. И вот она и нашла. 8 или 9 июля ей сказали, что 6-го он погиб.

— А при каких обстоятельствах?

— Его привозил из части Ваня. Заключение дали медицинское. Там написано просто: «Пневмоторакс легких. Остановка сердца». И больше ничего... — вытирала слезы Вера Анатольевна.

— А что такое пневмоторакс?

— Это сдавление легких. Волной ударило. И все... Остальное все на месте...

На теле нет травм.

— А тот, кто рядом с ним, весь... — махнула рукой.

Понял: сгорел...

Вера Ненахова:

— Лешу волной ударило, наверно, и сдавило грудную клетку. Там было написано: «травма грудной клетки неясным оружием». Они же не знают, что там было... Когда его привезли, мы не стали открывать гроб. И я не захоте-

ла. Пусть он останется таким, какой был... Мы имели право попросить посмотреть. Но они: «Уже потемнел, оттого что разлагался...» Я сказала: «Я не буду... Потому что я хочу, чтобы остался, каким был...» Потому что и сейчас я его... — всхлипывала...

Я смотрел на горящую свечу перед иконами на краю стола, и внутри у меня все переворачивалось.

После минуты тишины снова:

— А в каком месте все случилось?

— Под Изюмом... Вот похоронка... — протянула листок.

Я прочитал:

«Извещение...

...что ее сын, старший лейтенант Ненахов Алексей Константинович, командир зенитного ракетного взвода зенитной ракетной батареи войсковой части 91701 4 гвардейской танковой дивизии... погиб 6.07.2022 года при выполнении задач в ходе специальной военной операции на территории Украины г. Изюм. Верный присяге, мужеству, отваге. Смерть связана с исполнением обязанностей военной службы...

Врио командира войсковой части 19612 полковник...»

— Как простились?..

Ненахова:

— Привезли 18 июля... Могли и дольше держать. Но его однокурсники-ребята помогли, и в Ростове там есть, поэтому долго не держали. Двенадцать дней его не было, и вот привезли. Сначала — самолетом в Тамбов. Ну а тут наша администрация его доставила...

— Где прошло прощание?

— Ночевал в морге, к дому подвезли, в церкви отпевали.

С колокольни церкви в Чигораке открывался захватывающий вид на поля, рощи, овраги и реку, на землю Алеши Ненахова.

Мать:

— И в Чигораке он похоронен...

— А кто был на прощании?..

— Людей очень много. Ну, чего, он жил тут. И тем более я здесь проработала детским врачом и меня все знают... Народу очень много. И люди по сей день не могут понять, что он умер. Что его нет... Ни у кого в голове не укладывается... Если бы он какой-то там был, а то всегда с людьми: здравствуйте... И помочь... И учителя о нем... И когда учился в военном училище, ребятам помогал... С теми же пред-метами: сопроматом... Парень хороший... И как офицер, уравновешенный... Тоже всем помогал... И мы Гоше (внуку) пока и ничего не говорили... Я не знаю, как сказать. Поймет ли он. Он и по сей день ждет: «Когда папа приедет? Мы поедem в санаторий...» (по инвалидности). А тут как раз приедут... Мы официально не знали, а знали из этих источ-ников. Официально нам сказали дня за два-три перед тем, как привезти. Приехали из военкомата и сказали. А Гоша за неделю до этого: «Скоро приедет папа? Скоро приедет папа?» Раньше как-то нечасто вспоминал. А тут...

— Сердце ребенка...

— Я: «Папа, ты же знаешь...» Он: «Я знаю. Папа воен-ный, он служит...» У нас он все понимает, хоть и дэцэпэш-ный. Но не ходят ноги...

Теперь я спросил:

— А насчет памяти?.. Может, в воинской части что-то сделано...

Вера Анатольевна подняла с края стола листы:

— Вот прислали бумаги, что сожалеем о гибели, что представлен к награде...

Включила свет и подала листок.

В письме прочитал:

«Уважаемая Вера Анатольевна!

...Ваш сын... старший лейтенант Ненахов Алексей Кон-стантинович доблестно защищал Российскую Федерацию от военной угрозы, создаваемой странами Запада, а также

в целях поддержания мира и прекращения геноцида в отношении проживающих на Донбассе русских и украинских граждан, которые надеются только на Россию...»

Надеются...

«...его подвиг заслуживает глубокого уважения. Мы говорим, что герои не умирают, герои живут вечно среди нас...

Сегодня для нас тяжелый и скорбный день, для всех сослуживцев Алексея, мы знали его как профессионала своего дела, верного друга и просто хорошего человека, на него всегда можно было положиться, он никогда не проходил мимо чужой беды, за время службы он стал асом своего дела, учителем и наставником для своих подчиненных, примером для сослуживцев...

Жизнь Алексея трагически оборвалась, но его дело, которому он посвятил всю свою жизнь, продолжим мы, его боевые товарищи...»

Также значилось:

«...представлен к награждению...»

И в конце:

«Врио командира войсковой части 19612

Полковник...»

О роковом для Алексея Ненахова дне 6 июля 2022 года в своем новостном канале рассказывал журналист Юрий Подоляка:

«...На Харьковском направлении... российские войска предприняли попытку штурма западнее Казачьей Лопани, что раньше не замечалось... желание отодвинуть позиции украинских войск от Государственной границы Российской

Федерации... был серьезный прилет в один из харьковских военкоматов, и также поражены другие военные объекты, где украинские вооруженные силы создали свои центры... Также на Славянском направлении продолжаются бои в районе Краснополя, здесь постоянно не прекращаются штурмовые действия. Украинские вооруженные силы подбрасывают сюда резервы, пытаются, как могут, удержать последние позиции перед Славянском... С этих высот хорошо видны жилые кварталы города... Сегодня около Краматорска уничтожены две американские системы залпового огня "Хаймарс"... Также появились скандальные данные о том, что украинские военнослужащие продали французские самоходные артиллерийские установки "Цезарь"... На Северском направлении пришла новость о том, что Луганская народная милиция взяла населенный пункт Спорное... Продолжаются бои в районе Бахмута... На остальных направлениях очередной варварский обстрел Донецка... Гибнут дети, гибнут жители...»

Мы говорили.

Вдруг с уст Веры Анатольевны слетело:

— За два дня до смерти он сбил украинский самолет...

Ребята сказали...

— Вот-вот. Очевидцев надо расспросить...

Ненахова:

— С ним раньше служил Алексей Швырев... Вот вы знаете, ребята молодцы. Вот мы стали его искать, Швырев позвонил мне, я ему говорю: «Леша, пока не знаю. Потому что слухи». Он прозвонил по своим каналам, а сын нигде не значится. Мы знали, что он погиб, а тут... А потом на следующий день мне звонит: «Да, все... Сейчас его привезли в Ростов. Сейчас мы в Ростове быстро все организуем». Ребятам благодарна, что они быстро его сюда переправили. И помогли. И на похоронах были. Многие их однокурсники, видимо, их обзванивали, тоже помогли. Кто служит, кто уволился... Иван (из воинской части) его привозил. Если

его туда еще не отправили, с Ваней бы поговорить... Они с Ваней два с половиной года были в хороших отношениях и даже дружили... И Ваня его привозил из Ростова, и, пока мы его не похоронили, Ваня не уехал...

У меня в голове как зациклилось: «За два дня до смерти сбил украинский самолет».

Я собирался посетить могилу Алексея.

Ненахова:

— Могилка... Кладбище здесь недалеко... Заходите в ворота, направо и первая линия...

Но, посмотрев в окно, сказал:

— Сумерки.

— Хорошо, я вам фото пришлю...

Я уезжал, все более погружаясь в темноту. Редкие фонари на трассе вырывали машину из темени, все больше погружая в ночь, в которой, казалось, не предвиделось про света, но все равно ей на смену, невзирая ни на что, должно было прийти утро.

3

Рассказы друзей. Курсантская жизнь

Я напомнил о себе Вере Анатольевне 7 августа. Просил фотографии, спрашивал про телефоны друзей, и она: «Я пришлю, обязательно пришлю». И сказала, что я могу поговорить с друзьями Алексея.

Вот с двумя из них 10 августа у меня состоялись разговоры во время моего очередного приезда в Борисоглебск.

Сначала я говорил с капитаном Виктором Стрелковым.

Он рассказал:

— Я учился вместе с Алексеем Ненаховым на одном курсе. В Борисоглебске был филиал Воронежского инженерно-авиационного института. Мы — авиационные

инженеры. Учились вместе до третьего курса, а на третьем курсе нас раскидали по специальностям. Как раз в 1999 году расформировали и отправили доучиваться на основную базу, в Воронеж. Тогда начальником в институте был генерал Хохлунов. Хороший дядька. И там нас по специальностям...

— Алексей на какую специальность попал?

— Он по автомобильной части.

— А вы?

— Я пошел на штабную...

— А как складывалась курсантская жизнь?

— Здесь поступили в 1996 году. Это смутные времена.

И тогда многие родители старались своих сыновей уберечь, чтобы они по скользкой дорожке не пошли, и отправляли в военные училища. Обут, одет и под присмотром. С Лехой попали даже в одну группу. И спали напротив друг друга в одном кубрике. Леха — обычный парень. Он не унывал. Даже когда настроения нет, все как-то не очень, он всегда в хорошем настроении, во всем находил плюсы, и я никогда не видел, чтобы он огорчался... Может, чего и не помню, но в общих чертах. Достаточно веселый...

— А вы в армию почему пошли?

— Нельзя сказать, что я мечтал быть военным, в голове ведь всякое творится — еще молодые. Но лучше в курсанты, чем на другое. Потому что, помню, отец с моей старшей сестрой ездил в Воронеж, в Ростов, все не могли решить, куда ей поступать. А тут все ясно... Тем более у меня отец тогда служил. Поэтому все нормально. Так-то, конечно, не особо нравилось: казарма, плац...

— Но по итогам нормально сложилось...

— Все от человека зависит. В любой среде всякое случается.

— А как втягивались в курсантскую жизнь?

— Трудно. Я окончил в школе 11 классов. И в шестнадцать лет одели во все военное. Сапоги обули, и началось: курс молодого бойца. Август месяц, жарница! Вот как сей-

час. Боевой выход в Чигорак (село рядом с Борисоглебском), там окапывались. Потом засыпали за собой эти ямки. И такое ощущение: ты знаешь, что за забором твой дом, а ты не можешь туда сходить... Когда в Воронеж перевелись, там дальше от дома. Может, мы повзрослее стали. Все пошло веселее — и учиться, и служить...

— Обтерлись...

Вот так и воспитывались офицеры.

Стрелков:

— Вторая половина учебы мне понравилась больше...

— А про Алексея? — спрашивал я.

— Добрый парень. Насчет помочь. Все мы — в одной массе, чем тут поможешь... Но он безотказный. Есть такие люди, подойдешь — он: «Зачем мне это надо?» Он — нет. Тем более с ним в нормальных отношениях...

— Плюсовой...

— Он не гундосил...

Мол, не ныл.

Капитан Стрелков:

— От него плохого не жди...

— Тоже важно... Ведь всякие встречаются.

— Он тоже послужил и уволился. Причем из-за чего?

Сынишка больной...

— А распределение?

— Нас дорожки развели. Я попал в Тверь, отслужил пять лет. Контракт закончился, уволился. Приехал в Воронеж, здесь помывкался. Понял, что на гражданке швах. И что у меня уже десять лет выслуги есть. Мне еще десять лет — и в любом случае будет пенсия и жилье. А что, извините, будем откровенны, воровать я не могу... — засмеялся.

— Не научили, — смеялся я.

Стрелков:

— И вернулся в армию. С Лехой после выпуска мы не общались.

— А вы знали, что он погиб?

— Позвонил наш бывший сокурсник Леша Швырев. Он в четвертой роте был, а мы — в третьей. Он давно уволился. Он позвонил и говорит: «Леха погиб...» Я простился с ним. Был на отпевании. Цветочки передал: «На могилу положишь...»

— А что случилось с Алексеем?

— Я понял, что под обстрел попали. Его взрывной волной отбросило, грудную клетку сдавило, остановка сердца...

Мы говорили. Передо мной сидел капитан, а вот старшего лейтенанта Алексея Ненахова, который мог быть с нами, не было. И я мысленно просил, чтобы судьба к капитану Стрелкову оказалась благосклоннее.

Поговорил в этот день и с Алексеем Швыревым. Мы сидели у него в машине, рядом проносились мотоциклисты, легковые, а мы говорили.

— Лешу вроде к ордену Мужества представили, — сказал Швырев. — Когда он «сушку» сбил украинскую. Он с «иглы» добил «сушку». Добил 4 июля, а 6 июля погиб.

— Тогда, может быть, награда и за второй эпизод, когда пал...

— Кто знает, посмотрим.

— А как он погиб?

— Обстрел был. Удар взрывной волной, сердце остановилось... Рядом грохнуло...

— Мама Алексея мне говорила: сдавление грудной клетки...

— Мина рядом прилетела...

— Он зенитчик...

— Да, командир зенитно-ракетного взвода зенитно-ракетной батареи в Кантемировской дивизии... А часть — в Наро-Фоминске...

— А как сбил?

Швырев:

— Это мы выясняли все, когда приезжал командир. Он привозил Алексея как представитель части. Он и сказал, что добил «сушку» 4-го числа...

— А вы сами из каких краев?

— Я борисоглебский. У меня отец военнослужащий. Дед, отец — военные. Династия. Дед — заслуженный военный связист СССР, подполковник. Он в войну был ребенком. Немцы его два раза чуть не расстреляли за то, что он им связь перерезал. Провода. Один раз к стенке ставили...

— Мальчишку...

— Да, мальчишку. А потом так сложилось, что стал заслуженным военным связистом. Отец — боевой летчик. Окончил Чкаловское военное летное училище (тогда в Борисоглебске). И я — по стопам, только в военный авиационный инженерный институт.

— Вместе с Ненаховым...

— Да, только они после школы шли, а я — после техникума.

— А скажите, что такое курсантская жизнь?

— Курсантская жизнь.... Приходя с гражданки, попадаешь в другую жизнь. Гражданская молодежь, которая привыкла быть у папы и мамы на обеспечении, попадает туда, где, как говорил у нас старшина: «Папа и мама у вас одна — это я». Поначалу все бесило, бесили старшина, который жестко нас ломал, командир роты, но спустя несколько лет после выпуска мы поняли, что они нас приучили к жизни той, которая реальная, а не сказочная. И каждый из нас прошел через определенные пути. Я рад, что окончил военное училище, какое-то время прослужил — в запас ушел в 2003 году. Я, честно говоря, этими годами горжусь, что я был курсантом. Я дал присягу Родине. Я и до сих пор верен ей, ну, меня так воспитывали в династии военных. Я воспитывал так своего сына, сын курсант, он сам выбрал для себя эту стезю.

— И вот вы на этой стезе...

— В училище пять лет... Я бы сказал, первый год — это такие птенцы, которые смотрят по сторонам, которые считают себя после окончания одиннадцатого класса большими взрослыми ребятами, а поступив туда, вроде как хорохоришься, героизма много, эмоций много, но это другой мир, это другие знания, это другая жизнь. И уже идет становление не мальчика, а мужа, причем с нуля. Потому что армия делает из мальчика мужчину. Армия перестраивает сознание. Командиров роты, которые у нас тогда были, мы недолюбливали. Вот у нас 20-летие выпуска было, мы встречались, и все — со словами благодарности. Потому что кто-то имеет за плечами двадцать пять календарей, кто-то на пенсии, кто-то в другой системе работает, но все прекрасно осознают то, что они были правы, когда приучали нас к дисциплине и порядку. Требовали от нас исполнения приказов, потому что у каждого впоследствии своя система восприятия, постановка задач и их решение...

— Меньше бардака гражданской жизни...

— Бардак везде имеет место. Другое дело, где его больше, где меньше. Отцы-командиры свою лепту в воспитание наше внесли...

Наконец я перешел к цели разговора:

— И вот на курсе появился паренек. У него мама врач...

— Мама педиатр, и довольно хороший, известный педиатр... Ее сын Алексей Ненахов был в нашей четвертой роте. По первому курсу я что-то и не очень его помню, потому что мы там все на одно лицо: бритоголовые, у кого-то испуг, у кого-то отвержение, а дальше... Хотя оба мы с Алексеем местные, но до училища не был с ним знаком, тем более я в техникуме учился. Но потом «привет» — «привет», общение. А пятый курс — предвыпускной синдром. В какой-то степени расслабон пошел, потому что ты понимал, что ты без пяти минут лейтенант. Тебя особо руководство курса, факультета, института не трогало. Начальник института

в то время был генерал-майор Хохлунов. Он к курсантам уважительно относился. Пятый курс не трогал вообще. Если проштрафился — понятное дело, а так...

— Хорошо, когда начальник — отец родной... Вы учитесь с Алексеем Ненаховым...

— Учимся... В компаниях пересекались. Он веселый, любящий жизнь мальчишка.

Меня не удивляло, когда летчики называли друг друга пацанами, офицеры — мальчишками. Видимо, в этом таилось особое дружеское отношение.

Швырев:

— У него всегда горели глаза — это то, что помню. От любви к жизни...

— Идя в авиационное училище, он матери сказал: «Хватит нам в семье двух врачей».

— Это выбор каждого. И не знаю, чем он руководствовался, поступая в училище. Но отец-то у него — майор медицинской службы. Когда мы учились, я видел его в форме. Поэтому выбор, видимо, был осознанный. Тем более училище — рядом с домом. Нас, местных, было много.

— Вот заканчиваете пятый курс...

— Все прекрасно понимали, что разбросает по всей стране. И Дальний Восток, и Мурманск, и Калининград, и центр России, и Сибирь... Разбросало неплохо. Куда он распределился, не помню. Но потом пересекались на гражданке.

Я слушал. Алексей Швырев продолжал:

— Последний раз видел его в 2014 году, а потом как-то из поля зрения выпал... И я узнал, что восстановился, когда позвонил Вере Анатольевне (маме Алексея Ненахова), а она: «Леша, не хотим верить...» Потому что там что-то по жетону.

— Это в июле...

Швырев:

— Да, когда погиб. Она говорит: «Верить не хочу. Потому что нашли его жетон. Официальной версии никакой

нет». Мы однокурсников подключили, ребята стали узнавать, и в течение двух дней мы выяснили что и как. Комок к горлу подступил, и я поехал говорить ей. Тяжело было, но я поехал... Дальше. Подключили всех, кого можно, стали узнавать, где тело находится. В Ростове ребят. Звонил и говорил Вере Анатольевне, что к ордену Мужества представили. Такая информация от командира дивизии пришла. Ну а когда тело привезли, надо же знать, когда похороны.

— Надо проститься...

— Мы общаемся, встречаемся. Когда в какой город приезжаем, то созваниваемся, отношения очень теплые, братские. Сразу скинулись, помогли. Это фактор человеческих отношений. Никто никого не бросает.

Вот она, курсантская школа.

— Отпевание...

— В храме, в Чигораке. В Чигораке и простились. Караул был из его части, где он служил, оркестр оттуда. На автобусе приехали... Говорили с командиром роты Алексея. Зовут его Иван. Молодой парень. Он гораздо моложе нас. Лешка у него был командиром взвода.

— И ведь служил. Младшему по возрасту подчинялся.

— Он же восстановился. И знаете, он себе стезю выбрал и не лукавил. В наших глазах он настоящий воин. Настоящий защитник. Он приказ получил и поехал на Украину. Не стал отказываться. Он с достоинством выполнил свой воинский долг. Присягу, которую он выполнял...

— Ведь кто-то и...

— Мы знаем случаи, когда начинают отмазываться...

Я так скажу: это мальчик, который стал мужем, который стал мужчиной, который с достоинством принял на себя обязательство выполнить воинский долг. И с достоинством покинул этот мир.

Мы говорили.

— А по личным качествам Алексея?

— Он пацан. В меру мальчишка. Такой живой, настоящий.

— И ради сына сколько сделал...

— Мне кажется, он и восстановился ради него. На гражданке не очень получалось... Я скажу так: я в своем окружении не знаю того, кто бы забывал своего ребенка.

— А по службе?..

— Он не рвал, не метал. Карьера для него не главное. Он знал свои обязанности и спокойно служил. Возьмите курсантские годы, потом службу офицером. Он спокойно и шел.

Из таких «спокойных» офицеров и складывается костяк армии.

Швырев:

— Он никогда никого не подставлял. Это дорогого стоит. Где спотыкался, понимал: если это — его, получал сам. Плохого за ним не замечалось. Нормальный, добрый пацан. Нормальный мужик. Вот именно нормальный в восприятии этого слова.

— Вот я и хочу написать о таких...

— А назовите «Наши мальчишки». Пускай звучит, как про детей. Но суть-то — из мальчишек выросли мужчины. И нужно рассказать историю мальчишек. Они в итоге выросли и что они сделали. И читать будут наши мальчишки. А почему наши? Потому что они на сегодняшний день там-там-там...

В России. Донбассе. Под Харьковом. На Херсонщине...

— Они вот все. И спустя время они вырастают в таких, как Лешка...

14 августа 2022 года

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЕВСЕНКО

1

Русский мир пошел спасать

«Новости Воронежа» 16 августа 2022 года сообщили¹:
«В бою на Украине погиб 28-летний парень из Воронежской области.

Не стало Георгия Евсенко.

Георгий Евсенко, 28-летний житель Борисоглебска, погиб в бою на Украине. Об этом во вторник, 16 августа, рассказали в администрации Борисоглебского городского округа.

— Георгий отдал свою жизнь ради обеспечения безопасности своей страны и своего народа. Мы всегда будем помнить его героический подвиг, — написали в городской администрации.

Соболезнования в связи со смертью парня выразили также в Борисоглебской городской Думе и местной Общественной палате».

Узнав о печальном событии, я связался с военкоматом, и мне дали телефон отца погибшего, Александра Юрьевича Евсенко.

Я позвонил ему, и мы разговаривали.

— Александр Юрьевич, сейчас готовим Книгу Памяти ребят, которые сложили голову на Украине... И вот знаем о вашем сыне... Его звали Жора, Георгий...

— Жора — в детстве. А так — Георгий Александрович.

— А можно немного о нем?

---

¹ <https://vestivrn.ru/news/2022/08/16/v-boyu-na-ukraine-pogib-28-letnii-paren-iz-voronezhskoi-oblasti/>

Рядовой Евсенко

— Да.

— А где он родился?

— В Борисоглебске... Учился в 13-й школе. Потом сельскохозяйственный техникум заканчивал. После техникума пошел срочную служить. Служил здесь, под Борисоглебском. В Ейск перевелся. Там часть какая-то. Автобат, что ли. Связанная с машинами, потому что у него были профессиональные права. Из Ейска уволился, пришел домой. Устроился в горэлектросеть, там работал, у них начальство сменилось, стало тяжело работать. Он ушел. Потом то там работал, то там... На шабашках...

Все знали эпоху развала всего и вся в когда-то могущественной стране.

Отец Георгия:

— Ну а после он, нельзя сказать спонтанно, решил ехать на Донбасс. Я потом уже узнал, как он спрашивал, кто как

к спецоперации относится. Многие ему не советовали туда идти. Он со мной говорил. Я вижу, он собирается. «Жор, ну туда уже, — я его как бы сам знаю, — я бы тебе не советовал». А он: «Ну кто, если не мы?»

— Вот именно, если не мы...

— А ему 28 лет. Он парень взрослый. У него это осознанно. И даже не в деньгах было дело. И он решил. Русский мир пошел спасать. Донбасс защищать. Я до последнего не думал, что он туда пойдет. Бывало, многое начатое не доводил. А здесь вот осознанно прошел комиссию. Лишь сказал: «Если буду уходить, никому ничего не скажу». И никому не сказал. Сам ушел в военкомат. В известность нас поставил только тогда, когда уже был в Воронеже.

«Чтобы не отговаривали... Не помешали...» — подумал я. Отец:

— Позвонил: «Дали обмундирование. Мы едем в Белгородскую область». А потом звонил, что в первый день постреляли, гранаты покидали. На следующий день: из гранатомета постреляли...

Я вернулся чуть назад и спросил:

— Сначала решал для себя: ехать — не ехать. А оформляться когда стал?

— Сейчас там все быстро. Отбыл 24 июля. А 31-го он уже погиб.

— То есть с февраля шла спецоперация, он видел все происходящее и решал: идти — не идти.

— Да, долго он решал... Смотрел телевизор. Осмысливал, переваривал, думал об этом...

— Одно дело — когда идешь в начале операции, когда все впереди, а другое — видишь, с какими трудностями столкнулись в боях, и тут идешь уже как бы выручать...

Отец соглашался.

Мы говорили.

— Скажите, а откуда у него армейская жилка? Ведь в конце концов пошел по армейской линии...

Отец:

— Это не армейская. Это я всю жизнь, считай, прослужил и уже на пенсии с 2013 года, но все там. В Борисоглебске, в училище, в батальоне связи. Я ему изначально советовал в армию пойти, но он не пошел. В Морфлот устраивал его — не сложилось. Он тогда говорил: «Не мое...» Но я ему по жизни старался примеры положительные показывать...

— А вот когда за живое задело, военное стало его...

Отец:

— Выходит, так... Может, сказало, что его прадед в Белоруссии в Великую Отечественную погиб. Другой дедушка воевал...

— Корни...

— Так вот сначала его — в Белгородскую область. Мы созванивались. В предпоследнем разговоре его слова были: «Я не трус. Можешь мной гордиться». И последнее, что он написал: «Нас направляют на Харьковское направление, и теперь звонить буду я сам. А так не дозвонитесь». Его посадили на КамАЗ. Он — за рулем, с ним сопровождающий. Чуть ли не первый в колонне, и попали под обстрел. Минометный обстрел был, и он единственный из всей колонны погиб. Там много раненых, получается, а он погиб. С ними сопровождающий был, он тяжелораненый... А у сына — основное ранение в колено и осколочные по всему телу... Но, скорее всего, от потери крови. Он то повоевать не успел.

Голос отца дрожал.

Он тяжело говорил:

— Но то, что поступок его был геройский, слов нет.

— Что вы вкладываете в эти слова?

— Человек делает выбор. Я всегда выбор сына принимал. Есть выбор правильный, есть неправильный. Я считаю, наверно, все-таки это правильный выбор. Мужской выбор. Хотя он и не был таким военным.

— Скажем, заматерелым, сложившимся...

— Но он решил пойти туда и пошел. Он не спился здесь, на гражданке, не занялся ерундой какой-нибудь. Тут много плюсов, что он правильно сделал...

Я спрашивал:

— А где это случилось?

— Есть свидетельство о смерти. Там написано: село Богородичное¹. Донецкая область. Украина...

— А когда узнали?

— Как последний раз с ним поговорил, тишина... А 11 августа я был дома, и приехали из военкомата. Сказали... Дали извещение. А он был в Ростове. Из Ростова привезли 13 августа. 15-го похоронили. Военкомат помог: был караул. Пришли люди. Друзья. Все как положено. Похоронили по-человечески.

— Отпевали?

— Да, сам владыка... Сын крещеный... Крест с вещами я лично — под крышку гроба... Военный билет, карточки... Под крышку деревянного гроба... Он же в цинковом лежит...

Я спросил про память.

Отец Евсенко:

— А на прощание его привез лейтенант. Он не из его части, а из другой. Но сказал, что Георгия к ордену Мужества представили.

2

В школу в Борисоглебске

Александр Юрьевич Евсенко посоветовал мне поговорить с классным руководителем Георгия, Олегом Николаевичем Горовым. Я хотел, чтобы разговор состоялся не по

---

¹ Богородичное — село в Славянском районе ДНР. Входит в состав Долинского сельского совета. Расположено на правом берегу реки Северский Донец.

телефону, и вот 8 сентября приехал в Борисоглебск и шел по этому городу, сохранившему прелесть провинциальных городов начала XX века. Заглядывался на домишки, которые относили меня в прошлое моих дедов: такие дома мог увидеть от Вологды до Краснодара, тогда Екатеринодара, от Калуги до Омска.

Вот перешел железную дорогу, остановился около Знаменского собора, где полжизни прослужил протоиерей, заслуженный художник России Стефан Михайлович Домусчи, и шел вдоль железной дороги по широкой улице, которую в крупных городах, где каждый метр поделен, теперь и не встретишь.

Немного поплутав и чуть ли не приняв детский сад за школу, спросил у местного жителя:

— Это школа 13?

На что он сказал:

— Нет.

И вызвался меня проводить, довел до переулка, показал на футбольное поле:

— Вон за полем 13-я школа...

— Так как идти?

— Можно и по этой тропинке пройти, и по той...

Этот житель оказался родственником Георгия Евсенко. Провинция удивляла тем, что вот так можно было встретить родственников, и причем тебя приветливо встретят, что в большом городе случалось крайне редко.

Когда рассказал про Георгия Евсенко, он ответил:

— Я его родственник... Вот у Георгия отец Александр. А у него — родной брат Сергей. А моя родная сестра замужем за Сергеем...

— И вы к военным отношение имеете?

— Нет, но мой сын — курсант пятого курса в училище...

Заговорили о Георгии.

— Георгий — мальчишка как мальчишка. Ну, что там 28 лет...

— Но решился на Донбасс ехать... — заметил я.

— А что, у них такой возраст... Вон у меня и старший сын. У нас в ГАИ работает и говорит: «Поеду». Брат мой и сейчас там. Сегодня утром с ним разговаривал. В Ростове все бросил, весь бизнес, и там... Возит туда гуманитарку...

— Получается, в вашей родне есть вот такие, которых сейчас, извините, называют пацанами...

— Родина в опасности, — произнес безо всякого пафоса мой собеседник, — многое о чем говорит...

— А Георгий что за мальчишка?..

— Да как и все... Там гонял в футбол, — показывал на поле и за него, — там учился... Иногда шалун. Мальчишки ведь все мальчишки... Часто собирались у моей сестры... Вся родня.

— Наверно, сказалось, что отец у него аэродромщик, — вспомнил причину отъезда Георгия на Украину.

— А у него и родной брат на аэродроме...

— Военная жилка...

Я побежал через поле и вот, проскочив в маленький переулочек, вышел к другому более облагороженному полю, за которым на взгорке возвышалась школа. Невольно остановился, представляя, сколько детей вышли из нее в жизнь. И она продолжала свой труд: учила, воспитывала, боролась за, как говорят, подрастающее поколение.

Зазвенел звонок, и школа загудела.

У входа в школу подошел к памятнику и снова обрадовался, увидев бюст Неделина¹. Того, который на Байконуре запускал ракеты в космос. Там, где я тоже жил в конце 1960-х годов вместе с отцом. Тогда мы лидировали в космосе и каждый полет космонавта превращался в праздник для любого советского гражданина.

¹ Митрофан Иванович Неделин (27 октября [9 ноября] 1902, Борисоглебск — 24 октября 1960, Байконур) — советский военачальник. Первый Главнокомандующий ракетными войсками СССР (1959—1960). Внес большой вклад в создание РВСН, разработку, испытание и принятие на вооружение ракетно-ядерного оружия; Главный маршал артиллерии.

3

**Первоклассник Олег Горовой:
«Мама, я буду только учителем»**

При входе в школу меня встретил приветливый, седоволосый мужчина. Записал в книгу посетителей, и мы пошли по школе. Уже шел урок, и тишиной удивляли недавно кипевшие от шума этажи и лестницы.

Идя, я словно ощущал каждую ступеньку знакомых лестниц, по которым сам бегал в далекие 1960-е и 1970-е.

Присели за столик в учительской, и потек наш разговор.

— Олег Николаевич, а вы давно в этой школе?

— С 1992 года, вот будет тридцать лет...

Меня радовали учителя, которые, как и многие военные, несмотря на невзгоды, не изменили профессии.

— Вы местный?

— Я из Брянской области. Переехали сюда в 1986 году. Родители в Махровке...

— Там учительствовал Гавриил Троепольский в конце 1920-х — начале 1930-х...

Олег Горовой:

— В Махровке я окончил вторую половину 11-го класса, поступил в Борисоглебский педагогический институт. Филологический факультет. На пятом курсе в сентябре мы были на практике, декан вызвал меня и спросил, какие у меня намерения. Буду я в школе работать или нет. Я сказал: «Только в школе». И он сказал: «Я советую тебе сейчас устроиться в школу». Тогда трудно было устроиться. Он позвонил начальнику отдела образования. Та мне сказала: «Есть места в 6-й школе и 13-й». В 6-й школе — уже не помню, какой предмет. В 13-й — физкультура. И она говорит: «Иди, пока есть место». И на пятом курсе декан мне разрешил свободное посещение лекций, и я пошел работать, еще будучи студентом. С конца ноября до начала следующего учебного года вел физкультуру, летом получил диплом.

Мне говорят: «У нас есть ставка учителя русского языка и литературы». И меня сразу нагрузили: полторы ставки в две смены...

— Одним словом, в бой — и никаких вопросов...

Горовой:

— С тех пор веду русский и литературу...

— И не пожалели, что пошли в учителя?

— Нисколечко.

— А откуда у вас тяга к учительству?

— Не знаю. Но, как говорила моя мама, когда я пошел в первый класс, 1 сентября я сказал: «Мама, я буду только учителем». Сразу определился. И сколько бы мне вариантов ни предлагали, нет, только в учителя...

— На факультете мальчишек, наверно, раз-два и обчелся...

— Когда поступал, нас было трое. Потом первый курс окончил, армия, через год нас вернули, как раз события в Верховном Совете или что-то, они студентов вернули. Получается, четырнадцать месяцев отслужил, вернули на второй курс, и нас уже было семеро.

— Факультет-то — девчонки...

— Поступал — пятьдесят студентов, две группы, а вернулся — семьдесят пять, три группы... В основном девчонки...

— Большой поток!

4

В нем был стержень

— Что у вас за школа? Учатся ли с Донбасса?

— С Украины у нас пришел один мальчик. Многонациональные классы. Есть дети-таджики. Армяне... Русские. Всякие...

— И как ладит этот разношерстный народ?..

— Как все. Дети, они и есть дети, они не различают национальностей...

— И один ребенок — Георгий Евсенко... Помните такого?

— Конечно, помню. Потому что я был у него классным руководителем. Он пришел в нашу школу в 6-м классе и ушел после 9-го класса. Учился он в классе вместе с моей дочерью.

— Тогда вы все знаете...

— Мальчик очень серьезный. Скромный. Справедливый. Старался всегда прийти на помощь.

— Это что значит?

— Вообще класс был очень дружный. Они ни в коем случае никогда никого не обижали. Очень дружили. Так как моя дочь училась, — улыбнулся, — то... Кто-то что-то не сделал — объясняли. Друг за друга. Один нашкодничал, — рассмеялся. — А другие: «Да это он там случайно... Да это я ему так сказала, а он не подумал...»

— Братство маленькое...

— Мы до сих пор каждый год встречаемся, находим время, либо на природе, либо в кафе...

— Теперь без Георгия...

Горовой:

— Он спокойный, очень уважал старших. Заботливый. У него были проблемы с мамой. Он не бросал ее. Часто ко мне приходил в гости. Мог спросить совета, просто рассказать. Года два я его не видел. Не знал, что он женился. Что у него есть дочка. Я понимаю, что, раз женат человек, не так нуждается в советах. Того, что он оказался на Украине, я не ожидал. Хотя у него отец военный, но как-то Жорик по школе не хотел быть военным. После школы устроился на работу чисто гражданскую. В горэлектросети работал. Специалист, окончил техникум.

— Да, отец говорил, вроде гражданка, а тут его закусило. И он сказал: «Я — за русский мир...» Как вы думаете, неспроста такое решение принял Георгий?

— В нем был стержень. Он не велся ни на какие провокации. У него всегда было свое мнение. Если, скажем, он отрицательно относился к курению, то даже одноклассники не предлагали: «Те что, слабо?» — «Нет, не слабо. Но мне это не надо». Какой-то у него внутренний стержень был.

— А как по жизни одноклассников разнесло...

— Класс сильный. Три медалиста. Но это я говорю об 11-м классе...

— Когда Георгий ушел в техникум.

Горовой:

— Из шестнадцати человек 11-го класса все получили высшее образование...

Видимо, не зря хлопотал их классный руководитель.

5

Печальное известие. Школа рабочей окраины

— Вот вы узнали о гибели...

— Все были в шоке... Никто не думал, что он вдруг окажется там.

— Вроде гражданский, а решение военное...

— И самое обидное, никто не знал, что он женатый и у него есть ребенок. Все грустили. Как так? Папа, ребенок. Такой молодой. Пришел его отец, а я давно его не видел, и принес печальную весть. И я: «Он так и не женился?» А он: «А вы не знаете, женат. У меня есть внучка». Показал фотографию. Грустили все...

— А что насчет памяти?

— Я еще администрации школы не говорил. Все учителя, которые его учили, все знают. Пока ничего. Но я везде читаю, оформляют стенд. Доску повесят. Я думаю, что на ближайшем педсовете мы поднимем этот вопрос...

— Вы литературу преподавали... У него какие-то интересы были?

— Вы знаете, он интересовался фэнтези. Классику не замечал.

— Получается, мальчик вообще как бы гражданский, оторван от военного, а решился на самое военное... Не без влияния бати... Его отец такой суховатый, немногословный...

— Строгий. С сыном строг.

— Вы вот с детками все время... Ваше впечатление о ваших учениках... Вы же о них болеете, седой весь...

Горовой:

— Всяких детей хватает. Но, бывая в других школах, присутствуя там на уроках, мероприятиях каких-то, замечаю: в нашей школе дети добрее. Предыдущий наш директор называла нас школой рабочей окраины. У нас здесь нет детей из элитных семей. У нас обычные, простые люди.

Младший сержант Евсенко

Очень просто с ними находить язык. Они не звездят. Могут сказать, что в нашей школе справедливые дети...

— Как сказано: дети справедливые. А можно спросу о патриотизме?

— Патриотизм — это любовь к тому месту, где ты родился. Желание ему процветания. Делать каждый день хоть чуть-чуть, для того чтобы это место, где ты родился, становилось лучше, лучше и лучше.

— А как же у Георгия и Донбасс?

— Из маленького ручейка рождается полноводная река, — оживился учитель. — Если ты научишься любить свою малую родину, ты полюбишь большую Родину. Ты полюбишь русский мир. Действительно, русские — они и есть русские, где бы они ни были. И, естественно, пойдешь защищать. Просто надо научиться любить себя, малую родину, а за малой родиной следует большая. Вот, наверно, это и сыграло. Он любил Борисоглебск. Он любил русских. Он не конфликтовал даже с другими. И он всегда был справедлив. Если что-то натворил, он никогда не прикроется. Если получил двойку, он придет, скажет отцу. Не получается что-то — подойдет ко мне, скажет: «Олег Николаевич... помогите мне с Михаилом Юрьевичем решить вопрос... Я сделаю лабораторку...» Или: «...Контрольную напишу. Пусть он ее проверит...» Он всегда — за справедливость.

— Обостренное чувство... Даже батя его говорит, поехал на Донбасс, а они не знали ничего... А узнали, когда в Воронеже уже был... Насколько решил...

— Он такой вот. Он послушает разные мнения. У него есть свое мнение. И он определит, какое из мнений ему подходит. Вот он решил туда поехать, вот, чтобы не расстраивать родителей, он сообщил, уже когда его увезли.

— Вот и есть такие тихие ребята, которые не звездят, не бьют себя в грудь, а как до дела дойдет, он и...

— На уборке. Все с граблями ходят, да я сейчас подойду... Тянут. А он всегда: «Дайте мне территорию». Вот выделишь ему пять на пять — взял, убрал. И: «Я могу быть

свободен?» — «Да, свободен». А не уходит. «Девчонки, дайте помогу». — «Ну, давай». Хотя и закончил свое, а не уходил...

— А то моя хата с краю...

— Поможет...

— Что-то внутри не позволяет ему уйти... А внеклассная жизнь...

— В музей ходили... В кино... Могли в школе после уроков собраться и «побалдеть», поговорить... Вечера тогда проходили. Общешкольные мероприятия. Хотя и не стремился участвовать, не чувствовал себя артистом, но, если надо, не отказывался. И на репетицию... Шутил... На 9 Мая стоим в почетном карауле у памятника Прохорову¹... Неделину...

Чувствовался учитель — душа класса. Мы говорили, и все четче вырисовывался образ простого мальчишки из школы рабочей окраины, с обостренным чувством справедливости, почему он и поехал на Донбасс.

На обратном пути я зашел в Знаменский храм, где шла служба, и я слышал, как батюшка пел:

«...за погибших на Украине...»

Поставил свечку на канун и помолился о сложившем голову воине Георгии. При выходе обратил внимание на объявление о том, чтобы об упокоении молились все братья и сестры.

9 сентября 2022 года

---

¹ См. очерк в этой книге о старшем лейтенанте Фетисове, где рассказано о встречах его с будущей женой Людой именно в этом сквере.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БОТАШЕВ

Знать прошлое, опираться на настоящее, смотреть в будущее и не останавливаться в развитии — без движения самолет падает с неба.

Генерал-майор Боташев¹

1

Он погиб в Попасной

Прозвучало, как гром среди ясного неба: погиб генерал-майор, летчик, доброволец, отправившийся на Донбасс спасти людей.

Имя ему Канамат Хусеевич Боташев...

Указом Президента ему присвоено звание Героя России².

Подумал:

Генерал...

Летчик...

Сам полетел...

И погиб...

И почему-то вспомнились летчики-добровольцы, бившиеся в небе Испании с фашистами Франко.

Когда я в Борисоглебске в разговоре с другом зенитчика Алексея Ненахова Алексеем Швыревым упомянул Боташева, он сказал:

---

¹ Интервью с Боташевым. <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

² За мужество и героизм, проявленные в ходе выполнения боевых задач, Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина от 1 июня 2022 года № 334 генерал-майору Боташеву Канамату Хусеевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

— Я знаю, хороший мужик. Командир дивизии на Балтиморе¹... Он спас пацанов... Ребята рассказывают, пехота запросила помощи. Попала в окружение. И он на «граче» пошел вниз на снижение, зная, что это смертельно опасный ход. Он разгромил хохлов, погиб сам, а пацаны — пехота — из окружения вышли.

Сам пошел.

Генерал.

Ввязался в бой.

Он — с Балтимора...

Того Балтимора, который от моего дома в двух километрах и который я сотни раз пересекал, идя на дачу.

Теперь, где только мог, искал сведения о Боташеве.

И что-то дополнялось... Уточнялось...

«22 мая после выполнения боевой задачи, когда он получил сообщение, что нашим наземным войскам требуется немедленная поддержка, он развернул свой боевой самолет и выполнил атаку, чтобы помочь вырваться из окружения нашим десантно-штурмовым группам, и в этот момент ракета поразила самолет, и Канамат ушел в небо», — рассказывал его однокурсник по Ейскому училищу².

И узнавал...

Родился он в Нижней Теберде, которая спряталась в узком ущелье Карачаево-Черкесии, на высоте за тысячу метров.

Выходило, явившийся здесь на свет мальчуган смотрел вверх, в небо, и его с малолетства тянуло в высоту...

Где простор...

Где парят орлы...

Мальчишка, зараженный страстью покорить просторы, искал себя. Сначала хотел объять море и поступал

---

¹ Военный аэродром в Воронеже.

² Видео: Боташев Канамат / летчик — Герой России / генерал-майор Игорь Сулим.

в Нахимовское училище в Севастополе. Не поступил, оказался в Астрахани в мореходке. Учился, но вскоре мечты о морских далях сменились мечтами о небесных, и он заканчивает Ейское авиационное училище летчиков.

Это училище носило имя летчика-космонавта Владимира Комарова.

С Боташевым на службе до командировки на Донбасс случилось, как случилось с Владимиром Комаровым.

К.Х. Боташев

Вспомнилось, как погиб космонавт, дважды Герой Советского Союза Владимир Комаров, впервые участвовавший в групповом полете в космос: стропы парашюта скрутились, и капсула с космонавтом на скорости врезалась в землю. Можно говорить, техника подвела.

Возможно, такое же произошло и с Канаматом Боташевым, который совершал полет и, когда самолет стал в «колокол», не удержал его, и тот завалился... Боташев со вторым пилотом катапультировались, а самолет разбился¹.

Может, и здесь техника подкачала, как и у Комарова.

¹ 28 июня 2012 года в Прионежском районе Карелии генерал-майор Боташев выполнял полет на разведку погоды на самолете Су-27УБ на аэродроме Бесовец в составе экипажа с командиром полка полковником Евгением Олейником. При выполнении не запланированного полетным заданием фигуры пилотажа «колокол» самолет перешел в «перевернутый штопор», из которого экипаж вывести его не смог. Экипаж катапультировался на высоте около 500 м и остался жив, самолет упал в районе аэродрома.

Но известно: генерала за гибель самолета уволили и отдали под суд.

Нашел в Интернете видео с заседания Петрозаводского гарнизонного суда, в котором меня поразили слова генерала:

— Мне защитник не нужен. Я буду защищаться сам...

Гордый ответ.

Другой военачальник нанял бы десяток адвокатов, чтобы выгородить себя.

Не прятался за чужие спины.

Его последнее слово:

— После аварии самолета, еще до привлечения меня в качестве обвиняемого по уголовному делу, я сам подал рапорт о досрочном увольнении меня с военной службы по несоблюдению контракта с моей стороны, хотя всю свою сознательную жизнь я отдал военной авиации, летной работе и другого себе не представлял... Вся вина за происшедшую аварию лежит на мне. Я это осознавал и не желал, чтобы кто-то еще был привлечен к уголовной ответственности...¹

Другие лица, причастные к его неудачному полету, скамью подсудимых миновали. Генерал никого не подставил.

Его в 2013 году осудили.

На такие поступки не способны летные генералы, которые командовали летчиками и не покидали свои кабинеты, а в случае военных действий они ничего бы, кроме неприятностей, армии не принесли.

2

Курсант

Я выяснял все, что касалось этого незаурядного генерала. Уже одно то, что я тысячи раз по пути на дачу про-

---

¹ <https://kinobaza24.ru/biography/botashhev-kanamat-huseevich-biografiya.html>

ходил, проезжал на велосипеде начало взлетной полосы аэродрома Балтимор, где командовал генерал Боташев, летчики которого взлетали надо мной и садились, а я задираю голову и махал им рукой до той поры, пока самолет не скрывался, не давало мне покоя. Не давали покоя вертолетчики, которые парой барражировали над моей дачей, вовсе не отрывая от садовых дел, а, наоборот, радуя, что у нас есть и здравствует своя авиация.

Эта авиация летала надо мной в 1980-е, когда воевала в Афганистане. В 1990—2000-е — в Чечне, в 2010-е — в Сирии и теперь, в 2020-е — на Украине.

В Интернете нашел интервью с Боташевым в 2017 году¹. В нем генерал рассказывал, что не сразу судьба привела его в военное училище. Думается, романтика моря, которой тоже жил мальчуган из горного ущелья, только подчеркивает его незаурядность. Он, как и все в молодости, хотел объять весь мир с его океанами и материками, и, пойдя он по флотской линии, мы бы узнали в будущем и о ярком капитане — покорителе морей.

Учеба в Ейском авиационном училище летчиков давалась нелегко. Детские воспоминания о парящих в небе орлах воплощались в жизнь упорным трудом, и, думается, он не раз представлял, как пролетит над родным аулом и помашет крыльями самолета. А пока летал на учебных Л-39. Осваивал разве что настойчивым ребятам посильные аэродинамику и теорию реактивных двигателей, тренажеры и самолетовождение. Его все чаще видели с моделью самолета в руке, когда он, выполняя «пеший полётному», до автоматизма отработывал навыки пилотирования. И все ближе приближался к мечте, когда выпустится из училища и сядет за штурвал самого современного самолета.

¹ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

3

7000-я база

Меня волновало: как Боташев служил?

И об этом услышал от замполита генерала Боташева полковника Евгения Борисовича Уткина.

— Вы сами из каких краев?

— Я из Екатеринбурга, — заговорил Уткин с хрипотцой.

— Как привело в армию?..

— Все же просто. Окончил школу. Сразу поступил в Харьковское высшее авиационное училище. Закончил. Потом в Борисоглебске — центр переучивания. Это были 1992—1994 годы. И аэродром Багай-Барановка в Саратовской области. Рядом станция Сенная. Потом уехал на восток. Возжаевка до 2006 года. Оттуда в академию. И через Шаталово в Воронеж.

— И как вас судьба свела с Боташевым?

— В Шаталове я после академии был назначен замполитом полка. Год прослужили, и было принято решение о реорганизации Вооруженных сил.

Сердюковские реформы.

Уткин:

— И о создании 7000-й базы. Мне предложили в 7000-ю базу замполитом перейти. С повышением. И командиром был назначен Канагат Хусеевич. Так вот мы свелись. Судьба свела. И начали вместе работать-служить.

— Вот вы приехали. Он уже был назначен? Он вас принимал или вы его?

— Он уже на месте был. Там же была ситуация какая? Нужно было закончить ликвидационные мероприятия в Шаталове в полку. Был у нас зам по летной. А сюда шел на начальника отдела боевой подготовки. Вот мы какое-то время еще были с ним в Шаталове, занимались этими мероприятиями. По сути дела, с ноября 2009 года мы уже были здесь.

— Вы — Уткин, славянин, — подчеркнул я фамилию. — А тут Боташев — Кавказ.

Евгений Борисович рассмеялся:

— Ничего страшного. Он же военный человек. Он все прекрасно знает. Национальность не особо играет роли. Он же хорошо ориентирован. Тем более — генерал, и как командир — очень добротный командир. Он решал задачи, которые надо. И личный состав готовил к войне.

«А не ногу выше головы на параде задирать», — вспомнил я одного генерала.

Уткин:

— Он не был, как сказать, буквоедом. Он даже был, что я заметил, очень гостеприимный. Общительный человек. Это их, кавказское, наверно. Тоже корни оттуда. Был в этом плане внимательный. Он отслеживал дни рождения у всех, в том числе и за периметром. Не только в воинской части. Даже если где-то я ему забывал напомнить, он сам об этом вспоминал. То есть в этом плане, как он встретил нас, нормально. По-рабочему.

— Он уже генералом был?

— Да, генерал-майором. Это уровень как бы дивизионный. Он был комдивом, причем комдивом дивизии, которая в конце концов разрослась до двадцати пяти частей. Ну, это и центры управления, и авиационная коммандатура, и авиационные группы, они так назывались, хотя по сути это авиационные полки, то есть двадцать пять частей.

— Справься со всем этим!

— Они потихонечку нарастали. Работы было очень много. В том плане хорошо, когда структура создана. Человек туда приходит, отлажена система управления. А тут в самом начале проходили ликвидационные мероприятия частей, которые вошли в состав 7000-й базы. Потом, только все устаканилось, начинается присоединение одной части, присоединение другой, присоединение третьей части.

А если она присоединяется, то определенная работа должна проводиться и по приему имущества, и по организации управления, и новые люди — командиры этих частей. И это на протяжении нашей службы

— Непочатый край дел.

Уткин:

— Конечно. Самое что интересное, особенность этой 7000-й базы в чем? В Воронеже, по сути дела, — полк, он даже не выделялся как там авиационная группа, и мы здесь были в двух лицах. Он выполнял функции и командира полка — фактически авиационной группы как бы, организовывал полеты и все. Ну, штат был чуточку расширен относительно полкового здесь, в Воронеже. И все. И приходилось выполнять обязанности и как командира полка, и как командира дивизии. Ну, естественно, всем остальным должностным лицам также. У меня здесь, в Воронеже, замполита полка как бы и не было. Я в двух лицах был. У зама по тылу — такая же история. По всем направлениям, по

Генерал Боташев на аэродроме

сути дела, штатом полка руководили вот таким большим механизмом.

— Двойная нагрузка.

— Если не тройная...

— Тогда Балтимор строился? Я ведь через него ходил на дачу. Она у меня с другой стороны аэродрома...

— Нет, аэродром поставили на реконструкцию в 2013 году. Это после того, как Канамата Хусеевича уволили.

Почему, я описал выше.

Мы говорили.

— Вот вы приехали. Что, у вас квартира?.. Это тоже важный вопрос...

— Конечно. Здесь, по сути дела, ничего не было, и все жили на съемных квартирах, кто сюда приехал. И понятно, установленным порядком была компенсация поднайма. Сколько это возможно.

— А сам генерал где жил?

— У него была служебная квартира на «Процессоре» (район на левом берегу в Воронеже). И я там снимал с замом по летной. Мы с ним вместе приехали. КанаMAT Хусеевич тоже там жил, в соседнем доме.

Я прикинул: аэродром на правом берегу Воронежа. Получалось, жилье и служба — в противоположных концах города.

— Далеко же вы ездили...

— Да, но мы ездили еще на Студенческую.

Центр Воронежа, как я понял, в штаб.

— Там решали вопросы с утра. А потом, естественно, на аэродром. Там полеты с переходом на ночь. И потом ночью домой...

— А утром снова... Одним словом, нагрузка...

— Да, без передыху...

4

Он занимался всем, что связано с небом.

Радел о личном составе

— Говорят, Боташев подчиненным покоя не давал. Заставлял прыгать и прыгать с парашютом.

— В этом плане как? — отвечал Евгений Уткин. — Личный состав не проявляет особого желания прыгать с парашютом.

— Еще бы!

— Суть этой истории простая. Вид деятельности это такой, травмоопасный. И никто не хочет получить какую-то травму. В этом причина заключается. А он сам прыгал. Он занимался всем, что связано с небом. Он был летчиком по всем направлениям. По всем видам деятельности. Я, кстати, до увольнения все время прыгал. И зам по тылу. И начальник службы поисково-спасательной, парашютно-десантной, всегда говорил: «О, Евгений Борисович, хорошо, что вы есть. На прыжки приходите — и молодые лейтенанты за вами в самолет...»

— За вами тянутся...

— Меньше пытаются, так сказать, отскочить.

Личный состав держали в форме.

Я:

— Боташев — личным примером...

— Да не то что личным примером. Он просто любил, и все. Но и хотел, чтобы и все так же готовились. Я же говорю, он был таким человеком. Опять же и по полетам: ухудшение погоды, там еще чего-то. Он всегда старался, чтобы полеты продолжились. Сажал опытных инструкторов. Где-то менял плановых. От него даже фразы: «А чего, мне тоже будете говорить, что туман? Задачу надо выполнять, и давайте готовиться». В этом плане он был настоящим командиром, который болеет за дело. И он очень хорошо подготовил летный состав полка.

— Держал в нужной форме... Я знал многих, кто в 1990-е на аэродромах только, извините, «квасил». Ведь топлива не было и не летали... Получается, Боташев поднял полк.

— Да, он очень много сделал для подготовки. Он очень грамотно, вдумчиво подходил. У него в этом плане большой опыт был. Он же... Он всю жизнь радел, болел за это дело.

— А где он служил до Балтимора?

— Он после Ейского училища и на Востоке служил. Он везде служил, много мест поменял. И командиром полка он был, опыт у него огромный. А при таком отношении к делу, когда он хочет, чтобы его личный состав был лучше всего подготовлен. Ну, это не то, что лучше всего. Когда человек занимается своим любимым делом, он делает всегда качественно.

— А о строгости?.. Распускать-то...

— Он не распускал. В плане подготовки он прекрасно знал: если он идет на выполнение каких-то сложных задач, то, естественно, и все сопутствующее в плане документов должно быть отработано. Он все понимал. Он же окончил и Академию Генерального штаба. Его хватало на все.

— Вот личный состав. Один командир за сержанта борется, офицера. Другой: «Отстань...» Как он с личным составом?

— Он всех прекрасно знал. Он по мере возможности со всеми общался. Личный состав хорошо знал. Он личные дела изучал. Я своими глазами видел: приходит новый офицер — он с личным делом знакомился. По именам-отчествам всех знал. Я же говорил: дни рождения... Внимательный...

— Заботился...

— Во всяком случае, много о человеке знал. Не каждый командир знает...

— Можно о нем сказать: отец родной...

— Конечно. А к нему все относились с уважением. Во-первых, он справедливый. Когда человек справедливо наказывает, когда у него справедливые требования, на него никогда никто не обижается. Все видели его отношение к делу и к чему он стремился. А стремление с точки зрения летного состава у него было правильное: поднять уровень подготовки.

— С парашютом он прыгал. А летал?

— Много летал. И за инструктора летал. Он выдерживал большие нагрузки.

— Я помню праздник на Балтиморе. И там генерал Харчевский летал... Он потом в Липецке командовал... Генерал приземлился, спустился с самолета. У всех восторг... Харчевский и Боташев — это одна поросль?

— Одного поля ягодки... — хриплый голос Уткина помягчел. — Они и знакомы были очень хорошо...

— А ведь части в Шаталове, в Петрозаводске... Их до отвала. Одно дело — все в кулаке. А если разбросаны... Попробуй покомандуй...

Уткин:

— Командовал...

— А как он этого добивался?.. Я так понимаю, летал туда...

— Лично летал везде. И туда в командировки ездил, и там сам летал...

В частях.

Уткин:

— Мы часто ездили по командировкам в другие воинские части. Смотрели, как там дела. С частями всегда на связи были.

**Он задачу ставил и был уверен,
что она будет выполнена**

Мы говорили:

Уткин:

— Замы — это краеугольный камень. Если замы работают, то и у командира работа получается, клеится. Он руководил с помощью и заместителей, начальника штаба. У него грамотно. И у него такая была особенность: он задачу ставил и... Ну, вот по себе. Не было у него жесткого контроля. У него смысл такой, что он задачу ставил и был уверен: она будет выполнена. И этот стиль руководства подстегивал. Мы понимали, что не должны его подвести. И задача должна быть выполнена. Он интересовался ходом выполнения задачи и выражал уверенность, что она все равно будет выполнена. Выполнена в срок. У него было так.

— Доверяй, но проверяй.

Евгений Уткин:

— Было интересно в этом плане. И не то что нельзя лицом в грязь падать или мусор из избы выносить. А в том плане, что именно выполнено должно быть.

— Принципы работы...

Уткин задумался.

— Ну, как сказать. У него было разве что отношение к тем, кто долго не служил, какое-то время. Ведь были сокращения.

— Про хирургию в армии знаем.

Уткин:

— Он относился к ним настороженно, потому что опыт ему подсказывал, что человек, который долго не работал, может потом и не заработать...

Навыки летные утратил.

А когда восстановит?

Уткин:

— Но только в этом плане. А оценивал, я уже говорил, по справедливости. И прекрасно видел, что происходит.

— Как я понял, к нему личный состав тянулся. Нарушителям он спуска не давал, держал в узде, так сказать. Это же летчики, не строительные части. Хотя и там надо ухо остро держать...

— А его кругозор?

— Он ориентировался буквально вот всем. И это ему позволяло успешно решать задачи в таком сложном механизме. Он очень хорошо владел обстановкой. Задачи, какие он ставил: «Выяснить... Разобраться...» У него опора на замов была, замы у него тоже сильные. Я считаю, все складывалось нормально. Абсолютно по всем направлениям. По выполнению планов. У нас же по чему больше всего судят? По выполнению планов и поддержанию правопорядка, воинской дисциплине. Чтобы всяких этих... не было. Мы никогда не выскакивали за средний уровень по происшествиям. И прочей ерунды. Хотя нагрузка бешеная была, причем не только по Воронежу, а по всему механизму. Он переживал за это направление. Потому что на военные советы приезжаем — много всяких ЧП, а из расчета на тысячу человек их получается мало.

— Даже невзирая на то что части разбросаны...

— Да. То есть он оценку тоже проводил и самооценку. Он справедливый и прекрасно понимал, что там где-то отчитали на военном совете, а на самом деле не все так и плохо.

6

Часа по четыре спали, и это было довольно часто. Перелет двенадцати самолетов с тремя дозаправками

Уткин:

— Все замы трудились. Мы сплотились вокруг Боташева. И, конечно, очень много времени проводили на службе.

Бывало, часа по четыре спали, и это было довольно часто. За счет этого можно было решать задачи, когда постоянно на работе. И он постоянно. У нас — кабинет в кабинет. И видишь...

— У меня над дачей за Балтимором то вертолеты парой кружат, то самолеты взлетают, садятся... Жизнь кипела на аэродроме...

— Бурлила...

— А какие-нибудь экстремальные случаи?

— Экстрима и не было. Была продуманная, нормальная подготовка. Вот были учения «Восток»... И была поставлена задача по дозаправке двенадцати самолетам. Им лететь на полигон, выполнить задачу и вернуться. А это возможно было только с дозаправкой в воздухе. А таких летчиков, у которых были допуски на дозаправку, мало. Они поуходилили, и нужно было восстанавливать. Нужно было подготовить более-менее опытных молодых летчиков. И эту задачу он успешно выполнил. Тогда у нас эскадрилья двенадцать самолетов и запасные экипажи подготовлены, и двенадцать самолетов с тремя дозаправками туда ушли и точно таким же образом вернулись. Это огромная задача: подготовить в кратчайшее время. Он и липецких летчиков привлек в качестве инструкторов. Тогда были полеты, но основные усилия были направлены именно на это. И по обеспечению. Во время полетов, если выходит из строя авиационная техника, что там починишь. Перебрасывали исправные борта. Нормально, без какого-то ажиотажа были подготовлены к полетам. Одна из сложнейших летных задач даже в этих условиях — три дозаправки. Эта сама организация и в воздухе. В трех местах надо повесить «танкер», а особенность такая: вдруг дозаправка будет сорвана из-за неисправности штанги. И тогда самолет не дозаправится. И в трех местах двенадцать самолетов друг за другом дозаправились!

— Во!

— И задача была выполнена... Многие не верили в выполнение этой задачи. У Боташева был спор с одним долж-

ностным лицом на ящик коньяка, что он эту задачу выполнит. И он выполнил.

— А ящик коньяка отдал?

— Отдал...

Мы смеялись.

На душе становилось тепло.

— Вот Боташев служит. Считаю, что он достойно вел себя в Петрозаводском гарнизонном суде. Личный состав переживал за него?

Евгений Борисович:

— Еще как!..

— И после этого работал в ДОСААФ... Не мог без авиации.

— Именно не мог...

— И погиб, когда летел на самолете...

— Когда это все случилось на Донбассе, мы тяжело перенесли эту потерю. Когда его после ЧП в Петрозаводске уволили, он ведь стремился в авиацию... И, как я понимаю, старался реабилитироваться. Почему и на Донбасс поехал. Он всю жизнь готовился к этому.

— И полетел на «граче»...

— Су-25. Он на них раньше летал на Дальнем Востоке...

— Он поступил, как Ряфат Хабибуллин. Помощь запросили сирийцы, и Хабибуллин на вертолете кинулся помогать... Сделал раз заход... Долбил... Два... И после третьего его сбили...

— Он так же кинулся... И еще до этого он связывался по телефону с зампотехом и у него интересовался вопросами инженерно-авиационного обеспечения... Я так понимаю, не только летал...

— Конечно, он не мог в это дело не лезть, имея большой опыт... И совета спрашивал...

— Мы же, я вам говорил, тянули одну лямку, и он тянул ее до конца...

— Как семья танкистов в танке... Экипаж космонавтов в ракете...

— Семья...

7

Балтимор — преемник 47-го разведполка. Сто лет ВВС

— Нашел в Интернете видео: 70-летие Балтимора...

— Отмечали... Смотрите, исторически. Была директива о создании 7000-й базы. Все части, которые входили в состав 7000-й базы, должны исторические формуляры сдать, знамена сдать, а исторический формуляр, боевое знамя передавалось в 7000-ю базу от 47-го отдельного гвардейского разведывательного полка, Шаталовского¹. Это регалии Шаталовского полка. 70-летие, так как 7000-я база стала правопреемница. То есть это был юбилей 7000-й базы по 47-му полку. В соответствии с историческим формуляром. Там же было написано: создать 7000-ю базу с присвоением ей почетных наименований, орденов, ранее принадлежащих 47-му отдельному гвардейскому разведывательному авиационному полку. Соответственно исторический формуляр и боевое знамя передать 7000-й базе. В 2009 году осенью была создана база,

---

¹ 2-й авиационный полк дальней разведки Главного командования Красной Армии был развернут в начале августа 1941 года Директивой начальника Генерального штаба КА от 21.07.1941 на базе второй эскадрильи учебного авиационного полка Военно-воздушной академии командно-штурманского состава. Преобразован приказом Народного комиссара обороны СССР № 64 от 08.02.1943 в 47-й гвардейский авиационный полк дальней разведки Главного командования Красной Армии. В июле 1944 года за отличия в Минской операции полку присвоено почетное наименование Борисовский. Разведполк награжден орденами Красного Знамени и Суворова. В июле 1944 года переименован в 47-й отдельный гвардейский Краснознаменный разведывательный Борисовский ордена Суворова авиационный полк.

а 9 мая в 2010 году на параде в Воронеже 7000-я база шла со знаменем 47-го полка. Мы участвовали в наземной части, а летный состав как раз в 2010 году — уже в Москве в параде. И наши самолеты по возвращении с парада пролетали над Воронежем. И на параде 2010 года мы шли со знаменем 47-го разведполка. Еще было старое знамя, советское. Там были боевое и гвардейское знамена полка. А потом мы уже получили знамя нового образца. И вот этот юбилей был как раз по 47-му полку.

— На видео генерал Боташев проходит перед коробками полка...

— Потом, в августе 2012 года, исполнилось сто лет ВВС. Дорога на Балтимор даже перекрыта была. Пробки... Скопление людей. Мощная воздушная часть...

— Я там был и видел, что выделявали в небе огромные птахи. И летающему генералу Харчевскому руку жал...

— А накануне Боташева уволили (после крушения 28 июня 2012 года самолета). Так там еще случилась такая история. Я сделал приглашения и передал на подписание командующему Бондареву. И как раз свежи были события, случившиеся в Петрозаводске. Ну и связь с Канаматом Хусеевичем не прекращалась, мы общались. Отношения дружеские сохранились у всех, кто с ним служил и знал его лично. И его до сих пор вспоминаем...

— То есть на том импульсе, который придал базе генерал Боташев, она еще долго держалась?..

— Конечно... Опыта своего он передал много. Именно летчикам, в летной сфере, закалил хорошую волю. И знания, и умения. Хороший как инструктор был. Я об этом не понаслышке знаю. Сам со мной летал в качестве инструктора. Он и меня готовил, поэтому я знаю, какой он в кабине самолета. Он и с лейтенантами летал. Лейтенанты уже выросли, академии пооканчивали.

— И какой он в кабине самолета?

— Очень правильный. И понятно учит. Доходчиво объясняет ошибки. Видит, быстро их замечает. Суть-то простая... Давайте я закончу про приглашения.

— Да, вы послали наверх, на подпись.

— Послал, чтобы приглашения были за подписью командующего. Эти приглашения вернулись, и приглашение на Канамата Хусеевича не было подписано. Я позвонил наверх замполиту, говорю: «Одно приглашение не подписано, на Канамата Хусеевича. Наверно, командующий пропустил». Подписи ставил, а одно к другому прилипло. Он говорит: «Нет, не поставил на этом приглашении подпись». Я тогда сам расписался в этом приглашении...

— Превысили полномочия, — я засмеялся.

Полковник Уткин:

— И Канамат Хусеевич присутствовал на празднике... Многие же отвернулись от него. Я-то понимаю, что Канамат Хусеевич допустил определенные нарушения (повлекшие падение самолета), и его...

— Я поспорю с вами. Вот Ряфат Хабибуллин кинулся на помощь сирийцам. Раз зашел на вертолете, шарахнул по ним, второй раз... Но ведь по инструкциям нельзя по тому кругу идти второй раз. Тебя же могут ждать. А он — еще и на третий заход... По букве инструкции что надо делать? А он — Герой России. Его подвиг превысил все. А Роман Филиппов летел ниже пяти тысяч метров — нельзя, и его — ракетой. А он на земле какой подвиг совершил? Вся страна всколыхнулась от его слов: «Это вам за пацанов!» Тоже Герой... Видимо, недозвесили заслуги Боташева на тот момент... А что полетел. Ему летать надо... Он же должен, как летчик...

— Я вас понимаю. Мне, как и ему (Боташеву), очень часто говорили: «Наводи порядок на земле, чего ты в самолет лезешь?» А для него и для меня это убийство, когда так говорили.

— Из вас хотели штабных чинуш сделать... А вы должны быть воинами...

— Я прекрасно помню времена 7000-й базы, когда я уходил летать, и если позвонит командование, то просил говорить, что я поехал в город, в администрацию... А не в самолет залазил, чтобы лишний раз выслушать: «Почему тебя нет на связи?..» И я не объяснял, что выполнял полет...

— Вот такие и приносили урон армии, которой надо, чтобы и самолеты летали, и пушки стреляли, и в кабинетах не прозябали — звонка сверху ждали...

— У Боташева тоже была такая история. Ему изо дня в день тыкали тем, что он постоянно участвует в полетах. От него же хотели, чтобы решал все эти бумажные задачи. Он их и так решал. Но зачем привязывать одно к другому? Но он тоже должен знать личный состав, тоже должен знать летчиков. Мало ли, какую задачу им придется выполнять. И опять же он должен знать, кому из летчиков можно доверить выполнение той или иной задачи, а кому — нет. Самолет на завод отогнать. Осень. Такой период. Кого назначить? Он должен с летчиком в самолете посидеть. Мало ли, какая заварушка начнется. Он тоже должен знать личный состав. Он должен знать летные качества. Их не узнаешь, пока не посидишь с человеком в кабине. Я вот, допустим, как замполит, хотя мне это тоже говорят: «Ты чего в самолет лезешь? Сиди там и наводи порядок на земле».

— Бумаги-бумаги...

— Да, но я тоже должен знать лейтенантов. Все начинают кричать: морально-психологическое состояние знать и так далее... Подождите, лейтенант пришел, мне же надо знать, как он себя в кабине чувствует. Там же все по-другому. Теряется он в самолете, не теряется. Это тоже один из моментов...

— Над чем работать...

— Да. Боится человек летать, не боится. Сложно у него это идет, несложно. Полет — это определенная стрессовая ситуация. И мне как замполиту важно знать, как ведут себя молодые лейтенанты.

— Это обязанность...

— И я хочу закончить о столетии... Отчасти Боташев и в самолет залез, потому что был период, когда сильно настаивали, чтобы он не летал... И на этом фоне такая штука...

— Он полетел, и ЧП...

— И тут я прекрасно понимал, что, если его не пригласят на столетие, это будет для него сильная обида... Когда человек всей душой болел за это... И я тогда, никому не говоря, поставил подпись и отвез ему и лично передал...

Наверно, Боташев удивился, беря приглашение от Бондарева. Но об этом я Уткина спрашивать не стал.

Евгений Борисович:

— Приглашение — это формальность. Я прекрасно понимал, что он туда прибудет. Он бы пришел, но у него бы осталась обида...

Молодцы подчиненные, берегли Боташева.

— Мне не хотелось портить столетие генералу...

— Вот что значит жить не по бумагам...

8

Два земляка. Семья

— Скажите, Боташев с Кавказа. А он говорил о корнях?.. О дедах...

— Да нет, — отвечал Уткин. — Он особо не углублялся. Техник самолета у нас был, я заметил их хорошие отношения. Он всегда с ним за руку здоровался. Тоже из Карачаево-Черкесии... Он к нему — по-отцовски. Если что, то он его... Но не в том плане, что землячество, кореш и так далее. Наверно, у него даже мысль была, что их национальности мало, и он воспитывал, чтобы он лицом в грязь не ударил...

— Свой народ не подставил...

— Да. Может, даже больше с этой точки зрения, потому что он с ним разговаривал по делу. Здоровался, узнавал, что и как, но относился к нему по-отцовски. Чтобы тот не подводил. И тот, видя к себе такое отношение, естественно, не мог себе позволить где-то нарушить... И мне кажется, у Канамата Хусеевича мысль была: в полку два человека одной национальности всего лишь. И сам Канамат Хусеевич такой был, чтобы и полк, и дивизия — марку держать надо. Он очень переживал, когда были неприятные случаи. Он это лично переживал. Начиная от каких-нибудь ДТП до прочей ерунды. Все неприятности он воспринимал так, и, естественно, он понимал, что инженерно-технический состав тоже... За ними глаз да глаз нужен... А если и выявят непрофессионализм у техника его национальности или нарушение воинской дисциплины, его надо будет... а их всего двое, то насколько он тогда сам испачкается... Может, вот даже с этой точки зрения...

— Честь полка, честь дивизии...

— Он считал, что то, чем он руководит, должно быть лучшим.

— А семья?

— Жена, дети... Она периодически здесь бывала. Но он большую часть времени холостяковал...

— Служил...

Мне говорили добрые слова о генерале Боташеве.

9

Человек-лидер

По совету и благодаря помощи замполита Евгения Борисовича Уткина мне удалось поговорить с другим заместителем Боташева — полковником Юрием Николаевичем Космыниным.

Он рассказал:

— Вы спрашиваете, как я познакомился с Канаматом Хусеевичем. Я после сокращения был переведен на гвардейскую базу в Воронеже. Запом по технике, если простым языком. Я прибыл, представился ему в его кабинете. Потом он построил воинскую часть и перед строем представил, что вот, прибыл для выполнения обязанностей...

— И вот вы начали работать, — я продолжил разговор.

— Да, начали вместе работать.

— И что же это за работа под руководством генерала Боташева?

— Ну, Канамат Хусеевич — это лидер. И это сразу почувствовалось при знакомстве с ним, потому что он меня сориентировал, чего он хочет. Он хочет того, чтобы вся техника была подготовлена на том уровне, который мы хотим для готовности летного состава в особо сложных условиях. Он был всегда лидером во всех сложных мероприятиях. Если происходили полеты, он сам вылетал и знакомился с обстановкой. С той же метеобстановкой, если она ухудшалась. Если дальний перелет, он сам возглавлял, просчитывал. Но иногда это было очень жестко по организации. Он не шел ни на какие компромиссы. Для него главное — полеты. Вот это всегда отличало его от остальных командиров.

— Если о жесткости. Мы же знаем, как Суворов тренировал войска перед штурмом Измаила, и они потом берут крепость.

Космынин:

— Вот эта суворовская жесткость и есть у Боташева. Потому что его жесткость помогла сформировать весь летный состав для перехода на новую технику. И летный состав не ощутил никаких проблем с переучиванием на новую технику и хорошо и грамотно ее освоил. И те летчики, которых он тренировал и от которых требовал выполнения своих функциональных обязанностей, уже дошли до генераль-

ских должностей. То есть он сформировал костяк, который в последующем выполнял более сложные задачи, который поступал в академии и сейчас сам уже руководит дивизиями и армиями.

— А можно «жесткость» расшифровать?

— А вы напишите: суворовская жесткость.

— Тем же курсантам это мало что говорит. Вы же очевидец этой жесткости. Вы же не раз потели при нем. Но во имя дела потели.

— Да, потели. Видите ли, он иногда ставил выполнение задачи, может, выше даже человеческих отношений. Например, погибал экипаж, его проводили, а он уже на следующий день организовывал полеты, хотя можно было сделать день передышки, чтобы личный состав...

— Держал в напряжении. Как на той же границе: ее нельзя оставлять ни на мгновение.

Космынин:

— Очень строго. Или: проводить, да. А на следующий день выполнять задачи...

Как на фронте: простились — и снова в бой.

Космынин:

— Ни секунды, ни минуты расслабления. Все направлено только на боевую подготовку.

— Всегда начеку.

— Весь личный состав должен быть в тонусе для выполнения задач.

— А как он этого добивался? Я знал руководителя, который приказами сыпал. Знал другого генерала, который с противниками находил общий язык и на свою сторону перетягивал. А как у генерала Боташева?

— Ну, отличительная черта... — Полковник задумался. — Он говорил, что нужно сделать, и если у кого-то не получалось, показывал, как это надо делать.

— Во!

— То есть он свои указания, свои требования подкреплял своим умением и своей грамотностью. Он был до-

Генерал Боташев

статочно эрудированный человек в авиационной технике. Не задавал глупых вопросов. Всегда ставил вопрос: «Почему данный отказ произошел? Что этому способствовало? Что нужно сделать, чтобы в ближайшее время неисправную авиационную технику довести до уровня исправности и включить в производство полетов?» Вот требования его как летчика, которые отложились у меня в памяти как у инженера.

— Оттолкнись от примера. Был такой полковник Хабибуллин, который погиб в Сирии. Командир вертолетного полка. Так про него рассказывают: нужно вертолеты из Сибири пригнать — он мог бы зама послать, но сам полетел. И гнал их все.

— Я вам хочу сказать, что, когда был перелет из Воронежа на Дальний Восток двенадцатичасовой, он сам возгла-

вил группу из двенадцати самолетов и повел их на Дальний Восток. Хабибуллин и КанаMAT Хусеевич — люди одного уровня. Это — воины.

— А как Боташев с личным составом? Вы говорите, в тунусе держал. Кто-то не вытягивает, надо избавляться, кто-то вытягивает... Кому-то надо помочь... Как у него — лично, через замов...

Космынин:

— Я бы не сказал, что он все лично сам делал. Он ставил задачи людям, которые компетентны и разбираются... Я могу привести примеры. Когда у меня умирал инженер на полетах, мы похоронили его, самолеты пролетели, а Боташев на следующий день организовывал полеты. То есть не давал расслабляться. Я считал это излишним, что он не дал людям немножко отойти. Не позволил снизить темп производства полетов, потому что он был очень большой. Топлива было много, его надо было расходовать, его надо было сжигать по направлениям. Поэтому такой темп он не мог ослабить. Потому что ему главком поставил задачу: все топливо — на боевую подготовку летного состава.

— Помню, когда на том же Балтиморе вместо полетов, извините, водку пили... Топлива не было, не летали. А у вас, видите, наоборот, возможность летать дали и даже заставляли...

— Я вам хочу сказать, что я начинал еще в Советском Союзе и знаю, что такое интенсивность полетов, которая была в Советском Союзе. Знаю, что такое интенсивность полетов в учебных полках, знаю, что такое полеты при выполнении интернационального долга (в Афганистане. — *Авт.*), и развал Советского Союза застал уже в должности инженера полка. Поэтому для меня это не ново, я видел все это в сравнении. И застал тот момент, когда пошло возрождение и авиации, и российской армии из того расхлябанного состояния 1990-х до того состояния, когда в 2014—

2013 годах мы уже имели более сплоченную и грамотную армию. Это один из элементов того, что мы сейчас имеем нормальную, подготовленную армию, которая способна воевать, это благодаря Канамату.

— Вот говорят, он летающий генерал.

— Да, это летающий. Я еще раз говорю — он боец. Это те люди, как Харчевский, как Хабибуллин. Такие, как Канамат. Такие, как Николай Васильевич Гостев¹, который командует... Участники боевых действий. Но Канамат — наиболее яркая личность. Многогранная...

Чем больше говорили о генерале Боташеве, тем больше ощущалась нехватка таких командиров.

Космынин:

— Наложило отпечаток и его воспитание. Все-таки кавказец. Второе, он в Астрахани учился в мореходке, но все время мечтал летать. И пошел в Ейское училище, которое готовило очень сложное направление: это истребительно-бомбардировочное. Это в одной кабине летчик должен быть и хорошим штурманом, и хорошим пилотажником. Правда, сейчас эти вещи разделяют, работают вместе со штурманом. Потому что очень большая информация. А он не побоялся и был хорошим грамотным летчиком на Су-17, Су-25. Это те люди, которые смотрят смерти в глаза.

Я читал, что Боташев летел на Су-25, когда был сбит в Луганской области из ПЗРК «Игла».

Космынин:

— Он пестовал летный состав, и для этого нужен был я и инженерный отдел — для того чтобы решать задачи. И он каждого лейтенанта доводил до такого уровня, когда тот мог решать любую поставленную задачу. Вот в чем дело. Он занимался парашютным спортом, и у меня есть кадры, когда он прыгает.

---

¹ Николай Васильевич Гостев — командующий 4-й армией ВВС и ПВО, генерал-майор (Сайт МО РФ).

Космынин мне потом прислал видео, и я увидел, как КанаMAT Хусеевич взялся рукой за край двери и спокойно шагнул в воздушное пространство.

— Можно сказать, — я подыскивал сравнения, — что он — пример любому летчику, офицеру...

— Тут нужно более высокое слово подобрать...

— Ориентир, — я искал слово.

— Да нет, нет. Это просто был тот человек, воплощение командира, летчика. Это была вершина, на которую лейтенанту можно равняться: есть генерал, летчик и хороший командир. То есть глыба какая-то, которая стоит, и на нее можно опереться, у нее можно почерпнуть знания, она всегда может рассказать, и ей не чужды человеческие отношения...

10

Огромное хозяйство. На Донбасс

— Все-таки огромное хозяйство. В Воронеже — Балтимор, а по стране много частей разбросано... Как он справлялся?

— Брал нас всех, и в командировки ездили вместе с ним. Хотя то, что было сделано, было просто невысказано, для того управления, которое было на уровне дивизии. Но то, что он делал, пытался создать управляемый организм... Потом это все начало потихоньку реставрироваться к тем вещам, которые были заложены при Советском Союзе. Дивизия для управления должна иметь не более трех полков для выполнения задач... Единственное, что из этого хорошее, это может быть то, что личный состав живет в нормальном городе. А выполняет свои обязанности в командировке в других гарнизонах, где нет достаточных условий для обучения детей, нет квалифицированной медицинской помощи. Это была хорошая идея, чтобы дети жили в Воронеже, а летчик в гарнизоне в командировке

был. Были хорошие идеи и не очень. Но все это должно подкрепляться материально. А когда это не подкреплено материально, то каждая даже хорошая идея переходит в утопию.

Базу все равно расформировали.

Мы говорили.

— Когда летчики докладывали о том, что метеоусловия не позволят обеспечить полноту выполнения задачи летной сменой, Боташев сам садился в самолет и взлетал и оценивал обстановку... Вот это показатель!

— Яркий показатель.

— Вот нарушитель, — допытывался я. — Он сторонник был дисциплинарных наказаний или искал другие подходы?

— Он очень редко к наказаниям прибегал. Если даже и хотел наказать, особенно когда его заставляли это делать сверху, я говорил ему так: «Если вы хотите наказать человека, то накажите меня, потому что это бессмысленно. А с меня потом взыскание снимете». Так я уходил от того, чтобы людей, которые не виновны, наказывали.

— Люди с Кавказа служили в полку?

— Да, карачаевец и еще два дагестанца. И я не видел, чтобы он как-то лоббировал их интересы. И они не были привилегированными.

— Вот начались события на Донбассе... Почему он там оказался?

— Трудно сказать, я еще раз вам повторяю: он — воин! Он понял, что именно в этот момент он должен быть там. Как он оказался там, это уже какие-то элементы поступка. А самое главное, его обостренное чувство справедливости, когда хамство не должно пройти безнаказанно.

— Мягко сказано — «хамство».

Полковник Космынин:

— А главное, что он это может, что он знает, как это делать, подвигло его туда, что он оказался там...

— И как вы с ним?

— По-человечески, я ему всегда помогал, как и на Балтиморе. Я мог зайти к нему в кабинет и сказать, что он не прав. И он выходил из себя. Даже стул летел в стену. Я ему в открытую иногда говорил, что и как. Не при всех, а в кабинете, и защищал порой же Борисовича (замполита Уткина), потому что он еще не мог так в открытую возразить Боташеву, а я мог...

— Это лидер... — летело из меня.

— Даже не лидер, а воин, за которым, как за Александром Невским, можно идти, и ты знаешь, что всегда своей спиной прикроет тебя.

— Настоящий солдат в погонах генерала.

— Да, он всегда мог встать и сказать свое мнение. Но очень колоритная личность оттого, что кавказская кровь накладывала свои отпечатки.

— А в чем колорит?

— Ну, он мог при тебе ударить стулом в стену...

— Горячий!

— Разбить его... «Твою маму», «его папу» вспомнить. Но самое главное — он борец. Он еще и борьбой занимался. Я тоже борьбой занимался и знаю, как нужно смотреть в глаза, когда ты прав. И он это чувствовал и знал. Он уважал силу. Он уважал знания. Он мог тех, кто грамотнее, загнობить, а он, наоборот, на них опирался. Многие командиры, когда видят около себя грамотных людей, стараются их убрать. Он — наоборот.

— Кавказец...

— Он мог после праздника прийти к тем же дагестанцам, вместе с ними поесть шурпу. Мог выпить водки со старшими лейтенантами и на следующий день требовать выполнения обязанностей...

Он мог...

Многое мог.

Меня радовало, что подчиненные хвалили командира, тогда как большей частью они свое начальство ругают.

11

Человечный человек (рассказ летчика-снайпера)

Тесть летчика Фетисова, о котором я пишу в книге, и тоже летчик-снайпер подполковник Уланов рассказал о Боташеве:

— Я могу судить по рассказам моих товарищей, которые служили под началом Боташева, когда он командовал 7000-й базой...

— Балтимором...

— Первая и основная характеристика: он был Летчик! Летчик с большой буквы. Это вот как Господь Бог поцеловал, и после того он летает. Когда он стал командиром и приходил любой новый самолет, он вникал в тонкости самолета, садился и летал. И летал лучше всех. Да, порой нельзя, нет разрешения командующего, каких-то допусков...

— То есть командир, который, невзирая ни на что, даже на неприятности для себя, должен знать, своими руками прочувствовать технику.

Я одобрял таких командиров, которые душой болели за дело.

— Да... Без разрешения командующего... Без теоретической подготовки... И регулярно получал за это нагоняи...

— Ас! Главное дело — авиация, а не закорючки...

Уланов:

— Следующий момент. Кто-то может сказать, что элементы вспыльчивости и несправедливости у него были.

Нет! Все совсем не так. Вникал в проблемы, и если не прав был человек, но по объективным причинам, он никогда человека не наказывал. Он был человеческий человек.

Я даже повторил:

— Человечный человек...

Уланов:

— Как и у любого командира, которые становятся командирами полка и выше, конечно, бывают некоторые разборки чисто командирские...

— А как без них?..

— Но это жизненная необходимость. И система наша, действительность, вынуждают такими быть.

— А он за личный состав стоял?

Уланов:

— Однозначно! Даже начнем с того, что он взялся за летную подготовку. Чтобы самолеты летали и летчик сидел в кабине и летал. Потом уже — за личный состав, потом уже — за службу войск и все остальное.

— Чтобы главное РА-БО-ТА-ЛО!

Летчик-снайпер Уланов:

— Приоритеты в следующем порядке: полеты, летчик и уже дальше остальная работа... Чтобы обеспечение летной подготовки было главенствующим! Чтобы самолеты летали и чтобы летчики готовились и были готовы выполнять боевую задачу!

Вот такие генералы и нужны армии, чтобы она была готова воевать!

— А скажите, вы же тоже руководитель, как ему удавалось командовать? Ведь у базы столько частей...

— Здесь наоборот. Сейчас у нас система командования выстроена таким образом, что любой командир, начиная с командира эскадрильи, далее командир полка, далее дивизии и так далее, он больше счетовод и отвечает больше «за портянки», чем за летную подготовку.

Мне понятно было обостренное чувство летчика-снайпера, который знал состояние армии не понаслышке.

Уланов:

— Боташев вот в эту сложную систему попал и находил еще возможности садиться в кабину и самостоятельно летать. Когда он стал командиром 7000-й базы, ему командующий запретил полеты, сказал: «Ты должен настраивать управление, а не полеты...»

— Наверно, для него управление — не как руководить, а чувствовать, знать весь механизм базы, и отсюда полеты... И как он, профессионал, влюбленный в свое дело, а ему — не садись в самолет... Вот пришел лейтенант — он: «А ну полетели, я посмотрю на тебя...»

— Абсолютно верно... Так оно и было. Изучал личные данные каждого летчика...

— То есть это был тот генерал, с которым не страшно в бой идти... Он и тебя знает, и все знает...

— Тут палка о двух концах: не страшно с этим командиром в бой идти. Он знал, кого он себе выбирает ведомым, который ему спину будет прикрывать.

— А он, как кавказец... Мог стулом о стенку...

— Горячая кровь! Ничего страшного. Абсолютно ничего. Вы знаете, такие люди и должны быть у нас... Давайте вернемся в историю к товарищу Сталину. Он же тоже не чисто русский...

Мы говорили, а потом от Уланова вылетело, что «ударники» — ударные самолеты, которые били укров, прошли через его руки.

— Все ударники, которые там, — мои...

— Удачи вам!!!

12

Сослуживцы

Служивший под началом Боташева Николай Грудинин рассказал:

— Я при Боташеве был замполитом батальона связи. Боташев — справедливый. Всегда выслушает. Шашкой не махал. Разберется, а потом принимает решение. Его уважали. Он пришел в 2009 году, и были оргштатные мероприятия. Сердюковская реформа: сокращения... И к Канамату Хусеевичу подходили, и он многие вопросы решал. Помогал, кто под сокращение попадал, он помогал людям... Канамат Хусеевич — Саддам Хусейнович, — мягко произнес, — старался место кому найти... Чтобы человек дослужил или уволился с должности большей... Он летчик — реально, командир дивизии летной. У него летная практика. Достаточно много летал. Несмотря на историю, случившуюся с ним, с авиацией не рвал. Он — как отец... Люди к нему, а он не отсылал... Не ходил, не строил, как некоторые... Все по справедливости. И, повторяю, хороший летчик... Отрицательных качеств не припомню...

Также служивший Леонид Докучаев мне рассказал:

— Боташев с октября 2009 по 2012 год — командир на Балтиморе. Он фанат авиации. Он в Бутурлиновку поехал полк проверять, так те, кто с ним поехал, рассказывают: замучил. Прыжки и прыжки с парашютом. Вертолет на взлет — и прыгать. Снова на взлет. Все молодые удивляются: ему 62 года, а он прыгает и прыгает. У него под 800 прыжков с парашютом... Его сверху ругали: «Ты менеджер». Балтимор создавал, а тот все — летать и летать... Отсюда поехал в Петрозаводск в подчиненную часть — там вылетел, «колокол» сделал и не удержал самолет, он завалился... Спасся с пилотом — катапультировались. Его осудили. Присудили 5 миллионов выплачивать. Потом в Санкт-Петербурге в ДОСААФ зам по авиации... На Донбассе на штатном самолете вылетел... Похоронили в Карачаево-Черкесии...

Слушал и слушал.

13

**Ориентиры
генерала Боташева**

Боташев в одном интервью сказал:

— Выбор ориентиров жизненного пути начал формироваться в начальных классах, по мере получения информации в рамках школьной программы и бытового общения (родители, родственники, друзья, люди разных национальностей и профессий), а также из прочитанной литературы: книг и журналов. Окончательное решение... было принято в 9—10-м классах — о морской службе в Военно-морском или торговом флоте СССР¹.

Потом ориентиры сменились.

Видимо, Канагат Боташев, как и Юрий Гагарин, любил летать. Ему не сиделось в кабинете. Я вспоминал, как погиб Юрий Гагарин. Он летел с командиром полка и свалился в штопор, из которого выйти не смогли...

Так же и Боташев с командиром полка свалился...

Но катапультироваться удалось...

Говоря об особенностях службы в авиации, Боташев подмечал: «Для меня то хорошее и положительное, что было в военной авиации, многократно превосходило отрицательные стороны военной службы, которых тоже было предостаточно»².

Плюсы преобладали над минусами...

Боташев кровно стоял за армию. Он разделил свою службу на два периода: когда был исполнителем, сам летал, и когда руководил. И о втором случае он говорил:

---

¹ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

² <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

«...Наиболее сложными и ответственными были решения по выполнению несправедливых и неправильных задач и указаний высших органов управления в отношении подчиненного личного состава»¹.

Он переживал за судьбу подчиненных и конкретизировал:

«Так, в период перехода к новому облику Вооруженных сил (2009—2012 гг.) массово увольняли подготовленных специалистов, в том числе летный состав, с нарушением их социальных гарантий и снижением уровня боеспособности, в частности, авиационных соединений и частей. Кроме того, изменили структуру управления, значительно сократили количество авиации, военных аэродромов на важных направлениях, что противоречило требованиям военной науки, прекратили набор в военные училища, многих офицеров перевели на сержантские должности. Принимая участие в выполнении этих мероприятий, мне приходилось переступать через многие принципы. Хотя позднее многие ошибочные решения были пересмотрены, сделанного уже не вернуть...»²

Мне напоминать не надо было о сокращении летного состава, о разгоне летных (да и других) частей, училищ, что потом приходилось наверстывать. Армия хлебнула с лихвой, и вместе с ней хлебнул генерал Боташев.

Министр обороны Шойгу только несколько лет назад заявил о восстановлении летного состава в армии.

Боташев давал рекомендации тем, кто собирался служить в армии:

«Знать прошлое, опираться на настоящее, смотреть в будущее и не останавливаться в развитии — без движения самолет падает с неба»³.

---

¹ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

² <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

³ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

Боташев говорил:

«Советы или установки, которыми руководствуется человек в своей жизни, формируются им самим в процессе воспитания в семье, в школе, общении с другими... А прямыми советами типа “не высовывайся, будь в середке, береги себя, зачем тебе это надо” и т.п. я не руководствовался, за исключением, если они давались в виде приказа или запрета на что-то конкретное».

Боташев высоко отзывался о своих командирах-наставниках:

«В военной службе мне очень повезло с моими непосредственными командирами, которые обладали высоким уровнем интеллекта, профессионализма и мастерства в своем деле, а также человеческими качествами. При этом были и строгий, справедливый спрос за плохой результат, и воздаяние за хорошо выполненную работу. Поэтому не было условий для морального и физического переламывания личности»¹.

Боташев старался, чтобы молодым офицерам попались такие же добротные наставники.

О значимых для себя решениях Боташев говорил: «...Они, конечно, были. Когда развалили СССР, решил продолжить службу в ВВС России. Это когда в авиационной катастрофе погиб командир полка Александр Дроздецкий² — поменял решение и продолжил службу. Это когда совершил аварию на СУ-27уб — вынужден завершить военную службу»³.

Давая это интервью в 2017 году, он еще не знал о последнем своем решении: поехать спасать людей на Донбасс.

¹ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

² РИА «Новости» 05.06.2008. Из сообщения СМИ усматривается, что в Псковской области разбился самолет Су-24, находящийся в нем командир полка Александр Дроздецкий погиб.

³ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

14

Напутствия генерала

Вот какими выводами по жизни он поделился в 2017 году¹:

«Определить жизненные ориентиры и наметить цели на весь период жизни, корректируя их по необходимости».

Его цель — защита Родины.

И он их корректировал...

Как только началось на Донбассе, кинулся спасать людей...

«Постоянно оценивать все аспекты (факторы) жизненной деятельности для формирования своего (и только своего) мнения о текущей обстановке и прогноза хода событий в будущем».

Он как летчик постоянно оценивал и формировал свое мнение.

И, повторюсь, по зову сердца уехал добровольцем на Донбасс.

«Стремиться повышать уровень своего мировоззрения, попытаться понять общий ход различных вещей в их взаимосвязи и представить (сложить) целостную картину».

Военачальник... Как жаль, что его отлучили от армии. Но он все равно в нее вернулся добровольцем.

«Не замыкаться в узком кругу только интересов семьи, города, республики, корпорации, страны, а подниматься до глобального уровня происходящего в мире».

---

¹ <http://www.religion.elbrusoid.org/articles/military/485427/>

Взгляд от мощи гор...

«Принимая решение, понять, кого оно коснется, и справедливо ли оно».

Справедлив. С его уходом справедливости в мире стало меньше...

«Не останавливаться, идти вперед, пусть даже зигзагами».

Идти и не сломаться...

Его рассуждения о воинской службе стоили многого...

15

Прощание. Память

СМИ передавали:

«2 июня 2022 года тело Боташева доставили в Карачаево-Черкесию на вертолете Ми-8, после чего на центральной площади Карачаевска состоялся траурный митинг с последующими похоронами».

В своем интервью в 2017 году Боташев на вопрос: «Что для вас малая родина?» — ответил: «То место, где родился, провел детство, откуда отбыл (в жизнь)... Это место, куда надо вернуться».

Он и вернулся в родную Карачаево-Черкесию...

На траурном митинге в центре Карачаевска при большом стечении народа прозвучало:

— Сегодня мы прощаемся с настоящим офицером, достойным сыном своей страны и малой родины, который погиб как герой во время специальной военной операции

на территории Украины. К сожалению, спустя 77 лет после Великой Победы мы продолжаем борьбу с фашизмом и нацизмом... Защищаем наши ценности за пределами России, где живут потомки победителей... Канамат Хусеевич Боташев погиб, выполняя свой воинский и гражданский долг... Как и все наши бойцы, он защищал интересы России и своего народа, который будет хранить память о своих героях... Сегодня горе родных и близких Канамата Хусеевича разделяют все жители нашей многонациональной Карачаево-Черкесии... Крепости духа, силы и мужества вам в это тяжелое для вас время...

На Балтиморе переживали.

Замполит Уткин:

— У меня мама, которая его ни разу не видела, но о его жизни осведомлена. Мы же разговаривали. Узнав о гибели Канамата Хусеевича, она неделю плакала... И меня волнует: почему мы поздно прозреваем? Он же сколько мог сделать хорошего...

— Этого уже не вернешь...

Время шло, а память о сыне Карачаево-Черкесии находила отклики в сердцах россиян.

Когда мы говорили с Уткиным, у меня вырвалось:

— В Карачаево-Черкесии молодцы... Как простились... Потом его именем назвали площадь.

16 июня 2022 года депутаты городской думы Карачаевска проголосовали за присвоение центральной площади Карачаевска имени генерала Канамата Боташева.

25 июня 2022 года Малокарачаевскому районному Дворцу спорта присвоено имя Героя России Канамата Боташева¹.

---

¹ 25 июня 2022 года. Новости Карачаево-Черкесии.

29 июля 2022 года в Карачаевске решением собрания членов региональной организации «Офицеры России» ей присвоили имя генерала Канамата Боташева¹.

19 августа 2022 года газета «Гатчинская правда» написала:

«Сегодня в Гатчинском районе на аэродроме Сиворицы был торжественно, со всеми воинскими почестями, открыт памятник генерал-майору Канамату Боташеву, погибшему в ходе спецоперации на Донбассе... В марте летчик добровольцем ушел на Донбасс и погиб, выполняя боевую задачу... Канамат Боташев окончил Ейское высшее военное авиационное училище, летал на самолетах Су-24, командовал эскадрильей, полком. Дослужился до генерал-майора...

Развивал авиационное движение в Ленинградской области, поэтому памятник решили установить на аэродроме у села Никольское Гатчинского района. Имя Канамата Боташева также присвоено аэроклубу Сиворицы...»²

Разговаривая с замполитом Боташева Уткиным, я спросил:

— А в части на Балтиморе как-то помнят Боташева?

Тот ответил:

— Конечно... Я вот заезжал недавно в полк. Отдал диск с фотографиями. Архивные, Боташев присутствует... И в полку они висят... Даже в летной столовой... Пovyбирали душевные...

Думаю, в полку со временем появится и мемориальная доска.

Ушел генерал, а его дело — служить и защищать свою Отчизну — продолжается.

10 сентября 2022 года

¹ Видео «Офицеров России» имени Канамата Боташева.

² <https://gtm-pravda.ru/2022/08/19/pamjati-general-mayora-kanamata-botasheva.html>

ВЫРАЖАЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

заведующему кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета, доктору филологических наук Геннадию Филипповичу Ковалеву;

заместителю начальника авиационного факультета Краснодарского летного училища полковнику Андрею Анатольевичу Гришкову;

начальнику кафедры Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина полковнику Юрию Федоровичу Семоненко;

военному комиссару города Борисоглебска, Борисоглебского и Грибановского районов Воронежской области Эдуарду Александровичу Румынину;

начальнику отдела указанного выше военкомата Светлане Владимировне Ципиной;

директору Борисоглебского историко-художественного музея Юрию Александровичу Апалькову;

заместителю директора указанного выше музея Ольге Васильевне Загребинной;

заместителю директора школы № 5 Борисоглебска Ольге Валерьевне Артамоновой;

майору Леониду Алексеевичу Докучаеву;

предпринимателю Виктору Александровичу Алексееву и всем, кто откликнулся и помогал в написании этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
МАЙОР ВАКУЛИН	7
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КРЫНИН.....	31
ПРАПОРЩИК МИХАЙЛОВ	132
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ФЕТИСОВ.....	166
МАЙОР ВОЛЫНЕЦ	212
МАЙОР КАЛМЫКОВ	236
СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ХМЕЛЕВ	246
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КУЗНЕЦОВ.....	268
ПРАПОРЩИК МИТРОФАНОВ	300
РЯДОВОЙ ВОЯЖИС.....	328
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ НЕНАХОВ.....	354
МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЕВСЕНКО.....	375
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БОТАШЕВ.....	389

Научно-популярное издание

Битва за Новороссию

Фёдоров Михаил Иванович

**ГЕРОИ СВО.
СИМВОЛЫ РОССИЙСКОГО МУЖЕСТВА**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Т.А. Калинина*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6,

помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 09.11.2022. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Печ. л. 13,5.

Тираж 800 экз. Заказ